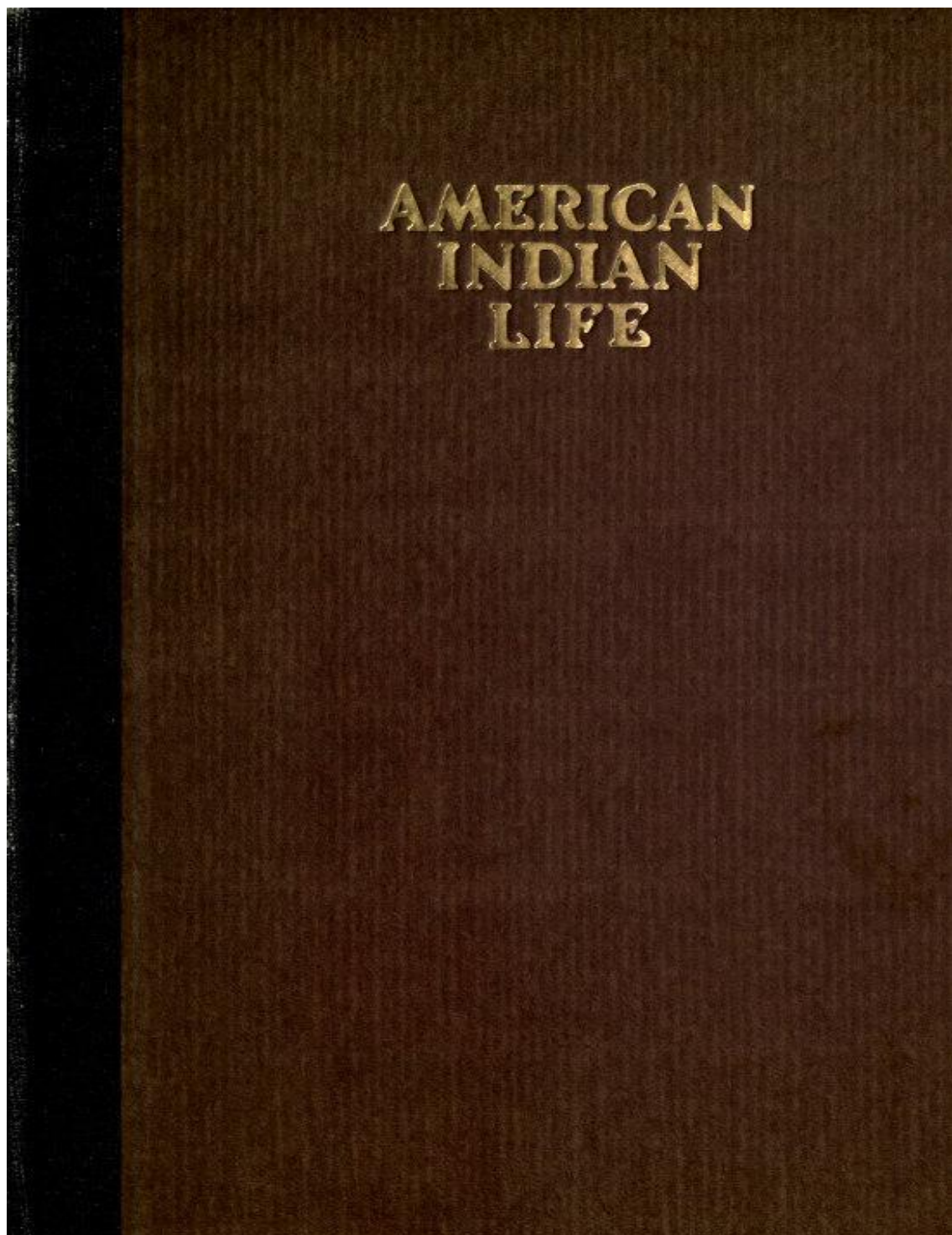

Жизнь американских индейцев
Элси Уортингтон Ключ Парсонс, К. Грант Ла Фарж

Содержание

[ЖИЗНЬ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[Предисловие](#)

[Введение](#)

[Такес-те-пайп, воин из племени кроу](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[V](#)

[VI](#)

[Рассказ женщины-ворона](#)

[Суд над шаманами](#)

[Курящая звезда, шаман из племени черноногих](#)

[Маленький волк присоединяется к шаманскому домику](#)

[I В ХАТКЕ МАСТЕРА](#)

[II НАСТАВЛЕНИЕ](#)

[III ИНИЦИАЦИЯ](#)

[Грозовая туча, шаман из племени виннебаго, рассказывает и молится](#)

[Как следует воспитывать детей мескwaки](#)

[в стране монтанье](#)

[Висящий цветок, ирокез](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[V](#)

[VI](#)

[VII](#)

[VIII](#)

[IX](#)

[X](#)

[XI](#)

XII

Громовая сила грохочущих крыльев

Токулки из Талсы

Стройная дева апачей

Когда Джон-ювелир заболел[4]

Вайяутица из Зуни, Нью-Мексико

Картинки Зуни

Дни Хавасупаи

I

II

III

Земной язык, мохаве

Главный певец тепекано

Дублер Тескатлипоки

Как Холон Чан стал истинным мужчиной своего народа

Тольтекский архитектор Чичен-Ицы

Викси из народа Шеллмаунд

НА ПЛЯЖЕ

ЗА ЗАВТРАКОМ

ДРЕЙК ПРОХОДИТ

В СОВЕТСКОМ ДОМАШНЕМ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Все проблемы вдоль реки Кламат

Саячапис, торговец из племени нутка

Вингидо, история чипевян

I

II

III

IV

Крики за лосося, женщина из племени тена

Эскимосская зима

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАМЕТКИ О РАЗЛИЧНЫХ ПЛЕМЕНАХ[19]

Кроу

Черноногие

[Меномини](#)

[Виннебаго](#)

[Мескваки](#)

[Монтанье](#)

[Ирокезы](#)

[Ленапе или индейцы Делавэр](#)

[Крики](#)

[Апачи](#)

[Навахо](#)

[Индейцы зуни](#)

[Хавасупаи](#)

[Мохаве](#)

[Тепеканос](#)

[Ацтеки](#)

[Майя](#)

[Народ Шеллмаунд](#)

[Юрок](#)

[Нутка](#)

[Чипевяны](#)

[Тен'а](#)

[Эскимосы](#)

[ПРИМЕЧАНИЯ ИЛЛЮСТРАТОРА](#)

[«Берет трубку», воин из племени кроу](#)

[Курящая звезда, шаман из племени черноногих](#)

[Маленький волк присоединяется к Медицинскому домику](#)

[Грозовая туча, шаман из племени виннебаго, рассказывает и молится](#)

[Как следует воспитывать детей мескваки](#)

[В стране монтанье](#)

[Висячий цветок, ирокез](#)

[Громовая сила Грохочущих крыльев](#)

[Токулки из Талсы](#)

[Стройная дева из племени апачей](#)

[Когда Джон-ювелир заболел](#)

[Вайаутица из Зуни, Нью-Мексико](#)

[Фотографии Зуни](#)

[Дни Хавасупаи](#)

[Земляной язык, мохаве](#)

[Главный певец телекано](#)

[Дублер Тескатлипоки](#)

[Как Холон Чан стал настоящим мужчиной своего народа](#)

[Тольтекский архитектор Чичен-Ицы](#)

[Викси из народа Шеллмаунд](#)

[Все проблемы вдоль реки Кламат](#)

[Саячапис, торговец из племени нутка](#)

[Крики-за-лосось, женщина из племени тена](#)

[Эскимосская зима](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга Проекта Гутенберга о жизни американских индейцев

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Жизнь американских индейцев

Редактор: Элси Уортингтон Ключ Парсонс

Иллюстратор: К. Грант Ла Фарж

Дата выпуска: 22 июля 2019 г. [электронная книга № 59968]

Язык: английский

Благодарности: Произведено Тургутом Динцером, Робертом Тонсингом и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK «ЖИЗНЬ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ» ***

ЖИЗНЬ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

РЕДАКТИРОВАНО ЭЛСИ КЛЮС ПАРСОНС

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ЭЛСИ КЛЮС ПАРСОНС

ИЛЛЮСТРАЦИИ К. ГРАНТА ЛА ФАРЖА

НЬЮ-ЙОРК

Б. В. ХЮБШ, ИНК.

МСМХХІІ

АВТОРСКИЕ ПРАВА, 1922, ПРИНАДЛЕЖАТ В. W. HUEBSCH, INC.

ПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
ПРЕДИСЛОВИЕ	1
ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Автор: А. Л. Кробер, профессор антропологии Калифорнийского университета</i>	
ПЛОЩАДНЫЕ ПЛЕМЕНА:	
ТАКЕС-ЗЕ-ПАЙП, ВОИН ИЗ ПЛЕМЕНИ КРОУ	17
<i>Роберт Х. Лоуи, доцент кафедры антропологии Калифорнийского университета</i>	
РАССКАЗ ЖЕНЩИНЫ ИЗ ПЛЕМЕНИ КРОУ	35
<i>Роберт Х. Лоуи, доцент кафедры антропологии Калифорнийского университета</i>	
СУД НАД ШАМАНАМИ	41
<i>Роберт Х. Лоуи, доцент кафедры антропологии Калифорнийского университета</i>	
КУРЯЩАЯ ЗВЕЗДА, ШАМАН ИЗ ПЛЕМЕНИ ЧЕРНОНОГИХ	45
<i>Кларк Висслер, куратор антропологии, Американский музей естественной истории</i>	
ПЛЕМЕНА СРЕДНЕГО ЗАПАДА:	
МАЛЕНЬКИЙ ВОЛК ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К МЕДИЦИНСКОМУ ДОМИКУ	63
<i>Алансон Скиннер, помощник куратора, Общественный музей, Милуоки</i>	
ГРОЗОВОЕ ОБЛАКО, ШАМАН ПЛЕМЕНИ ВИННЕБАГО, РАССКАЗЫВАЕТ И МОЛИТСЯ	75
<i>Пол Радин, бывший сотрудник кафедры антропологии Калифорнийского университета</i>	
КАК СЛЕДУЕТ ВОСПИТЫВАТЬ ДЕТЕЙ ПЛЕМЕНИ МЕСКВАКИ	81
<i>Трумэн Микельсон, этнолог, Бюро американской этнологии, Смитсоновский</i>	

ВОСТОЧНЫЕ ПЛЕМЕНА:

[В СТРАНЕ МОНТАНЬЕ](#) 87

Фрэнк Г. Спек, профессор антропологии, Пенсильванский университет

[Висящий цветок, ирокезы](#) 99

Александр А. Голденвейзер, преподаватель антропологии, Новая школа социальных исследований

[Громовая сила Грохочущих Крыльев](#) 107

М. Р. Харрингтон, этнолог, Музей американских индейцев, Фонд Хей

[Токулки из Талсы](#) 127

Автор: Джон Р. Суонтон, этнолог, Бюро американской этнологии, Смитсоновский институт

ПЛЕМЕНА ЮГО-ЗАПАДА:

[Стройная девушка из племени апачей](#) 147

Автор: П. Э. Годдард, куратор по этнологии, Американский музей естественной истории

[Когда Джон-ювелир заболел](#) 153

Автор: А. М. Стивен, бывший житель племен хопи и навахо

[Вайяутица из Зуни, Нью-Мексико](#) 157

Элси Ключ Парсонс, член племени хопи

[Фотографии Зуни](#) 175

Стюарт Кулин, куратор антропологии, Бруклинский институт-музей

[Дни Хавасупай](#) 179

Лесли Спир, факультет социологии, Вашингтонский университет

[Язык Земли, мохаве](#) 189

Автор: А. Л. Кробер, профессор антропологии, Калифорнийский университет

МЕКСИКАНСКИЕ ПЛЕМЕНА:

[ГЛАВНЫЙ ПЕВЕЦ ТЕПЕКАНО](#)

203

Автор: Дж. Олден Мейсон, помощник куратора по антропологии, Музей естественной истории Филда

[ДУБЛЕР ТЕСКАТЛИПОКИ](#)

237

Автор: Герберт Спинден, преподаватель антропологии, Гарвардский университет

[КАК ХОЛЛОН ЧАН СТАЛ НАСТОЯЩИМ МУЖЧИНОЙ СВОЕГО НАРОДА](#)

251

Сильванус Г. Морли, сотрудник Карнеги Института в Вашингтоне

[ТОЛЬТЕКСКИЙ АРХИТЕКТОР ЧИЧЕН-ИЦЫ](#)

265

Альфред М. Тоззер, профессор антропологии Гарвардского университета и куратор отдела археологии Центральной Америки в музее Пибоди

ПЛЕМЕНА ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ:

[ВИКСИ ИЗ НАРОДА ШЕЛЛМАУНД](#)

273

Н. К. Нельсон, заместитель куратора отдела археологии Северной Америки, Американский музей естественной истории

[ВСЕ ПРОБЛЕМЫ ВДОЛЬ РЕКИ КЛАМАТ](#)

289

Автор: Т. Т. Уотерман, этнолог, Музей американских индейцев, Фонд Хей

[САЯЧАПИС, ТОРГОВЕЦ ИЗ ПЛЕМЕНИ НУТКА](#)

297

Эдвард Сапир, руководитель отдела антропологии, Геологическая служба Канады

СЕВЕРНЫЕ ПЛЕМЕНА АТАБАСКАН:

[ВИНДИГО, РАССКАЗ ЧИПЕВЯН](#)

325

Роберт Х. Лоуи, доцент кафедры антропологии Калифорнийского университета

[КРИКИ ЗА ЛОСОСЕМ, ЖЕНЩИНА ИЗ ПЛЕМЕНИ ТЕНА](#)

337

Т. Б. Рид и Элси Ключ Парсонс. Г-н Рид — студент из Аляски (тенна) в Институте Хэмптона

ЭСКИМО:

ЭСКИМОССКАЯ ЗИМА

363

Автор: Франц Боас, профессор антропологии Колумбийского университета

ПРИЛОЖЕНИЕ

381

ЗАМЕТКИ О РАЗЛИЧНЫХ ПЛЕМЕНАХ

ПРИМЕЧАНИЯ ИЛЛЮСТРАТОРА

Предисловие

«Она всегда говорит, что придет, и иногда приходит, а иногда не приходит. Когда я впервые приехала сюда, я была очень удивлена, обнаружив, что индейцы такие», — говорила жена пресвитерианского миссионера в индейском городке в Нью-Мексико, как вы легко догадались, о своих слугах.

«Где вы получили свои представления об индейцах, прежде чем приехать сюда?»

«От Фенимора Купера. Я брала его книги одну за другой в библиотеке в Нью-Канаане, штат Коннектикут, где я выросла».

В то время, когда эта жительница Новой Англии, уже перешедшая за средний возраст, была молода, было написано лишь несколько антропологических монографий об индейских племенах, но сомнительно, что такие публикации можно найти в библиотеках деревень Новой Англии даже сегодня, и более чем сомнительно, что если бы они были в библиотеках, кто-нибудь их читал; известно, что даже антропологи их не читают. Что же тогда читать девушке, которая собирается провести свою жизнь среди индейцев, или, по сути, любому, кто просто хочет узнать больше об индейцах, помимо этих сложных монографий и легенд Фенимора Купера?

Исходя из этих и других соображений, и была задумана эта книга. Идея написать о жизни индейцев для широкого читателя, конечно, не нова для антропологов. Вопреки внешнему впечатлению, антропологи не стремятся сохранять свою науку или какую-либо ее часть в тайне. Они слишком хорошо осознают, во-первых, что возможности для занятий антропологией в той или иной степени зависят от интереса общественности, и что слишком часто племенные культуры исчезали в Америке, как и в других местах, прежде чем люди проявили к ним достаточный интерес, чтобы узнать о них.

Тем не менее, цена популярности может показаться чрезмерной — не только для студента, который с неохотой тратит время и энергию, которые необходимо отнять у научной работы, но и для ученого, которого просят популяризировать свои исследования в терминах, противоречащих его чувству правды или приличия. До сих пор американские издатели, по-видимому, предлагали только обновить произведения Фенимора Купера, просто чтобы добавить к и без того переизбыточному знанию белых людей об индейцах.

В этой книге традиции белых людей об индейцах были проигнорированы. Менее очевидно, что авторы не перенесли другие традиции своей культуры в культуру, которую они описывают. Как бы мы ни старались, и нужно признать, что многие из нас не очень стараются, немногим из нас, если вообще кому-то, удастся, описывая другую культуру, избавиться от своих культурных предубеждений или привычек мышления. Большая часть нашей антропологической работы, цитируя письмо Спиндена, «является не столько точной наукой, сколько культурной чертой нас самих».

С одной стороны, мы не видим иностранную культуру в целом, обращая внимание только на те аспекты, которые нас интересуют. Обычно интересными являются те аспекты, которые заметно отличаются от нашей собственной культуры или те, в которых мы видим связи с другими иностранными культурами, которые мы изучали. Поэтому наши классифицированные данные создают впечатление, что жизнь коренных народов представляет собой непрерывный цикл, скажем, обрядов исцеления или контроля над погодой, профилактики несчастий, охоты или войны. Обычные модели поведения упускаются из виду, значение «здорового смысла» недооценивается, а соотношение знаний и

легковерности значительно занижается. Другими словами, впечатление, которое мы создаем о повседневной жизни людей, может быть весьма обманчивым, как если бы мы описывали наше собственное общество с точки зрения Рождества и 4 июля, верований о новолунии или сурках в феврале, городских улиц во время метелей и после них, забастовок и военных кораблей. К сожалению, неизбежно импрессионистический характер следующих рассказов, а также их краткость, делают их тоже подверженными вышеупомянутой критике. Об этом доктор Кробер более подробно расскажет во введении, а также поделится своим впечатлением о том, насколько нам удалось представить психологические аспекты индейской культуры.

Д-р Кробер также упомянет проблемы, связанные с культурой, проблемы исторической реконструкции, но обсуждение таких вопросов, как культурные зоны, как это сейчас принято называть, диффузия и аккультурация, не будет представлено в этой книге — это книга с иллюстрациями. Но если читатель хочет узнать, как решаются эти проблемы, ему следует обратиться к библиографическим примечаниям в приложении. Если фотографии останутся для него просто фотографиями, тем лучше; если они приведут его к проблемам, тем лучше. Антропология испытывает нехватку студентов.

Е. С. Р.

Введение

«Старая этнология, как и любая наука в своих истоках, была спекулятивной. Новая этнология является индуктивной. Пятьдесят или шестьдесят лет назад была сделана первая попытка разгадать загадку происхождения человека и подкрепить ответ фактами. Один за другим — Спенсер, Тайлор, Морган и другие — студенты разрабатывали формулу, которая казалась разумным объяснением того, как какая-то деятельность человеческой цивилизации — институциональная, религиозная или изобретательская — началась, развивалась и достигла своего нынешнего состояния; а затем они просматривали отчеты путешественников, миссионеров и жителей примитивных племен в поисках любого доказательства, подтверждающего их теорию. Таким образом, происхождение брака было правдоподобно прослежено до матриархата и первоначальной промискуитета, общества — до тотемных кланов, исторических религий — до веры в души и призраков, гончарного дела — до плетения корзин, выложенных глиной. Двадцать пять лет назад эта теория была в самом разгаре, и во многих ненаучных кругах она до сих пор пользуется популярностью и престижем.

Очевидно, что метод этих эволюционных объяснений был дедуктивным. Сначала выдвигалась интуиция, рационализация, догадка, а затем искали подтверждающие факты. Неизбежно, все противоречащие факты, как правило, игнорировались или объяснялись. Более того, поскольку доказательства приводились исключительно с учетом того, подходили ли они к рассматриваемой теории или нет, они были вырваны из своих естественных временных, пространственных и ассоциативных отношений. Это было похоже на то, как если бы высказывания одного человека на определенную тему были скомпонованы в одну цепочку без учета обстоятельств, в которых он их произнес, и без оговорок, которые он к ним приложил. Используя этот метод игнорирования *контекста*, можно было бы довольно убедительно доказать, что кайзер в душе был мирным республиканцем, Хаксли — набожным, если не совсем регулярным христианином, а Энтони Комсток — терпимой личностью. Рузвельта можно было бы изобразить либо как смелого радикала, либо как закостенелого реакционера. Именно такие противоречивые интерпретации возникли в старой этнологии (). Например, одни «авторитеты» считали, что тотемы возникли из магических обрядов, связанных с обеспечением продовольствием, другие — что они являются своего рода прозвищами, третьи — что они являются примитивным, мистическим предвосхищением самой концепции общества.

Постепенно студенты начали понимать, что такой метод может быть необходим в судах, где каждая сторона открыто отстаивает свои интересы, но в науке он приводит скорее к бурным спорам, чем к прогрессу в поисках беспристрастной истины. Так скромно зародилась новая этнология, девиз которой гласил: «Сначала все возможные факты, затем обоснованные выводы». «Все факты» означает не только все элементы, но и эти элементы в их *естественном* порядке: последовательность, в которой они происходят, их географическое отношение, степень их взаимосвязи.

Антрополог больше не сравнивает брачные обычаи со всего мира по мере их поступления. Он понимает, что брак, вероятно, является разным обрядом, поскольку он практикуется соответственно среди народов, с гражданским правительством и без него, или среди народов, которые попали под влияние мировой религии или остаются в статусе племенного обряда. Вся культура группы должна быть более или менее известна, прежде чем история и значение института могут стать понятными. Оторванный от своей культурной массы,

обычай раскрывает так же мало о своем функционировании, как орган, вырезанный из живого тела.

Не менее важными для интерпретации этнических фактов являются их географические ассоциации, их распределение. Является ли обычай или изобретение характерным для одного народа или оно распространено среди многих разных народов, занимающих непрерывную территорию? Такой вопрос может показаться тривиальным. Но ответ на него обычно имеет большое значение. Уникальная институция или институция, встречающаяся в разных, но не связанных между собой местах, при прочих равных условиях, либо имеет недавнее и независимое происхождение в каждой местности, либо является остатком обычая, который когда-то был широко распространен. Короче говоря, она представляет собой начало или конец процесса развития.

С другой стороны, когда мы обнаруживаем искусство или институт, общий для десятков или сотен племен, расположенных на карте без каких-либо промежутков между ними, было бы натяжкой предполагать, что каждое из них независимо развило это идентичное явление. Зачем предполагать сотню параллельных причин, каждая из которых действует совершенно отдельно, когда достаточно одной, учитывая тот факт, что люди подражают манерам друг друга и заимствуют знания. Мы знаем, что христианство, порох, печатный станок возникли только один раз. Даже если бы история была стерта, мы могли бы сделать такой вывод, исходя из их универсальности среди народов Европы.

Теперь это как раз ситуация, касающаяся первобытных народов. Их история была стерта — она никогда не сохранялась ни ими самими, ни их соседями. Но знание географического распространения обычая или изобретения обычно дает довольно надежное представление о его истории, а иногда и о его происхождении. Когда имеющаяся информация показывает, что кукуруза выращивалась всеми племенами от Чили и Бразилии до Аризоны и Квебека, становится очевидным, что история сельского хозяйства коренных американцев по сути своей так же единая, как история христианства или огнестрельного оружия. Это история *изобретения* только в его начале, а затем — история *распространения* и развития на протяжении более длительного периода. Когда выясняется, что керамика имеет почти точно такое же распространение среди коренных народов, как и кукуруза, становится вероятным, что это искусство тоже было изобретено только один раз; и, кроме того, вероятно, что оно было изобретено примерно в то же время, что и культивирование кукурузы, и распространилось вместе с ним.

Благодаря таким доказательствам, подкрепленным знаниями, полученными из стратификации доисторических предметов, сохранившихся в пещерах и в земле, история коренных американцев реконструируется на несколько тысяч лет назад. Общие черты этой истории выглядят примерно так.

Восемь, десять или двенадцать тысяч лет назад, одновременно с последней фазой древнего каменного века в Европе или началом там нового каменного века, человек впервые вступил в Новый Свет. Он пришел из Азии через Берингов пролив, узкую проливную полосу с островком посередине, которая, вероятно, зимой была полностью замерзшей. По расовой принадлежности он был монголоидом — не китайцем, японцем или монголом в чистом виде, а *протомонголоидом*; с прямыми волосами, средним цветом кожи, выступающей челюстью, широким носом и, вероятно, склонностью к круглой голове; короче говоря, ранним типом, из которого выросли китайцы, малайцы и индийцы, как многочисленные ветви из дерева. Эта протомонголоидная раса, должно быть, давно обосновалась в Азии. Это морально достоверно, исходя из того факта, что протонегроиды и

протоавказцы жили по крайней мере на десять-пятнадцать тысяч лет раньше, о чем свидетельствуют найденные их окаменелости, гримальдиец и кроманьонец.

Итак, где-то около 8000 года до нашей эры группы протомонголов начали проникать через легкодоступные северо-западные ворота Америки. Другие оттеснили их назад; перед ними, на юге, страна была еще более привлекательной, а жизнь — более легкой. Они размножались, стекались к тихоокеанскому побережью, пересекали Атлантический океан, входили в тропики плодородной Мексики, проникали через Панаму и постепенно захватывали Южную Америку. Отдельные группы, прибывшие на Аляску, могли принести с собой разные языки; или, если все они пришли с одним родным языком, их миграция в разные среды и долгие, долгие разлуки предоставили им широкие возможности для дифференциации на диалекты, языки и семьи. История речи в Старом Свете, охваченная записями, насчитывает чуть более трех тысяч лет, что составляет лишь треть от десяти тысяч лет, с которыми мы имеем дело в Америке. Умножьте на три разницу между английским языком двадцатого века и древним санскритом или одним из его современных представителей, таким как бенгальский, и вы получите примерно степень различий в речи, существующих между американскими языковыми семьями, такими как сиуанская и алгонкинская, ацтекская и майя.

То же самое и с расовым типом. По сути, один физический тип простирается от мыса Горн до Аляски. На первый взгляд, он сложен и разнообразен — здесь с круглыми головами, там с длинными — с короткими лицами или крючковатыми носами, высоким ростом или волнистыми волосами, в той или иной группе племен. На самом деле, может показаться, что за десять тысяч лет разнообразие климата и среды обитания могло сформировать индейцев в расовые типы, еще более отличные от тех, с которыми мы сталкиваемся; пока мы не вспомним, что они нашли два континента пустыми и никогда не подвергались смешению с белыми, черными или карликовыми расами, смешению, которое испытали многие народы восточного полушария.

Культура, которую принесли с собой первые иммигранты, была примитивной. Они держали собак, но никаких других домашних животных. Они еще не занимались сельским хозяйством и питались тем, что добывали из природы. Они знали, как плести корзины и маты; сами шили одежду и строили жилища; вероятно, имели гарпуны и, возможно, луки; разжигали огонь с помощью сверла; резали кремневыми ножами; верили в магию, духов и вечность души.

В южной Мексике и вокруг нее они процветали быстрее всего, стали наиболее многочисленными, обрели некоторое свободное время, начали организовываться в общество и развивали все более сложные культы. Они «изобрели» кукурузное земледелие и гончарное дело; архитектуру из камня; ирригацию; ткачество и выращивание хлопка; выплавку и литье меди, серебра и золота; священство, календарную систему, пиктографическое письмо, пантеон богов и жертвоприношения; и привыкли к городской жизни.

Постепенно эти достижения культуры распространялись: медленно на север, быстрее и полнее на юг, в похожую среду Колумбии и Перу. Не вся цивилизация, зародившаяся в Юкатане и Гватемале, была перенесена в Южную Америку. Например, письменность и исчисление времени так и не проникли через перешеек, и инки обходились традициями и записями на веревках. С другой стороны, южноамериканцы, также ставшие многочисленными и богатыми, добавили некоторые элементы своей собственной культуры

— сплавы бронзы, гамаки, флейты Пана, весы, хирургическое искусство трепанации черепа, идею обширной, компактно организованной империи.

Таким образом, в Перу и Мексике на протяжении тысячелетий развивались два почти параллельных центра цивилизации, возникших на одном фундаменте, но различавшихся по своей надстройке, причем мексиканская цивилизация, очевидно, была более ранней и на момент открытия немного более развитой. Перуанская цивилизация, если включить в нее цивилизации западной Колумбии и Боливии, распространилась по всему южному континенту, становясь все более слабой и упрощенной по мере удаления от своего центра.

Южномексиканский центр аналогичным образом распространил свое влияние на большую часть северного континента. Сначала его влияние распространилось на север Мексики и юго-запад США — Аризону и Нью-Мексико, где проживали скальные жители. Там оно пустило новые корни, а затем распространилось на север и восток — измененное, разбавленное, с большим количеством пропусков. Мы можем сравнить Мексику с промышленным районом, где капитал, изобретательность, ресурсы и промышленность процветают в взаимном союзе; юго-запад — с одним из его рынков сбыта, своего рода распределительным центром или центром оптовой торговли, который импортирует как для собственного потребления, так и для реэкспорта; предметами торговли в данном случае являются элементы цивилизации — изобретения, знания, искусство.

На протяжении всего этого времени это был поток идей, а не людей; культуры, а не населения. И распространение происходило всегда на север, в противоположность миграциям, начавшимся тысячи лет назад и, по-видимому, продолжавшимся даже в период распространения цивилизации на север. Это было похоже на то, что происходило в Европе полторы тысячи лет назад, когда готы, вандалы, франки и лангобарды пробивались на юг, в Римскую империю, но цивилизация Рима — письменность, образование, деньги, металлургия, архитектура, христианство, законы — распространялась против человеческого давления, пока самые отдаленные варвары Северного моря не стали в какой-то мере гуманизированы.

Таким образом, юго-запад научился у Мексики строить из камня, выращивать и ткать хлопок, орошать земли, подчиняться священникам и в некоторой степени организовывать год по календарю. Ни один из этих элементов культуры не распространился дальше. Но земледелие, основанное на выращивании кукурузы, фасоли и тыквы, гончарное дело, организация культовых обществ, деление общины на кланы, отсчет родословной только по отцовской линии, некоторая склонность к городской жизни и конфедерации городов — все это Юго-Запад также перенял от Мексики и передал своим соседям, в частности, жителям прибрежных штатов между Луизианой и Джорджией. Здесь эти институты были еще раз переработаны и, в основном, упрощены, а затем некоторые из них передались на север, сначала строителям курганов в долине Огайо, а затем ирокезам в Нью-Йорке. В свою очередь, некоторые из соседей и врагов ирокезов из племени алгонкинов только начинали быть готовыми к изучению определенных усовершенствований, когда пришли белые люди и смели их культуры в память.

Таким образом, мы имеем ряд культурных центров — Мексика, Юго-Запад, Юго-Восток, ирокезы, атлантические алгонкины — в порядке убывания уровня развития и следующих друг за другом во времени. Они составляют лестницу развития культуры и, хотя и не датированы, представляют собой реальную последовательность истории.

Одна область была проникнута юго-западом лишь нерешительно и скудно: северное побережье Тихого океана, сосредоточенное в Британской Колумбии. В этой мягкой и

богатой среде выросла коренная культура, которая в основном шла своим путем. Она не достигла высот Мексики и едва ли сравнилась с юго-западом. Керамика и сельское хозяйство не достигли ее. Но, опираясь на собственные ресурсы, она независимо развила ряд искусств и институтов, которые остальная часть Северной Америки заимствовала из Мексики: например, клановую организацию и культовые общества, зачатки календаря и ткачество. И она добавила свои собственные особенности: дощатые дома, тотемные столбы, замечательный стиль декоративного искусства, общество, основанное на богатстве. Таким образом, мы имеем небольшой, но в основном независимый культурный центр, представляющий большой интерес.

В еще меньшей степени и без такой большой свободы от южных влияний племена безлесных равнин в центре континента развивали свою небольшую цивилизацию. Она была основана на том, что они изначально получили от юго-запада и юго-востока, была перестроена на основе почти исключительной зависимости от бизонов и пережила краткий и бурный расцвет с XVII по XIX век, после того как племена равнин получили лошадей от испанцев. Здесь сформировались такие обычаи и приспособления, как вигвам, травой, круглый лагерь, война как игра с «ударами» в качестве фишек.

То же самое произошло на крайнем севере, вдоль берегов Арктики, где расселились эскимосы. Сюда почти ничего не проникло из Мексики, но суровая необходимость вынудила проявить особую изобретательность в механической сфере, и был открыт путь для влияния Азии, часть которого, возможно, распространилась за пределы эскимосов на племена северного побережья Тихого океана.

Таковы, таким образом, основные черты истории коренной американской расы и цивилизации. Это долгая и сложная история, раскрытая лишь частично. Те, кто желает узнать о ней больше, найдут необходимую информацию в книге Висслера *«Американские индейцы»*. Здесь было изложено лишь то, что необходимо для того, чтобы показать, что современная антропология является индуктивной наукой с минимальным количеством спекуляций; что она стремится к подлинно историческим реконструкциям и начинает достигать их; и что в природе ее задач лежит различение и анализ нескольких областей коренной культуры или местных типов индейцев, прежде чем приходить к выводам, основанным на их комбинациях.

Поэтому многие мелкие элементы этнических знаний приобретают значительную важность. С точки зрения обычного человека, не имеет большого значения, что фермеры зуни и юрок и нутка не женятся на сестрах своих умерших жен, а первые отказываются от этого, а вторые настаивают на этом. В лучшем случае, такие факты представляют для непрофессионала лишь интерес как бесполезные курьезы, антикварные фрагменты. Однако для специалиста они становятся надежным средством для достижения полезной цели, подобно тому, как глубокое знание расположения артерий и нервов служит хирургу.

Но, так же как точное понимание анатомии, которым обладает современная медицина, намного превосходит то, что мог бы открыть любой анатом, так и в этнологии. Ни один ум не смог бы никогда наблюдать, собирать и усваивать все необходимые культурные факты. Многие исследователи заняты этой работой, систематически занимаясь ею на протяжении двух или трех поколений. Хотя они могут время от времени оживлять свой труд научными спорами по поводу тех или иных фактов или их интерпретации, по сути своей они сотрудничают, работая совместно над большим общим делом. Иногда они делят свои интересы по темам: один специализируется на социальных обычаях, другой — на материальных искусствах, третий — на религии. Но в целом культурный контекст настолько важен, что наиболее продуктивным для каждого исследователя оказалось

стремление узнать как можно больше обо всех аспектах культуры одного племени или, в крайнем случае, двух-трех племен.

Для этого он «выходит в поле». То есть он поселяется на постоянное время или на несколько лет среди племени, в его резервации или месте обитания. Он вступает в как можно более тесные отношения с его наиболее умными или авторитетными членами. Он изучает их язык, как может, записывает его, возможно, составляет тексты, словарь или грамматику. День за днем он записывает заметки, основанные на визуальных наблюдениях или воспоминаниях лучших доступных информаторов, о промыслах, верованиях, правительстве, семейной жизни, церемониях, войнах и повседневных занятиях выбранного им народа. И ко всему этому добавляются его личные переживания и реакции. Конечным результатом является монография — объемный, подробный, часто утомительный, но фундаментальный том, издаваемый правительством или научным учреждением.

Именно из таких интенсивных исследований, как эти, и возникли истории, составляющие настоящий том, как своего рода побочный продукт. Можно сказать, что они возникли как своего рода добровольный урожай под стимулом редакционного предложения доктора Парсонса. Монографии имеют свойство довольно точно придерживаться зафиксированных объективных фактов. Психические процессы людей, чьи обычаи описываются, являются субъективными и поэтому гораздо более осторожно публикуются. В результате каждый американский антрополог, имеющий опыт полевой работы, хранит в своей памяти множество интерпретаций, множество убеждений о том, что чувствуют индейцы, почему они действуют так, а не иначе в той или иной ситуации, что происходит в их душах. Эта психология индейцев часто выражается пограничниками, миссионерами и торговцами, даже городскими жителями. Но она очень мало формулировалась теми самыми людьми, которые знают больше всего, которые посвятили большую часть своей жизни сбору интенсивной и точной информации об индейцах и их культуре.

Таким образом, в каждой из этих историй есть что-то новое, что-то вроде оригинального вклада, и они являются достоверными. Для многих из нас написание нашей истории стало сюрпризом и имело большую ценность для нас самих. Мы не осознавали, как мало мы знали о работе индейского ума в некоторых аспектах и как много — в других.

Выдуманная редактором форма представления имеет определенные преимущества. Она дает свободу в изображении или предположении мыслей и чувств индейцев, что невозможно в формальном научном отчете. Фактически, она побуждает к активному психологическому анализу, иначе рассказ был бы скучным. В то же время, описанные обычаи никогда не являются вымышленными. Каждый автор строго придерживался социальных фактов, известных ему. Он просто выбрал те, которые казались наиболее характерными, и вплет их в сюжет вокруг вымышленного индейского героя или героини. Метод напоминает исторический роман, с акцентом на истории, а не на романтике.

Есть только один важный прецедент для этого предприятия, «[Ц](#)», и он является индивидуальным, а не коллективным, и поэтому описывает только один народ, кересанских пуэбло. Это «*The Delight Makers of Bandelier*», археолог, архивист, историк и этнолог прошлого поколения; и этот роман до сих пор дает более полное и связное представление о жизни коренных пуэбло, чем любой научный том о Юго-Западе.

Таким образом, настоящая книга представляет собой картину жизни коренных американцев, во многом подобно тому, как серия биографий одного государственного деятеля, поэта или обычного гражданина из каждой страны Европы дала бы представление о цивилизации этого континента в целом. Франция и Россия, Сербия и Дания были бы представлены со своими национальными особенностями, но в совокупности это дало бы

эффект сверхнациональной культуры. То же самое и с нашими индейцами. Именно через интенсивную и особую окраску каждой племенной цивилизации наиболее правдиво, хотя и несколько косвенно, выявляются общие элементы индейской культуры.

Есть только несколько моментов, в которых к составной фотографии, созданной этими двадцатью семью рассказами, следует относиться с осторожностью, и эти диспропорции или недостатки в настоящее время неизбежны. Первый из них — религия. Книга может создать впечатление, что около шестидесяти процентов индийской жизни было связано с религией. Этот дисбаланс объясняется тем, что религия стала самым известным аспектом индийской жизни. Ритуалы и церемонии следуют точным формам, которые коренные жители могут точно воспроизвести по памяти даже спустя долгое время после того, как эти обряды перестали практиковаться. Более того, как только вы завоевали их доверие, они часто с удовольствием занимают свой ум вопросами веры и обрядов, которые оставили эмоциональный отпечаток в их юности. Социальные обычаи гораздо более пластичны, они более глубоко модифицируются в соответствии с каждой возникающей необходимостью, и поэтому их сложнее изучить и описать. Механические и промышленные искусства оставляют лишь бледные воспоминания, как только они были заброшены в пользу изделий белых людей; и воссоздать их перед глазами обычно требует очень много времени. Таким образом, благодаря молчаливой координации индейцев и этнологов, стремящихся использовать наиболее яркие проявления продуктивности, религия стала навязчивой, и некоторые излишества необходимо сбрасывать со счетов. Однако чрезмерная доля, возможно, идет на пользу. Ведь индейцы, в целом, гораздо более религиозны, чем мы, и популярное представление ошибочно игнорирует этот фактор. Рассказы в основном правдивы в том смысле, что средний индеец действительно уделял гораздо больше времени религии, чем, например, войне.

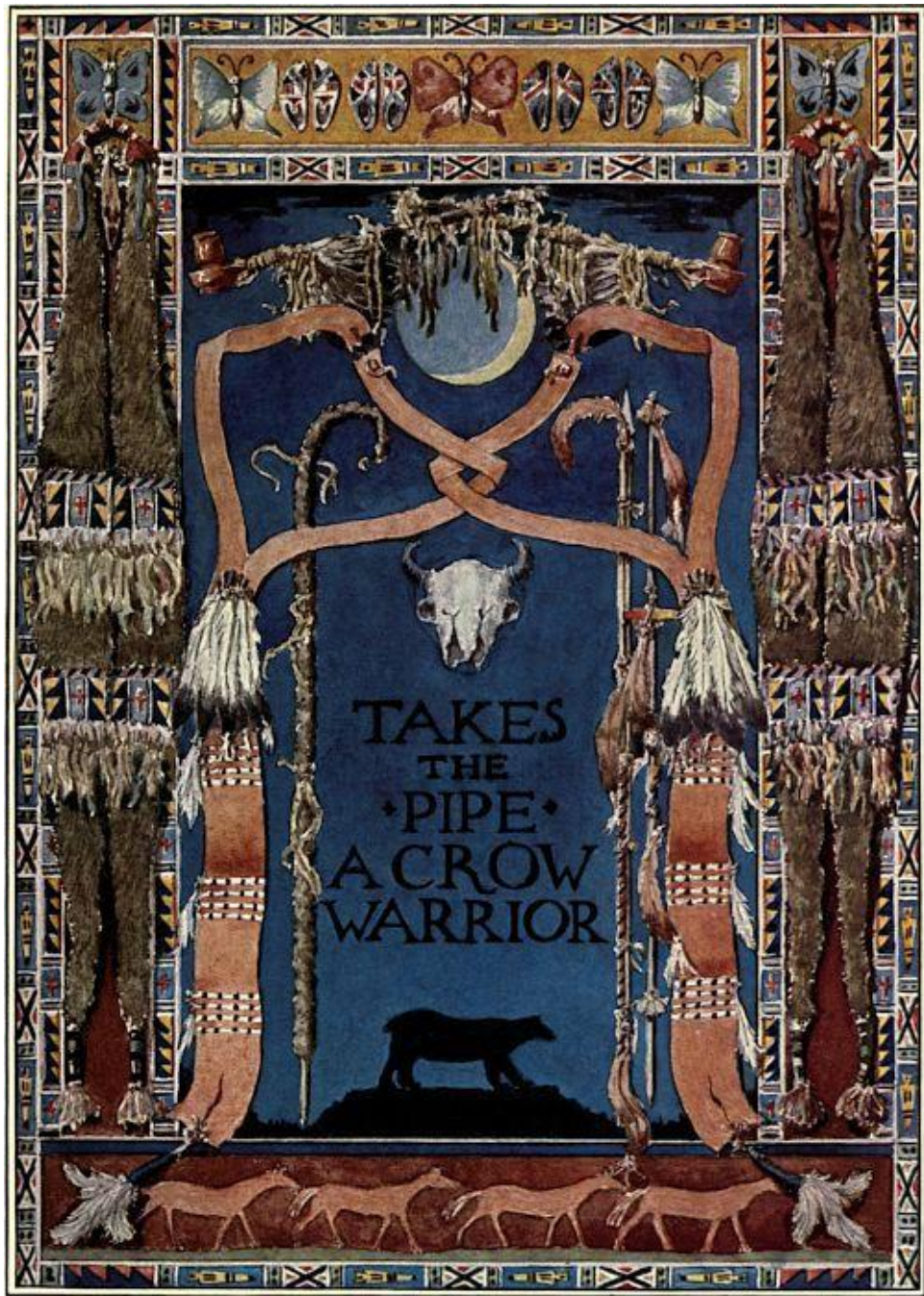
С точки зрения экономики и управления, книга недоработана. Это так, потому что этнологические знания по этим темам недостаточны. Трудно сказать, почему. Возможно, этнологи не проявили достаточного интереса или не получили достаточной подготовки. Но экономические и политические институты, несомненно, трудно изучать. Они первыми рушатся при первом же контакте с англосаксонской или испанской цивилизацией (). Поэтому им не хватает определенности церемониала, и их реконструкция на основе воспоминаний коренных жителей является чрезвычайно сложной задачей.

Что касается повседневной жизни, личных отношений, амбиций и идеалов человека, родившегося в аборигенном обществе, другими словами, социальной психологии индейца, то здесь мы добились гораздо больших успехов. Фактически, мы коллективно выявили многое, чего нет ни в одной научной монографии, многое, о чем мы даже не подозревали, что это можно сформулировать. Мне кажется, что этот элемент является наиболее ценным в книге и должен быть постоянно полезен историкам и антропологам, а также широкой публике, которая, к счастью, свободна от профессиональных ограничений. Общее представление о работе индейского ума, которое дают эти рассказы, впечатляет меня своей удивительной проницательностью и тщательной точностью.

Только в одном пункте мы потерпели полную неудачу: в вопросе юмора. Из этой книги можно сделать вывод, что юмор был фактором, отсутствующим в жизни индейцев. Ничто не может быть более ошибочным. Наше свидетельство в этом вопросе было бы единодушным. И все же мы не смогли внести этот элемент. Неудача неизбежна. Юмор неуловим, потому что его понимание предполагает чувство точной психической ситуации вовлеченного в него индивидуума, а это, в свою очередь, подразумевает глубокое знакомство с тончайшими нюансами его культурной среды. Мы могли бы включить индийские анекдоты, практические и остроумные, но они выглядели бы совершенно безжизненными, а смех над

ними звучал бы натянуто. Сам индиец, или, скажем, современник древних, может дать волю своей фантазии и передать нам что-то из своей реакции: свидетели тому Аристофан, Плавт, Гораций. Но реконструктор, если он мудр, не берется за эту задачу. Принц исторических романистов Уолтер Скотт в большинстве случаев терпит неудачу, когда пытается внести в свои романы о Средневековье юмор, характерный для его современных романов о Шотландии; и если ему что-то и удастся спасти, то только за счет замены средневекового юмора юмором своего времени. *«Гипатия»* — великолепная картина распада римской цивилизации, но как глупы и скучны ее юмористические пассажи! Великий художник в *«Таис»* и другой в *«Саламбо»* мудро избегают соблазна невозможного и, в лучшем случае, касаются границ иронии. Там, где мастера потерпели поражение или воздержались, нам, ученым, новичкам в области художественной литературы, лучше воздержаться, хотя мы все признаем как существование, так и важность юмора в индийской жизни. Поэтому читатель должен поверить нам на слово или восполнить этот элемент своим собственным различием и интуицией.

А. Л. КРОБЕР

ЖИЗНЬ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Такес-те-пайп, воин из племени кроу

I

Ржание лошадей, женщины, спешащие укрыться, выстрелы, его мать, Прекрасная Ласка, порезавшая себе ноги в знак траура — это были самые ранние воспоминания Такес-Табачной трубки. Позже он узнал, что его собственный отец, знаменитый воин из клана Свистящей воды, пал в бою, а его «отец», Глухой Бык, на самом деле был дядей по отцовской линии, который женился на вдове. Ни один настоящий отец не мог бы быть добрее Глухого Быка. Он, казалось, даже предпочитал сына своего брата своим собственным детям, всегда ласкал его и баловал лучшими кусочками.

Когда Прекрасная Ласка нуждалась в помощи, чтобы одеть шкуру или поставить палатку, ее сестры и кузины из клана Большой Губы приходили в гости, часто принося мокасины и безделушки для своего маленького соплеменника, Возьми-трубку. Одна из сестер выделялась среди остальных — это была энергичная девчонка, которая тянула Глухого быка за ухо и лила воду на его лицо, когда он днем вздремнул. Он, в свою очередь, бросал ее на землю и щекотал, пока она не начинала просить пощады. Еще одной заметной фигурой была бабушка, старая Мускусная Крыса, которая убаюкивала мальчика колыбельной: «Собака поела, она курит. Ха-ха, ху-ху! Ха-ха, ху-ху!» Каждый раз, когда она доходила до припева, она поднимала морщинистую, изуродованную руку и щелкала оставшимися пальцами по лицу ребенка.

В те дни люди постоянно путешествовали туда и обратно. То Такес-Тайп бросал камни в реку Литл-Бигхорн, то вместе с другими мальчиками гонялся за мотыльками в горах Волка. Когда он ловил мотылька, он тер его о грудь, потому что, как говорили, так можно было стать быстрым бегуном. Одной осенью горные вороны отправились к устью Йеллоустоуна, чтобы навестить своих родственников из племени Ривер. Всю зиму они провели там. Было весело кататься с горы на тобоггане из буйволиных ребер и крутить волчки на гладком льду. Каждый мальчик из племени « » пытался опрокинуть волчок соседа своим, и когда ему это удавалось, он кричал: «Я тебя выбил!» Takes-the-pipe был хорошим игроком, но однажды он пришел домой безутешный, потому что его новую прекрасную волчок украли, а в другой раз более крупный мальчик обманул его, «выбив» его из игры камнем, ловко подмененным деревянной игрушкой. Его мать утешила его, сказав: «Этот мальчик сумасшедший! Его отец из клана Bad-honors, поэтому он так себя ведет!»

Тейкс-зе-пайп был еще маленьким мальчиком, когда Деф-булл сделал ему лук и стрелы и научил его стрелять. Теперь он бегал, пуская стрелы в птиц и кроликов. Было много возможностей приобрести навыки в стрельбе из лука. Мальчики связывали пучок травы и клали его на холмик, затем все стреляли по этой мишени, и победитель забирал все стрелы своих соперников. Всякий раз, когда «Берет трубку» приносил домой пучок дротиков, его отец поощрял его, говоря: «Ты будешь как «Острый рог», который всегда сбивает буйвола с первого выстрела». А когда его сын убил своего первого кролика, Глухой бык с гордостью назвал его Скользящим бобром, известным как Свистящая вода, устроил ему королевский пир и вел его по лагерю, ведя Такеса-трубку на лошади и прославляя его успех в хвалебной песне.

Однажды весной произошло большое волнение. Запасы мяса были исчерпаны, а бизоны так и не появлялись. Разведчики были отправлены на поиски дичи, но тщетно. Наконец Острый Рог предложил приманить бизонов с помощью магии. У подножия утеса он велел людям построить загон. Он призвал Deaf-bull в качестве помощника. «Принеси мне старый

неразрушенный бизонский помет», — сказал он. Takes-the-pipe нашел его, и вместе со своим отцом принес его шаману. «Кто-то пытается заморить нас голодом; моя магия сильнее его; мы будем есть», — сказал Sharp-horn. Он разгладил землю в своей хижине и разрисовал ее следами буйволов. Он положил кусок на один из следов, а на кусок — камень в форме головы буйвола, который он носил как украшение на шее. Этот камень он смазал жиром. «Буйволы идут, прикажи людям пригнать их сюда», — сказал он.

Глухой Бык вышел и отдал приказ, полученный от Острого Рога. На возвышенности над загоном старики, женщины и дети выстроились в две расходящиеся линии на расстоянии мили или двух. Молодые люди уехали далеко, пока не увидели стадо, оказались позади него и гнали дичь между двумя линиями все ближе и ближе к склону. Они загнали их в загон. Некоторые были убиты при прыжке, другие оглушены, чтобы их можно было легко убить. Это был великий день для Takes-the-pipe. Он ехал вдвоем со своим отцом, а Глухой Бык был важной персоной. Разве он не помогал Остророгому? Кроме того, он был членом Общества Больших Собак, а Большие Собаки в тот сезон были полицией, имевшей право бить кнутом каждого мужчину, женщину или ребенка, осмелившегося не подчиниться приказам Остророгого.

После охоты мясо-стеллажи прогибались под весом буйволиных ребер, и люди восполняли прошлые лишения, наедаясь жиром и языками. Одним вечером Общество Больших Собак устроило пир и танцы, на следующий вечер — Общество Лисы, затем — Общество Комодов и так далее. Были и смешанные собрания, где доблестные воины вставали, чтобы рассказать собравшейся толпе о своих подвигах, а старики призывали неопытных молодых людей следовать примеру своих отцов, и лагерь оглашался древними песнями воинов:

Небо и земля вечны,

Люди должны умирать.

Старость — это зло,

Атакуй и умри!

В один из таких случаев Такес-пайп с гордостью слушал рассказ Глухого быка. Он мог бы стать вождем, если бы когда-нибудь вырвал ружье из рук врага в рукопашной схватке; во всех других отношениях он более чем соответствовал требованиям. Трижды он пробирался в лагерь пиган и крал лошадей, привязанных к палаткам их владельцев; шесть раз он «считал куп» врагов, касаясь их копьем или голыми руками; дважды он нес трубку и возвращался с почерневшим лицом как вождь победоносной экспедиции.

Пока Такес-пайп заворуженно слушал рассказ своего отца, он почувствовал внезапную боль. Он обернулся, чтобы ударить своего мучителя, но перед ним стоял Черри-неклас, мальчик, немного старше его. Он был сыном Скользящего Бобра, и это меняло дело, потому что Скользящий Бобр, как и Глухой Бык, был из племени Свистящей Воды, поэтому их сыновья могли позволять себе любые вольности друг с другом и пользоваться полной неприкосновенностью. В данный момент, однако, Вишневое Ожерелье было занято более важными делами, чем подшучивать над Возьми-трубку. «Сорока», — прошептал он, — «они играют в « », сорока». Оба мальчика бросились к ближайшему ручью, где около двадцати парней уже собрались вокруг большого костра. Они измазали лица углем, так что было трудно узнать соседа. «Теперь мы будем сороками», — сказали они, — «Takes-the-pipe быстро бежит, он будет вести». Они побежали обратно в лагерь. Женщины, увидев их в масках, схватили мясо с решеток и спрятали его в своих палатках. Но «Берет трубку» уже положил глаз на несколько отборных ребер, набросился на них и унес свою добычу, а за ним

последовали другие мальчишки, каждый из которых исчез с той добычей, которую смог безопасно захватить.

У костра у ручья собралась большая компания. Один из парней, вышагивая взад-вперед, как глашатай, объявил: «Тейкс-зе-пайп украл лучший кусок!» Затем ему и несколькими другим, которые добыли такие же деликатесы, было позволено выбрать себе добычу, после чего все приступили к пиру. Когда они закончили есть, самый старший парень объявил: «Мы останемся сидеть здесь. Если кто-нибудь встанет, мы натрем руки этим жиром и намажем им его тело». Так они сидели неподвижно в течение долгого времени. Наконец Вишневое ожерелье забыл об предупреждении и встал. В мгновение ока они набросились на него, как стая волков. Для Такес-та-пайпа это был прекрасный шанс отомстить за тот щипок; он обмазал лицо Вишневого ожерелья жиром. Другие последовали его примеру, и вскоре его тело блестело от жира. Он прыгнул в ручей, чтобы смыть его, но вода скатывалась с жира.

II

Люди шли вдоль Бигхорна, таща по земле длинные шесты для палаток. Несколько десятков девочек с игрушечными палатками несли их, подражая своим матерям. Такес-пайп ехал с Хаммерами, клубом для мальчиков, созданным по образцу мужских обществ. Члены клуба относились к собакам и оленям как к врагам и практиковались в подсчете купов на них. «Берет трубку», как один из смельчаков, нес один из символов организации — длинную палку с деревянной молоткообразной головкой, прикрепленной примерно в двух футах от вершины. Вдруг ему пришла в голову идея. «Молотки, — крикнул он, — давайте предложим девочкам, которые нам нравятся, сесть на наших лошадей!» Сказано — сделано. Он сам уже некоторое время присматривался к Выдре, и вскоре они поехали вдвоем.

Вечером, когда женщины лагеря разбили свои палатки, возлюбленные мальчиков-Молотков () разбили свои чуть поодаль. Они играли в семейную жизнь. Такес-Тей-Пайп пробрался в палатку своей матери, украл немного мяса, принес его к палатке Оттер и попросил ее принести еду, которую она затем приготовила для него. Другие мальчики и девочки поступали так же. Так они играли каждый день во время похода. Однажды Такес-пайп убил молодого волка и принес прядь его шерсти в лагерь молодежи. Он притворился, что это скальп врага, и поставил его на шест, а все девушки должны были танцевать вокруг него танец скальпа. Затем последовало перечисление подвигов: мальчики, которые убивали волков, могли хвастаться победами над дакотами, а те, кто трогал оленей, могли хвастаться тем, что украли привязанных лошадей.

Это было веселое путешествие. Но однажды вечером, когда Возьми-трубку хвастался своими выдуманными подвигами, на сцене внезапно появился Вишневое ожерелье и перед всеми его товарищами по играм насмеялся над ним: «Ты думаешь, что ты мужчина, потому что ты такой же высокий, как Глухой бык, — кричал он, — но ты всего лишь ребенок, который подходит для игр с маленькими девочками. Ты когда-нибудь был на тропе войны? Я ходил с Длинной лошадью и убил пиганца». Возьми-трубку опустил голову. Это было слишком правдиво. Вишневое ожерелье был не намного старше, но уже отличился и мог рассказывать о своем подвиге на любом публичном собрании. Возьми-трубку не знал, что ответить, потому что не мог ничего бросить в лицо своему «шутливому родственнику», но он решил немедленно присоединиться к военному отряду при первой же возможности.

Вскоре после этого Шинбоун объявил, что отправляется на набег на лошадей дакотов. Теперь у Курильщика трубки появился шанс. Хорошо снаряженный мокасинами, предоставленными ему женщинами его клана, он присоединился к дюжине молодых людей, отправлявшихся пешком в опасное приключение — опасное потому, что, хотя Шинбоун был

храбрым человеком, это была его первая попытка возглавить отряд, и еще предстояло выяснить, «хороша ли его магия». Они шли четыре дня. Поскольку Такес-Пайп был самым молодым в отряде, ему приходилось носить воду и дрова, и однажды утром, когда он проспал, его облили водой.

Группа осторожно продвигалась вперед. На четвертый вечер Шинбоун приказал им остановиться на небольшом холме. «Вон там находятся жилища дакотов, — сказал он, — завтра рано утром мы пойдем туда». Он взял свой священный узелок, развернул шкуру ласки, набитую оленьим волосом, и, указав на лагерь, произнес: « » (Смотрите, это лагерь дакотов). «Дакоты устали, — сказал он, — они будут спать до поздна». До рассвета он разбудил группу. Он назначил двух молодых людей разведчиками. Они вернулись. «Ну, — спросил он, — как дела?»

«Там, куда ты показал, стоят хижины дакота», — ответили они.

«Хорошо», — сказал он. Он выбрал еще четверых, чтобы выгнать всех свободных лошадей из лагеря. Они ушли. Они не успели далеко отойти, как их догнал Такес-пайп. «Что вы делаете? Возвращайтесь. Он вас не посылал».

«Я иду в лагерь, чтобы убить лошадь или совершить набег».

«Ты с ума сошел! Мы старше тебя и до сих пор не заслужили чести. Мы здесь, чтобы красть лошадей, а не совершать подвиги. Тот, кто носит нашу трубку, — новый вождь, он может быть не очень силен, и ты испортишь ему удачу. Возвращайся!»

Но хотя они угрожали избить его, «Берет трубку» не вернулся, и все пятеро подошли к лагерю. Там были хижины, расположенные по кругу. Жители, казалось, погрузились в сон. У края лагеря мирно паслось стадо лошадей. Разведчики тихо подкрались к ним и начали загонять их к остальной части своей группы. Тем временем «Возьми трубку» ориентировался в незнакомом лагере. Он искал привязанную лошадь, но ни одной не было видно. Тогда внезапно ему улыбнулась удача. Из маленькой палатки на окраине круга вышел старый человек, ковыляя с помощью посоха. «Возьми трубку» подкрался к нему сзади и нанес ему оглушительный удар. «Хеха!» — крикнул он, считая победу над поверженным врагом. Затем он бросился к своим друзьям, которые наблюдали за ним с небольшого расстояния. Пока еще не было никакой тревоги, но терять время было нельзя. Они сели на лошадей и погнали их перед собой. Когда они доехали до Шинбона, остальные члены отряда сели на лошадей. «Теперь мы будем бежать!» — сказал капитан.

Они пришли и ушли из Дакоты пешком и достаточно медленно; теперь они сели на лошадей и мчались на полной скорости, потому что знали, что вскоре враг будет у них на хвосте. Они ехали и ехали, пока не доехали до берега быстрой реки. Здесь некоторые из украденных лошадей повернули назад, но большую часть они спасли, прогнав их через ледяную воду, где сами чувствовали, что умрут от холода. В тот день и всю ночь они ехали, не останавливаясь, чтобы поесть. На следующее утро они достигли лагеря кроу, измученные и изможденные, но с шестьюдесятью лошадьми. По праву все они принадлежали Шинбоуну, но, как и подобает хорошему вождю, он был щедр к своим последователям и отдал им почти половину стада. Такес-пайп получил три лошади.

Его родители обрадовались, когда услышали о его удаче и добыче. Его мать и ее сестры сразу же приготовили великолепный пир, к которому приложили руку все женщины из племени Больной Губы. В таких случаях молодой человек должен был устроить роскошное угощение для родственников своего отца, чтобы прожить до старости. Поэтому Глухой бык пригласил всех выдающихся мужчин из племени Свистящей воды, а Возьми трубку выбрал

из них Скользящего бобра и подарил ему прекрасного гнедого коня. Затем Скользящий бобр прошел по лагерю, ведя за собой коня Возьми трубку и воспевая молодого человека.

III

Он катал обруч, а другой юноша бросал в него дротик, когда Шинбоун схватил его за руку. «Пойдем, я сделаю из тебя мужчину. Ты займешь место своего старшего брата». Такес-пайп понял, что он имел в виду: его двоюродный брат, принадлежавший к обществу Лисы, погиб в стычке с дакотами, и его товарищи искали подходящего родственника.

Теперь для Такес-пайпа началась новая жизнь. Он больше не бродил без цели и не общался со случайными товарищами. Его соплеменники теперь были его постоянными спутниками. Свободное время он проводил в шатрах видных членов общества Лисы, играя на барабане и напевая песни организации. Время от времени молодые члены общества отправлялись на прогулки в горы со своими возлюбленными. Снова начинались ухаживания, когда Лисы и их девушки отправлялись на сбор ягод или в горы, чтобы притащить в лагерь шесты для палаток. Довольно часто какой-нибудь богатый член клуба приглашал всех Лис в свои домики, где их угощали и устраивали танцы. Там же доблестные мужчины вставали, чтобы рассказать о своих подвигах. В том году «Лисы» добились хороших результатов. Шинбоун нанес первый удар в сезоне, благодаря чему его клуб опередил соперничающее общество «Лумпвуд». По правилам игры Лэмпвуды лишились права петь свои песни, и когда они танцевали, им приходилось одалживать песни у Больших Собак, подвергаясь насмешкам Лисиц. В том году Такес-ти-пайп присоединился к нескольким военным отрядам и сумел захватить оружие врага. Теперь и он вставал и рассказывал о своих военных подвигах.

Следующей весной произошли великие события. Лисы избирали новых офицеров на место прошлогодних знаменосцев. Три или четыре старейшины провели совет и теперь пришли в клубную хижину, где собрались все члены общества. Два из символов общества представляли собой прямые посохи, два — загнутые и обмотанные выдровой шкурой. Каждый из них был заострен внизу, поскольку при встрече с врагом носитель должен был воткнуть его в землю и стоять на месте, несмотря на опасность или смерть, не сдвигаясь ни на дюйм, пока кто-нибудь из товарищей не вытащит смертоносное копье. Именно поэтому офицеров называли «обреченными на смерть». Если к концу года они оставались невредимыми, то уходили в отставку со всеми почестями за выдающиеся заслуги; если погибали в бою, то их торжественно оплакивали соратники и другие члены племени; но если они не выполняли свой долг, то становились изгоями лагеря.

Не было много молодых людей, желающих взять на себя столь тяжелую обязанность. Выборщики обходили круг, предлагая трубку подходящим кандидатам, поскольку курение означало согласие. Некоторые из малодушных прятались за спинами других, чтобы не быть замеченными, и даже некоторые, которые в других случаях были достаточно смелыми, отступали. Сначала старейшины подошли к проверенным воинам. С Шинбоуном не ожидалось никаких проблем, и он, как и следовало ожидать, с готовностью согласился. Затем они подошли к Одинокой Сосне, старшему сыну Скользящего Бобра. Он тоже курил, не проявляя нежелания. Но теперь избиратели начали искать среди более молодых соплеменников, потому что они подошли к Вишневому Ожерелью. Вишневое Ожерелье не был трусом; он проявил свою храбрость не в одном сражении. Однако он очень любил весело проводить время. Примет ли он назначение с готовностью? Нет, он нервно ерзал и отказался от трубки. Вернее, он бы отказался, но Одинокая Сосна, его брат, схватил его за

волосы и силой прикоснулся его губами к трубке. Таким образом, Вишневое Ожерелье тоже было «обречено на смерть». И теперь старейшины снова обошли всех в поисках последнего офицера. Сердце Берущего трубку забилося. Что, если они спросят его? Для такого молодого человека это была бы честь, но хотел ли он умереть? Они шли прямо к нему. Ему показалось, что он слышит старую песню:

Небо и земля вечны,

Люди должны умирать.

Да, если он умрет, какая разница? Он сдастся без уговоров и не опозорит Вишневое ожерелье. Он с нетерпением схватил трубку и стал одним из носителей крючкообразного посоха.

Пока Лисы проводили свои ежегодные выборы, Лумвуды проходили через аналогичную процедуру. Через день или два из их хижины раздался вызывающий крик. Они были готовы к ежегодному разгулу, разрешенному похищению жен. В этом развлечении участвовали только Лисы и Лумвуды, другие общества были лишь зрителями. Если у Лисы когда-либо была возлюбленная из числа жен Лумпвудов, он теперь имел право похитить ее у ее законного мужа, который только сделал бы себя посмешищем, если бы высказал возражения, не говоря уже о насилии. Возьми-трубку вспомнил, что Выдра теперь замужем за Лумпвудом по имени Тянет-волка, поэтому он пошел в хижину и позвал ее. Тянет-волка была готова. Он имел репутацию очень любящего свою молодую и красивую жену, но знал, как должен вести себя ворона. Вместо того, чтобы удерживать ее, он сам сказал: «Он зовет тебя. Иди!» Такес-пайп привел ее в хижину своих родителей. Его мать и сестры подарили ей красивое платье из зубов лося, а другие женщины из племени Сор-лип со всего лагеря принесли ей мокасины и сумочки с бисером. Затем Лисы выбрали из своего числа старика, который однажды спас раненого соплеменника от верной смерти, бросившись в самую гущу сражения и унеся его на своей лошади. Этот человек, поскольку никто другой не мог рискнуть, поехал вдвоем с похищенной невестой, а все остальные Лисы торжественно шествовали позади и дразнили своих соперников поимкой такой красивой женщины из племени Лумпвуд.

IV

Шинбоун вернулся домой с военного похода с почерневшим лицом и занял место вождя. Неудивительно, говорили люди. Разве не Громовая птица усыновила его, когда он был молодым человеком и молился и жаждал откровения? Люди должны пройти через страдания, если они хотят получить сверхъестественное благословение, чтобы стать великими людьми среди своего народа. Из всех вождей Кроу только Драгс-Волк был удачлив: Луна посетила его, когда он мирно спал в своей палатке (), и даровала ему неуязвимость и победы. Другие выдающиеся воины должны были мучить свое тело, чтобы заслужить благосклонность.

Той весной глашатай объявил, что Красный Глаз собирается устроить Танец Солнца. Он потерял брата и жаждал мести. Какой способ был более верным, чем поститься и танцевать перед священной куклой, пока она не ожила и не показала ему скальпированного дакоту в знак победы и мести? Но объявление Красного Глаза было сигналом для всех амбициозных молодых людей, чтобы они одновременно запланировали публичное истязание своего тела в надежде завоевать сверхъестественную милость. Итак, пока организатор церемонии танцевал, не отрывая взгляда от священного образа в задней части хижины, дюжина молодых людей подвергалась пыткам ради своих целей. Некоторые тащили по лагерю два

черепа буйволов, прикрепленных к палке, продетой через отверстия, прорезанные в их спинах. Другие, в том числе и «Берет трубку», решили качаться на столбах хижины. Поэтому он попросил «Острый рог» проколоть ему кожу над грудью, продеть в отверстия шпажки и привязать их к веревкам, свисающим с шеста. Привязанный таким образом, он бегал туда-сюда, пока не вырвал шпажки. Однако, когда он упал на землю без сознания и весь в крови, никакого видения за все его мучения не последовало.

Он хотел стать вождем, как Шинбоун, поэтому отправился на вершину горы, чтобы поститься. Без одежды, кроме набедренной повязки и буйволовой шкуры, он проспал там всю ночь. Он проснулся рано утром, солнце только что взошло (). Он взял кусок дерева и положил на него свой левый указательный палец. «Солнце, — воскликнул он, — я несчастен. Я отдаю тебе это. Сделай меня вождем!» Огромным ножом он отрезал первый сустав. Кровь начала течь. Он потерял сознание. Когда он пришел в себя, был вечер. Палец болел. Он пытался заснуть, но боль и холод не давали ему уснуть. Вдруг он услышал, как кто-то прочистил горло, и ржание лошади становилось все ближе и ближе. Голос позади него сказал: «Тот, кого ты хотел, пришел». Он обернулся. Он увидел человека на гнедой лошади; его лицо было раскрашено в красный цвет, и он был одет в рубашку с множеством вырезанных из нее дисков, которые висели на ней, как будто на ниточке. Сзади на его голове торчало перо ястреба. Всадник сказал: «Ты несчастен. Я долго искал тебя, но так и не смог до тебя добраться. Я усыновлю тебя. Смотри! Я собираюсь бежать». Он начал скакать галопом; пыль взлетела в небо. Тогда деревья и кусты вокруг превратились в пиганцев и начали стрелять в всадника. Стрелы свистели мимо него, пули летели вокруг него, а враги кричали ему вслед, но он развернулся и остался невредим. Своим копьём он сбил одного воина и забил ему куп. Он подъехал к Такес-те-пайп: «Хотя ты сражаешься со всеми людьми в мире, одевайся так же, как я, и тебе не нужно бояться смерти, пока ты не станешь вождем. Человек, которого я сразил, — пиган; ты видел его страну, иди туда, я отдаю его тебе. Ты будешь таким же, как я; стрелы не повредят тебе, пули ты сможешь смеяться. Ты будешь как скала. Но одного ты не должен делать: никогда не ешь почки животных».

Когда Взял-трубку вернулся к своему народу, он был очень рад. Осталось сделать две вещи, прежде чем он сможет назвать себя вождем: одна — возглавить победоносную военную группу, другая — убить коня с кольями. Его видение позволило ему сразу же сыграть роль капитана. Он застрелил ястреба-тетеревятника и взял одно из его перьев, чтобы носить его на затылке во время своих походов. Он сшил рубашку, похожую на ту, которую видел, и копьё, точно такое же, как у его покровителя. Затем он собрал свой отряд. Его сестры и другие женщины из племени Большой Губы сшили для него множество мокасин. Он выступил в путь глубокой ночью. Несколько дней они шли на север и запад. На Миссури они наткнулись на нескольких пиган в охотничьем домике. Они убили их всех и сняли скальпы. Так они могли вернуться с почерневшими лицами. У одного из врагов не было большого пальца на руке, поэтому этот год с тех пор известен как «зима, когда они убили человека без большого пальца».

V

Он был ранен в колено. Он не мог этого понять. Ему обещали, что его тело будет как камень. Он носил перо на затылке, как и в каждом сражении со времени своего видения, но его коленная чашечка была разбита в стычке с дакотами. И это была ужасная травма. Красноглазый смазал его медвежьим корнем, но это панацея не помогла. Бык-змея, главный из врачей, благословленный буйволом, вошел в реку, чтобы вымыть его колено, но все было тщетно; он остался калекой. Тогда он понял, что невольно нарушил правило своего духа-

хранителя; перед роковой битвой было пиршество, и он, должно быть, съел запрещенную пищу.

Вскоре пришло подтверждение. Во сне появился человек на гнедой лошади и сказал: «Я говорил тебе не есть почки, а ты их съел. Ты никогда не станешь вождем». Теперь «Берет трубку» совершил много подвигов, захватил оружие и носил трубку капитана. Его послужной список превосходил послужной список любого человека его возраста, но ему не хватало чести сбить коня с колья. Как он мог теперь ее завоевать? Налетчики на лошадей отправлялись пешком, а он мог только с трудом хромать по лагерю.

Молодые женщины, привлеченные его славой, часто навещали его в его палатке, но их внимание к нему скоро угасло. Его мать пыталась его утешить. «Из всех молодых людей ты самый удачливый; ты совершил больше подвигов, чем остальные, и владеешь множеством лошадей; молодые женщины без ума от тебя. Ты должен быть самым счастливым человеком в лагере». Но он наблюдал за суетой приготовлений к новым набегам, в которых не мог участвовать; по вечерам он ездил верхом и случайно встречал пехотинцев, выходящих из своего места сбора, и смотрел им вслед с тоской, завистью и болью в сердце.

Старый мудрец Острый Рог посоветовал ему отправиться за новым видением; возможно, дух-хранитель смягчится. Итак, Берет-трубку отправился верхом на лошади и поехал далеко, к горе, где он молился раньше. У подножия он привязал лошадь и с трудом взобрался на вершину. Он лег, вытянув руки, лицом к небу. «Отец, — воскликнул он, — я несчастен, сжался надо мной». Он пролежал там всю ночь, но при первых лучах рассвета от таинственных сил все еще не было никакого сообщения. Весь день он пробыл у зубчатых валунов, не пил и не ел.

Спустя долгое время после наступления ночи послышались приглушенные шаги, и когда они приблизились, оказалось, что это шаги буйвола. Затем над ним стоял бык, нюхая его дыхание и лаская его обнаженную грудь мохнатой шерстью. Наконец он заговорил на языке кроу. «Я усыновлю тебя, мой сын. Я видел, как ты страдаешь, издалека. То, о чем молились другие индейцы, будет твоим. Посмотри на внутреннюю часть моего рта». Он посмотрел и не увидел ни одного зуба. «Пока у тебя есть зубы, сынок, ты не умрешь. Ты женишься на прекрасной, целомудренной молодой женщине, заведешь детей и увидишь своих внуков. Когда ты умрешь, ты будешь настолько стар, что твоя кожа будет трескаться, когда ты будешь перемещаться из одного угла хижины в другой».

Но Возьми-трубку покачал головой и сказал: «Отец, я жажду не потому, что хочу дожить до старости; я хочу быть вождем, как Шинбоун».

«Сын мой, то, о чем ты просишь, трудно. Когда я спешил к тебе из своего дома, я догнал другого человека, путешествующего в твою сторону; возможно, ты все еще сможешь получить то, чего желаешь». «Возьми трубку» сел, чтобы спросить дальнейшего совета, но бык исчез, и в сумерках на него смотрел только выбеленный череп буйвола.

Весь следующий день он постился и молился на вершине, обращаясь то к Солнцу, то к Грому, то снова к Утренней Звезде. Когда он лег в темноте на своем старом месте отдыха, его горло было пересохшим. Он не знал, как, но вдруг тьма рассеялась, и вершина холма озарилась мягким сиянием. У его ног стояла старуха, опираясь на копалку; она была одета в великолепную мантию с вышитыми иголками дикобраза следами лошадиных копыт. «Мое дитя, — сказала она, — ты не звал меня, но я здесь. Я услышала твои стоны и пошла к тебе, но по дороге меня обогнал другой человек. Я — Луна. Когда дети заболевают, лечи их этим корнем; их родители дадут тебе лошадей. Я сделаю тебя самым богатым из всех Кроу».

Но Такес-пайп покачал головой и ответил: «Бабушка, я не страдаю, чтобы обрести богатство, я хочу стать вождем, как Шинбоун».

«Мой дорогой ребенок, ты просишь о чем-то великом. Когда я шла сюда, я видела, как сюда направлялся другой человек. Возможно, он обладает большей силой, чем я, и сможет исполнить твоё желание». Он хотел спросить её о многом, но её образ растворился в ничто, и остался виден только блеск убывающего полумесяца.

Еще один день он постился и не пил воды. Теперь он был очень слаб, так что передвигался с помощью трости. Не было ли силы, которая могла бы помочь ему в его беде? Наступила ночь, и он лежал, плача и вглядываясь в темноту, когда перед ним появился красивый молодой человек. «Я спал далеко отсюда, ты разбудил меня своими стенаниями», — сказал он. «Я пришел, чтобы помочь тебе. Ты будешь моим сыном. Ты узнаешь меня? Я — Табак, который твои старики сажают каждый год. Пока они собирают мой урожай, племя Воронов будет великим. Они забыли, как готовить семена, и их урожай будет скудным. Я покажу тебе, как смешивать их перед посадкой. Тогда ты сделаешь свое племя великим, научишь других и получишь в награду всевозможные богатства».

И Такес-пайп ответил: «Отец, я не страдаю для того, чтобы сажать табак и получать имущество, я хочу быть вождем, как Шинбоун».

Тогда мужчина ответил: «Сын мой, все остальное во вселенной легко для меня, только то, о чем ты просишь, трудно. Тот, кто был твоим отцом, очень силен. «Не ешь почки», — сказал он. Ты их съел. Я не могу сделать тебя вождем. Послушай, сын мой. Все вещи в мире идут по четвером. Трое из нас пришли, чтобы помочь тебе. Мы были бессильны. Придет четвертый, возможно, он сможет это сделать».

На следующий день Такес-Пайп едва мог ползти на четвереньках. У него кружилась голова. Он схватил нож и отрезал еще один сустав пальца на левой руке. Затем, подняв вверх кровоточащий культи, он воскликнул: «Отцы, я отдаю вам это. Сделайте меня вождем!»

Вдруг к нему подбежала огромная фигура, дыша тяжело, потрясая погремушкой и напевая песню. «Я последний, — сказал большой медведь, — хотя я тяжелый и медлительный, я прибыл».

Тэйкс-зе-пайп радостно воскликнул: «Отец, я знал, что ты придешь. Вылечи мое колено, чтобы я мог выйти, отрезать копыто лошади и стать вождем».

«Сын мой, тот, кто был твоим отцом, очень силен. Он не хочет, чтобы ты стал вождем. Ну, я тоже силен. Если ты мужчина, я могу тебе помочь. Если ты малодушный, я бессилён».

«Отец, — сказал Такес-пайп, — сделай меня великим, сделай меня величественнее других мужчин, и если я умру, какая разница?»

«Сын мой, в лагере много вождей; таких, как ты, будет только один. Скажи мне, ты когда-нибудь видел весь мир?» Не дожидаясь ответа, медведь поднял его. В его поле зрения появились горы, ручьи, прерии и лагерь. Ягоды созрели, лагерь воронов виднелся вдали, а общество Табака собирало драгоценные семена. Вдали были вражеские жилища. Затем листья пожелтели, и враги отправились набегом на лошадей воронов. Один воронок в одиночестве ехал к ним, размахивая лентами (). «Сын мой, видишь того всадника с развевающимися лентами? Они пытались его удержать, но он вырвался. Он не может быть вождем; он хочет умереть. Он Сумасшедший Пес. Он говорит «наоборот»; он мало заботится о правилах лагеря. Где есть опасность, он впереди всех. Одевайся как он, веди себя как он, и ты будешь великим. Люди будут говорить о тебе, пока на этой земле живут вороны. Я дам тебе это, если твоё сердце сильное».

«Спасибо, отец, спасибо! То, что ты мне показал, велико; я сделаю это. Я хотел жить и быть вождем. Но это невозможно. Мне некуда жить; я умру как Сумасшедший Пес».

Затем медведь исчез.

VI

Люди собрались у устья реки Бигхорн. В лагере царило веселье после удачной охоты. Вдруг раздался барабанный бой и пение странной песни. Все выбежали из своих хижин, чтобы посмотреть, что происходит. Кто этот человек на богато убранном коне? Он приближается к центру круга, потрясая трещоткой. Две ленты из оленьей кожи, надетые на голову, свисают до земли. Скользящий Бобр ведет лошадь, время от времени останавливаясь и ударяя в барабан. На четвертой остановке он громко крикнул: «Девушки, если вы хотите стать возлюбленными этого человека, то поспешите, он скоро умрет!» Затем он ударил в барабан и обратился к всаднику: «Оставайся на лошади, не танцуй!»

Тут же Возьми-трубку спешил и затанцевал на месте. Поскольку он поступил противоположно тому, что ему велели, все узнали его как Сумасшедшего Пса, обрекшего себя на смерть. Сразу же Красивая Ласка начала сетовать: «Я умоляла его не делать этого, но он сделал!» Но другие женщины громко ликовали, а Скользящий Бобр громко воспевал его, медленно выводя его за пределы лагеря.

Затем он какое-то время появлялся каждый вечер, танцуя и тряся своим трещоткой. Он ездил по лагерю как сумасшедший. Когда несколько человек собирались, чтобы поесть мяса, он входил на лошади прямо в их середину, как будто хотел их переехать. Тогда они кричали: «Растопчи нас». И Сумасшедший Пес отворачивался и позволял им есть в покое. Ночью самые красивые молодые женщины навещали его; даже замужние женщины приходили к нему, и их мужья не возражали. Иногда за одну ночь приходили две или три. Знаменитый Свистящий Вода приходил, чтобы сказать ему, какое великое дело он совершает. Все выдающиеся воины в лагере, Тянет-Волка, Красный Глаз и Косточка, смотрели на него с завистью.

Вишни созрели, и однажды женщина предложила ему их попробовать. Он сказал: «Когда я решил заняться этим, трава только начинала прорастать. Я не ожидал, что проживу так долго, но сегодня я ем вишни. Что ж, посмотрим, смогу ли я достичь того, чего желаю». Когда они в следующий раз пошли на охоту, он взял немного крови буйвола и смешал ее с кровью барсука и водой. В смеси он увидел свое отражение с кровью, стекающей по лицу. «Да, — воскликнул он, — я это видел. То, чего я так жажду, сбывается!»

Листья желтели, когда один из членов племени заметил несколько налетчиков из племени дакота. Молодые люди прогнали их, и враги укрылись в высохшем русле реки. Там воины из племени кроу собирались напасть на них. Они готовились к бою, когда Красивая Ласка ворвался в их среду, крича: «Свяжите моего сына! Не отпускайте его!» Они стали его искать. Но его нигде не было. Он в одиночку мчался навстречу врагу. Они поскакали за ним. Он был уже близко к кули, тряся своим трещоткой и напевая свою песню:

Небо и земля вечны,

Люди должны умирать.

Старость — это зло,

Атакуйте и умрите!

Он поехал прямо к укрытию врагов. На краю он спешил. Несколько дакотов выглядывали из укрытия. «Мне не жить, — воскликнул он, — я должен умереть!» Он

застрелил одного врага и ударил его трещоткой. Тогда другой дакот выстрелил ему в левую височную кость, и «Берет трубку» упал замертво.

Воины Кроу догнали и убили всех участников набега. Красивая Ласка добралась до места и вытерла кровь со лба своего сына. Мужчины посадили его на лошадь и отвезли в лагерь. С плачем они вернулись домой. Там женщины из племени Большой губы обрезали им волосы и порезали ноги. Мужчины из племени Свистящая вода ездили туда-сюда, воспевая покойного Сумасшедшего пса. Его товарищи из племени Лисы прислонили труп к спинке, преклонили перед ним колени и зарыдали. Их вожди пронзили их тела стрелами, а проткнули им лбы, пока кровь не потекла ручьями. Затем они установили эшафот на четырех столбах, обернули тело в одежду и поместили его на вершину. Рядом со сценой они установили шест. На нем висел его барабан, а его пояса развевались, как ленты, развевающиеся на ветру. В руку ему положили его погремушку. Затем лагерь двинулся в путь.

РОБЕРТ Х. ЛОУИ

Рассказ женщины из племени кроу

«РАССКАЖИ СКАЗКУ, бабушка, расскажи сказку!»

«Что, днем, на улице? И еще летом? Разве ты не знаешь, что мы рассказываем сказки только зимними ночами?»

«О, бабушка, эти старые правила больше не действуют. Расскажи нам сказку, чтобы мы не заснули в этот жаркий день».

«Ну, что же это будет? Рассказать вам, как внук Старухи победил монстров, которые терроризировали землю?»

«Нет, ты уже много раз рассказывала нам эту историю. Расскажи нам новую».

«Хорошо, вы услышите историю, которую никогда раньше не слышали; новую историю, но правдивую».

Жили-были молодая девушка из племени кроу по имени Бобровая женщина, которая была красива, как ни одна другая девушка из племени кроу. Она была ни слишком высокой, ни слишком низкой, у нее была тонкая талия и прямой нос. Она делала самые красивые мокасины во всем племени и умела вышивать на них самые красивые узоры из перьев. Во всем лагере не было никого, кому бы она не сказала доброго слова. Молодые мужчины уважали ее, потому что знали, что она не будет резвиться с ними, как некоторые девушки, а те, кто был на войне, очень хотели взять ее в жены. Но хотя один за другим женихи приходили к ее отцу с лошадьми, красивая девушка отказывала им всем. В конце концов ее родители потеряли терпение и стали ругать ее. «Чего ты ждешь? Твоим братьям нужны лошади. Ты что, надеешься, что Утренняя Звезда спустится с неба и будет ухаживать за тобой?»

Тогда она впервые рассказала о своих надеждах. «Однажды, когда трава начала прорастать, я пошла к ручью за водой. Там товарищ моего старшего брата, которого зовут Белая Собака, заговорил со мной и стал ухаживать за мной, а потом ушел с отрядом воинов. Я видела его во сне, он возвращался с добычей. Он привезет домой лошадей; он предложит тебе больше, чем все другие женихи вместе взятые, которые пытались купить меня».

Тогда один из ее братьев насмешливо рассмеялся, другой — добродушно, а остальные промолчали, а мать пробормотала: «Некоторые сны сбываются, а некоторые только издеваются над человеком. Мне понравились лошади, от которых ты отказалась».

Но через несколько дней, когда созрели вишни, Белый Пес вернулся со своим отрядом, ведя восемьдесят лошадей, украденных у сиу. Многих он раздал своим последователям, а многих отдал членам клана своего отца; но из оставшихся он подарил двадцать лучших родителям Бобровой женщины. Тогда она была счастлива и сказала: «Мой сон сбылся». Ее родители тоже были очень рады, и она уехала жить в хижину своего мужа.

У Белого Пса была старшая жена по имени Черепаха, которую он унаследовал от брата, погибшего в бою. Черепаха не любила новоприбывшую, но Белый Пес не позволял ей оскорблять Бобровую Женщину. Он очень гордился своей молодой и красивой женой. Когда люди переселялись, именно Бобровая женщина несла его щит из буйволиной шкуры; и

когда он возвращался с врагом с добычей, именно она танцевала с его луком или копьем, а Черепаха и другие женщины смотрели на нее с завистью. Была одна вещь, которую он ценил даже больше, чем ее красоту, — это ее добродетель. Другие мужчины испытывали всевозможные проблемы со своими женами, но он был уверен в своей. Когда он слышал о замужней женщине, сбежавшей со своим любовником, он с гордостью говорил: «Моя жена скоро будет единственной, кто осмелится срубить дерево для шатра Солнечного танца», потому что только жена, которая никогда не совершала ошибок, могла участвовать в этом священном обряде.

Все шло хорошо, пока одна весна, вскоре после того, как Бобровая женщина родила своего первого ребенка. У вас, молодые люди, сегодня есть танцевальные клубы, некоторые из вас — «Горячие танцоры», а другие принадлежат к «Большим ушам». Так же было и у нас, кроу, в старые времена, только у нас были *настоящие* общества, Лисы и Лэмпвуды. Они не просто танцевали и пировали; они старались быть храбрыми на войне, и каждое общество стремилось превзойти другое. Но они сражались и по-другому. Иногда случалось, что у Лэмпвуда или Лисы была любовница, которая потом вышла замуж за члена другого общества. Тогда в начале весны ему разрешалось похитить ее на несколько дней. Независимо от того, как плохо он себя чувствовал, ее муж не смел защищать ее, это было бы ужасным позором. Он не должен был принимать ее обратно, пока был жив, иначе весь лагерь будет издеваться над ним до конца его дней (). Часто мужчина мог чувствовать желание сражаться, но он сдерживал себя и говорил: «Она мне ничто, забирайте ее». Тогда люди хвалили его, говоря: «У этого сильное сердце».

И вот, однажды весной в лагере раздался крик. Лэмпвуды, во главе с Красным Глазом, были готовы похитить жен Лисиц, и Лисицы ответили на вызов. Белый Пес не проявлял большого интереса к этим событиям. Он развалился в своей хижине, разговаривая со своим младшим братом Маленькой Совой, а Бобровая Женщина напевала песню над своим ребенком. Вдруг раздался топот ног, дверная завеса была грубо поднята, и через отверстие просунулась голова Красного Глаза. Бобровая Женщина спокойно посмотрела на него. «В чем дело?» — спросила она.

Он ответил песней:

«Моя возлюбленная — та, которую я люблю,

Я забираю ее с собой».

«Уходи, ты сумасшедший, — сказала она, — я никогда не была твоей возлюбленной!»

«Что, ты не помнишь, что случилось у источника?»

«Да, ты хотел меня обнять, а я облила тебя водой. Уходи к своей настоящей возлюбленной».

Но теперь Красный Глаз вошел в хижину с двумя своими товарищами и собирался прикоснуться к ней. Тогда она поняла, что это не шутка, что он ложно утверждает, что она когда-то была его любовницей, и она громко закричала на своего мужа.

«Он лжет, ты знаешь, что он лжет! Помоги мне!» Все это время Белый Пес сидел в задней части хижины, застыв и молча. Он знал, что обвинение против его жены было ложным, и его наполняла ненависть к ее беззастенчивому обвинителю. Он также знал, что, если он не будет бороться за нее сейчас, она будет потеряна навсегда. Но в такие моменты мужчине не полагалось показывать свое недовольство. Просто потому, что никто в лагере не поверил бы рассказу Красного глаза, он, Белый пес, станет еще величественнее, проявив силу духа. Поэтому с суровым выражением лица он повернулся к жене и сказал: «Они зовут тебя, иди».

Но когда они схватили ее, вскочил Маленькая Сова, младший брат Белого Пса, мягкий молодой человек, который любил Бобровую Женщину и всегда относился к ней с уважением, а не дразнил ее, как это делают большинство зятьев с женами своих братьев. Он поднял с земли большой мясницкий нож и бросился на Красный Глаз, крича: «Ты лжешь, ты лжешь!» Но теперь и Белый Пес вскочил и, используя свою большую силу, зажал руки брата за спиной. Он не хотел драки, когда его жену похищали; это было бы позором. Таким образом, Красный Глаз утащил Бобровую Женщину без помех.

В Лумпвудах устроили грандиозный пир и парад в костюмах на лошадях, и Бобровая женщина должна была ехать вдвоем с величайшим воином общества. Ее нарядили в самое красивое платье из зубов лося, и все восхищались ее красотой, но она была грустна и не могла сдержать слез. Все Лисы стояли вокруг, чтобы посмотреть на зрелище, и среди них был Белый Пес, смотревший на все, как будто ничего не произошло. Ведь он хотел показать, какое у него сильное сердце.

Когда празднование закончилось, Бобровая женщина была вынуждена жить как жена Красного глаза, которого она ненавидела. Однажды ночью она пробралась в хижину Белого пса и умоляла его принять ее обратно. Но Белый пес рассердился и велел ей уйти. «Ты веришь, что он когда-то был моим любовником?» — спросила она.

Он ответил: «Я не верю, но он выдвинул обвинение и схватил тебя. Возвращайся. Я не хочу, чтобы люди пели песни, насмехаясь надо мной». А когда она задержалась, он вытолкнул ее и ударил, он, который никогда раньше ее не бил. Тогда она с грустью вернулась в свой новый дом. Но не успела она далеко уйти, как почувствовала легкое прикосновение к плечу. Она обернулась и увидела не Белого Пса, а его младшего брата.

«Здесь живут плохие люди, — сказала Маленькая Сова, — пойдем, сбежим отсюда. У устья Йеллоустоуна тоже живут вороны, а вниз по Миссури находятся деревни кукурузоедов. У меня есть родственники среди обоих племен; пойдем и будем жить с ними». Так что в ту же ночь они собрали немного вяленого мяса и другие необходимые вещи и отправились на север по Йеллоустоуну, не будучи замеченными в лагере.

Но на второй день пути их заметила группа разведчиков из племени шайеннов. Маленькая Сова храбро сражалась, но была убита и лишилась скальпа. Бобровая Женщина с ребенком попала в плен к враждебному племени, и вождь отряда взял ее в жены, когда они вернулись в лагерь шайеннов. Ее новый муж был великим воином и относился к ней с добротой, но он был пожилым человеком, и она не могла любить его так, как любила Белого Пса. Она также скорбела о нежном Маленькой Сове (), который погиб из-за любви к ней, и она мечтала вернуться к своему народу.

Примерно через год в лагерь привели еще одну женщину из племени кроу в качестве пленницы. Это был радостный день для Женщины-Бобра. Теперь она узнала все новости о своем народе. Она услышала, что Красный Глаз погиб, убитый молнией, и все кроу говорили, что это произошло потому, что он похитил невинную женщину. Белый Пес не женился снова; он даже прогнал Черепуху, свою старшую жену. Он был известен как храбрец больше, чем когда-либо, потому что он поразил нескольких врагов и украл двух привязанных лошадей у сиу. Люди говорили о его безрассудстве и думали, что он обязательно станет вождем.

Когда Бобровая женщина услышала о своем народе, она почувствовала сильное желание вернуться к ним. «Мы недалеко от своего народа, — сказала она, — давай вместе убежим туда. Мой муж собирается выступить против сиу, тогда мы сможем сбежать». Так они сбежали и благополучно прибыли в свое племя. Бобровая женщина пошла прямо в хижину

своего первого мужа. Она застала его одного, он гладил стрелу. «Мне сказали, что другой мужчина был убит молнией, я вернулась», — сказала она. Но он едва поднял глаза.

«Мужчина не принимает обратно похищенную жену, — сказал он, — уходи». Тогда она поняла, что пришла зря, и, плача, пошла в дом своих родителей.

Белый Пес всегда был смелым человеком. Но теперь люди говорили, что он просто безрассуден. Когда враги укреплялись, он первым возглавлял атаку; когда нужно было проникнуть в лагерь врага, он первым вызывался добровольцем; он всегда планировал набеги на шайенов или сиу. Но однажды отряд кроу вернулся с плачем: « » Белый Пес пал в безрассудной атаке, и они несли его тело на похороны к его народу. Его родственники, лисы и все племя оплакивали его смерть, а женщины в его семье порезали себя ножами, чтобы показать свою скорбь. Но никто не скорбел больше и не наносил себе более жестоких ран, чем Бобровая женщина, и целый год она носила рваную одежду и позволяла своим волосам свисать растрепанными. Затем, поскольку она по-прежнему была хороша собой, мужчины снова стали ухаживать за ней, и в конце концов, под нажимом братьев, она вышла замуж за пожилого мужчину и родила ему детей. А ее дети, когда выросли, тоже женились и завели детей. Но всю свою жизнь она не могла забыть те ранние дни, когда Белый Пес пришел и взял ее в жены.

Старуха сделала паузу.

«Спасибо, бабушка, ваша история хорошая и новая. Какие времена! Разве мы не счастливы сейчас, что живем в мире, без беспокойств со стороны сиу или шайенов и без похищений женщин нашим собственным обществом?»

Старуха выпрямилась и посмотрела на молодого человека с презрительным взглядом. «Вы, мальчики, которые ходите в школу, ничего не понимаете. Чем дальше вы там находитесь, тем меньше у вас здравого смысла. Когда-то я надеялась срубить священное дерево в Танце Солнца! Я несла щит Белого Пса, когда лагерь перемещался! Я танцевала, держа его копье, а Черепаха и все другие женщины смотрели на меня с завистью! Маленькая Сова умерла из-за любви ко мне! Белый Пес погубил свою жизнь, потому что не смог вернуть меня!»

РОБЕРТ Х. ЛОУИ

Суд над шаманами

Большой Пес был обеспокоен; он знал, что не сможет уснуть этой ночью. Белый Бедро, слепой старый Белый Бедро, прошел мимо него с насмешкой. Он не обращал внимания на издевки старика, но...

Все это произошло давно. Однажды ночью Белая Бедра лежал в своей хижине, когда к нему ворвался молодой родственник по имени Показывает-свою-лошадь.

«Говорят, ты великий знахарь, сжался надо мной, я в беде».

«Ну, что с тобой?»

«Когда я подходил к своей палатке сегодня вечером, из нее вышел человек, закутанный в плащ. Он украл мою жену; я хочу отомстить».

Тогда Белый Бедро сказал: «Ты мой младший брат, я помогу тебе. Кто украл твою жену?»

Показывающий-свою-лошадь ответил: «Это был Большой-пес».

Тогда Белый Бедро отшатнулся и спросил: «Ты уверен, что это был Большой Пес? Ночь темная, ты мог ошибиться».

Но молодой человек ответил: «Когда я его видел, еще было светло — он был невысоким, коренастым мужчиной, и его волчьи хвосты на пятках были хорошо видны, они волочились по земле».

Белая Бедра сказал: «Мой младший брат, мужчине не следует огорчаться потере женщины. Если твои шуточные родственники услышат об этом, они будут петь песни, насмехаясь над тобой. Это опасное дело. Сам Гром взял Большую Собаку в свои дети».

Тогда Показывающий-свою-лошадь вспылил: «Мне сказали, что ты великий знахарь, поэтому я и пришел к тебе в своем горе. Я вижу, что ты боишься; твоя медицина бесполезна».

Затем Белая Бедра долго молчал. Наконец он сказал: «Это будет очень трудно, но мое знание сильное. Хотя сам Гром является его отцом, я его уничтожу».

Так случилось, что через несколько дней Большой Пес отправился в поход на су. Тогда Белый Бедро молился священному камню, чтобы « » был его лекарством. И поход Большого Пса встретил превосходящая сила су, которая убила одного из его последователей и рассеяла остальных. В лагере Кроу царил скорбь, и люди гадали о первой неудаче Большой Собаки. Но Показывающий-свою-лошадь принес Белому Бедру в подарок трех своих лучших лошадей, и постепенно просочилась весть о том, что между двумя великими шаманами племени идет испытание силы.

Вскоре после этого события Белая Бедра тоже захотел отправиться на войну, и мужчины, разочарованные неудачей Большой Собаки, с нетерпением присоединились к нему. Но в ту же ночь, когда они вышли в путь, Большая Собака помолился Грому: «Я не хочу, чтобы ты наказывал мой народ; только тот, кто ведет его, должен встретить беду». И на пути

воинского отряда пошел дождь и разразилась буря, а дерево, срубленное молнией, задело капитана за плечо. Тогда храбрецы испугались и настояли на том, чтобы повернуть назад.

Таким образом, когда один из шаманов отправлялся на врага, другой обязательно мешал ему, пока ни один из них не решился на военный поход, и весь лагерь гадал, кто же в конце концов одержит победу. Наконец Большой Пес не смог больше сдерживаться. Он снова обратился к Грому: «Эти шрамы — от плоти, которую я порезал в качестве жертвы тебе, эти суставы пальцев были отрублены, чтобы сделать тебе подарок. Ты сделал меня своим ребенком. Тот человек издевается надо мной и над тобой. Он думает, что его магия сильнее; порази его слепотой».

И еще до того, как вишни созрели, Белая Бедря потерял зрение. Тогда Большой Пес торжествовал, и все вороны сказали, что он был величайшим шаманом, которого они когда-либо имели, и что его магия была самой сильной из всех; а Белая Бедря был покинут всеми, кроме своих ближайших родственников, и стал настолько беден, что какое-то время ему вместо пояса служила веревка.

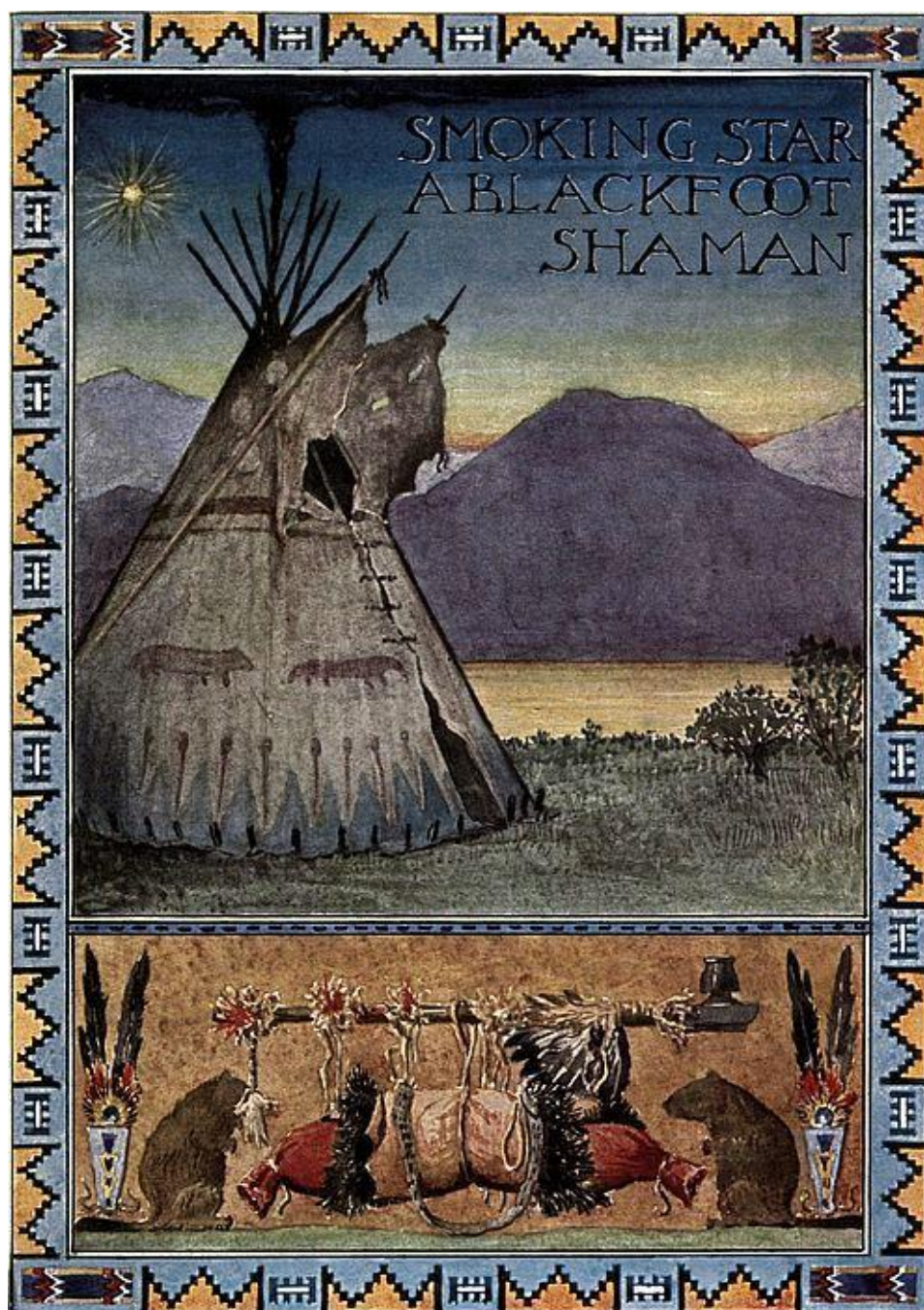
Но слепой человек все еще верил в свое лекарство и однажды призвал его так: «Его отец сделал меня слепым и несчастным. Мне все равно, если ты сможешь сделать *его* тоже несчастным. У него три сына. Убей их всех и заставь его жить, пока его кожа не потрескается от старости, и заставь его просить еду у незнакомцев».

Затем, во время следующего военного похода, старший сын Большой Собаки был убит черноногими, и люди начали говорить, что, возможно, Белый Бедро не был побежден навсегда. А год спустя его второй по старшинству сын, Белая Бедря (), умер от болезни. Тогда все Кроу сказали, что это, должно быть, дело рук Белой Бедрь. И еще до того, как листья пожелтели, последний сын шамана утонул в Йеллоустоуне. Тогда некоторые сказали, что, несмотря на все это, Большая Собака победил, потому что он сам был здоров, а его враг ослеп. Но другие считали, что Белая Бедря, несмотря на свою слепоту, продемонстрировал свое превосходство.

С годами Большой Пес стал немощным. Он пережил своих ближайших родственников и более дальних, пока не осталось никого из своего клана. Он бродил от хижины к хижине, питаясь тем, что незнакомцы предлагали ему из чистого сострадания. Он слышал, как матери шептали своим детям: «Большой Пес когда-то был великим знахарем, и все племя боялось его, но Белый Бедро обладал большей магией и поверг его».

И только что Белобедренный прошел мимо него с насмешкой. Он не обратил внимания на издевательство слепого, но одна мысль беспокоила и мучила его и не давала ему спать по ночам: «Чье лекарство было действительно сильнее? Кто победил?»

РОБЕРТ Х. ЛОУИ

Курящая звезда, шаман из племени черноногих

Это было одним летним вечером, в то время, когда дни длинные, а сумерки столь же длинные, я сидел перед костром в вигваме моего хозяина, Курящей звезды. Согласно его собственным убеждениям, он видел снег девять раз вокруг своих рук, или девяносто лет, как мы считаем. Он считался самым старым из живущих черноногих, но его глаза были ясными, а память хорошей. В тот вечер, когда мы молча курили, я размышлял о том, какой срез истории человечества раскрыла бы эта почтенная жизнь, если бы ее можно было прочитать. Я рассказал ему о своих чувствах и о том, как я был бы рад, если бы он рассказал мне свою историю. Он долго сидел молча, как это принято у его народа, затем встал и с большим достоинством покинул типи. Вскоре он вернулся, сел и сказал: «Курящая звезда, Марс, высоко в небе. Он светит одобрительно. Я долго жил благодаря его силе. Я верю, что он не обидится, если я расскажу тебе историю своей жизни».

Вот как я помню рассказ старого Курящейся звезды:

Моего отца звали Старый Бобр, он был вождем племени Маленькая Мантия, к которому я и сейчас принадлежу. Моя мать была из племени Толстый Жареный, она была младшей женой моего отца, а ее старшая сестра была первой, или главной женой. Ребенок всегда называет *матерью* каждую из жен своего отца, а также всех женщин, вышедших замуж за братьев отца и матери; почему так, мы не знаем, но таковы наши обычаи. Мой отец был очень добр ко мне, но моя старшая мать была строгой.

Я полагаю, что я родился в маленьком вигваме, установленном снаружи, так как таково обычае. Также я полагаю, что на время моя мать отложила все украшения и притворялась небрежной в отношении своей внешности. Если кто-то смотрел на нее, она говорила: «Не смотри. Мой ребенок будет похож на тебя; ты уродлив и т. д.». Ее обслуживали только женщины, так как мужчины не должны были приближаться к месту рождения. Даже моему отцу не разрешалось входить, и прошло много дней, прежде чем он увидел меня. В свое время, я полагаю, меня привязали к колыбели. Позже мой отец, будучи вождем, дал мне имя — Два ружья (). Если человек не является великим, он не дает имя своему ребенку, а призывает кого-то, кто обладает этими качествами. Однажды отняв у кри два ружья, мой отец рассказал об этом подвиге, или купе, и назвал меня Двуручным. Существует поверье, что качества того, кто дает имя, и само имя переходят к ребенку; поэтому имени придается большое значение, и его присвоение является торжественным событием. Черная ряса (священник) говорит мне, что у вашего народа все происходит примерно так же.

Кроме того, я полагаю, что когда у меня вырос первый зуб, мои бабушки напомнили родителям, что пора что-то сделать. Поэтому устроили праздник, раздали подарки и прочитали молитвы. Несомненно, это повторилось, когда я сделал первый шаг и когда научился говорить. Но я помню, как мне прокололи уши. Это мое первое воспоминание из детства. Я до сих пор вижу перед собой страшную старую бабушку, стоящую передо мной с костяным шилом в руке. Я никогда в жизни так не боялся. Вы видели, как это делается на танце солнца, когда какая-нибудь старуха кричит: «Я прошила плащ, все этими руками. Поэтому у меня есть сила сделать это». Прямо как воин, рассказывающий о своем подвиге.

Моя настоящая мать никогда не ругала меня, но когда я начала бегать, моя старшая мать не любила, когда я лезла в ее вещи. Часто она угрожала мне в виде песни: «Снаружи койоты. Приходите, койоты, и съешьте эту непослушную малышку». Или: «Приходи, старая

кривоспинная женщина, принеси свой мясорубку и разбей голову этой малышке». Женщина, о которой шла речь, была сумасшедшей калеккой, которая терроризировала детей, потому что некоторые из них дразнили ее. Я очень боялся, поэтому обычно моей старшей матери достаточно было сказать: «Ш-ш-ш!» и пробормотать что-нибудь о койоте или женщине. Я заметил, что среди вашего народа родители бьют своих детей. Это не наш обычай. Если они не слушают советов, можно позвать дядю, чтобы он применил меры дисциплины, и, если необходимо, он накажет их, но порка — это метод полицейских обществ. Однажды я видел, как полиция выпорола вождя за то, что он нарушил правила охоты на бизонов.

Вскоре я начал играть со старшими мальчиками; зимой мы крутили волчки на льду и снегу, катались с гор на тобогганах, сделанных из ребер буйвола, или просто стояли на сухой шкуре, держа ее за конец. Летом были всевозможные игры: гонки, «следуй за лидером», « », игры со стрелами, игра с колесом и т. д. У меня была деревянная лошадка, сделанная из изогнутой палки, с седлом и уздечкой, на которой я играл в охоту на буйволов и в войну. Я даже научился разыгрывать стариков. Иногда мы играли там, где старушки приходили собирать дрова, и когда у одной из них на выюке была большая куча дров, она приседала, прислонившись спиной к дровам, с веревками в руках, и звала нас помочь поднять груз; иногда мы помогали ей, пока она не вставала на ноги, а затем, быстро толкнув ее, отправляли ее кувырком вместе с дровами. Затем мы убегали, чтобы избежать побоев. Кроме того, поскольку воду носили в ведрах, сделанных из буйволиного живота, некоторые мальчики устраивали засаду на тропе и стреляли стрелами в ведра, выпуская воду. Но обычно мы оставляли пожилых людей в покое, потому что, если нас ловили, с нами жестко обращались.

Когда мне было около шести лет, один из моих дедов сделал мне лук; он помолился за меня и сказал, что если я что-нибудь убью, я должен принести скальп, чтобы доказать это. Он рассказал мне историю о Шраме и опасных птицах. Спустя некоторое время я убил птицу, свою первую, и мой отец устроил пир, пригласив многих великих людей, которые курили трубки, рассказывали о великих деяниях и предсказывали, что я стану великим воином. Шкура птицы была положена в военный узел моего деда.

Когда мы путешествовали, мать носила меня на седле или сажала на травойс, запряженный собакой или какой-нибудь верной старой кобылой. Но когда я стал достаточно взрослым, чтобы ездить верхом самостоятельно, отец отправился на войну в страну ассинибоинов и привез шесть лошадей; одну пони он отдал мне. Прежде чем я научился хорошо ездить на нем, его украли кри. В то же время моя пожилая мать была убита и скальпирована, когда собирала ягоды. Все это произвело на меня глубокое впечатление, и я решил подготовиться к военному походу и отомстить кри, в частности за потерю моего пони. Тем временем отец подарил мне другого пони.

Однажды утром, когда мне было около одиннадцати лет, я ужасно испугался, увидев у двери человека из полицейского общества, который кричал, чтобы я немедленно вышел. Было холодно и штормило, но он приказал мне окунуться в воду, и когда я стоял на берегу, хныча, он бросил меня с головой в ледяной поток. Старшие мальчики весело плескались, но мне было тяжело. Когда я, дрожа, вернулся в вигвам, моя старая бабушка начала петь « » — насмешливую песню о том, как будущий воин превратился в старуху. После этого я стал ежедневно ходить в баню и вскоре стал крепким и сильным.

Следующим летом наш народ разбил лагерь на реке Милк, где было много бизонов. Ягоды только начинали созревать. Однажды, пася лошадей, я начал есть ягоды и в ту ночь заболел. На следующий день я был очень болен, и за доктором послали. Пришел Старый Одноухий, человек, которого все мы боялись, сел у моей постели, забарабанил в барабан, громко запел,

затем откинул покрывало, которым я был укрыт, прижал к моей груди трубку из кости и сильно засасывал. Затем он встал и выплюнул кузнечика. Все говорили, что я скоро поправлюсь, и так и было. Но пока я был слишком слаб, чтобы выходить на улицу, мой дед приходил ко мне и рассказывал мне истории о военных походах, а иногда и о Потерянных детях, Женщине, которая ушла в небо, Утренней звезде, Шрамолице, Кровавом сгустке и другие истории. Я стал глубоко интересоваться этими рассказами и все чаще думать о том, чтобы пойти на войну. Когда я смог выйти на улицу, мой народ проводил танец солнца, и однажды вечером я услышал, как мой отец перечислял свои подвиги, бросая в огонь по палке за каждый из них. Наконец, когда от такого количества дров разгорелся большой костер, все люди закричали. Для меня это был момент гордости, и с тех пор я начал готовиться к военному пути.

Перед наступлением холодов наш народ разделился, как было принято, и наша группа вместе с Толстокожими и Многолекарственными разбила зимний лагерь на реке Две Лекарства. Зима была холодной, но буйволов было много, и нам было все равно. Весной мой отец возглавил отряд, отправившийся на войну с Кроу. Я ничего не знал об этом, пока они не ушли, но даже если бы я знал, он бы меня с собой не взял. Я был очень грустным и большую часть времени сидел на холме, погруженный в раздумья. Однажды, придя в лагерь, я услышал, как женщины и даже старики рыдали. Я увидел, как моя мать перед нашей дверью рубила свою обнаженную ногу мясницким ножом. Тогда я понял, что произошло. Лагерный глашатай начал кричать, что из далекого лагеря прибежал гонец и сообщил, что Старый Бобр и вся его группа были убиты Кроу. Когда я встретил свою старую бабушку, с кровью, стекающей по ее обнаженным рукам, этот вид вызвал у меня тошноту, и я убежал на вершину холма и продолжил размышлять. Когда я подумал о том, как подсчитывали победы моего отца, мой гнев усилился, и я поклялся, что при первой же возможности сорву скальп Кроу.

Наш лагерь долго скорбел после этого. Также необходимо было выбрать нового вождя. Один Добрый Бегун пользовался хорошей репутацией и был нашим выбором, но злобный человек по имени Воронье Око стремился занять это место. Узнав, что он не пользуется популярностью, Воронье Око тайно зарядил ружье, вошел в вигвам Доброго Бегуна и застрелил его. Родственники Вороньего Глаза посадили его на лошадь и отправили прочь на несколько дней, а сами принесли подарки родственникам Хорошего Бегуна. В конце концов Воронье Око стал вождем, но для всех нас это было печальное время.

По традиции моя мать уехала жить к своему народу, к племени «Жарящих жир». Теперь мной заинтересовался брат моей матери. Он подарил мне ружье. В те времена ружья были в дефиците. Мой дед помнил, когда к нам попало первое ружье, и говорил, что его отец знал, когда появилась первая лошадь. Теперь я проводил большую часть времени со своим дядей, хотя все еще считал племя Малых одежд своим племенем. Он помог мне купить место в Обществе голубей, и каждую весну и лето я танцевал с ними, а иногда помогал охранять лагерь ночью, когда образовывался большой лагерный круг.

Летом после смерти отца я впервые пошел на охоту на бизонов. Иногда мальчиков жестоко пороли полицейские, если обнаруживали, что они участвуют в охоте на бизонов, не достигнув соответствующего возраста. Но теперь дядя взял меня с собой. Поскольку оружие было в дефиците, мы хранили его для войны и убивали бизонов стрелами. Когда мы подъехали к стаду, я взялся за молодую корову. Она была очень быстрая, но в конце концов я догнал ее и пустил в нее стрелу. Когда она упала, я стоял в изумлении. Мои родственники

хвалили меня, а мать выделала шкуру, чтобы сшить мне плащ. Теперь я был охотником и всегда без возражений участвовал в охоте.

Той осенью моя мать перестала скорбеть и вышла замуж за мужчину из племени Одиноких едоков. После этого я редко ее видел, потому что они жили отдельно, а я оставался с дядей, но танцевал с племенем моего отца, Маленькими одеждами. Примерно в это время дядя объяснил мне, как ведут себя женщины и каковы обязанности мужчины, и я начал с нетерпением ждать, когда у меня появится своя женщина. Я начал упражняться на флажолете и искать встреч с девушками из лагеря на пути к водопою; но я знал, что, хотя я и стал охотником, мне еще предстояло пойти на войну и стать мужчиной. Возможность для этого скоро представилась, потому что мне было уже около четырнадцати лет.

Однажды мой дядя сказал: «Пришло время тебе идти на войну. Когда будет полная луна, я поведу отряд в страну Кроу. Ты будешь водоносом». Вы знаете, как у нас было: мальчика могли взять на войну, чтобы он выполнял поручения. Так он и получил свой опыт.

У моего дяди был военный узелок, или лекарство, в котором были ошейник из кожи койота, птица, которую можно было привязать к волосам, табак, трубка, краски, свисток и погремушка. Каждый вечер мы собирались в его вигваме, чтобы петь песни из его набора и разрабатывать план нашего набега. Наконец, мы вышли в путь, нас было восемь человек. Хотя я был еще мальчиком, мне разрешили взять с собой ружье, лук и нож. Когда мы покидали вигвам, моя старая бабушка попросила меня не уходить; она взяла меня за руку и начала плакать, но я вырвался. На краю лагеря стоял тесть моего дяди. Он умолял всех вернуться. Он сказал: «У меня много лошадей, больше, чем вы можете получить от кроу. Берите, что хотите, и оставайтесь дома. Я стар и не долго буду с вами». Но мы прошли мимо в молчании.

Обычно над мальчиком, который впервые отправляется на войну, подшучивают. В первую ночь один из воинов сказал: «Возьми это ведро и беги по этой тропе за водой, она далеко». Я быстро отправился в путь, но наступил в глубокую лужу с вонючей грязью. Меня дразнили и подшучивали над мной. Конечно, воины знали, что там была лужа. Они шутили о моей новой краске, моем новом способе обманывать врага, моих новых духах (любовном лекарстве) и так далее. Наконец, один человек очень торжественно присвоил мне новое имя — Вонючие ноги. С того момента все называли меня этим именем.

Но на следующую ночь мы оказались в открытой местности, и веселья было мало. Мой дядя открыл свой узелок и провел ритуал, а мы все пели тихим, сдержанным голосом. После этого мы путешествовали в основном ночью и спали днем, хотя воины по очереди выходили на разведку. На четвертый день разведчик сообщил о враге.

«Теперь, — сказал мой дядя, — пришло время спеть „стук палкой“». Мы все сели в круг, и мой дядя начал очень тихо петь, отбивая ритм, слегка стуча концом своей трубки по прикладу ружья. Он пел о любовных похождениях и в конце назвал имя женщины. Так продолжалось по кругу. Последний человек, сидевший рядом со мной, спел и назвал имя девушки, которую я очень любил. Инстинктивно я схватил свой нож (), но потом подумал: «О, какая позор! Я еще не воин, ведь здесь никто не должен обижаться». Поэтому я воздержался, но остаток дня пролежал без сна, борясь со своим гневом. Все это было очень

глупо, ведь тот человек просто дразнил меня, но немногие осмелились бы шутить в таких песнях.

В ту ночь мы выкрались и обнаружили, что лагерь воронов не охраняется. Поэтому мы забрали всех пасущихся на воле лошадей и ускакали на них. Даже собаки не залаяли. Когда мы оказались на безопасном расстоянии, мой дядя велел нам следовать за воином по имени Бегущий журавль, сказав, что он и еще один человек возвращаются, чтобы взять скальпы в отместку за смерть моего отца, и что позже они присоединятся к нам в месте встречи. Моего дядю сопровождал человек, который пел о моей девушке. На третий день мой дядя догнал нас, но он был один. Что стало с его спутником, он не знал; его больше не видели после того, как они разделились, чтобы проникнуть в лагерь кроу. Вот что вышло из шуток с магическими песнями. Все святое должно уважаться. Но мой дядя принес скальп, щит и ружье. Поэтому мы были счастливы.

Когда мы вернулись домой, всех ждал пир и танец скальпов. Наконец, моя старая бабушка вывела меня на всеобщее обозрение, произнесла речь о моей величии как воина и сказала: «Теперь тебе должно быть дано новое имя. Какое оно?» Я опустил голову от стыда. «О!» — сказала она, — «мой внук так скромнен».

Затем мой дядя вышел вперед, рассказал историю о грязевой яме и назвал меня «Вонючими ногами». Тогда разразился веселый смех, и долгое время меня дразнили по этому поводу.

Мне выделили двух из захваченных лошадей: одну я отдал деду. Вскоре после этого дядя сказал мне, что пришло время искать силу. Это означало, что я должен был поститься и приносить жертвы, ища видение. Поэтому я отвёл свою вторую лошадь из стада воронов к старому шаману Медицинскому Медведю, предложил ему трубку и высказал свою просьбу. Моё обучение длилось много недель. Меня познакомили с потной хижинкой и другими церемониями, научили, как приносить в жертву трубку, взывать о силе и так далее. Наконец все было готово, и старый Медицинский Медведь оставил меня одного на высоком холме, чтобы я постился, танцевал и молился. Каждый вечер и каждое утро он приходил и, стоя вдали, призывал меня к большим усилиям. К третьему дню я был слишком измотан, чтобы стоять. Той ночью я лежал на спине и смотрел на небо. Тогда я увидел Курящуюся звезду. И пока я смотрел, она становилась все ближе и ближе. Тогда я услышал голос: «Сын мой, почему ты плачешь здесь?» Тогда я увидел прекрасного воина, сидящего на земле передо мной и курящего мою трубку. Наконец он сказал: «Я дам тебе силу. Ты должен взять мое имя. Ты никогда не должен его менять. Всегда молись мне, и я буду помогать тебе».

На следующее утро, когда старый Медицинский Медведь пришел и остановился вдали, я сказал: «Мне что-то было дано». Тогда он помолился и отвёл меня домой. В своё время он выслушал мою историю, сочинил для меня песню, дал мне небольшой мешочек с лекарствами и объявил моё новое имя. Теперь я был человеком с силой. Многие молодые люди предложили пойти со мной на войну, и вскоре я начал возглавлять отряды. С годами я совершил много *подвигов*, но все они были возможны благодаря силе Курящейся звезды. Только однажды эта сила, казалось, подвела меня на тропе войны. Я был один и окружен кри. Наконец я воззвал к Солнцу, предложив отдать ему свой мизинец. Тогда я победил своих врагов. Поэтому на следующем танце солнца я отрезал этот палец (левый) и предложил его солнцу, чтобы исполнить свою клятву. Но это относится ко второму периоду моей жизни, о котором я расскажу позже.

Вскоре после того, как я увидел Курящую звезду, я взял себе жену. Мой дядя и мои дедушка с бабушкой часто намекали мне на брак. Мне особенно нравилась девушка из племени Маленьких одежд, но я не мог открыто ухаживать за ней, потому что по праву

моего отца я принадлежал к этому племени, хотя жил с племенем моей матери, Толстых жарких. Мужчине нехорошо жениться в своем племени, где живет большинство его родственников, но он может свободно жениться на женщине из племени своей матери, если она не является его близкой родственницей. Я мог бы присоединиться к племени своей матери, как настаивал мой дядя, а затем жениться на этой девушке, но мне это казалось уклонением от моего долга защищать честь своего отца и мстить за его безвременную смерть. Люди стали бы об этом говорить. Поэтому я ухаживал за девушкой из племени моей матери. Поскольку она не была мне близкой родственницей, препятствий не было. Наше ухаживание было тайным, как это часто бывает; когда я возглавил свою первую военную группу, она незаметно передала мне пару мокасин. Думаю, никто не знал о нашей привязанности. Дело в том, что родственники моей матери считали меня одним из своего племени, хотя не должны были этого делать, и поэтому искали мне будущую жену в другом месте. Спустя долгое время я узнал, что они выбрали для меня женщину из племени Кровавых, вдову молодого воина, хорошую женщину, которая была на десять лет старше меня, но все сложилось иначе.

Девушка, которую я ухаживал, звалась Лосиха. Нам с ней было почти по двадцать, и ей пора было выходить замуж, на самом деле уже давно пора. Поэтому ее родственники договорились выдать ее замуж за мужчину из племени Не смеющихся. Родственники обеих сторон устроили пир и обсудили это дело и уже были готовы обменяться первыми подарками, когда родственники Лосихи впервые предложили ей выйти замуж. Она попросила время, чтобы все обдумать. Вечером, когда я, как обычно, встретил ее в тайном месте, она рассказала мне эту историю и заплакала. Такой брак был ей противен. Я знал этого мужчину и уже успел его возненавидеть. Так что в ту ночь мы сбежали. Я взял свою лошадь, ружье и лук. Мы ехали вдвоем. Мы уехали далеко в предгорья и разбили тайный лагерь.

Примерно через две недели мой дядя нашел нас, и мы поговорили. Он сказал, что я поступил очень глупо, что все родственники моей женщины были в ярости и что будущий муж поклялся отомстить. Однако, поскольку он сам подарил этому мужчине лошадь и курил с ним трубку, его гнев пошел на убыль. Он считал, что, поскольку я всегда привержен племени моего отца, я должен пойти туда жить. В любом случае, люди моего отца защитят меня. Со временем можно будет сделать подарки моим тестям и тещам. Видите ли, когда мужчина берет женщину, он должен дарить много подарков ее родителям; это называется «платить за нее». Так что я украл свою женщину, потому что ничего не было заплачено. Это всегда будет играть против меня в глазах людей.

На следующий день мы вернулись в племя моего отца. Бедная старушка, тетя моего отца, одна из моих бабушек, как мы говорим, приняла нас, так как у нас не было вигвама. Никто, казалось, не обращал на нас внимания. Когда я охотился, я брал часть мяса и оставлял его у двери моего тестя, как было принято. Наконец, родственники моего дяди собрались и собрали шесть лошадей, несколько одежд, костюм воина и большое количество вяленого мяса. В торжественной процессии они прошли к лагерю моих тестя и тещи. Затем последовал пир и примирение.

Вскоре после этого я случайно встретил свою тещу на тропе. Никто не должен видеть лицо своей тещи; если это произошло, он должен сделать ей подарок, чтобы покрыть ее стыд. Это происшествие стоило мне моего ружья. Это была тяжелая потеря, так как мы все еще были бедны. У моей женщины не было даже собаки для перевозки дров.

На этом рассказчик сделал паузу и начал набивать трубку. Вскоре он сказал: «Курящая звезда все еще над головой. Мы дошли до развилки первой тропы; мальчик становится охотником, идет на войну, имеет видение, присоединяется к Голубям, затем женится и занимает свое место среди мужчин своего племени. До сих пор он идет по одной тропе. Дальше у нас все по-разному: некоторые становятся воинами, некоторые — знахарями, некоторые — вождями. Хорошо, что мы немного отдохнем здесь, прежде чем я продолжу».

Когда трубка догорела, история началась так:

Некоторое время до моей женитьбы я купил членство в обществе «Москиты», когда они продали его «Голубям». У нас было так: было девять обществ для мужчин, различного ранга, а именно: «Москиты», «Храбрецы», «Все храбрые псы», «Передние хвосты», «Вороны-носильщики», «Псы», «Лисицы», «Ловушки» и «Быки». Ниже всех было общество мальчиков, Голуби. Чтобы вступить в эти общества, сначала нужно было купить членство в Голубях, то есть подарить подарки старшему члену, который в ответ передавал вам свое членство. Каждые четыре года каждое из девяти мужских обществ продавалось следующему по рангу; так что в конце концов, если человек доживал до старости, он мог стать членом Быков. Эти общества называли Всех товарищей. У каждого было свои песни, танцы, регалии и ритуалы. Когда все племя собиралось вместе для летней охоты и танца солнца, эти общества призывались для охраны и поддержания порядка в лагере. Их парады и танцы по лагерю были очень впечатляющими. Поскольку все члены общества были примерно одного возраста, белые люди часто называли эти организации «возрастными обществами».

Со временем я прошел через все общества и стал Быком. Когда мы, члены общества «Вороны», устроили танец в торговом посту, где сейчас находится Форт Бентон, нас наблюдали два странных белых человека. Один из них нарисовал нас, а потом старший мужчина задал мне вопросы через переводчика и что-то записал в книгу. Я слышал, что он пришел из-за большого океана, как и первые белые люди (), но больше я его не видел. Я был одним из старейшин (

Когда мы с моими товарищами из племени Буллс продались племени Кэтчерс, я стал одним из старейшин, которые сидели в совете и давали советы людям. В каждом обществе есть два вождя. Я никогда не был лидером, потому что лидеры одного общества всегда продавались лидерам другого, и так случилось, что в моей жизни те же два человека дожили до «Быков». Поэтому у других не было шанса стать лидерами. Но мы уже далеко ушли от моей истории, я должен начать с моей жизни как одного из молодых женатых мужчин.

После того как я вернулся со своей женщиной, чтобы жить в моем племени, старый Медицинский Медведь часто сидел в нашем вигваме. (Моя женщина вскоре выделала шкуры, добытые мной на охоте, и сделала большой красивый вигвам для нас.) Он хотел, чтобы я стал шаманом, как он сам. Видите ли, я испытал настоящее видение, и немногие мужчины, которые постились, получали такую силу, как я. У меня была сила стать шаманом, но я держался своей клятвы быть воином. Я был беден. Поэтому я возглавлял военные отряды против кри, ассинибойн, змеев и воронов. Я захватил много лошадей и ружей. Я считал свои победы и взял три скальпа у воронов. Но я часто размышлял о силах воздуха, воды и земли. Они являются великими тайнами. Все делается ими. Примерно в это время со мной произошло два события, которые отвлекли мои мысли от войны.

Наш вождь возглавил отряд против кри и пригласил меня пойти с ним. Вождь завидовал мне. Как я уже говорил, он был плохим человеком, но я не мог отказаться. Шаман Медицинский Медведь пошел с нами, чтобы дать нам силу. Когда мы достигли земли кри, мне приказали выйти вперед в качестве разведчика. Было темно. Подойдя ближе, я увидел

одиноким вигвам. Я тихо подошел к нему и заглянул внутрь. В вигваме не было никого, кроме мужчины, его жены и маленького ребенка. Малыш только-только научился ходить и развлекался, черпая суп из котелка маленькой роговой ложкой. Мужчина и его жена были заняты разговором и не обращали внимания на ребенка. Вдруг ребенок поднял глаза, увидел меня, подглядывающего через отверстие, побрел к котелку, начерпал суп ложкой и поднес ее ко рту. Я выпил, и ребенок вернулся к котелку за добавкой. Так ребенок кормил меня в течение многих минут. Затем я ушел. Пока я шел к своей группе, я думал про себя: «Мне не нравится это делать, но я должен рассказать своей группе об этом вигваме. Когда они узнают об этом, они придут и убьют этих людей. Этот маленький ребенок кормил меня, даже когда я шпионил за ними (), и я не хочу, чтобы его убили. Ну, может быть, я смогу спасти ребенка, но тогда ему будет очень плохо, если он потеряет своих родителей. Нет, я не вижу, как я могу их спасти, но я не могу вынести, чтобы их убили». Я сел и подумал над этим. Через некоторое время я вернулся к вигваму, вошел и сел. Пока мой хозяин готовил трубку, ребенок снова начал кормить меня ложкой. После того, как мы покурили, я поговорил с мужчиной на языке жестов, рассказал ему все: как я пришел в качестве разведчика, чтобы шпионить за ними, как я собирался привести свою военную группу, но они были спасены маленьким ребенком. Затем я велел мужчине немедленно уходить, оставив все свои вещи в вигваме.

Мужчина был очень благодарен и предложил мне лекарственный узелок и комплект одежды, но я отказался, потому что знал, что моя группа заподозрит меня. Тогда мужчина предложил, что он может положить узелок у двери, за постелью, чтобы, когда воинский отряд подойдет и ворвется в вигвам, я первым захватил узелок. (Все ценные вещи в вигваме всегда хранятся в задней части, напротив двери, и, когда воинский отряд врывается внутрь, самый быстрый бежит к этому месту).

Затем я доложил своему вождю, что обнаружил лагерь врага, но не подходил к нему и никого не видел. Он сразу же выдвинулся вперед, а мы все последовали за ним. Когда мы окружили типи, мы издали крик и бросились на него. Я остался позади, и пока остальные были заняты подсчетом трофеев в задней части типи, я схватил сверток у двери. Вождь был зол, но ничего не сказал. Когда мы снова оказались в лагере, старый Медицинский Медведь начал разворачивать свою военную трубку, чтобы принести благодарственную жертву за наш успех. Затем вождь повернулся ко мне и обвинил меня в предательстве, обвинил в том, что я предупредил врага и спрятал сверток с лекарствами. Я рассердился, вытащил нож, но в этот момент старый Медицинский Медведь вскочил между нами, держа священную трубку в обеих руках. Таков обычай: никто не может сражаться из-за священной трубки. Шаман заставил нас взять трубку и поклясться, что мы отбросим гнев и будем молчать. Так и было.

Я никогда не забуду того маленького ребенка. Какая-то великая сила охраняла его. Его лекарство было сильным. Много раз я молился этой силе, и иногда она помогала мне, но я до сих пор не знаю, что это за сила. Но почему-то я мало интересовался войной, лекарство ребенка повлияло на меня.

В следующем году я чувствовал себя грустным и мрачным. Поэтому я решил все-таки пойти на войну. Я возглавил свою группу против племени Кроу. На четвертую ночь я вышел на разведку. Было облачно и довольно темно. Когда я крался по болотистой местности, из земли поднялась звезда и остановилась передо мной. Это была Курящая звезда. Что-то во мне сказало: «Следуй за ней». Затем звезда медленно ушла вперед; постепенно она привела меня к тропе, а затем быстро исчезла, направляясь к тепи моей женщины дома. Я сел и помолился. В моем сознании Курящая звезда говорила мне, чтобы я вернулся.

Когда наступил рассвет, я вернулся к своей группе. Я рассказал свою историю. Все согласились, что нам следует вернуться домой, потому что знаки были против нас. Когда я вошел в наш лагерь, я увидел много людей, стоящих вокруг вигвама моей женщины, и услышал барабан врача. Мой сын, мой первенец, был очень болен. Были вызваны три врача, один за другим. Я отдал им всех своих лошадей. Как и полагается, когда они поняли, что больной умрет, они ушли. Наконец, я вышел на вершину холма, чтобы взывать к Курящей звезде. Я был уверен, что она мне поможет, но небо затянуло облаками, и на мой призыв не последовало ответа. В то утро мальчик умер.

Днем тело было завернуто в одежду и положено под деревом рядом с нашим лагерем. Поскольку он умер в вигваме, мы не могли использовать его снова, поэтому положили его у подножия дерева. Я обрезал волосы и много дней скорбел. Теперь я был беден. Все мои лошади ушли к врачам. Мой женский вигвам исчез, и мы снова жили с нашей бедной старой бабушкой в ее маленьком рваном вигваме; но через несколько дней родственники моей жены подарили ей другой вигвам, и со временем мы снова накопили лошадей.

Примерно в это время Медицинский Медведь стал владельцем бобрового связка. Мои несчастья все больше и больше обращали мой ум к тайнам сил, окружающих нас, и я начал изучать песни и учения бобровых людей. Ритуал для бобрового связка длинный и сложный. Прежде чем проводить церемонию бобра, нужно выучить более трехсот песен. В узелке находятся шкуры бобров, выдр и многих видов птиц и водных животных. С каждой из них связаны песни, поскольку каждая приносила силу человеку, который первым увидел ее в видении. Мой народ не сажал кукурузу, как это делали жители глиняных домов (манданы и хидатса), но люди-бобры сажали табак. Во время посадки и сбора табака связка бобра открывается и поется ритуальный гимн. Сад и растения являются священными, поскольку табак должен быть принесен в жертву всем силам земли и воды. Человек-бобер должен вести счет дням, лунам и зимам. Для этого он хранит набор палочек, подобных тем, которые иногда можно найти в доме бобра. Он всегда должен быть готов сказать, какая луна и какой день; он должен сказать, когда пора отправляться на весеннюю охоту, проводить танец солнца и т. д. Затем он должен наблюдать за солнцем, луной, звездами, ветрами и облаками, чтобы знать, какая будет погода. Если он святой и добрый, у него будут видения и сны о силе, и он станет шаманом.

Поэтому после смерти моего сына я часто сидел с бобровыми людьми. Со временем я выучил многие бобровые песни и стал главным помощником Медицинского Медведя в церемониях. Когда я был стариком, Медицинский Медведь умер; это было за год до того, как я вышел из общества Быка (в том году мы увидели первый пароход). Тогда я стал ведущим бобровым человеком, каким я являюсь до сих пор.

Когда я только начал изучать медицину бобров, я часами сидел на вершинах холмов и у воды, медитировал и наблюдал за птицами, животными и небом. Однако такие торжественные мысли не занимали все мое время, когда я был молодым женатым мужчиной.

В зимних лагерях было много развлечений. Многие мужчины играли в колесо и стрелы, а также в игру с руками. Это были любимые азартные игры. Первая была для двух игроков, а вторая позволяла играть командами. Некоторые мужчины проигрывали все свое имущество и даже своих женщин. Я никогда не заходил так далеко. Помню, однажды два молодых человека играли в игру с колесом, пока один из них не проиграл все свое имущество, кроме мокасин и набедренной повязки, а в конце концов проиграл и их, к большому веселью всего лагеря.

Моя группа славилась своими шутками. В этом я был лидером. Однажды весной мы разыграли человека по имени Боустринг. У этого человека была любимая скаковая лошадь, которую он очень тщательно охранял, привязывая ее снаружи своего вигвама. Однажды я нарядился, чтобы выглядеть как ворона, и пока Bow-string был внутри и играл в игру с руками, я отвязал его лошадь и увёл её в горы через ручей. Затем мой союзник, подняв тревогу. Все выбежали посмотреть, как ворона уводит лошадь среди бела дня. Конечно, все знали об этой уловке, кроме Боу-стринга. Было принято меры, чтобы все остальные лошади из лагеря были отправлены на пастбище с пастухом. Поэтому Боу-стринг взял ружье и отправился в погоню пешком. Все в лагере, казалось, были очень напуганы, женщины кричали, а все собаки начали лаять. Как предполагаемый Кроу, я вскочил на лошадь, махнул рукой в знак вызова и помчался через холм.

Как только я скрылся из виду, я быстро объехал холмы и вернулся в лагерь после того, как преследователи пересекли гребень. После безуспешных поисков следов группа вернулась, а Боустринг выглядел очень грустным. Но там стояла его лошадь, привязанная, как и раньше! Тогда поднялся большой шум и шутки.

Мой любимый трюк часто применялся к приезжим незнакомцам, особенно к почтенным старикам. Я приглашал гостя в свой вигвам, чтобы полакомиться с несколькими моими друзьями. Затем я делал вид, что ссорюсь со своей женой, и мы начинали драться. Остальные пытались разнять нас, и все начинали бороться, стараясь навалиться на озадаченного гостя и тщательно его измотать.

Наши люди любили спиртное, которое можно было достать, когда мы летом отправлялись в торговые посты. В такие моменты часто возникали драки. Мы все хотели спиртного, потому что верили, что таким образом можно обрести какую-то таинственную силу. Некоторые мужчины в пьяном состоянии видели видения, которые делали их шаманами или знахарями в зависимости от данных им сил. Иногда я тоже пил спиртное. Однажды, когда моя женщина тоже была пьяна, мы поссорились, и я пригрозил убить ее младшего ребенка томагавком, но она схватила горящую палку из костра и прижала ее раскаленный конец к моей шее; вы видите шрам. После этого я не пил много. Я был рад, когда Великий Отец запретил торговлю спиртным, оно приносило нам много вреда.

Раз в год летом все группы нашего племени собирались вместе. Образовывался большой круг из вигвамов, и общества отвечали за лагерь. В это время проводился танец солнца. Он был очень священным и длился много дней. Ни один человек не был достаточно мудр, чтобы знать, как проводились все его части, поэтому для различных ритуалов требовалось много знахарей. Некоторые мужчины клялись в это время мучить себя. Однажды я отдал палец солнцу, но это не настоящее жертвоприношение. Те, кто давал клятву, прорезали отверстия в коже груди и плеч, через которые продевали палки и привязывали веревки. Концы этих веревок прикреплялись к центральному столбу в шатре танца солнца, где эти преданные танцевали и взывали о силе, пока не освобождались или не падали в обморок: я никогда не приносил такую жертву. Я боялся, потому что это очень свято. Однако много раз я отдавал частички своей кожи Натосу (солнцу), о чем свидетельствуют шрамы на моем теле. Я отдавал их не во время танца солнца, а когда постился в одиночестве в горах.

Добрая и добродетельная женщина часто может спасти жизнь своих родственников, дав обет отрезать язык во время танца солнца. Моя женщина сделала это в год, известный как «Зима, когда умер азартный игрок» (около 1845 года, по большинству племенных подсчетов). Ее брат был при смерти. Поэтому она вышла на улицу, посмотрела на солнце и сказала: «Я отрежу язык во время танца солнца». Ее брат поправился. Если бы она не была чистой и доброй женщиной, он бы умер. В свое время старый Медицинский Медведь,

человек с бобровым мешком, получил лошадь и был вызван, чтобы подготовить ее к испытанию. Весной сотня языков буйволов была нарезана и высушена. Только настоящие женщины имеют право нарезать их. Если женщина порежет палец или прорежет дырку в куске, ее выгоняют, потому что она не была верна своему мужу. В нужное время во время танца солнца, когда солнце садится, женщины, которые поклялись взять языки, выходят вперед и по очереди берут кусок языка, поднимают его к солнцу и заявляют о своей чистоте. Любой мужчина, который знает, что это заявление ложно, обязан выступить с вызовом. Моя женщина не была оспорена. Все знали, что она чиста и добра.

Когда-то она была святой женщиной, которая проводила танец солнца. Это было глубокой снежной зимой (около 1851 года), когда она заболела. Многие люди голодали, потому что буйволы ушли далеко перед снежными бурями. Тогда моя женщина обратилась к солнцу, сказав, что она проведет танец солнца в следующем году. Вскоре люди нашли буйволов, и она поправилась.

Женщина не может исполнить танец солнца в одиночку, ее мужчина также должен быть добрым и храбрым. Оба должны поститься четыре дня и сидеть в священном вигваме. Священный узел натоас должен быть открыт, и женщина должна надеть священный головной убор с прерийной репой и нести копалку, которую использовала Женщина, вышедшая замуж за звезду. Той зимой мы были в лагере « » на Миссури. Следующим летом мы пошли к Желтой реке, чтобы исполнить танец солнца.

Теперь, по нашему обычаю, женщина, которая клянется исполнить танец солнца, должна купить связку натоас. Таким образом, она получает силу и право на ритуал. Для этого необходимо подарить много лошадей, одежд и вяленого мяса. Когда мы пришли, чтобы принести нашу связку, все люди из нашего племени и наши родственники из других племен были призваны помочь нам подарками. После танца солнца мы хранили связку натоас в нашем вигваме и ухаживали за ней, как того требовал ритуал. Моя женщина теперь была знахаркой. Она не продала свою связку. Зимой, когда между ними шла кровопролитная война, она умерла (около 1858 года). Я положил связку в ее одежду, поставил ее вигвам на высоком холме и оставил ее там. Таков наш обычай.

Она была хорошей и верной женщиной. После этого я пошел жить к своему сыну, как вы теперь видите. Я никогда не брал себе другую женщину, потому что Курящая звезда явилась мне во сне и запретила это.

Со временем все стали считать меня шаманом. Теперь никто не ходит передо мной, когда я сижу в вигваме. В моем присутствии все ведут себя достойно и прилично и избегают пустых разговоров. Четыре раза в моей жизни Курящая Звезда стояла передо мной. Все видения священны, как и некоторые сны, но когда видение появляется в четвертый раз, оно становится очень святым. Даже шаман не может говорить о нем свободно. Много раз я уходил в уединенные места и взывал к силам воздуха, земли и вод, чтобы они помогли мне понять их пути. Иногда они отвечали мне, но все по-настоящему великие тайны непостижимы.

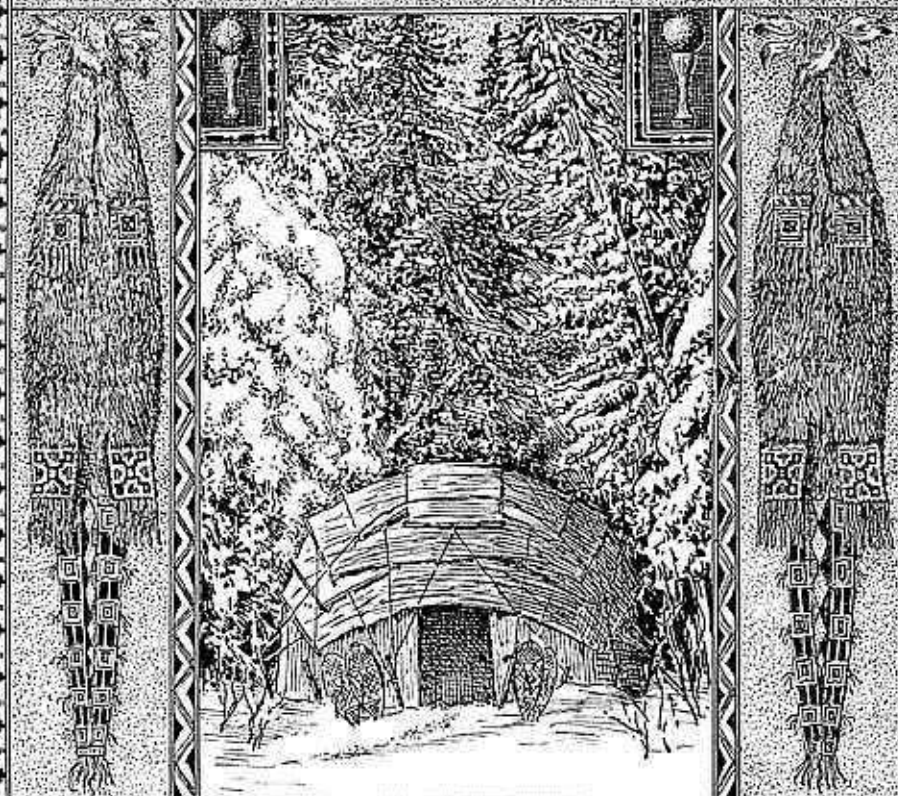
В год зимы в Лагере у плохих вод общество Быка продалось, как я уже сказал. Это был конец того общества; когда мы продались Ловушкам, нас осталось только трое, и те, кому мы продались, вскоре умерли. Образ жизни белых людей проникал в нашу жизнь, и многое уходило в прошлое. Я был теперь стариком, годным только для участия в совете. Я больше не мог охотиться на бизонов, не мог больше ходить на войну. Итак, мы подошли к последнему разветвлению тропы. Я выкурил много трубок. Я участвовал во многих советах, я произносил много речей, чтобы удержать наших молодых людей от опрометчивых и несправедливых поступков. Мы близки к концу. Курящая звезда скоро закатится на западе.

Скоро она приведет меня к песчаным холмам, где мой дух будет бродить среди призраков бизонов, лошадей и людей. Ваш путь « » не является нашим путем, но вы любили нас. Возможно, ваш дух также вернется, чтобы бродить с нами среди песчаных холмов наших отцов. Я молюсь, чтобы так и было. Теперь все закончилось.

Задумчиво я покинул кострище, чтобы найти свои одеяла. Проходя мимо в ночной темноте, я увидел «Дымящуюся звезду», опускающуюся на западе. Она сияла для меня новым светом. Следующей зимой мой старый друг ушел в мир иной. Его тело было положено на деревянном эшафоте возле любимых мест его племени на реке Ту-Медисин.

КЛАРК ВИССЛЕР

LITTLE WOLF JOINS
THE MEDICINE LODGE

Маленький волк присоединяется к Медицинскому домику

I В ЛОДЖЕ МАСТЕРА

Матцикинеу, Ужасный Орел, дремал в сумерках в своем круглом вигваме из тростниковых матов. Огонь тлел, но случайные сквозняки, проникающие через качающийся мат, закрывавший дверь, заставляли маленькие танцующие язычки пламени подниматься вверх и освещать дальнюю часть хижины, так что можно было разглядеть ее обстановку до самых затхлых углов.

По внутреннему периметру вигвама пролежала широкая деревянная скамья, поддерживаемая раздвоенными палками и густо усыпанная ветвями бальзамина, на которых лежали медвежьи шкуры. Внутренняя стена дома была обвешана плетеными тростниковыми матами с цветными узорами из угловатых фигур и условных цветочных мотивов. Над головой Ужасного Орла на покрытых копотью шестах висели несколько овальных свертков, обернутых матами и украшенных почерневшими от времени тыквенными погремушками, боевыми дубинками, а также необычными предметами и оружием. Это были его священные военные и охотничьи свертки, пакеты с амулетами, которые он получил лично от богов во время поста или купил за большую цену у других, более удачливых, чем он. Ведь Ужасный Орел был известным военачальником, охотником и величайшим из всех Mâtç Mitäwûk, Мастеров Великого Медицинского Общества, тайной братской и медицинской организации, к которой в той или иной форме принадлежали почти все влиятельные индейцы всего региона Великих озер и Центрального Запада.

Дверь была тихо отодвинута, и Анаем, собака, похожая на волка, вбежала и свернулась у огня, а за ней, сначала сбросив с плеч груз хвоста, спотыкаясь, вошла Вабано-митаму, Женщина-Рассвет, жена Ужасного Орла, которая, ворча, присела на корточки, чтобы войти в хижину, и, повернувшись на своих скрученных временем коленях, потащила за собой хвост.

Разбуженный шумом, Ужасный Орел потянулся и зевнул, затем протянул руку над головой и снял калабашную погремушку, которую начал осторожно трясти, а Женщина-Рассвет отодвинула в сторону березовые коробки « », загромаздившие пол, разжегла огонь в круглой неглубокой яме, где он тлел, и поставила на горячие угли большой круглый котел с заостренным дном из коричневой глины, основание которого она вкрутила в пепел быстрым круговым движением края. В этот котел она налила немного воды из березового ведра, а когда вода закипела, добавила дикий рис, копченое мясо и сушеные ягоды, которые она перемешала сложной деревянной ложкой.

Случайное шуршание трещотки Ужасного Орла теперь начало вырисовываться в виде мелодии, мотив которой, возможно, был заимствован из ночного журчания и шепота лесного ручья. Она поднималась, как журчание воды, несущейся по каменистым порогам, и опускалась до монотонного мурлыканья небольшого водопада, впадающего в глубокий бассейн.

Затем, внезапно, Ужасный Орел поднял голос в песне — песне, не имеющей смысла для непосвященных, но песне, наполненной силой Маниту и древней, как сосновые леса.

«Ни манитук, хаватукук, ке'неаминум».

«Вы, мои боги, я пою вам!»

«Послушай, старик, — воскликнула Женщина-Рассвет, сидя на корточках рядом со своим кострищем, — зачем ты поешь эту священную песню? Нет нужды повторять песнопения Маниту, когда реки покрыты льдом, а земля засыпана снегом! Когда весной пробудится новая жизнь вместе с травинками, тогда нам нужно будет освежить свою память; но не сейчас, пока боги спят, как медведи».

«Молчи, старый товарищ! Ты не знаешь всего! Даже сейчас приходит тот, кто ищет знания о пути, по которому шли наши братья и товарищи до нас. Послушай!»

В хижине воцарилась тяжелая тишина, свойственная лесам Висконсина в середине зимы. Затем раздался хруст и скрип приближающихся снегоступов, скользящих по покрытой коркой сугробам.

«Н'хау, Женщина-Рассвет! Приготовь место для гостя, разложи одежды за камином, налей миску супа! Кто-то из нашего народа желает войти!»

Шум прекратился у входа, и Ужасный Орел, теперь сгорбившийся перед костром, остановился, прежде чем бросить горячий уголек в табак в своей красной каменной трубке, чтобы пригласить гостя войти. «Йо!» — раздался сердечный ответ, и высокий темнокожий воин, с голой головой, за исключением , украшенной полоской из меха выдры вокруг бровей, прошел под дверь и молча обошел огонь слева, чтобы сесть на место для гостей, где он сел, скрестив ноги, на кучу одежд. Он был одет в простую рубашку из окрашенной в синий цвет оленьей кожи с глубокими бахромами по швам, в кожаные штаны с широкими штанинами, высокие мокасины на мягкой подошве и кожаный фартук, красиво вышитый цветными иголками дикобраза, сформированными в изящные цветочные узоры. Он не был вооружен, и на его смуглых щеках в свете костра были видны два круглых пятна красной краски.

После того как новоприбывший съел миску дымящегося рагу с помощью огромной деревянной ложки, он улегся среди одежд, уютно покуривая трубку с длинным стержнем и чашечкой из красного камня, которую наполнил и зажег для него старик. Когда веселый запах табака и кинкиника проник в хижину, незнакомец заговорил. Он сообщил старикам, что его зовут Мухвасе, Маленький Волк, из клана Волны племени меномини, что он пришел издалека, из Матц Суамако, деревни на Большом Песчаном Барьере в Зеленой бухте озера Мичиган; что молодые люди открыли свои военные сумки и танцевали, готовясь к войне с сауками, но сауки услышали эту новость и бежали на юг. В конце он рассказал все сплетни и слухи о своем племени.

Только когда Женщина-Рассвет уснула, а зимнее небо стало видно сквозь дымовое отверстие хижины, Маленький Волк внезапно вышел и вернулся с огромным узелком, который он бросил на пол у ног Ужасного Орла и молча снова занял свое место на диване.

Дрожащими руками старик развязал кожаные ремни и развернул медвежью шкуру, в которую был завернут узел, и разложил перед собой ряд предметов, которые заставили его красные глаза заблестеть алчностью.

«Нима, некан! Молодец, мой коллега!» — воскликнул он. «Это ценные подарки, и их количество соответствует норме. Четыре топора, четыре копья и четыре ножа из священного желтого камня (самородной меди), четыре пояса из белого вампума и четыре одежды из дубленой оленьей кожи, вышитые перьями, и много табака. Наверняка этот подарок имеет какое-то значение?»

«Дедушка! Тебе, кому ничто не трудно», — ответил посетитель. «Это правда, что я никто. Я беден — враги едва знают мое имя. Но я желаю вкусить пищу из Дома Медицины, как все братья, которые прошли этим путем до меня!»

«Н'хау, мой внук! Я созову трех других Пушвавуков, или мастеров, чтобы получить их согласие. То, о чем ты просил, может показаться тебе ничтожным, но это Жизнь. Эти песни могут показаться детскими забавами, но они обладают огромной силой. Я хорошо тебя понимаю; ты хочешь подражать нашему древнему Великому Мастеру, Мэнабусу, который был убит и воскрешен, чтобы мы могли обрести вечную жизнь! Хорошо! Ты поступил правильно. Утром я пошлю пригласительные палочки и табак, чтобы созвать сюда вождей, чтобы твое обучение могло начаться немедленно!»

II

ОБУЧЕНИЕ

Прошло час после захода солнца. В задней части хижины сидели Ужасный Орел и три других старика, а слева от них — Маленький Волк. Перед ними лежала куча ценных подарков, а на белой выделанной коже нерожденного олененка стоял священный товака, или глубокий барабан, выдолбленный с огромным трудом из короткого куска липового бревна, с двумя пальцами воды внутри, чтобы его звук был гулким, и покрытый влажной мембраной из выделанной кожи оленя. Поперек его головы была уложена изогнутая барабанная палочка, ударная часть которой была вырезана в форме клюва гагары. Перед барабаном стояла деревянная чаша в форме миниатюрного каноэ из бревна, наполненная табаком, и четыре тыквенных погремушки с деревянными ручками, которые блестели от старости и частого использования. Молодой человек поддерживал огонь и наполнял воздух ароматом горячей сладкой травы и кедра. Женщина-рассвет и собака Анем охраняли дверь.

Протянув руки над священными предметами, стоявшими перед ними, Ужасный Орел начал молитву-заклинание, призывая мифического героя и основателя Медицинского Дома, Мэнабуса, Великого Духа, Солнце и Громовых Птиц; к добрым богам-силам или Манитусам воздуха и земли, а также к злым силам, обитающим в земле и под землей, в воде и скрывающимся в мрачных местах мира, чтобы они явились в духе и приняли предложенный им табак и посвятили жертвоприношения, представленные учителям.

Когда молитва закончилась, все собравшиеся в вигваме воскликнули «Хау», и трое старейшин курили и слушали, пока Ужасный Орел начал обучение, рассказывая историю происхождения Медицинского Дома. Взяв в руку барабанную палочку, Ужасный Орел четыре раза отчетливо ударил по барабану и прочитал ритмичным и торжественным тоном, понижая голос до шепота, когда необходимо было упомянуть великую Силу по имени.

Он рассказал, как Матц Хаватаук, Великий Дух, сидел в одиночестве в небесной пустоте над бесконечно простирающимся морем и пожелал, чтобы там появился остров (мир); как он далее пожелал, чтобы на этом острове появилась старая женщина, известная как «Наша бабушка, Земля». Он рассказывал, как Земля-бабушка зачала сверхъестественным образом и родила дочь. Как Четыре ветра, желая родиться людьми, вошли в тело дочери и лежали как близнецы в ее утробе, и как, когда настал час их рождения, их сила была настолько велика, что они разорвали свою мать, сделав женщин навсегда подверженными смерти в родах.

«Тогда, — рассказывал Ужасный Орел, — наша Земная Бабушка собрала разбитые куски своей дочери, поместила их под перевернутую деревянную миску, помолилась, и на четвертый день, по милости Великого Духа, осколки превратились в маленького кролика, которого называли Мэтц Вабус, или Великий Заяц, что со временем исказилось до «Мэнабус», который должен был подготовить мир для проживания людей.

«Кролик вырос в человеческом обличье до зрелого возраста, когда ему дали в качестве компаньона и младшего брата маленького волка, но Силы Нижнего Мира, завидуя, убили волка-брата. Тогда Манабус в гневе напал на Силы Нижнего Мира, и, поскольку он был ребенком Великого Духа, они не смогли ему противостоять. В страхе Злые Силы вернули его младшего брата к жизни, но, поскольку он был мертв четыре дня, плоть отпала от его костей, и он вонял, и Мэнабус, в печали, отказался принять его и послал его править мертвыми в Загробном Мире, в конце Млечного Пути в Западных Небесах. Поэтому люди не могут вернуться к жизни на четвертый день.

«Не зная, как умиловить Мэнабуса, Злые Силы обратились к Силам Высшим, которые являются добрым предзнаменованием. Они воздвигли Лекарственную Хижину на высоких вершинах холмов, продолговатую, прямоугольную, обращенную на восток и запад. Сила Ветров покрыла его голубым небом и белыми облаками (). Каркас из шестов был связан живыми, шипящими змеями вместо липовых веревок, а еда для пира была приправлена щепоткой самого голубого неба. Затем вошли Силы. Боги Зла заняли северную сторону, где царили тьма и холод; Добрые Силы Высшие сели на южной стороне. Затем все они сняли с себя животные обличья, которыми были замаскированы, и повесили их на стене Хижины, и все появились в своих истинных обличьях, как пожилые люди.

«На совете, руководствуясь наставлениями Великого Духа, они решили передать Мэнабусу ритуал Ложи с его секретом — долгой жизнью и бессмертием для человечества — в качестве взятки, чтобы он прекратил свои домогательства. Но Мэнабус отказался принять их послание, пока Выдра не вызвалась привести его. Тогда Манабус пришел, был должным образом проинструктирован и возвышен, будучи убит и снова воскрешен, что продемонстрировало великую силу Сил, владевших Ложей.

«Эта самая церемония, такая же, как та, что была дана Мэнабусу, а позже передана нам, его дядям и тетям, с ее обрядами, формулами и лекарствами, такая же, — заключил Ужасный Орел, — как та, которую мы проводим сегодня, как делали все братья и товарищи, которые прошли этим путем до нас, с тех пор как Меномини вышли из земли в прошлом». Закончив, старик четыре раза ударил по барабану, воскликнув: «Мои коллеги, мои коллеги, мои коллеги, мои коллеги!»

Когда Ужасный Орел закончил свою часть, был перерыв на отдых и перекус, который длился до тех пор, пока все не покурили, а затем другой старый пушвао, или мастер, взялся за дело. Именно он рассказал кандидату о сущности Сил Наверху и Внизу, которые дали человечеству Лекарственную Хижину через Мэнабуса. Он сказал, что было четыре группы Злых Сил, которые сидели на северной стороне Хижины. Первыми были Выдра, Норка, Куница и Ласка; вторыми — Медведь, Пантера, Волк и Рогатый Сова; третьими — Полосатая Громовая Змея, Маленькая Прерийная Громовая Змея, Сосновая Змея и Свиноносая Змея. Четвертая группа состояла из меньших птиц и зверей. Верхний мир, который не обижал Мэнабуса, был представлен не так хорошо и состоял из различных хищных птиц, таких как красноплечий ястреб и ястреб-перепелятник. Они сидели на южной стороне, и в древние времена члены Ложи из числа людей сидели в соответствии с характером своих мешочков с лекарствами.

Шкуры любого из этих животных могли использоваться в качестве емкостей или мешков для секретных лекарств, но собака и лиса, которые раньше ассоциировались с волком, из-за своей хитрости и привычки есть грязь и падаль стали слишком тесно ассоциироваться с колдовством и теперь были табу.

Затем старый мастер рассказал кандидатам, что каждое из этих животных даровало человечеству какую-то особую силу. Так, ласка даровала хитрость и свирепость на войне и в охоте, а аллигаторская черепаха, вероятно, одна из неопределенной четвертой группы злых сил, даровала свое сердце, которое бьется еще долго после того, как его вырвали из груди, чтобы даровать долгую жизнь. Каждому животному во время сессии Ложы посвящалось по четыре песни, сказал старейшина, и третий инструктор научит их кандидатов.

Старый мастер сообщил своему ученику, что, по его мнению, Медицинский домик и его обряды находятся далеко на востоке, в стране у Великого моря, где восходит заря, потому что он однажды встретил группу воинов из далекого Ноттоуэя или Ирокеза, которые рассказывали о обществе и его ритуалах, данных им животными, целью которых была долгая жизнь и бессмертие для людей.

Женщина-Рассвет принесла дымящийся рис и жирную оленину, кости с мозгом и сушеные ягоды, и маленькая компания устроила пир. Было уже очень поздно, но никто не думал о сне. После пира третий старейшина выполнил свою часть задания.

Он выбрал калебасовую погремушку и, то потряхивая ее, то барабанил в сопровождении, научил Маленького Волка песням Ложы. Были песни открытия и песни закрытия, а также песни животных, каждая из которых повторялась четыре раза, священное число, и каждая в группах по четыре. Каждая из них была сделана непонятной и неразборчивой для подслушивающих благодаря добавлению бессмысленных слогов. Некоторые из них были настолько древними и завуалированными слогами, что даже братья помнили только их общее значение. Они считались песнями на тайном, магическом языке. Некоторые песнопения были на других языках, в частности на оджибве, и все заканчивались мистической фразой «ве-хо-хо-хо-хо», что означало «да будет так». У песен были названия, но эти названия тоже были магическими и часто не давали никакого представления о значении или тексте песни, и в большинстве из них избегалось упоминание животных или богов, к которым они относились, за исключением перифразирования или простого упоминания какой-либо выдающейся характеристики или атрибута существа.

Были песни для «стрельбы лекарством» — действия, которое было настолько секретным и загадочным, что кандидат пока не знал его значения, — а также песни для танцев, благодарения и посвящения.

Когда третий старейшина закончил свое краткое изложение песен, которые кандидат должен был позже приобрести и выучить в свободное время, четвертый и последний мастер взял его под свою опеку. Его роль, по его словам, была небольшой, но важной. Он показал кандидату некоторые предметы, которые будут торжественно вручены кандидату в нужное время и в нужном месте. Среди этих предметов была выделанная кожа выдры, ноздри которой были забиты пучками окрашенных в красный цвет перьев ястреба, а нижняя часть четырех лап и хвоста была украшена бахромой из окрашенной в синий цвет кожи лани, вышитой традиционными цветочными узорами из цветных волос и иголок дикобраза. Это должна была быть сумка с лекарствами нового члена. Через отверстие, прорезанное в груди выдры, можно было просунуть руку и найти в маленьком мешочке, сделанном из кожи левой передней лапы животного, небольшую морскую ракушку, называемую *konärämîk*, или лекарственной стрелой, с помощью которой сущность всех священных предметов, содержащихся в сумке, была торжественно «выпущена» или передана телам братьев Ложы во время выполнения ритуала.

В мешке из кожи выдры содержались еще три лекарства. Это были священная синяя краска для лица, цвета неба; таинственный коричневый порошок, содержащий семя,

завернутый в пакет из ракушки пресноводной моллюски; и еще одна смесь из измельченных корней, называемая «Воскреситель» или Apiséitchikun.

Раковина была священной древней чашей, в которую помещали порошок и семена с небольшим количеством воды и давали выпить всем кандидатам. Мистическое семя считалось знаком Медицинской Ложи и должно было оставаться в груди кандидата навсегда, даже после того, как он пойдет по Пути Мертвых вдоль Млечного Пути. «Воскреситель» был мощным лекарством, которое использовалось во всех случаях, когда жизнь угасала из-за болезни или магии.

«Итак, — сказал последний наставник, — это пути и священные вещи Манабуса, данные нам, индейцам, чтобы мы обладали ими и использовали их, пока существует мир!»

Сказав это, он в свою очередь удалился, и компания свернулась в одеялах, чтобы заснуть, прежде чем солнце смогло заглянуть в дымовое отверстие вигвама.

III

ПОСВЯЩЕНИЕ

Наступило время, когда распускались почки, и молодые совы, вылупившиеся еще при снеге, уже ловили добычу. Нестройное кваканье лягушек доносилось как рев из болот. Цвел арбутус.

На вершине теплого, солнечного холма стояло продолговатое сооружение с куполообразной крышей, построенное из шестов, покрытых корой и тростниковыми матами. Оно было ориентировано с востока на запад, и его длина, равная ста футам, странно контрастировала с шириной в двадцать футов.

Это был вечер четвертого дня Митавивина, или церемонии Медицины. Предыдущие три дня и ночи четыре мастера во главе с Ужасным Орлом провели в подготовке Маленького Волка в комнате, образованной занавеской на одном конце ложи; в проведении церемониальной потной бани очищения; в подвешивании вступительных взносов, четырех наборов ценных вещей — одежды, мантий, оружия, медных сосудов — на коньке крыши в восточной части ложи; и в их освящении.

Когда солнце село, четверо стариков и кандидат вошли в хижину, за ними следовали мужчины и женщины племени, которые уже были членами общества. Войдя через восточную дверь, процессия прошла по северной стороне и, обойдя хижину один раз, люди сели справа от двери, а кандидат — с западной стороны от них, рядом с Ужасным Орлом.

Ночь прошла в основном в тишине и наставлениях, и к рассвету один из должностных лиц ложи подошел к Маленькому Волку и встал перед ним, лицом к востоку. Погрузив руку в свою сумку с лекарствами, он достал священную чашу из ракушки и порошок, содержащий семя, из которых он приготовил напиток, напевая песню под названием «Что хранит выдра».

«Я готовлю то, что было повешено [маленькое семя],

И то, что было повешено, упадет!»

Когда он закончил, и Маленький Волк проглотил напиток, этот офицер удалился, и другой вышел вперед и занял его место, напевая. Закончив, он наклонился, сильно закашлялся и зарыгал, пока не выплюнул ракушку, которую держал в ладони своей руки « », и, напевая, показал ее на восток, запад, юг и север, после чего заставил Маленького Волка проглотить

ее, чтобы она осталась в его теле навсегда: символ бессмертия и знак члена ложи. Когда это было сделано, помощник уступил место третьему, который спел четыре песни и раскрасил лицо кандидата священной синей краской. Затем четвертый и последний помощник подошел к кандидату и мастерам, неся сумку из шкуры выдры, которую он положил к ногам Маленького Волка, и спел четыре песни о Выдре, самая известная из которых называлась «Йом Митавакеу» или «Эта Земля Лекарств», но не имела никакого отношения к выдрам!

Теперь старики провели кандидата четыре раза вокруг хижины, рассказывая ему историю древнего Мастера Мэнабуса, которого он теперь представлял. На последнем круге Ужасный Орел привел его к сиденью у западного края хижины и усадил его лицом к востоку, оставаясь с кандидатом, стоящим позади, и держа его за плечи.

Мужчины и женщины, сидящие вокруг стен хижины, сидели напряженно. Тишина нарушалась только звуками леса, потому что наступил великий, драматический момент.

Четверо помощников мастера, которые только что выступали перед Маленьким Волком, теперь собрались на востоке, лицом к нему, и первый из них, взяв свою сумку с лекарствами в обе руки и держа ее на высоте груди перед собой, спел под быстрый ритм барабана песню под названием «Стрельба в нового члена». В конце он издал обычный священный крик «о-у-у-у-у-у!», дунул на голову из шкуры выдры и бросился вперед, как будто собираясь напасть на кандидата.

Перед неофитом, изображающим древнего героя, нападающий остановился, дернул голову выдры вверх и дико закричал: «Я ха ха ха ха!». Магическая сущность сумки, по-видимому, поразила кандидата, он слегка пошатнулся, но был поддержан товарищем, только чтобы встретить притворные атаки второго и третьего помощников, от каждой из которых он снова пошатывался. Но атака четвертого парня была настолько сильной, что кандидат упал на землю. Наклонившись, последний мужчина положил мешок с лекарствами на спину, по-видимому, без сознания брата, чтобы он стал его. По знаку Ужасного Орла четыре помощника подошли к лежащему кандидату, подняли его на ноги и shoo__ его осторожно, чтобы удалить их выстрелы и вернуть его к жизни.

И теперь все ликовали. Принесли дымящиеся глиняные котелки, наполненные вкусными рагу и супами из мяса медведя и черепахи, куропаток и молодых уток. Смех, шутки и добродушные подначки наполняли хижину, пока не была вычищена последняя деревянная миска, после чего посуду и остатки еды вынесли, а барабанщик заиграл веселую танцевальную мелодию. После того как мужчины и женщины исполнили по четыре набора песен, начался общий танец, в котором участники окружили хижину, а новый брат был среди них, весело стреляя друг в друга, соревнуясь друг с другом, кто быстрее поднимется и направит свои мешки или упадет на землю. Все это время звучала громкая и веселая песня:

I

«Я прохожу сквозь них! Я прохожу сквозь них! Я прохожу даже сквозь вождя!»

II

«Боги, примите участие, хотя вы и невидимы под нами!»

Когда все закончилось, и Кесо, Солнце, было почти в зените, четыре помощника сняли с конька крыши плату за приглашение и раздали ее четверем старым Мастерам и другим, кто принимал активное участие в церемонии, а все индейцы вышли через западную дверь, напевая:

«Вы, мои братья, я прохожу рукой над вами. Я благодарю вас».

Мухвасе, Маленький Волк, наблюдал, как последние из его товарищей снимали свои палатки, как снимали покрытия с хижин, как последняя группа исчезала в кустах.

Он был Митао! Членом великой братской организации, который мог путешествовать на запад к подножию Скалистых гор, на север к Бесплодным землям, на юг к странам Айова и Ото, на восток к земле ирокезов и находить братьев, которые прошли тот же путь или, по крайней мере, в основном похожий. Он продемонстрировал свою стойкость и верность, две великие, основные добродетели Медицинского Дома, и прошел через священные таинства, сохранив жизнь и обрета секретные обряды, которые передавались с тех пор, как Меномини впервые появились на земле.

АЛАНСОН СКИННЕР

THUNDER-CLOUD
A WINNEBAGO SHAMAN
RELATES AND PRAYS

Грозовая туча, шаман племени виннебаго, рассказывает и МОЛИТСЯ

Я ПРИШЕЛ СВЫШЕ и я святой. Это моя вторая жизнь на земле. Давным-давно я жил на земле, когда эта земля была полна войн. Тогда я был воином и был храбрым человеком.

Давным-давно я был убит в бою. Идя, я подумал, что споткнулся и упал на землю. Затем я снова встал и продолжил свой путь. Я пошел домой. Когда я пришел домой, там были моя жена и дети, но они не смотрели на меня, не замечали меня. Я заговорил с женой, но она ничем не показала, что заметила мое присутствие. Она не показывала никаких признаков того, что слышит, как с ней кто-то разговаривает. Я стоял там. Я не мог разговаривать с ними, а они никогда не смотрели на меня. «В чем дело?» — подумал я. Наконец мне пришлось в голову, что я, вероятно, мертв, и я сразу же отправился на поле битвы, и там, конечно же, я увидел свое тело. Тогда я впервые понял, что я мертв.

После этого я долгое время пытался вернуться в свой прежний дом; я пытался в течение четырех лет, но мне не удалось, поэтому я остался на земле.

Однажды я был рыбой и жил с ними. Их жизнь гораздо более несчастна, чем наша, потому что они часто испытывают недостаток пищи. Тем не менее, они счастливые существа, потому что очень часто устраивают танцы.

В другой раз я жил маленькой птичкой. Это чудесная жизнь, когда погода хорошая, но когда холодно, жизнь становится тяжелой. Птицы часто испытывают нехватку пищи и страдают от холода. Я имел обыкновение ходить в лагерь некоторых людей, которые жили поблизости, и оставаться там днем. Эти люди в то время охотились, и я крал немного еды из их мясных сушилок.

С ними жил маленький мальчик, и мы всегда очень боялись его, потому что у него был предмет, вызывающий страх. С его помощью он стрелял и производил такой сильный шум, что мы улетали прочь. Ночью мы возвращались домой, в дупло дерева. Когда я приходил туда первым, остальные, приходящие за мной в большом количестве, почти задавливали меня насмерть (), а когда я ждал, пока все остальные войдут, я почти замерзал насмерть.

В другой раз я стал буйволом и жил, как живет буйвол. Нехватка пищи и холодная погода не беспокоили нас особо, но мы должны были все время быть начеку, опасаясь охотников.

Затем из этого места я отправился домой, в мой духовный дом наверху, туда, откуда я пришел. Теперь на небе, наверху, есть дом врачей; это место, откуда я пришел.

Через некоторое время я захотел покинуть свой дом и снова отправиться на землю. Ответственным за этот дом является мой дед. Сначала он был против моего отъезда, но я просил его снова и снова. В четвертый раз, когда я его попросил, он согласился. Он сказал мне: «Хорошо, внук, если ты действительно хочешь отправиться на землю, то можешь идти. Перед тем как уйти, тебе лучше поститься, потому что если какой-нибудь из духов проявит к тебе сострадание, то ты сможешь жить на земле в мире».

Я постился четыре года, и духи наверху, даже до четвертого неба, все одобрили мой уход. Они благословили меня. Я постился десять дней, потом еще двадцать дней, а потом еще тридцать дней. Все духи благословили меня, даже те, что под землей.

Затем, когда я был готов отправиться на землю, все духи собрались вокруг меня и провели совет. В центре мира, там, они провели совет. Там они должны были дать мне совет. Все духи были присутствовали. Они сказали мне, что я не потерплю неудачу ни в чем, что я

предприму. Там они испытали мои силы. Первым делом они поместили духа-гризли в конце танцевального шатра. Этот медведь, как говорили, не мог быть ранен никоим образом.

Хижина была полна духов. Затем они начали петь песни, которые я должен был использовать на земле. После этого я обошел кострище, взял горящий уголь, держа его в ладони, и снова танцевал вокруг кострища. Затем я крикнул «вахи!» и ударил другой рукой по руке, в которой держал уголь. Медведь, неуязвимый медведь, выскочил вперед и упал на землю, лежа на животе. Из его рта вытекала черная субстанция.

Тогда духи сказали мне: «Ты убил его. Несмотря на его силу, ты убил его. Очевидно, что ничто злое никогда не сможет пересечь твой путь». Они сказали мне, что я ни в чем не потерплю неудачу. Затем они взяли того, кого я убил, и, взяв красный нож, разрезали его на куски и сложили в центре хижины. Там они накрыли его темным покрывалом и сказали: «Теперь! Ты должен снова испытать свою силу». Тогда я попросил предметы, которые я должен был использовать на земле: флейту и тыкву. Это были предметы, которые я использовал.

Затем я освятил себя. Те, кто благословил меня, были присутствовали. Затем я обошел вокруг того, кто был разрезан на куски, и вдохнул на него. Затем во второй раз я обошел вокруг предмета и вдохнул на него, а остальные в хижине вдохнули вместе со мной. Четыре раза я вдохнул на него, и тогда он поднялся и ушел, как человек.

«Хохо, это хорошо», — сказали они, «он вернул его к жизни. Несомненно, несомненно, он святой». Так они говорили мне. «Ну, внук, ты всегда будешь таким. Все, что существует, ты сможешь уничтожить, а затем вернуть к жизни. Несомненно, ты был благословлен». Так они говорили мне.

Затем они поместили черный камень в домике врачей наверху, там, где я был благословлен, и снова подвергли меня испытанию силы. Четыре раза я дунул на этот камень и, наконец, силой своего дыхания проделал в камне дыру. Теперь, кто бы ни страдал от боли, если он позволит мне дунуть на него, я смогу избавить его от боли. Неважно, какая это боль, потому что мое дыхание стало святым. Они, духи, сделали мое дыхание святым и сильным.

Затем духи, управляющие землей и живущие под землей, также подвергли меня испытанию. Передо мной положили гнилое бревно. Я дунул на него, плюнул на него водой, и бревно поднялось, превратившись в живого человека. Он ушел. Эту силу плевать на людей, брызгать на них водой я получил от угря; от угря, который был вождем всех угрей, угря, живущего в центре океана, в самой глубокой его части. Он совершенно белый. Именно он благословил меня. Поэтому я могу использовать воду, и вода, которой я обладаю, неиссякаема. Это то, что он мне сказал.

Затем я пришел к людям на земле. До моего прихода они все провели совет по поводу меня. Когда я пришел, я вошел в хижину и там я родился заново. Я думал, что вошел в хижину, но на самом деле я вошел в лоно моей матери. Даже тогда, при моем рождении, я не потерял сознание. Когда я вырос, я снова постился, и тогда все те, кто благословил меня раньше, снова послали мне свои благословения. Именно по этой причине я являюсь диктатором над всеми этими духами. Все, что я скажу, будет так.

Табак, который вы мне предложили, на самом деле не для меня, а для духов, потому что я был послан сюда духами, чтобы достать для них табак. Здесь есть больной человек, и вы предложили мне табак. Для этого я и нахожусь на земле: чтобы принять это подношение. Я говорю вам, что этот пациент будет жить.

Ты будешь жить, пациент, так что помоги себе, как можешь, и стань сильнее. Теперь, когда я приношу табак в жертву духам, ты должен слушать, и если почувствуешь, что я говорю правду, то обретишь силу.

Вот табак для тебя, о Огонь! Я приношу тебе табак. Ты обещал мне, что если я принесу тебе табак, ты исполнишь мою просьбу. Ты обещал, что если я положу табак на твою голову. Разве ты не сказал мне это после того, как я постился четыре дня и ты благословил меня? Теперь приходит просьба от человека, от того, кто хочет жить. Вот, табак твой, и я прошу, чтобы в течение четырех дней он восстановил свое обычное здоровье. Я прошу, чтобы он восстановил свое прежнее здоровье и был таким же, как все мы. Я приношу тебе табак, дедушка. Вот он.

Дай же и ты, о Буйвол, свою силу, свою мощь. Я постился шесть дней, и тогда ты послал мне свой дух. Я вошел в твою хижину, твою хижину, которая находится в центре этой земли. Ты, Буйвол, ты, который чист белым цветом, ты благословил меня. То же самое сделали буйволы четырех разных цветов. Те благословения, которые ты даровал мне, я теперь хочу. Ты дал мне дар дышать на человека. Ты сказал мне, что я не потерплю неудачу. Теперь это то, чего я желаю. Поэтому я прошу тебя добавить свою силу, как ты обещал, потому что они, люди, дали мне много табака.

Теперь ты, о Гризли, вот табак. В местечке под названием Острый холм есть дух, отвечающий за танцевальный домик. Все, кто был в этом домике, благословили меня и сказали, что я смогу убить любого, кто встанет на моем пути, и что я также смогу вернуть к жизни любого, кого захочу. Здесь у меня есть возможность дать жизнь человеку. Я хочу, чтобы он жил. Они дали мне табак. Вот он. Когда я был призраком, ты взял меня в свой дом, и после того, как я постился десять дней, ты благословил меня. Те вещи, которыми ты благословил меня, — это те вещи, которые я сейчас хочу. Люди предлагают тебе табак, дедушки, — вот он.

Теперь ты, главный угорь в центре океана, ты тоже благословил меня после того, как я постился восемь дней. Ты благословил меня своей силой дыхания, своим неиссякаемым богатством воды. Ты дал мне дар использовать его всякий раз, когда я лечил пациента. Это то, что ты мне сказал. Ты сказал мне, что я могу использовать всю воду в океане. Ты благословил меня всеми предметами, которые существуют в океане. Теперь здесь есть человек, желающий жить, и я тоже хочу, чтобы он жил. Именно по этой причине я говорю с тобой таким образом. Когда я сейчас брызгаю на него водой, пусть это будет как будто твоя сила. Дедушка, я предлагаю тебе табак. Вот он. Вот табак для тебя.

Теперь ты, который наверху, Черепаха, ты, который управляешь домом врачей, ты благословил меня после того, как я постился семь дней, и ты перенес меня в духе в свой дом. Там, в твоём доме, я нашел всех птиц с острыми когтями, и вы все благословили меня и сказали мне, что какой бы сильной ни была боль, вы сможете избавить меня от нее. Поэтому вы называли меня избавителем от боли. А теперь приходит человек с сильной болью внутри себя. Я тот, кто избавит его от нее, ибо я тот, кого вы благословили и кого вы научили, что ни в чем он не потерпит неудачу. Я исцелю этого человека. Вот табак.

Ты, обительница дома змеи, ты, совершенно белая, гремучая змея! Разве ты не благословила меня после того, как я постился четыре дня? Ты сказала, что в такой ситуации ты поможешь мне. Ты благословил меня своими гремушками, которые я должен был использовать как тыквы. Ты благословил меня и сказал, что я достигну всего, чего захочу, с помощью гремушки. Поэтому я предлагаю тебе табак, чтобы я мог вернуть к жизни этого

больного человека, когда я встряхну свою тыкву. Что жизнь откроется перед ним, это то, что ты сказал мне, дедушка.

О, ночные духи! Вы тоже благословили меня после того, как я постился девять дней. Вы отвели меня в свою деревню, расположенную на востоке. Там вы сказали мне, что ваши растения священны, и вы благословили меня ими. Теперь это то, что я хочу. Вы сделали мою флейту священной. Вы хорошо знаете, что я говорю правду. Теперь ко мне пришли люди, принесли больного человека, для которого они желают жизни. Я тоже хочу, чтобы он жил. Вот почему я обращаюсь к вам. Вы обещали всегда принимать мой табак, и вот он, дедушки.

О, вот табак для тебя, Дающий болезни! После того, как я постился два дня, ты дал мне понять, что ты тот, кто дарует болезни, и что, если я захочу исцелить больного, это не будет трудно. Поэтому я предлагаю тебе, Дающий болезни, табак. Я предлагаю тебе табак, чтобы этот больной человек снова стал здоровым. Это то, что ты обещал мне в своем благословении.

Эй, вы, Громовые птицы! Я предлагаю вам табак. Когда вы благословили меня, вы сказали, что поможете мне, если я буду в вас нуждаться. Теперь у меня есть человек, который хочет жить. Я тоже хочу, чтобы он жил, и поэтому напоминаю вам о вашем обещании. Я прошу вашей помощи, дедушка, как вы мне обещали. Вот табак.

О, я предлагаю тебе табак, Солнце. Вот он. Ты благословил меня после того, как я постился пять дней, и сказал, что придешь мне на помощь, когда у меня будет трудное задание. А вот человек, который хочет жить. Он пришел с подношениями табака для тебя. Поскольку ты благословил меня, люди принесли мне свои подношения табака.

О, бабушка, Луна! Ты тоже благословила меня, Луна. Ты сказала, что тоже приложишь свою силу. Вот человек, который желает жизни, и я призываю тебя приложить свою силу, как ты мне обещала, чтобы он мог жить. Бабушка, вот табак.

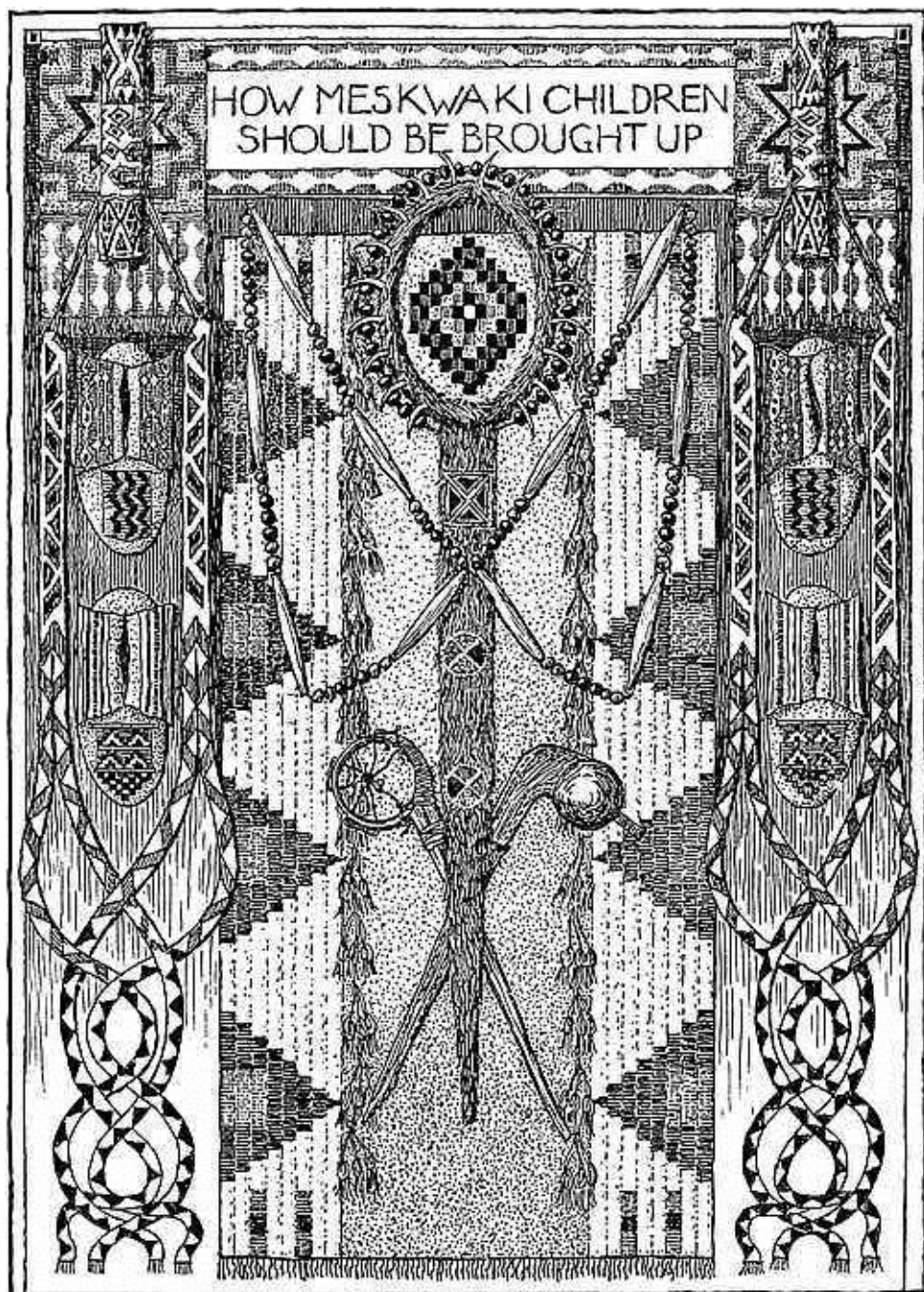
О, бабушка, Земля! Тебе я тоже приношу в дар табак. Ты благословила меня и пообещала всегда помогать мне. Ты обещала, что я смогу использовать все принадлежащие тебе травы, все лучшие, и что тогда я не потерплю неудачу в том, что я предприму. Теперь я прошу тебя в этом случае, чтобы ты сдержала обещание, которое дала мне, и помогла мне. Я прошу тебя сделать для этого больного человека то, о чем меня просят эти люди. Сделай мое лекарство сильным, бабушка.

Хо, ты, вождь всех духов! Ты тоже благословил меня и тоже сказал, что поможешь мне. Поэтому я предлагаю тебе табак, чтобы этот человек мог жить. Если его дух собирается уйти, я прошу тебя держаться от него подальше, не захватывать его. Это то, о чем я прошу тебя и почему я предлагаю тебе табак.

Хо-о-о, всем вам, духам, я предлагаю табак, всем вам, кто благословил меня.

Пол Радин

HOW MESKWAKI CHILDREN
SHOULD BE BROUGHT UP

Как следует воспитывать детей мескваки

Гарри Линкольн из племени мескваки продиктовал следующий свободный перевод текста мескваки, написанного современным слоговым алфавитом.

Когда мальчик становится достаточно взрослым, чтобы быть разумным, его родители начинают учить его, как заботиться о себе и поступать праведно. Обычно они запрещают ему делать многое. Детей учат не быть непослушными. Им говорят, что если они будут непослушными, люди не будут с ними общаться. Им говорят, что если они будут непослушными, люди будут о них говорить. И детям говорят, чтобы они не воровали ничего у соседей. Кроме того, детей учат не разговаривать с людьми. Если они видят, что кто-то проходит мимо их дома, они должны держать язык за зубами и не смеяться.

Им также говорят, чтобы они не ходили в гости к другим людям слишком часто. «Каждый раз, когда они увидят, что ты куда-то идешь, они скажут, что ты ищешь что-нибудь вкусное, если ты будешь ходить в гости слишком часто», — так говорят детям. Поэтому дети не ходят в гости слишком часто.

Также детям говорят, что нельзя играть в азартные игры. Им говорят, что им может повезти и они могут выиграть, но это не принесет им пользы. Им говорят, что проигрывать тоже плохо. Их предупреждают: «Если ты выиграешь, люди увидят твой выигрыш и будут пытаться заставить тебя играть. А если ты будешь играть, то наверняка потеряешь все, что выиграл». Но и быть слишком тихим тоже нехорошо. Если ты тихий и обеспеченный, это тоже не совсем правильно. Если у тебя много лошадей, люди будут завидовать тебе. Кто-то может захотеть часть твоего имущества, а ты не отдашь ему его. Так и будет.

«Лучший способ — быть добрым ко всем, говорить добрые слова, хорошо относиться к друзьям, сохранять чистоту сердца и не говорить злых слов. Если ты будешь так поступать, у тебя будет много друзей. И когда ты будешь маленьким мальчиком, не дерься с другими мальчиками. Если кто-то плохо с тобой разговаривает, не отвечай ему. Пропусти мимо ушей. Это одно из лучших решений, которое ты можешь принять. И если ты видишь, что кто-то что-то делает, ты должен молчать; не будь тем, кто распространяет новости. Не рассказывай, что ты видел, как он или она делали. Если ты распространишь эту информацию, они возненавидят тебя. Они станут твоими врагами».

Есть еще одна вещь, о которой говорят мальчикам. Мальчикам говорят, чтобы они никому не болтали. Им говорят, чтобы они не были слишком близки с девочками. Это не правильно для мальчика. Их предупреждают: «Если ты будешь так поступать, люди будут тебе завидовать».

И есть еще одна вещь, о которой их предупреждают. «Когда вокруг много людей, когда что-то происходит, не подходите туда и не пытайтесь выделиться. Это не принесет вам пользы. Вы можете подойти к толпе и посмотреть, что происходит, но ведите себя прилично. И если кто-нибудь задаст вам вопрос, вы должны сказать этому человеку, что ничего об этом не знаете. Это лучший способ избежать неприятностей».

Есть еще одна вещь, о которой говорят молодым людям: «Если кто-то просит вас об одолжении, вы всегда должны сделать это для него. В ближайшем будущем он снова придет к вам и попросит еще об одолжении. Если вы откажетесь, у вас сразу же начнутся проблемы. Но вы всегда должны делать одолжения для всех, чтобы им понравиться».

И еще одно, молодым людям говорят, чтобы они не боялись пепла: «Постаясь и покрывая лицо пеплом, вы можете получить благословение от Маниту. Если вы поступаете правильно,

вы обязательно будете благословлены. Если вы боитесь, Маниту об этом узнает». Люди утверждают, что пост и чернение лица пеплом — одно из лучших дел, которые они могут совершить. В древние времена говорили, что если человек долго постился, чтобы получить благословение Маниту, он часто успешно отправлялся на войну или убивал людей, постившись так долго. Таково было благословение, которое получал человек. И ты можешь легко охотиться на дичь. Вы можете стать лидером в чем угодно. Если будет война, вы можете стать лидером. И вы всегда будете возвращать своих людей живыми и здоровыми. Они не будут убиты врагом. Вы обязательно получите благословение Маниту, если проявите интерес к посту и не будете бояться этого. После того, как вы достаточно долго постились, если вы чего-то пожелаете, вы это получите. Поэтому пост — это правильное дело. И если вы это делаете, вы должны вставать рано — до того, как взойдет наш дед, Солнце. Если что-то случится с людьми там, где вы находитесь, через несколько лет с вами ничего не случится: вы не будете уничтожены. Это единственный способ, которым вы можете жить снова. Все люди получают от вас пользу. Это лучшая жизнь, которая только может быть». И именно поэтому детей учат поститься.

Мальчикам говорят, что если они увидят животное, они не должны его убивать. Потому что, если они будут убивать животных, сами не проживут долго. Мальчиков также учат быть хорошими охотниками.

Мальчиков учат почти всему, чтобы они могли хорошо ладить со своими женами после женитьбы. Им говорят, что если они будут ловкими, то многие девушки захотят выйти за них замуж.

Конечно, это после того, как они вырастут и станут молодыми мужчинами. До этого момента их просто заставляют поститься. И благодаря посту они доживают до старости. Также детей заставляют поститься, когда кто-то умирает. Им также говорят, чтобы они не шумели, когда кто-то умирает, и не играли там, где находится тело. И мальчикам говорят, чтобы они не отказывались, если их просят что-то сделать. «Если ты сделаешь то, о чем тебя просят люди, потерявшие своих родственников, они будут тобой довольны. И однажды вы поменяетесь местами. Если ты тогда попросишь их об одолжении, они с радостью тебе помогут», — так говорят мальчикам.

А вот что говорят мальчикам, когда они растут: «Если тебя попросят быть церемониальным помощником на праздниках клана, ты должен это сделать. Оказав им услугу, ты принесешь пользу своей собственной жизни. И всякий раз, когда тебя просят что-то сделать, ты всегда должен это делать, чтобы угодить людям».

А когда они вырастут, им говорят, чтобы они не слишком увлекались девушками, особенно если у них есть сестры. Им говорят: «Иногда тебя могут захотеть взять в зятя. Но если ты будешь увлекаться многими девушками, встречаясь с одной, они будут думать, что ты никто». И мальчикам говорят, чтобы они не вступали в интимные отношения с девушками, если не планируют на них жениться. Им говорят: «Вы не должны говорить ничего плохого женщинам: если вы это сделаете, вы будете говорить плохо о своих собственных сестрах.

«И если ты встречаешься с девушкой, если ты с ней помолвлен, ты должен жениться на ней и относиться к ней правильно. Ты должен пойти с ней домой и жить со своим тестем и тещей. Ты должен относиться к ним так хорошо, как только можешь. И ты должен заботиться о своей теще и тесте. Если ты будешь плохо обращаться со своей женой, все будут говорить о тебе. И это будет плохо для тебя. На всех собраниях люди будут говорить о тебе, говоря, как плохо ты обращаешься со своей женой. Люди будут говорить о тебе многое,

хотя ты, возможно, и не будешь об этом знать. Они будут говорить, что ты ревнив. И таким образом люди всегда будут отказывать тебе в услугах. Ты будешь плохо обращаться со своей женой, если не будешь обращать внимания на стариков.

«Ты должен слушаться своих родителей. Слушаться своих родителей — это правильно (). А мальчики, которые не слушаются своих родителей, — это худшие мальчики в наши дни.

«Если ты знаешь, что у кого-то есть что-то свое, ты не должен просить это у него и не должен воровать. Воровать неправильно. Если ты воруеть или просишь то, что хочешь, все люди будут бояться тебя. Ты ничто, кроме нищего. Все будут говорить тебе это. Они будут называть тебя нищим».

Когда мальчики начинают взрослеть, им говорят: «Ты не должен обращаться против своих друзей; ты должен быть добрым. И не надо беспокоить женщину или девушку, которая замужем за другим мужчиной. Не надо пытаться «вытеснить его». Это опасно». Это одна из самых важных вещей, которую они пытаются донести до мальчиков. Делая то, что запрещено, они могут попасть в беду и даже лишиться жизни. Многие мальчики, не послушавшись родителей, заканчивают свою жизнь еще до достижения среднего возраста.

Девочек учат немного иначе, чем мальчиков. Конечно, вначале девочкам говорят то же самое, то есть как заботиться о себе. Их учат, что если они будут соблюдать правила, то с возрастом их жизнь станет легче. Когда они становятся достаточно взрослыми, их учат, как делать разные вещи. Их также заставляют поститься. Их просят поститься, чтобы в зрелом возрасте их не постигли беды. Девочек заставляют поститься четыре дня. Их заставляют поститься всю зиму, особенно когда они начинают становиться молодыми девушками. Причина, по которой их заставляют поститься, заключается в том, что они должны увидеть сон, который поможет им прожить жизнь. Поэтому они не едят регулярно, как другие, чтобы подготовиться к долгой жизни.

И их учат делать что-то для себя, особенно когда они вырастут. Их учат работе, подходящей для женщин. Их учат плести циновки и делать мешки. Их также учат делать мокасины и бисероплетение. Девочкам говорят, что они смогут хорошо уживаться, если научатся этим вещам до замужества. Им говорят: «Вы получите пользу, делая это для своего мужа. Ваши родственники получают от вас пользу».

И девочкам говорят: «Если ты будешь нравственной девушкой, твой тесть и теща будут относиться к тебе так хорошо, как только могут. И они будут любить тебя. Если ты будешь тихой и хорошо себя вести, тебе будет гораздо лучше, чем тем девушкам, которые не обращают на это внимания. Мужчины не обращают внимания на девушек, которые не обращают внимания и ведут себя аморально. Если ты не обращаешь внимания и ведешь себя аморально, ни один мужчина не возьмет тебя в жены». Вот почему девушек учат быть хорошими.

После того, как они научатся делать вещи, их учат готовить еду. Девочкам говорят, что, делая это, они ведут себя правильно. «Поступая так, ты облегчаешь себе жизнь. Когда-нибудь ты можешь вырасти и создать свой собственный дом». Вот почему девочкам говорят, что они должны быть трудолюбивыми.

И девочкам говорят, чтобы они не уходили и не жили с другими людьми. Конечно, люди хотели бы, чтобы девочка пожила с ними несколько дней. Но через несколько дней они могут ее выгнать, особенно если она ленивая. Люди не хотят содержать ленивого человека. Вот почему девочек учат готовить.

А после замужества девочкам особенно говорят, чтобы они ничего не говорили о других людях и не испытывали к ним неприязни. Им говорят, чтобы они не ссорились с другими

людьми, потому что это неправильно. Им говорят, чтобы они были добры к людям и не ссорились ни с кем. «Это лучший способ — быть дружелюбным со всеми. Так люди будут относиться к тебе с добротой. Они всегда будут говорить о тебе хорошие слова. Люди не думают ничего хорошего о злых людях. Если ты злой, то однажды кто-нибудь обратится против тебя. Некоторые люди опасны. У них есть секретные способы убивать людей». Вот почему девочкам говорят, чтобы они не были злыми и не говорили злых слов другим людям. Некоторые девочки ненавидят своих родителей за то, что те им это говорят. Но это правило, которому должны учиться дети. Родители говорят девочкам это потому, что очень их любят. Они учат их, чтобы те могли дожить до старости. Девочки, которых этому не учили, делают все, что им вздумается. Им все равно, что они делают. Они портят себя.

Девочек нужно учить до тех пор, пока они не выйдут замуж. После замужества девочка полностью контролирует себя и может делать все, что считает нужным. Но лучше всего всегда следовать правилам, быть доброй к мужу и людям. Вести праведную жизнь довольно сложно.

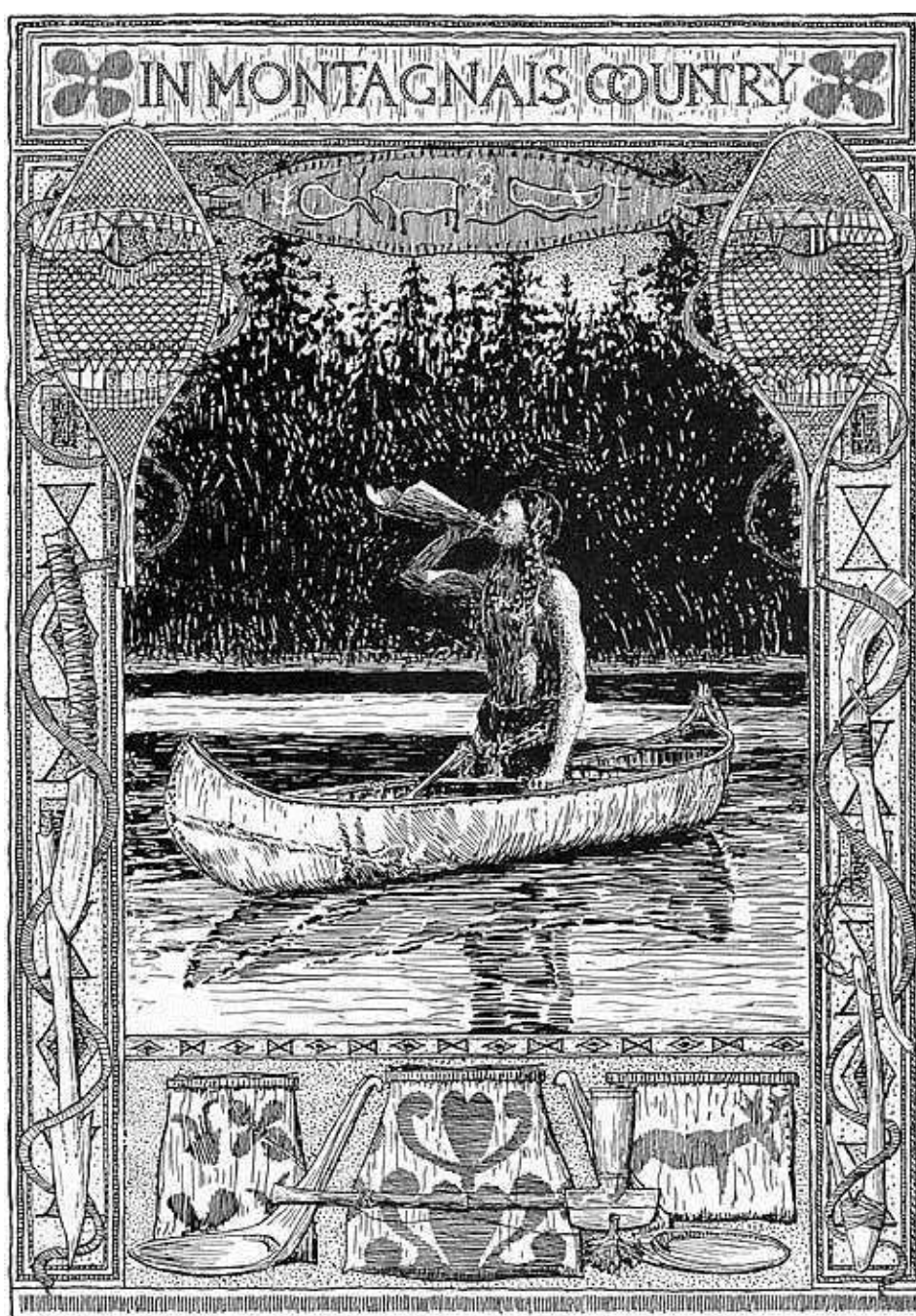
Когда у девушек появляются дети, им говорят, что они должны быть добрыми к своим детям, любить их и не делать им ничего плохого. Их учат, что если они будут жить спокойно до старости, то они сами будут единственными родственниками, которые у них останутся.

И пока дети не вырастут, они не смеют никуда ходить одни. Конечно, мальчики другие: они могут ходить куда угодно. А девочки не смеют этого делать, если у них нет на то веской причины. Их учат всегда быть дома и выполнять работу. Им говорят: «Если ты вырастешь молодой леди, будешь гулять и не будешь ничего делать, люди не будут тебя уважать. Они всегда будут говорить о тебе. Они будут говорить, что ты хороша только для того, чтобы ходить из одного места в другое. Они будут говорить, что ты ищешь место, где можно поесть. Они будут говорить, что ты ищешь место, где можно получить лучшую еду. Они будут говорить о тебе многое. Они даже будут говорить, что ты хуже мужчины. Каждый раз, когда ты будешь на улице, они будут говорить: «Вот идет женщина, которая ищет для себя хорошую еду». Вот почему они хотят, чтобы девочки умели делать вещи, которые помогут им прокормить себя, когда они вырастут. Вот почему они говорят девочкам, что они должны слушаться своих родителей. Их родители имеют большой опыт и знают, о чем говорят.

А когда девочки достигают половой зрелости, им говорят, чтобы они не выходили замуж за разведенных мужчин. Им говорят, чтобы они выходили замуж за молодых мужчин. Раньше, когда девочки выходили замуж за разведенных мужчин, люди говорили друг другу: «Ненормально, когда девочка выходит замуж за разведенного мужчину, и ненормально, когда молодой мужчина женится на разведенной женщине». Они говорили девочкам, что если они выйдут замуж за молодых мужчин, то получат в приданое лошадей и т. д. Девушкам говорят, чтобы они оглядывались вокруг и выбирали подходящего парня. Раньше им нравились парни, которые убивали дичь, ставили ловушки, продавали меха и таким образом зарабатывали деньги; но в наши дни девушкам говорят, чтобы они искали парней, у которых есть лошади, дома и все, что они хотят. Они говорят: «Вот такой молодой человек подходит для брака — тот, кто может тебя содержать».

Девочкам также говорят: «Когда ты живешь со свекром и свекровью, ты должна помогать им в работе. Когда свекровь начинает что-то делать, ты должна спросить ее, можешь ли ты это сделать». Девочек учат этому, чтобы они могли хорошо ладить с окружающими после замужества. Девочкам говорят: «Если ты не будешь делать этих вещей, люди будут говорить о тебе и говорить, какая ты ленивая. И люди не будут тебя любить». Вот почему девочек учат всем видам работы.

И всех девочек учат одному и тому же. И таким образом они ведут себя правильно.

В стране монтанье

На берегу большого озера стояли здания старого поста компании Гудзон-Бэй, куда каждый год весной приезжали жители внутренних районов с грузами шкур, чтобы обменять их на товары, изготовленные для них белыми людьми. В течение долгих холодных зим управляющий и его команда проводили время так комфортно, как могли, практически не отрываясь от однообразной рутины, в то время как сильные порывы холодного ветра, часто принося с собой несколько футов снега, обрушивались на здания. Летом же время летело быстро. С обширных лесистых холмов на севере возвращались группы охотников, принося с собой добычу зимней охоты. Из более близких регионов, народ озера, преодолевая более короткие расстояния, также приезжал со своими шкурами. Так, с двумя группами кочевников, разбившими лагерь вдоль пляжа и на травянистой террасе между озером и лесом на возвышенности, каждую весну картина оживала благодаря присутствию нескольких сотен охотников с их семьями, ярко одетых и болтливых.

Днем, в жаре солнца, которое заставляет эти северные места цвести гектарами зелени и ярких цветов, новоприбывшие бродили от палатки к палатке, обмениваясь сплетнями, разговаривая, поя, играя в игры и планируя приход зимы; и все это время постепенно пополняя запасы своих годовых потребностей благодаря нерегулярной торговле с фактором за его длинной стойкой в почтовом магазине. Ночью между палатками, сгруппированными по две и по три, мерцающие огни освещали сцены тихой домашней жизни, где некоторые спали на кучах палаточного мусора и мехов, а другие были заняты шитьем или тихой беседой, которая делала ранние вечера таким приятным временем для встреч между теми, кто не виделся много месяцев.

Жители внутренних районов всегда приезжали на почту на две-три недели позже тех, чьи охотничьи угодья находились вокруг озера. Некоторые семьи из внутренних районов приезжали за шестьсот миль, ведя собак, которые тянули их груженные сани, а каноэ составляли часть груза, пока, прибыв на юг, где снег уступал место весне (), они не оставляли сани и загружали каноэ, заканчивая свое путешествие, плывя на них по разбухшему течению до большого озера. Завершив торговлю, жители внутренних районов возвращались так же, как и приезжали, на каноэ и санях, покидая Пост на две-три недели раньше, чем жители озера. Так было на протяжении бесчисленных поколений.

Люди с озера никогда не завидовали своим друзьям из внутренних районов. Они считали свое близость к посту большим преимуществом. Они могли даже совершить короткую поездку к посту в середине зимы, чтобы насладиться рождественскими праздниками вместе с фактором и его сотрудниками, в то время как их друзья из внутренних районов, возможно, мерзли или голодали, если им не удавалось добыть дичь.

Люди озера начали считать себя мудрее и важнее своих простых соседей из леса. Часто кто-то из них возвращался из мегаполиса с новой модной одеждой, большим количеством джина и некоторыми предметами домашнего убранства, которыми можно было украсить полки и столы в дощатых домах, построенных на берегу озера, но, прежде всего, с восторженными рассказами о великом и оживленном городе, где можно было найти все, что могло присниться монтанье в его самых смелых мечтах. Для жителей внутренних районов эти рассказы звучали чудесно, но, как бы они ни любили их слушать, в их умах оставалось подозрение, что все не так прекрасно и великолепно, как описывалось, судя по сильному запаху, изможденному состоянию и опустошенным кошелькам тех, кто испытал эти мимолетные контакты с внешним миром.

Продуктом условий, которые делали жителей озера такими довольными собой, был молодой Антуан, крепкий юноша, чье знание французского языка и проницательные принципы ведения бизнеса в целом делали его неоценимым для независимых торговцев мехом, которые регулярно приезжали на озеро, чтобы торговаться с возвращающимися охотниками. Одежда Антуана свидетельствовала о его продвижении по социальной лестнице. Брюки с зауженными штанинами, пиджак с узкой талией, туфли из замши и лакированной кожи, синий целлулоидный воротник, готовый галстук и зеленая шерстяная бейсболка сразу же выдавали его как жителя задворков Монреаля, так же как его смуглая кожа, раскосые глаза и гладкие волосы свидетельствовали о его происхождении из народа Севера. На ломаном французском, даже на ломаном английском, Антуан мог ругаться наравне с франко-канадскими служащими почты почтенной компании Hudson's Bay Company и с сотрудниками Revillon Brothers из Монреаля, которые пытались конкурировать с этой великой компанией. Антуан фактически выработал в себе утонченную браваду, он потреблял бесчисленные пачки бумажных сигарет и тщательно ароматизировал свой организм глотками джина и бренди. Иногда Антуан даже забывал, что он монтанье. Только когда его собственный народ напоминал ему, что ему не пристало охотиться на них в интересах торговцев, его тщеславие снижалось до такой степени, что он становился приемлемым для других молодых людей. Для девушек он был более привлекательным, и среди народа озера было мало девушек, которых он не попробовал. Иногда его тщеславное сердце жаждало расширить свои завоевания на простых девушках, которые терпеливо сопровождали своих родителей в утомительном путешествии из холмов и лесов севера.

Вождь народа внутренних районов, старый Шекапео, чье имя означало «Идущий назад», был суровым и практичным охотником, чей годовой улов, как правило, включал самые лучшие и редкие меха. Хотя он был осведомлен о недостатках характера, которые делали Антуана столь заметным в Посте своей внешностью и репутацией, он часто задавался вопросом, не принесет ли брак между Антуаном и его дочерью значительную выгоду. Учитывая свои собственные возможности в производстве и обширный деловой опыт и связи Антуана, он не раз представлял себе преимущества такого союза, покуривая трубку перед камином. И все же он не мог решиться препятствовать растущей близости между своей дочерью и молодым человеком из своего племени, которого он всегда ценил за его спокойную энергию и продуктивную охоту. Сама девушка, если бы ей дали возможность высказать свое мнение, не сказала бы почти ничего. Родившаяся на берегу отдаленного озера в прекрасное тихое утро, когда полуденная жара поднимала мираж на севере над гладкой гладью воды, ее мать назвала ее Илитваштеу, Мираж, в честь первого явления, которое она увидела после рождения ребенка. Мираж, как и ее отец, чувствовала контраст между Гуд-граундом и Антуаном. Но таинственность Антуана делала его объектом растущего интереса в ее уме. Она осмелилась поднять глаза от своих мокасин и посмотреть прямо на него однажды, когда он пришел в палатку, чтобы поговорить с ее отцом по делам. Затем, когда ее отец отвернулся, Антуан заговорил с ней, но она не решилась ему ответить.

Была зима. Шекапео вернулся на свои охотничьи угодья в районе озера Стэп-Шорс. Рядом с ним в этом году разбила лагерь семья молодого Гудграунда, который в это время года ловил куниц в той части своих наследственных охотничьих угодий. Территории двух семей граничили друг с другом, хотя в течение нескольких лет каждая из них вела деятельность на более отдаленных участках, с тем чтобы промежуточная зона могла пополниться пушными зверями. Старый Шекапео и молодой Гуд-граунд прекрасно знали, где пролегают их соответствующие границы. Зимой они иногда навещали друг друга и иногда планировали обменять привилегии на своих землях. Например, когда в один год в районе Шекапео было много медведей из-за лесного пожара в месяц цветов, который оставил после себя исключительное изобилие ягод « », той же зимой на территории молодого Гудграунда в

необычном количестве бродили карибу. Тогда они разрешили друг другу пересекать границы. Гуд-граунд убил многих медведей Шекапео, а Шекапео взял столько оленей Гуд-граунда, сколько ему было нужно.

Поздно зимой, в месяц сильных морозов, несколько членов семьи Гуд-граунда заболели кашлем и болями в конечностях. Болезнь увеличила обязанности Гуд-граунда, и часто он не мог должным образом следить за своими ловушками, поскольку был вынужден оставаться в лагере. Однажды, когда он отправился проверять свои десять ловушек, которые были расставлены на расстоянии около двух миль друг от друга вдоль берегов реки Попларс, он обнаружил, что к концу второго дня добрался только до девятой ловушки. Условия путешествия были настолько плохими, а его собственное самочувствие настолько угнетенным, что поздно днем он развел небольшой костер на месте, где счистил снег одной из своих снегоступов, и заварил себе чай. Рядом с костром лежали его верные собаки Нтохум и Кавабшет, «Мой охотник» и «Белый», имена которых передавались из поколения в поколение. Они были измотаны и уставшие от того, что тянули сани по мягким, глубоким сугробам. Девять ловушек принесли несколько шкур, но большинство из них были пусты. К неприятностям добавилось еще и обещание плохой погоды. На северо-востоке над острыми верхушками обширного елового леса появилась тяжелая свинцовая туча. Из того же направления время от времени дули порывистые порывы ветра, которые во второй половине дня становились все чаще, заставляя Гудграунда много раз оборачиваться и смотреть назад, а затем подгонять собак несколькими резкими словами, чтобы те усилили свои усилия.

Теперь, куря свою каменную трубку, которую он несколько раз наполнял сухим табаком, полученным из далекого Поста, он сначала смотрел на своих измученных собак, а затем на медленно распространяющийся серый покров над холмами на севере. Вопрос о десятой ловушке тяжело давил на Гудграунда. Может быть, в ее железных челюстях что-то застряло, или же ловушка будет пуста перед его унылым взором, если он соберет силы и будет продвигаться против усиливающегося ветра еще три часа? Цена, которую ему и его животным придется заплатить за то, что там может быть поймано, будет действительно высокой. С истощенными запасами провианта после еще одного дня борьбы с метелью, которая, несомненно, приближалась, в его опытном уме возник вопрос о реальной возможности выполнения этой задачи. Если бы он повернул назад и пошел по ветру к маленькому укрытию, где мог бы переночевать, обратно к Круглому озеру, то тогда он оказался бы в одном дне пути от своего лагеря. Там его больная семья, братья, сестры и мать, были уютно и комфортно размещены в теплом шатре, плотно крытом березовой корой и выстланном шкурами карибу, что делало его теплым, как внутренняя часть его меховой варежки. Но что, если в ловушке номер десять окажется животное, возможно, соболь или даже черная лиса, шкура которых принесет ему столь необходимую прибыль?

Несколько раз набив трубку и очистив ее костяным лезвием, которое он носил привязанным к табачной сумке, Гудграунд, казалось, не мог принять решение. Наконец, решительным движением он погрузил руку в сумку, в которой лежало тушеное мясо зайца, приготовленное для его ужина. Немного порезав ножом, он достал лопатку животного и удалил прилипшую к ней плоть, отрывая ее зубами, пока кость не стала чистой и коричневой; затем на конце расколотаго палки он подержал лопатку зайца над жаром костра и запел низкой мелодией, которая выходила из-под слегка приоткрытых губ. «Ка на ка на аа ка на хе». Пока он пел, кость, под воздействием тепла, почернела к центру; наконец, от центра откололся кусочек с небольшой трещиной, который прошел к краю, проломив кость и вызвав ее сгорание на одной из внешних сторон. Гадание было завершено. Дух зайца сказал ему, что его путешествие будет неудачным.

Теперь, несколькими ловкими и решительными движениями, Гуд-граунд очистил свою трубку, вернул на место несколько предметов, которые он вынул из сумки, поправил снегоступы, засунув ноги в жесткие петли, и повернул на юг, потянув сани на полозьях, пока они тоже не оказались обращенными назад, вдоль тропы, по которой он тридцать минут назад протаптывал снег, чтобы проложить путь для своих собак. Животные не нуждались в человеческом подгоне, чтобы натянуть ремни и тянуть сани по тропе, которая даже сейчас была занесена снегом, наносимым по косой линии через лес сильным ветром. Киведин, северный ветер, теперь собирался править миром северных народов. Все мысли, которые Гудграунд еще недавно строил о том, что могла бы принести ему десятая ловушка, если бы он пошел к ней, исчезли из его головы, уступив место удовлетворению от того, что он послушался своего животного из сна и, вероятно, успеет добраться до своего лагеря вовремя, чтобы избежать страданий, которые, как он знал, ждали бы его, если бы он пошел посмотреть, что находится в ловушке номер десять. Его предчувствия не были беспочвенными. С трудом он добрался до своего маленького лагеря в ту ночь, помогаемый ветром в спину. Его след был теперь полностью засыпан, но ему удалось опередить своих собак и проложить для них путь с помощью снегоступов. В ту ночь в лагере он снова попробовал свой «мутншаван», и кость сломалась так же, как и раньше. На этот раз трещина на поверхности лопатки изгибалась зигзагом в направлении домашнего лагеря, что было верным признаком того, что именно в этом направлении ему предстояло путешествовать на следующий день.

К тому времени, когда поздний северный рассвет достаточно осветил тропу, чтобы он мог по ней идти, Гуд-граунд накормил своих собак и себя остатками туш нескольких животных, которых он добыл, поднимаясь к линии своих ловушек. К наступлению темноты, пробираясь сквозь растущие сугробы с ветром все еще в спину, он бесшумно вышел на очищенную площадку, в центре которой стояли три палатки из коры с клубами дыма, вырывающимися горизонтально из столбов, которые почти девять месяцев в году он называл своим домом. Несколько маленьких собак-метисов, выведенных лисами, вышли, хромя, по утрамбованным тропинкам из одной из палаток и, хрипло кашляя, объявили о возвращении сына и брата самок, находившихся внутри ограды. Они разжигали огонь и готовили рагу из зайца и копченого мяса карибу. Гуд-Граунд поднял кожу, висевшую перед дверью, наклонился под низким сводом и подошел к костру, положив свою сумку с дичью на ветки рядом с коленями своей старшей сестры. Взгляды на его лицо и его ответный взгляд показали, что все в порядке, что все еще живы. И улыбки осветили их лица, когда девушка принесла содержимое одной из сумок с саней и открыла ее на глазах у всех, хотя в ней были только средние шкуры и туши, достаточно большие, чтобы поместиться в котел для завтрашнего ужина.

Метель бушевала, слабые и больные становились хуже, прежде чем им стало лучше, и прошло несколько недель, прежде чем Гуд-граунд смог набраться сил и найти время, чтобы снова запрячь собак и отправиться по трап-линии. Копченые кусочки оленины, туши зайцев и небольшая порция муки помогли им пережить короткий период голода.

Наконец, с возвращением хорошей погоды и утихим ветром, Гудграунд смог обойти свои ловушки, заново заманить и переставить те, которые были разрушены силой ветра, снега и бьющими ветвями подлеска. Добравшись до места, где находилась ловушка номер десять, он отгреб снег и обнаружил там изжеванные и съеденные останки великолепной черной лисы! Гудграунд, стоя и рассматривая оставшийся кусок шелковистой черной как смоль шерсти, размером не больше его ладони, понял, что убыток составит не менее 2500 долларов. Если бы он посетил ловушку номер десять в тот ужасный день несколько недель назад, он мог бы сохранить шкуру.

По возвращении домой Гудграунд ждал еще один сюрприз. Он обнаружил, что его сосед старый Шекапео навестил его семью, преодолев за день путь по мягким и глубоким сугробам, из сочувственного желания узнать, все ли в порядке с семьей, чья жизнь зависела от поддержки одного молодого человека.

Шекапео выслушал рассказ о потерянной добыче Гуд-граунда с невозмутимым выражением лица. Но на следующий день, возвращаясь домой и идя впереди своих собак, он имел время обдумать неудачу, постигшую Гуд-граунда. Затем мысли Шекапео обратились к предстоящему торговому сезону в Посте, и в частности к финансовому превосходству Антуана.

В течение той весны в Посте среди рассказов, которые ходили с, был и тот, что касался Гудграунда и ловушки номер десять. История этого приключения не принесла ему чести, особенно после того, как Антуан воспользовался случаем, чтобы сказать Шекапео в присутствии семьи, включая Мираж, что Гудграунд был глупцом, развернувшись в тот момент, когда его предприятие могло принести добычу на несколько тысяч долларов.

Чтобы объяснить неудачу Гудграунда, Антуан даже заметил, что дух снов Гудграунда не стал бы ему лгать в тот день, когда он повернул назад, если бы он сам не был лжецом.

С наступлением луны, когда птицы начинают летать, что белые люди в Посте называли августом, жители внутренних районов, закончив торговлю, отремонтировав свои каноэ и удовлетворив свою жажду общения, простились со своими друзьями с озера и отправились в обратный путь в северную пустыню. В предстоящем восхождении три каноэ Гудграунда, загруженные провизией и припасами, в значительной части предоставленными ему в кредит фактором, которые должны были продержаться всю зиму на его охотничьих угодьях, пришлось бы переносить через тридцать два перевала. Если погода останется хорошей, он рассчитывал совершить обратный путь за сорок дней. Самое большое озеро, которое ему предстояло пересечь, было девять миль в ширину, но если бы дул сильный ветер, ему пришлось бы преодолеть вдвое большее расстояние, обходя озеро по берегу. Его груз весил в общей сложности около двух тысяч фунтов пятнадцать мешков муки, двести фунтов свинины, десять фунтов табака, сто фунтов муки, сто фунтов жира, двадцать пять фунтов чая, сорок фунтов соли, двадцать коробок разрыхлителя, двадцать пять кусков мыла, две коробки свечей, двенадцать коробок патронов, четыре коробки патронов для винтовок, триста ловушек для бобров и меньших животных и десять ловушек для медведей — и все это в трех каноэ. С помощью матери, сестер и младших братьев эти каноэ приходилось грести по спокойной воде, а на переносах и в местах, где вода была слишком мелкая для гребли, их приходилось переносить на спине.

Наконец, их утомительное путешествие закончилось, Гуд-Граунд и другие достигли своих отдаленных охотничьих угодий и вновь открыли свои лагеря, где за все лето, пока их не было, дикобразы и другие грызуны нанесли ущерб жирной мебели; где даже случайные проходящие мимо медведи оставили свои следы. Не раз карибу и лоси совали свои носы далеко в поляну и среди заброшенных палаток, как будто зная, что люди, которые зимой так жаждали их жизни, теперь были далеко, убивая рыбу, чтобы прокормиться, и ели еду белых людей, запасенную в жестяных банках.

Так прошла еще одна зима для народа внутренних районов, занятого убийством диких животных леса и оживлением душ убитых животных, как они верили, с помощью постоянного барабанного боя, песен, молитв и других шаманских обрядов.

Эта зима на посту, по крайней мере для Антуана, также была сезоном большой активности. Проницательный работодатель Антуана, независимый французский торговец, придумал план, чтобы обеспечить торговлю с народом внутренних районов, когда они

выйдут из лесов весной. План заключался в том, чтобы отправить на озеро, с большими затратами, скрыв от глаз налоговых инспекторов, двадцать ящиков самого крепкого огненного воды, которые были на пути в Эн- . Все это должно было стоить примерно столько, сколько независимая французская компания могла позволить себе вложить в это предприятие, и, как в конце концов пояснил ему его работодатель, поглотить все имеющееся у Антуана имущество в виде более тысячи долларов наличными. Антуан и его работодатель вместе злорадствовали над сенсацией, которая произойдет, когда жители внутренних районов узнают, что старый агент компании умер, а почта закрыта, и что новая компания пошла на такие хлопоты, чтобы обеспечить их любимым спиртным напитком, чтобы у них было хотя бы что-то, чем можно было бы обменять свои меха. Было запланировано, что Антуан поднимется вверх по реке Уэр-Мус-Абаунд, по которой обычно приезжали жители внутренних районов, что занимало несколько дней, и там перехватит их и осуществит обман.

С большой осторожностью были наняты семь крепких гребцов под руководством Антуана, чтобы перевезти замаскированные ящики с озера в удобное место вверх по реке, где жители внутренних районов с их драгоценным грузом мехов обязательно проплывут мимо. В великий день флотилия с алкогольным грузом вышла рано утром. Мужчины, время от времени прибегая к содержимому своего груза, чтобы подкрепиться, наконец достигли назначенного места, разгрузили ящики и разбили лагерь, чтобы дожидаться прибытия охотников, спускающихся вниз по реке. Ожидания Антуана были высоки. Он представлял себе, с каким смятением люди из глубинки воспримут удивительную новость, которую он хотел им сообщить (), и с каким нетерпением они набросятся на его запасы спиртного. Он ожидал, что, начав пить, они не остановятся, пока не обменяют лучшие из своих шкур на последнюю флягу его огненной воды. Его видения с каждым часом все больше стимулировались глотками из его запасов.

В тот вечер, когда путешественники устроились вокруг костра, ничто не могло вызвать у наблюдателя подозрений о том, что должно было произойти. Семь гребцов, которые были из народа озера, решили предпринять действие, которое, по их мнению, было выгодно для них самих, а также соответствовало акцизным законам Доминиона, но которое было продиктовано прежде всего верностью их друзьям из народа внутренних районов. Эти люди из народа озера знали по опыту прошлых лет, что будет означать для их друзей из леса возвращение на далекие охотничьи угодья с одними лишь остатками пьяной оргии, чтобы удовлетворить свои потребности на предстоящую зиму. Поэтому они с большим моральным удовлетворением решили, в интересах себя, правительства и человечества, каким именно должен быть их правильный курс.

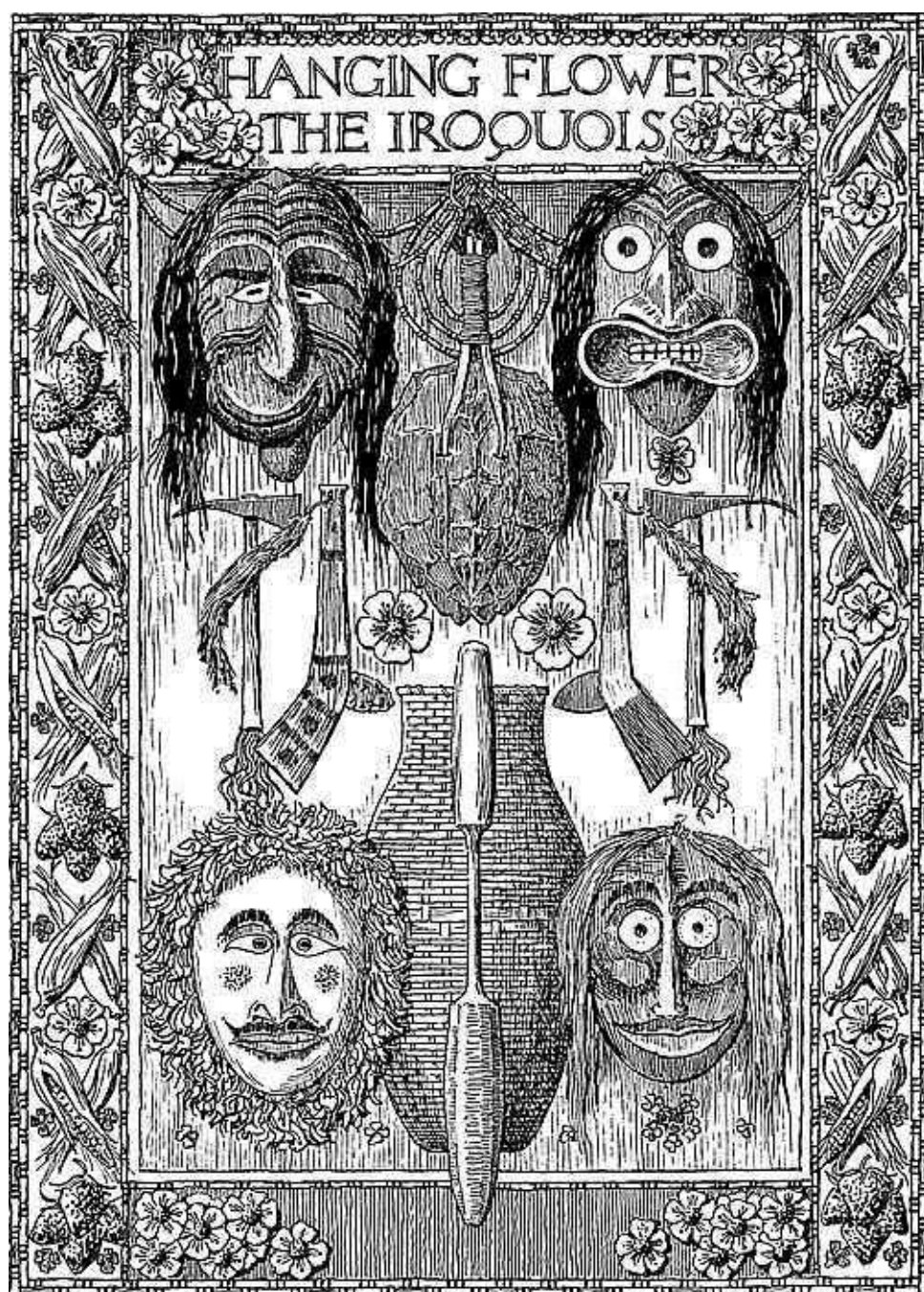
Еще до конца вечера Антуан почувствовал, что его настроение поднялось до предела. Когда один из мужчин попросил его передать спички, он не заметил, что двое других, стоявшие позади него, возились с запутанными ремнями и веревками. Он не заметил, пока не стало слишком поздно, быстрого движения, в результате которого его бросили на спину и быстро связали руки и ноги, заведя руки за спину. Попытки достать свой нож, неистовые крики, извивания и попытки перекусить связывающие ремни были заглушены хохотом, который встретил его, когда он был отброшен в сторону лагеря, как задушенный медведь, чтобы ругаться по-французски и угрожать им всеми ужасными вещами, которых научились бояться северные индейцы. Они только смеялись над ним, когда его одежда из магазина стала грязной, а его утонченная манера исчезла. Эти веселые люди с озера смеялись еще больше, когда ящики были вскрыты их острыми топорами, а пробки вытащены из двадцати плоских бутылок, чье прозрачное содержимое исчезало в их горлах между бульканьем жидкости, смехом и шутками.

Теперь уже два дня этот веселый лагерь Бахуса заставлял леса эхом повторять песни и крики, некоторые из которых исходили из горла людей с озера Бакхус (), становясь с каждым часом все громче, а другие — из горла Антуана (), становясь с каждым часом все тише. Если бы люди из глубинки были в пределах слышимости, они могли бы подумать, что банда грабителей-врагов вступила в сражение на их мирной реке. И, без сомнения, они бы укрылись, пока их разведчики не выяснили бы причину. Но так случилось, что они задержались на многие мили вверх по реке на одном из переходов; нескольким инвалидам требовалась помощь. Когда все смогли возобновить путешествие, они спускались постепенно, чтобы не ухудшить состояние своих пациентов.

Только на второй день после уничтожения ящиков и их содержимого в бивуаке Антуана флотилия, перевозившая Людей из Внутренних районов, обогнула мыс реки и прибыла в лагерь, где к этому времени все весельчаки были разбросаны вокруг в глубоком сне. Осторожно и благоговейно выйдя на берег, первые люди в каноэ «людей из глубинки» подумали, что они наткнулись на лагерь мертвых, хотя, как они позже заметили, запах, витавший в воздухе, не был совсем похож на запах похорон. Им понадобилось всего несколько мгновений, чтобы соединить все обстоятельства. Еще через несколько минут они обнаружили дюжину плоских бутылок, содержимое которых либо было прибережено для этого особого случая предусмотрительными людьми озера, либо было упущено из виду в порыве эмоций, последовавшем за их первым нападением на груз. Теперь настала очередь людей из глубинки проявить заботу о тех людях озера, которые пожертвовали своей лояльностью к работодателю ради своих соплеменников. Даже Антуан был освобожден от своих ремней и встал на ноги. Но два дня поста и пребывания на влажном мхе в мокрой рабочей одежде, без еды и питья, почти истощили его силы. Его товарищи были первыми, кто пришел в себя, и именно из их уст озадаченные жители внутренних районов узнали о произошедшем.

Через день или два, отдохнув, насытившись свежей рыбой и холодной водой, вся компания отплыла от берега. Люди из глубинки продолжили свое путешествие к Посту, но среди некоторых из них произошли изменения, которые особенно повлияли на отношения двух человек. Этими двумя были Гудграунд и Мираж.

ФРЭНК Г. СПЕК

Висячий цветок, ирокез

I

Она родилась в доме из коры. Ее мать, Восходящее солнце, была удивлена, глядя на маленькое личико, потому что почувствовала, что когда-то, давным-давно, она уже видела это лицо, и вскоре она убедилась, что ребенок был точной копией ее прабабушки, матери матери Восходящего солнца, которую она часто видела, когда сама была маленькой девочкой. Висячий цветок была великой знахаркой в свое время, и слава о ее искусстве распространилась далеко за пределы ее племени; однажды, как утверждали, она даже излечила женщину от безумия. Восходящее солнце не могла долго колебаться: она хотела назвать ребенка Висячий цветок.

Вскоре после этого, когда Восходящее солнце восстановила свое здоровье и силы, она обратилась к Чистой, как ручей, хранительнице имен клана Медведя, к которому принадлежала Восходящее солнце. От нее мать узнала, что Висячий цветок, дальний родственник Восходящего солнца, о котором она помнила, что слышала, недавно умерла, и что ее имя было «убрано в ящик». Мать теперь знала, что ничто не мешает ей осуществить свое желание: Висячий цветок будет именем ее маленькой девочки.

Когда наступила осень, Восходящее солнце начала готовиться к великому Празднику зеленого кукурузы, и на второй день торжеств она принесла маленькую Висячий цветок в Длинный дом, где ей торжественно присвоили имя в присутствии всех людей.

II

Первые лета жизни Висящего Цветка прошли без особых событий. Восходящее Солнце была доброй матерью; она часами разговаривала с маленькой Висящим Цветком мягким, успокаивающим голосом, а ночью убаюкивала ее печальными, монотонными колыбельными. Когда наступало время сбора урожая и Восходящее солнце была занята на кукурузных полях вместе с другими женщинами, Висячий цветок заворачивали и надежно привязывали к ее носилке « », которую затем вешали на ветку вяза; там, мягко покачиваясь на ветру, Висячий цветок спала, пока ее мать усердно трудилась.

III

Прошло лето, и Висячий цветок перестала быть младенцем. Мать научила ее искусству готовки; она также начала помогать, когда кукурузу толкли в больших деревянных ступках. Вскоре она научилась вышивать. И по мере того, как ее пальцы становились ловкими, а глаза любили цветные бусины и ракушки вампум, она начала чувствовать, что мир бутонов, цветов и листьев принадлежит ей, ей и ее матери, а также другим женщинам; мужчины ничего не знали о таких вещах.

Однажды, когда брат Восходящего солнца остался в гостях, Висячий цветок застала его за работой над маленькой Ложной маской; она долго наблюдала за ним незаметно, а когда он ушел, она практиковалась в резьбе по кусочкам дерева и коры, пока не почувствовала, что делает это так же хорошо, как любой мужчина. Но она никогда не говорила об этом и никому не показывала свои работы, так как ее учили, что резьба по дереву — не женское дело.

IV

Прошло лето, и Висящий цветок стала девушкой. У нее были большие черные глаза и густые волосы, которые она носила в двух больших косах, тяжело ниспадающих на плечи. Когда она шла по дороге, некоторые мальчики пристально смотрели на нее, а другие отводили взгляд и ускоряли шаг. Но она прошла мимо всех и каждого. Висящий цветок стала великолепной танцовщицей, и среди пожилых мужчин и женщин, наблюдавших за ее танцами с другими на фестивалях клубники и малины, слышалось много лестных комментариев.

V

В следующий сезон сбора ягод Висячий цветок присоединилась к группе молодых парней и девушек, и они вместе отправились в лес. Старый Звонкий голос, великий рассказчик, был с ними.

Каждый вечер, когда день работы заканчивался и мальчики и девочки возвращались в лагерь с корзинами, наполненными красными сочными ягодами, все они садились вокруг костра, а Быстрорукий и Она-работает-в-доме, которые славились своим мастерством в приготовлении пищи, готовили вкусный суп из кукурузной муки, после чего ели ягоды в больших количествах. Затем Звонкий голос зажигал свою трубку и, прислонившись спиной к пню, подтянув ноги так, что колени почти касались подбородка, начинал говорить медленными и размеренными фразами. Именно здесь Висячий Цветок впервые узнал о языке животных и о великом воине, который был так добр к зверям и птицам лесов и полей и который был возвращен к жизни их усилиями после того, как он пал от стрел сиу. Она узнала о великом лекарстве, га'-нò-да, которое животные изготовили из частей своих тел и дали воину, чтобы он использовал его для лечения всех болезней. Она была в восторге, слушая историю о Бледном Лице, чистом юноше, который отправился в путь в одиночку и, блуждая по лесам, встретил пигмеев и научился у них Пигмейскому или Темному танцу, который, как сказала ей мать, она сама однажды исполнит. И много вечеров подряд мальчики и девочки были зачарованы, слушая, как Звонкий Голос рассказывал великую историю о создании Лиги, о Деганавиде и Хайенхвате, великих вождях, которые организовали Лигу, установили Закон и установили Великий Мир.

Однажды ночью, когда они сидели вокруг костра, а Звонкий голос был поглощен своим рассказом, Висячий цветок вдруг почувствовала, что кто-то смотрит на нее. Она повернула голову и увидела Прямого, как стрела, высокого, стройного юношу, который смотрел на нее большими удивленными глазами. Она отвернулась и ни разу за весь долгий вечер не повернула голову снова.

Вечер за вечером, слушая рассказы, Висячий Цветок чувствовала его пристальный взгляд на себе. Она никогда не поворачивалась, боялась даже пошевелиться, но знала, что его глаза прикованы к ней.

Однажды ночью, когда луна не светила и в лагере все было тихо, он подошел к ней, как ветер. Охваченная ужасом, Висячий цветок хотела закричать. Ее губы раздвинулись, но звука не вышло; ее сердце билось быстро, и она лежала на мокрой траве, горячая и дрожащая.

Когда наступила следующая весна, у Висящего Цветка родился ребенок. Он не издал ни звука, когда появился на свет, потому что был мертв. Вечером того же дня две фигуры, закутанные в одеяла, выскользнули из дома из коры; одна из них несла на руках маленький сверток. Тихо, как тени, они скользили по дороге, пока не достигли кладбища клана Медведя. И там две женщины похоронили маленькое безымянное существо, которое

появилось на свет нежеланным и ненужным. Никто их не видел, никто не знал; и через некоторое время сама Висячий цветок забыла о том, что произошло.

VI

Спустя некоторое время Восходящее солнце навестила деревню своей сестры. Так случилось, что в то время проходил Праздник бобов. Восходящее солнце пошла в Длинный дом со своей сестрой и ее людьми. Там она увидела Быстроногого, великого бегуна, и была настолько очарована его фигурой, изящной, как у оленя, что не могла отвести от него глаз. После праздника Восходящее солнце поговорила с матерью Быстроногого. Она попросила Посадителя кукурузы навестить ее в родной деревне.

VII

Через некоторое время Кукурузосадительница пришла навестить Восходящее солнце. Вместе с хозяйкой она пошла на поля, где созрела кукуруза и женщины были заняты ее сбором. Она увидела длинные ряды согнутых спин и зеленые и желтые початки, которые на мгновение появлялись над левыми плечами женщин, а затем исчезали в больших корзинах на их спинах.

«Та девушка в третьем ряду, — воскликнула Корнплантер, — кажется, работает за двоих. Посмотри, как ее руки летают над кукурузой!»

«Это Висячий цветок, — ответила Восходящее солнце, — моя дочь. Она будет хорошей женой для Быстроногого, бегуна».

«Пусть она испечет корзину кукурузного хлеба, — сказал Кукурузовод, — Быстроногий будет готов».

VIII

В ту ночь Восходящее солнце сказал Висячему цветку, что пришло время ей выйти замуж и что Быстрый бегун, великий бегун, готов принять ее корзину кукурузного хлеба. Не сказав ни слова, Висячий цветок занялась кукурузной мукой, и к утру корзина хлеба была готова. Hanging-flower рано вышла в путь и к полудню достигла деревни Corn-planter. Когда она прибыла, мальчики устраивали соревнования по бегу. С широко открытыми глазами она стояла, когда Fleet-of-foot промчался мимо нее, словно несомый ветром. Hanging-flower закрыла глаза... и ей показалось, что она слышит шелест сосен; она почувствовала, как лежит на мокрой траве, горячая и дрожащая; и сквозь туман она увидела две фигуры, закутанные в одеяла, склонившиеся над безымянным предметом, который они зарывали в землю...

Когда гонки закончились, Висячий Цветок увидела Быстроногую, отдыхающую на пне перед домом своей матери. Тогда она подошла и поставила корзину с кукурузным хлебом перед ним на землю. Быстроногий поднялся и ничего не сказал. Он только посмотрел на Висячий Цветок острым, пронзительным взглядом, взял корзину и вошел в дом. Через некоторое время в дверях появилась Посадительница кукурузы. Она пригласила Висячий цветок войти, и Висячий цветок пообедала с Посадительницей кукурузы и ее людьми. Солнце еще было высоко, когда она отправилась в обратный путь, и до наступления ночи она добралась до своей деревни.

Когда Висячий цветок заснула той ночью, она увидела нескольких оленей, бегающих между деревьями. Один из оленей был больше и быстрее других. Висячий цветок пыталась

поймать его. Снова и снова она чувствовала, как летит по воздуху в погоне за ним, но как только она была готова схватить его, он ускользал от нее.

На следующее утро Быстрый бегун прибыл к дому, где Висячий цветок жила со своим народом. Увидев, как он входит, она встала. В руке он держал ожерелье из синих и белых бус вампум. Вскоре он взял его обеими руками и надел ей на шею. Тогда Висячий цветок поняла, что у нее есть муж.

Длинный дом, в котором Висячий цветок жила со своей матерью и несколькими другими семьями, уже давно был переполнен, и Быстроногий решил, что им нужно построить новый дом для себя. Многие мужчины и женщины, в основном родственники Висячего цветка, помогли молодой паре построить небольшой дом из коры, и через несколько лун дом был готов, и Висячий цветок и Быстроногий начали жить в нем.

С течением лета в дом стали переезжать другие пары, и его расширяли, чтобы разместить все большее количество людей. Так продолжалось некоторое время, пока дом не стал длинным домом, как и другие.

IX

Когда наступил следующий сезон сбора ягод, у Висящего Цветка родился сын; посоветовавшись с Весенним Цветком, матерью своей матери, Висящий Цветок дала ему имя Радостная Весть. Когда Висящий Цветок лежала на своей постели, и кровь бурлила в ее жилах, она услышала звук погремушек снаружи и увидела, как ее брат взял свою черепашую погремушку и присоединился к Лжелицам, которые проходили через деревню. Висячий Цветок знала, что Радостная Весть однажды станет вождем, и той ночью она вырезала маленькое Ложное Лицо и спрятала его в своей сумке, потому что она слышала гремушки и знала, что однажды ее сын станет вождем Ложных Лиц. Висячий Цветок была очень красива, когда лежала на своей постели. Ее большие черные глаза были еще больше и глубже, чем обычно; она заглянула в будущее.

X

Прошло много лет, и Радостная весть стал сильным и красивым юношей. Он был очень молод, но старики считали его мудрым и хладнокровным. Женщины были без ума от него, но он не обращал на них внимания. Он предпочитал сидеть со стариками, всегда расспрашивая о древних вещах и жадно изучая законы и традиции своего народа.

Однажды, когда Висячий Цветок молола кукурузу за своим домом, на дороге раздался пронзительный звук: гва-а! гва-а! гва-а! Висячий Цветок задрожала, потому что знала, что умер вождь. Вскоре пришла весть, что ее брат Гром-Сила был убит шальной стрелой во время столкновения с сиу.

Весенний Цветок и Восходящее Солнце были мертвы, и теперь Висячий Цветок была главой своей семьи. Узнав печальную новость, она начала думать о Радостной Вести. Он был молод, но мудр и силен, и в семье не было другого мужчины, который мог бы занять его место вождя.

Через несколько дней Висячий Цветок созвала семейный совет. На совете присутствовали несколько мужчин, но в основном женщины, и хотя там были и другие представители племени Медведей, большинство присутствующих принадлежали к семье Висячего Цветка. Когда все собрались, Висящий цветок начала говорить, и все замолчали. Она рассказала о молодости Радостной весты, но вспомнила о многих признаках мудрости и характера,

которые он проявил (), и перед тем, как закончить, она предложила своего сына на место вождя вместо своего брата, Силы грома.

В течение многих дней после этого Висячий Цветок была занята посещением других вождей своего племени. Сначала она посетила тех, кто принадлежал к братским кланам, а затем тех, кто принадлежал к кланам двоюродных братьев, и когда ее кандидат был утвержден всеми этими вождями, она представила его имя на рассмотрение Великого Совета вождей Лиги, который также одобрил ее выбор.

И так случилось, что еще до сбора урожая той осенью Глад-Тидингс стал вождем вместо брата своей матери.

XI

Прошло несколько лет, и до Висящего Цветка дошли странные слухи. Первой пришла Полнолуние и многословно рассказала матери, что Радостная Весть подозревается в заключении бесчестного соглашения с сиу. Она утверждала, что он пообещал использовать свое влияние на воинов своего народа, чтобы те не нападали на сиу, пока те сражаются с алгонкинами. Затем пришел Пересекающий дороги, брат Быстроногого, и он серьезным тоном говорил о бесчестье, которое поступок Радостных вестей навлек на его народ. День за днем мужчины и женщины приходили и серьезно и горячо говорили с Висящим цветком, и суть новостей, которые они приносили, всегда была одной и той же.

XII

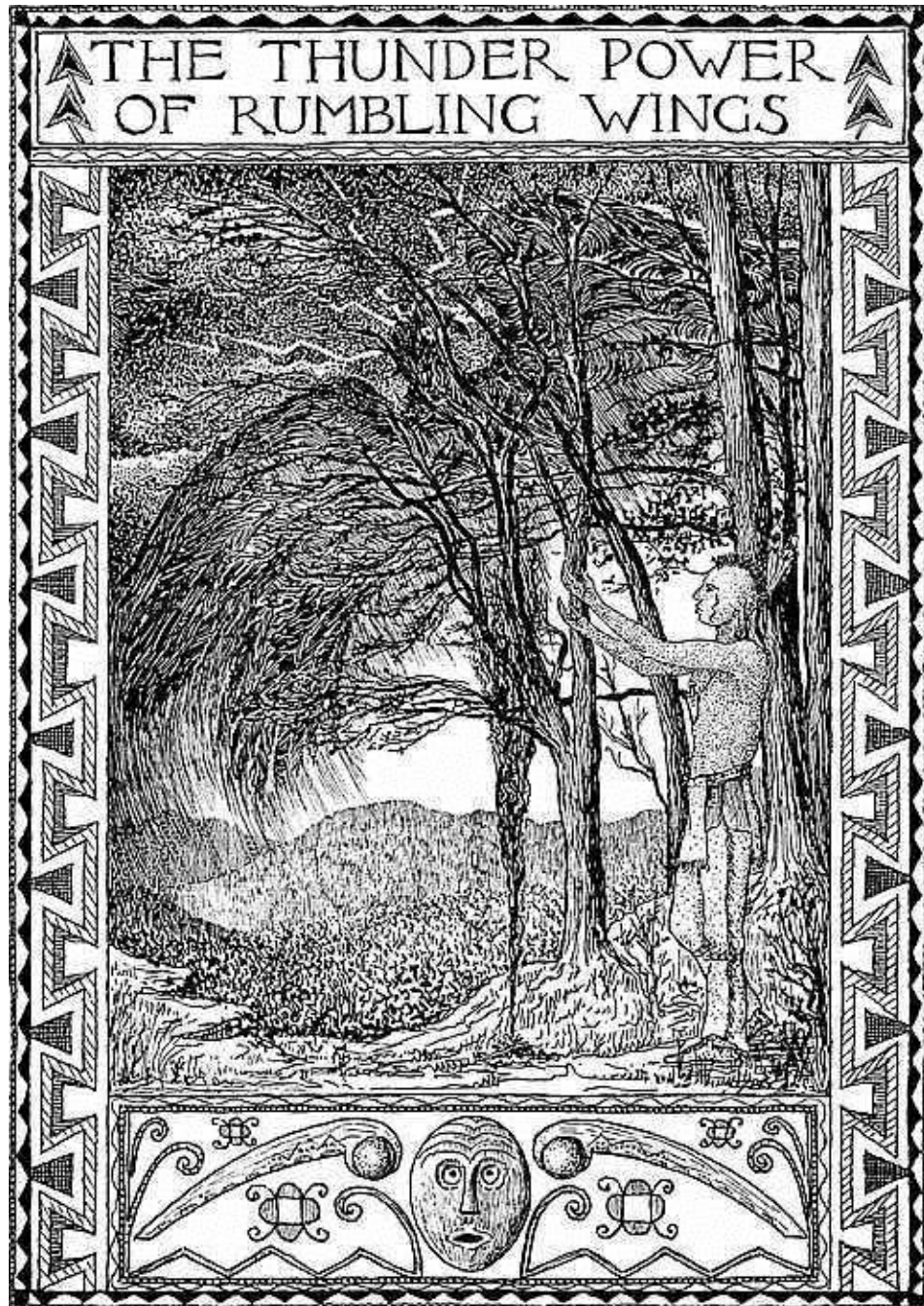
Висячий Цветок была теперь бледной и изможденной, и с каждым днем она теряла вес. Но однажды она почувствовала, что она больше не мать, а матрона своей семьи. Она позвала Вождя Радостных Вестей и, стоя перед ним, торжественно предостерегла его, чтобы он прекратил свои постыдные поступки, которые приносили позор его народу. Но если он будет продолжать, такие были ее прощальные слова, она снова придет к нему, а затем еще раз, в сопровождении вождя воинов, и тогда она сместит его, и он больше не будет вождем.

Дни шли, а слухи не утихали. Висящий цветок пришла к Радостной вести во второй раз, и когда она закончила говорить, он ничего не ответил. Через некоторое время она пришла к нему в третий раз в сопровождении вождя воинов. Когда они оба стояли перед Радостной вестью, вождь воинов сказал: «Я предупреждаю тебя в последний раз: если ты продолжишь сопротивляться и не будешь подчиняться нашей просьбе, то твои обязанности вождя нашей семьи и клана будут прекращены, я сниму с твоей головы оленьи рога и срублю дерево широким топором с острым лезвием». Сказав это, вождь воинов «снял оленьи рога с головы Радостных вестей» и передал их Висящему цветку, ибо отныне Радостные вести больше не были вождем.

Висячий Цветок пошла в дом Совета и лично сообщила другим вождям, что Радостная Весть был смещен. Когда она говорила, ее сердце разрывалось, потому что она знала, что «уголь в огне» ее семьи погас, и вождь был потерян.

Через несколько дней после этого Полная Луна пришла к Висячему Цветку и многословно сообщила ей, что Пернатый Стрела, сын Полной Луны, станет вождем вместо Радостных Вестей и что вожди Лиги передали вождство ее семье.

Вечером того же дня Висячий Цветок, укутавшись в одеяло, вышла за пределы деревни. Долгое время она стояла на холме над кукурузными полями. Ее мысли обратились к прошлому, и она долгое время была погружена в воспоминания... Но о будущем она не хотела думать.

Громовая сила грохочущих крыльев

Странные события, о которых я пишу, произошли летом 1840 года, когда я, тогда мужчина в расцвете сил, которому было чуть за сорок, случайно возглавил музейную экспедицию, отправленную для исследования древнего захоронения племени ленапе, расположенного на вершине холма в северо-западной части штата Нью-Джерси.

Десятого июня мы наткнулись на необычно глубокую могилу круглой формы, диаметром около шести футов, в которой на глубине примерно семи футов от поверхности мы обнаружили несколько каменных плит, сложенных в виде кургана.

Осторожно убрав их, мы обнаружили под ними скелет, который, после тщательного раскопки и очистки, оказался скелетом взрослого мужчины, лежащего на правом боку, с подтянутыми под прямым углом к телу коленями и руками возле лица. Рядом с его разваливающейся грудной лежала крошечная каменная маска с двумя маленькими отверстиями, на которых были видны следы от подвесного шнура, а рядом с ней — лезвие ножа из пурпурного аргиллита и небольшая трубка из обожженной глины с очень аккуратным узором, нанесенным на ее поверхность острым предметом, пока материал был еще мягким. По обеим сторонам черепа лежали меловые остатки каких-то ракушечных бус, несколько больше и грубее, чем вампум, но похожих по форме; а возле ног небольшая кучка аккуратно изготовленных кремневых наконечников стрел свидетельствовала о том, что когда-то здесь был пучок или колчан со стрелами.

Какой археолог не сидел на краю недавно обнаруженной древней могилы и не желал, чтобы безмятежные челюсти перед ним могли заговорить и рассказать свою историю? Или не желал, чтобы он сам мог на мгновение перенестись в прошлое, чтобы узнать что-нибудь о жизни в былые времена? Так я сидел и так я желал; а затем мы сфотографировали нашу находку в том виде, в каком она лежала, и унесли образцы на хранение.

Однако, поскольку было уже поздно, мы не трогали кости, намереваясь забрать их на следующий день, и оставили их на ночь, все еще окруженными каменными плитами.

После наступления темноты я вспомнил, что забыл взять с собой свой блокнот, и вспомнил, что оставил его на куче земли рядом с могилой, и поэтому, ориентируясь по мерцающим вспышкам молнии от приближающейся грозы, я направился туда. Я помню, что нашел тетрадь и только что повернул назад к лагерю, протянув руку, чтобы почувствовать первые капли дождя, когда ослепительная вспышка и сильный удар потрясли меня, и я пошатнулся, пошатнулся и упал в темноту...

Когда я пришел в себя, я ничего не видел, но знал, что идет сильный дождь; я слышал, как капли стучат по листьям; я чувствовал их на своем теле.

На моем теле? Я, должно быть, голый! Я потрогал грудь — она была обнаженной и мокрой, руки тоже. Куда делась моя одежда? Я потрогал пояс — он был застегнут, а спереди висело что-то похожее на маленький фартук, мокрый и слизистый. А ноги? Я потрогал их и обнаружил, что они обтянуты какими-то длинными чулками, достигающими почти до бедер, и почувствовал, что от них к поясу идут какие-то подтяжки. Мои ноги, казалось, были покрыты такими же мягкими чулками, которые, как и фартук, были мокрыми и слизистыми на ощупь.

Когда я наклонился, чтобы пощупать свои ноги, что-то коснулось моей щеки, что-то твердое и холодное, но легкое и почти прилипающее. Я поднял руку и пощупал; это казалось нитью или, скорее, петель из маленьких бусинок.

Затем я проследил пальцами и обнаружил, что эта петля, вместе с рядом других петель, каким-то образом была прочно прикреплена к моему уху в нескольких разных местах от мочки и выше. Я пощупал вокруг и обнаружил, что их было так много, что верхняя часть уха была согнута под их весом, а мочка была несколько растянута. Я прощупал каждую петлю по отдельности; каждая была прочно прикреплена; другое ухо было в таком же состоянии. Я покачал головой и почувствовал, как они раскачиваются под весом.

Озадаченный, я начал проводить пальцами по волосам — моя любимая привычка — и обнаружил, что у меня их нет! То есть, нет, о которых стоило бы говорить — они были очень короткие, почти как будто выбритые, за исключением щетинистого гребня, похожего на гриву мула, который пролегал от передней части головы к затылку и заканчивался маленьким хвостиком или косичкой сзади.

Что-то шевелилось у меня на груди, когда я двигался, я пощупал это и обнаружил маленький твердый, холодный, овальный предмет, висящий на веревочке у меня на шее; рядом с ним на другой веревочке висел мокрый и слизистый мешок и что-то, похожее на маленький нож в ножнах.

Я был действительно озадачен — не мог понять, что со мной произошло. Сидя и размышляя, я, должно быть, заснул, несмотря на дождь, потому что, когда я снова открыл глаза, было уже светло.

Я огляделся вокруг; дождь все еще шел, и сильный ветер колыхал верхушки деревьев; но я, казалось, находился в странной, дикой местности, потому что, хотя слева от меня простиралась долина, я не видел ни домов, ни дорог, ни полей, только пустошь с колышущимися верхушками деревьев, фактически никаких признаков человеческого присутствия, кроме далекого тумана дыма, поднимающегося, по-видимому, из-за деревьев. Я оглянулся назад; там стояло большое дерево, его древесина была белой, кора практически содрана, а на земле валялись сломанные ветки. В него ударила молния.

Я посмотрел на свои руки: они были худыми и смуглыми, а не толстыми и веснушчатыми, как я их знал; я посмотрел на свои ноги: они были обтянуты грязными и изношенными кожаными гетрами; на ногах у меня были мокасины, сшитые одним швом спереди, рядом с которым были следы цветных узоров, теперь почти стертых — и я все еще не понимал.

Я потянул за косу и посмотрел на нее; волосы были черные и аккуратно заплетенные, тогда как мои в те дни были рыжие; я потянул за бусы, прикрепленные к моим ушам; они были белые и, по-видимому, сделаны из ракушек, но находились слишком близко к моим глазам, чтобы я мог их ясно разглядеть.

Затем я осмотрела вещи, висевшие у меня на шее, и с удивлением заметила, что овальный твердый предмет был маленькой каменной маской, которую мы нашли в могиле. Я вытащил нож из ножен; он был каменный — из аргиллита — не пурпурный от старости, а черный, свежий на вид, острый. А когда я заглянул в сумку, то нашел то, что и ожидал: маленькую украшенную глиняную трубку и несколько влажных, сморщенных листьев, которые, должно быть, были каким-то табаком.

Я не мог не прийти к выводу, что каким-то образом оказался в доисторические времена и принял на себя облик и вещи индейца, скелет которого мы раскопали.

Если это было правдой, то у меня должно было быть оружие, подумал я, и вскоре я его нашел — прямой лук длиной пять футов, лежащий под сломанными ветвями, упавшими с поваленного молнией дерева, и колчан из оленьей кожи. Я вытащил стрелы; их

наконечники были из кремня. Я заметил, что сухожильные нити, которые крепили их к древкам, ослабли от влаги, и инстинктивно начал крутить каждую из них между пальцами, пока сухожилия не стали снова тугими. Среди упавших ветвей лежала туша оленя, очевидно, жертва лука.

Я почувствовал, что проголодался, поэтому перекинул колчан через плечо, поднял лук, а затем, после минутного колебания, взвалил оленя на плечо и пошел вниз по холму к дыму.

Через некоторое время я нашел тропу, ведущую в нужном направлении, и пошел по ней, пока не достиг края утеса, с которого я мог ясно видеть крыши нескольких домиков из коры, над которыми возвышались голые ветви мертвых деревьев, резко контрастируя с живым зеленым лесом вокруг них.

Когда я смотрел, я услышал голоса людей, поднимающихся по холму. Я спрятался с моим грузом в кустах, где меня не было видно, но откуда я мог наблюдать. Голоса принадлежали нескольким мужчинам, которые, по-видимому, отправлялись на охоту, вооруженные луками, похожими на мой. Я заметил, что большинство из них носили гетры и мокасины, более или менее такой же формы, как и мои; что их волосы, за несколькими исключениями, были стрижены так же, как и мои, и что в ушах они носили либо нитки бус, как у меня, либо пучки пушистых перьев. И я с удивлением заметил, что могу прекрасно понимать их язык.

Из всего этого я заключил, что они, должно быть, принадлежат к тому же племени, что и я, и что можно смело идти дальше, поэтому, когда они прошли, я вышел из своего укрытия, спустился с холма и вошел в деревню.

Первое, что бросилось мне в глаза, был большой прямоугольный вигвам, похожий на сарай, который стоял почти посередине большой открытой площади или площадки, с крышей из листов коры, удерживаемых на месте шестами и скрепленных на коньке двумя дымовыми отверстиями. Боковые стены были из бревен; дверь, которая занимала середину торца, обращенного ко мне, была закрыта чем-то вроде занавески.

Вокруг площади стояло пятнадцать или двадцать небольших домов похожей формы, но размером в пол-четверть меньше; у них было только одно дымовое отверстие в крыше, а стены, как и крыши, были из коры.

Некоторые из этих крыш были удлинены вперед, образуя своего рода веранду перед вигвамом; в других случаях перед домом стоял отдельный небольшой навес, также с крышей из коры, но открытый со всех сторон. Из этих навесов и веранд поднимался синий дым, неся с собой аппетитный запах.

Рядом со мной, на краю площади, стояло одно из мертвых деревьев, кора которого была обрублена по кольцу; я мог видеть почерневшие пни, где раньше стояли другие деревья; а многие такие мертвые деревья возвышались голые и обнаженные из огородных участков вокруг деревни. Позже я узнал, что при расчистке земли для деревни или огорода было принято обрубать кору вокруг деревьев, чтобы они погибли, оставлять их стоять до полного высыхания, а затем срубить с помощью огня и, раскалывая их клиньями, использовать в качестве дров по мере необходимости.

Увидев нескольких женщин, стоящих под навесом, из которого доносился глухой стук, я направился туда. Вдруг одна из них выскочила из-под навеса и с радостным криком побежала ко мне. «О, Летучий Волк! Так ты все-таки вернулся ко мне целым и невредимым!» — воскликнула она, ласково схватив меня за руку и ведя к одному из вигвамов. «Так Менгве все-таки не достал тебя! Я так счастлива!»

Подумав, что это, должно быть, жена человека, чье тело я занял, и что я должен что-то сказать, я заметил: «Да, я действительно пришел».

«Ах!» — сказала она с беспокойством, глядя мне в лицо, — «как ты, наверное, проголодался! Я приготовила твое любимое рагу в ожидании твоего возвращения вчера вечером, но ты не появился, и мы с мальчиком даже не притронулись к нему; я могу подогреть его для тебя через минуту. Повесь оленя на дерево на прежнем месте и иди в свою постель отдохнуть, пока я все приготовлю; ты наверняка устал. Или подожди, — добавила она, — я расстелю свежий коврик, который вчера закончила плести».

Она прошла в вигвам, и я последовал за ней, оказавшись в жилище, самой заметной особенностью которого была пара широких платформ или скамеек, по одной вдоль стены с каждой стороны, приподнятых на два-три фута над полом и покрытых матами. За этими скамейками или нарами стена была обшита цветными матами, а пространство под ними было заполнено разнообразными мешками, корзинами и связками, а с потолка свисали другие мешки и связки, а также одна или две веревки кукурузы, початки которой были сплетены вместе с шелухой. За столбами, поддерживающими крышу, был воткнут недоделанный лук; рядом с ним висела связка побегов, предназначенных, вероятно, для стрел.

Женщина разложила свежий коврик на одной из платформ. «Ложись сюда, — сказала она, — я разведу огонь здесь, а не в сарае; после дождя в нашем доме сыро».

Я наблюдал, как она вышла, и видел, как она сняла с полки в сарае какой-то большой предмет, и к тому времени, как я растянулся на циновке, она вернулась с большим глиняным горшком в форме яйца, поставила его заостренный конец между тремя камнями, специально для этого размещенными в очаге в центре вигвама, и начала перемешивать пепел длинной палкой. Наконец она обнаружила несколько горячих углей, оставшихся с прошлой ночи, собрала их в кучу палкой, положила на них волокнистый материал, похожий на измельченную кору кедра, и начала дуть на него. Вскоре у нее разгорелся яркий огонь, который она подкидывала маленькими палками, пока он не разгорелся по-настоящему.

Придвинув огонь к дну кастрюли, она вскоре довела его до кипения и вскоре поставила передо мной деревянную миску с дымящимся, ароматным рагу из мяса, кукурузы и фасоли. Рядом с первой миской она поставила еще одну, содержащую плоские клецки, которые, как оказалось, были сделаны из измельченной, очищенной кукурузы, приправленной ягодами, довольно тяжелые, но очень вкусные.

На краю миски с рагу висела короткая широкая деревянная ложка. Пока я ел, она сидела на краю скамейки напротив меня и весело болтала о том о сём, редко делая паузы, чтобы я ответил, за что я был ей благодарен.

Между глотками я разглядывал ее. Это была миловидная молодая женщина лет двадцати пяти-тридцати, всегда улыбающаяся, показывая ровные белые зубы, с добрым лицом, еще мало измученным жизнью. Ее черные волосы были аккуратно разделены посередине, зачесаны назад и закреплены на затылке длинным цилиндрическим узлом, обмотанным бусами; несколько коротких бус свисали с краев ее ушей, где, очевидно, как и у меня, было несколько маленьких отверстий, а на каждом мочке было отверстие диаметром примерно в четверть дюйма. На шее у нее было много ниток бус разных видов; некоторые, по-видимому, были из сушеных ягод или семян, другие — из кости, а некоторые, несомненно, из ракушек, и одна нитка выглядела как медная.

Верхняя часть ее пухлого тела была обнажена, за исключением этих бус; от талии свисала юбка из оленьей кожи, достигающая ниже колен, аккуратно отороченная бахромой и

имеющая широкую вышитую кайму с замысловатым узором из цветов; очевидно, это был плоский кусок ткани, похожий на халат, обернутый вокруг ее талии, туго затянутый поясом, а верхний край отложенный вниз над поясом. Ее ноги были покрыты гетрами, а маленькие ступни — мокасинами, и гетры, и мокасины были из оленьей кожи и вышиты тем, что я позже узнал как окрашенный оленьий волос и иголки дикобраза. Оба запястья были обмотаны нитками бус.

Пока я ел, она продолжала говорить: «Вчера приходила твоя мать из деревни Пуллинкорн (). Она говорит, что шьет тебе прекрасную одежду из четырех мягких, обработанных оленьих шкур и украшает спинку большой картинкой твоего духа-хранителя, маска сделана из маленьких ракушек, которые она купила у южных племен, приплывших по реке на большом каноэ — ты помнишь. Она отдала им в обмен весь свой запас целебных трав и пришлось работать как бобру, чтобы выкопать еще одну партию маленьких корней до наступления зимы.

Она говорит, что будет пришивать каждую ракушку по отдельности — ты же знаешь, что в каждой есть маленькое отверстие, — чтобы даже если одна отвалится, остальные не отсоединились. Кстати, о торговле, когда ты купишь мне ту пару сережек из ракушек чероки, которые обещал? У той старой женщины из племени шауни в деревне Поссум-граунд есть такие, и больше нет ни одной пары в земле ленапе. Видишь ли, я специально растянула отверстия в ушах для них.

«И раз уж мы заговорили о рукоделии, когда ты закончишь ту большую деревянную миску для меня? Ты принес домой клен с сучками еще давным-давно, но пока что только частично выжег его, и он лежит под спящей березой, а рядом с ним стоит целая корзина, полная маленьких дощечек и кусочков песчаника, чтобы отшлифовать его до гладкости.

Я знаю, что у тебя нет кремневых скребков, но разве ты не помнишь, что закопал много недоделанных наконечников стрел и маленьких кусочков кремня, чтобы они не потеряли свои свойства, прямо у угла сарая? Они должны быть достаточно влажными, чтобы с ними было легко работать, и ты сможешь сделать все скребки, которые тебе нужны, за короткое время.

«Мне это нужно сейчас, потому что наш сын взял старую большую чашу для пиршеств, чтобы поиграть в каноэ, когда я не смотрела. Все было хорошо, пока три или четыре других мальчика не попытались встать в нее одновременно, тогда она раскололась и испортилась. Мне стало грустно, потому что эту чашу дедушка сделал для мамы, когда она и папа построили свой первый вигвам. Мне придется одолжить другую чашу на сегодняшний вечер».

Все это время я говорил как можно меньше, потому что не хотел показывать свое незнание всех этих вещей. Я не мог позволить себе испортить ее счастье и дать ей понять, что на самом деле я не ее муж. Теперь же я решился спросить: «Что будет сегодня вечером?»

«Я забыла тебе сказать, — ответила она, — вчера вечером, когда тебя не было, наш вождь пришел к тебе с несколькими старейшинами отсюда и из других деревень. Они собираются организовать большую военную группу, чтобы наказать менгве, которые, как ты знаешь, становятся слишком дерзкими. Ты помнишь, как одна из их скальпирующих групп убила моего бедного брата в прошлом году, когда они поймали его одного на охоте, и как они убили твоего друга Брейкера всего несколько лун назад. Вчера вечером, когда ты не вернулся домой, я боялась, что они поймали тебя.

Военный вождь говорит, что ты знаешь о тропах на севере больше, чем любой другой ленапе — то есть из нашего племени унами — и они хотят, чтобы ты возглавил отряд. Все сказали, что полностью доверяют твоему суждению и твоей храбрости.

«Мне не хочется, чтобы ты уходил, потому что это очень опасно, и наш сын и я еще некоторое время нуждаемся в нашем охотнике, — она грустно улыбнулась, — но я тоже горжусь своим воином; племя нуждается в тебе, а призрак моего бедного брата взывает о мести.

Я сказала им прийти снова сегодня вечером, и я полагаю, что они будут здесь. Они говорили, что приведут с собой и нашего вождя племени. Я искала женщин, которые помогли бы мне приготовить для них ужин, среди тех, кто толкли кукурузу в беседке, когда ты пришел в деревню».

Когда она закончила, я понял, что настал кризис; я не мог больше хранить свою тайну. Я не знал достаточно о делах племени, чтобы разговаривать с делегацией, не говоря уже о том, чтобы возглавить военную группу. Я должен был сказать ей правду, или, по крайней мере, ту ее часть, которую, как я чувствовал, она могла понять.

И я сказал ей: «Послушай, моя супруга. Ты была так рада моему возвращению, что я не хотел портить твою радость. Но прошлой ночью со мной произошло что-то — я не знаю, что именно — и когда я проснулся сегодня утром, я обнаружил, что забыл все, что знал. Я даже не узнал свою одежду и свое тело; я не знал, что я — Летучий Волк, пока ты не назвала меня. Я случайно нашел дорогу в эту деревню и знаю, что ты моя жена, только по твоим поступкам; и в эту минуту я не помню твоего имени. Из нашей жизни я помню только язык; а что касается ведения войны, изготовления деревянной миски или даже охоты на мясо для тебя, то все это для меня одинаково невозможно. Я не могу делать эти вещи не больше, чем слепой щенок, не потому, что я не хочу их делать, а потому, что я забыл, как это делается».

Она соскользнула с лавки, пересекла вигвам и схватила меня за плечи обеими руками, глядя мне прямо в глаза. «Это правда, Летающий Волк?» — спросила она.

«Да», — прохрипел я.

Она подошла к двери и некоторое время молча смотрела наружу; когда она снова повернулась ко мне, ее щеки были мокрыми. «Возможно, — сказала она, — если бы ты увидел своего сына, которого ты всегда так любил, твоя память вернулась бы».

Она вышла. Вскоре она вернулась с ярким мальчиком лет восьми, с длинными черными волосами, свисающими на лоб, и гибким телом, обнаженным, за исключением маленькой веревочки на шее, на которой висели маленькие кости, которые мой опытный глаз распознал как кости черепахи.

«Папа, — воскликнул он, — почему ты послал маму за мной? Я так хорошо проводил время с ребятами у ручья — мы играли в грозových существ, охотившихся на рогатых водных змей».

Я положил руку ему на голову и сказал: «Хорошо, сынок, тогда беги обратно и играй». Я встретил вопросительный взгляд его матери и покачал головой.

Просидев некоторое время в мучительном молчании, она спросила: «Где ты проснулся сегодня утром?».

«На том холме, вон там», — ответил я, указывая рукой, — «под деревом. Я узнаю это место, потому что дерево обнажено и белое, половина коры содрана молнией. Должно быть, это произошло недавно, потому что сломанные ветки, лежащие вокруг, еще зеленые».

«Теперь я знаю, в чем дело», — воскликнула она, вскакивая с места. «В тебя попала одна из стрел Грома. И я знаю, кто может тебе помочь». Она выбежала из комнаты.

Она вернулась с красивым пожилым мужчиной, чьи длинные седые волосы свободно свисали на плечи, за исключением одной маленькой косички сзади, к которой были привязаны несколько красивых больших орлиных перьев, белых с черными кончиками. От внешнего угла каждого глаза синяя линия, по-видимому, татуировка, змеилась зигзагом по щекам до подбородка; на обнаженной груди была татуировка в виде грубого, но впечатляющего изображения птицы с распростертыми крыльями, окруженного множеством других зигзагообразных линий. Здесь, на веревочке, обвязанной вокруг шеи, висела крошечная модель боевого дубинки с красной шарообразной головкой.

«Это Грохочущие Крылья», — сказала моя жена. «Если кто-то и может тебе помочь, то это он». И я рассказал ему свою историю, как я рассказывал ее ей.

Он немного подумал, затем повернулся к моей жене. «Сбегай к источнику, Шепчущие листья, — сказал он, — и принеси нам свежей воды». Когда она исчезла с корым ведром, он сказал: «Я думаю, я понимаю, в чем дело. Летающий Волк, чье тело ты занимаешь, должен был быть убит или оглушен Громовой стрелой, и твой дух, который, должно быть, парил поблизости, овладел его телом. Откуда ты пришел, я не знаю, но ты, должно быть, думал о нас и о нашем времени, когда твой дух был изгнан из своего тела другой Громовой стрелой. Шепчущие Листья не должна знать об этом — что ее настоящий муж, возможно, мертв.

Что ты можешь сделать? Ты можешь либо решиться прожить свою жизнь среди нас и научиться быть тем, кого она ожидает от своего мужа, либо однажды пойти со мной на ту же вершину холма, и я вызову Громы, чтобы они снова освободили тебя. Тогда, возможно, если твое тело не было уничтожено, ты сможешь вернуться в него, и, возможно, дух Летучего Волка, если он еще не ушел в Страну Призраков, вернется в это тело. Все это — шанс. Сегодня вечером, когда придут старейшины и вожди, лежи в своей постели, как будто ты болен, и ничего не говори; я все им объясню. Что касается того, что ты хочешь сделать, подумай об этом столько, сколько хочешь, и когда решишь, дай мне знать. А пока учись всему, чему можешь, и заботься о своей жене и мальчике».

В этот момент Шепчущие Листья (я был рад узнать ее имя!) вошла с водой, и старик начерпал мне полную тыкву, а затем сам выпил. «Спасибо, дочь моя, — сказал он ей, — твой муж был поражен молнией, и его память очень больна. Будь с ним добра, и постепенно память к нему вернется. Но сначала не ожидай от него слишком многого. Если у вас закончится еда, сообщи об этом моей жене. А ты, Летающий Волк, — сказал он, — когда захочешь чему-нибудь научиться, приходи ко мне домой. Я каждую ночь бываю один». Он вышел.

Я посмотрел на Шепчущие листья, а она на меня; на ее лице сияла надежда, она улыбнулась. Чем больше я на нее смотрел, тем больше она мне нравилась.

В первый вечер, когда я пришел к Грохочущим крыльям, его жена, расстелив для меня циновку, удалилась, бормоча что-то о том, что она пойдет на вечер к соседям. К этому времени я уже освоил ленапские обычаи, поэтому не стал сразу задавать свои вопросы, а некоторое время тихо болтал о том о сём, наконец закончив: «Почему моя жена пошла к тебе, когда услышала, что меня поразила стрела Грома? Почему ты думаешь, что можешь призвать Громы, чтобы освободить мой дух?»

«Ты задаешь сложный вопрос, мой друг, — сказал Грохочущие Крылья после минутного раздумья, — и ленапе не любят обсуждать его с другими. Но я понимаю, что ты был лишен многолетнего обучения, которое проходят большинство наших мальчиков, и единственный способ, которым я могу заставить тебя понять, — это сказать тебе прямо, и я чувствую, что мой Дух-Хранитель простит меня.

Во-первых, ты знаешь, что такое Громовые Существа — могущественные духи, помощники Великого Духа, по форме одновременно похожие на человека и на птицу. Они приносят дождь, чтобы оросить наши посевы и освежить землю. Ты часто слышал грохот их крыльев во время бури и видел, как их огненные стрелы летят к земле, когда они охотятся на больших рогатых змей и других уничтожающих людей монстров, которые составляют их ежедневную пищу. И именно одна из этих стрел, как ты знаешь, дала тебе начало жизни как ленапе.

«Что ж, полагаю, я должен сказать вам, что одно из этих Громовых Существ является моим Духом-Хранителем, и именно поэтому люди говорят, что я в союзе с Громом и обладаю силой Грома, и именно поэтому они призывают меня в таких случаях, как ваш.

Громы, должно быть, избрали меня своим избранником еще до моего рождения, как вы поймете, когда услышите, как я получил свое имя Грохочущие Крылья.

«Похоже, моя мать поведала своему брату, моему дяде, что она ждет меня, и, согласно нашему обычаю, попросила его обратить особое внимание на любой сон, который ему может присниться, в надежде узнать имя ребенка. Вскоре после этого ночью он оказался вдали от своей деревни; было темно и бурно, и он укрылся под нависающей скалой. Он нашел довольно сухое, но неровное и неудобное место и погрузился в беспокойный сон. Где-то ночью его что-то разбудило, он не знал что, и он обнаружил, что сидит и прислушивается. Он услышал отдаленный раскат грома среди гор, который, казалось, наконец обрел форму слов: «Грохочущие крылья идут, грохочущие крылья идут»... Он рассказал все это моей матери, и вскоре после этого я родился.

Когда настало время нашей великой осенней церемонии в Большом Доме — тот большой вигвам на площади, мимо которой вы проезжали, когда ехали сюда сегодня вечером, — мой дядя взял меня на руки и, стоя перед центральным столбом с большим резным лицом «Мисинга», смотрящим на меня сверху, объявил людям, что мое имя — Грохочущие Крылья. Еще пока он говорил, раздался раскат грома, несмотря на то, что было уже поздно в луне падающих листьев, и ветер зашелестел в деревьях вокруг Большого Дома, и они слышали, как капли дождя стучат по коряжной крыше или с шипением падают через дымовые отверстия в два больших костра внизу.

«Возможно, Шепчущие Листья рассказал вам, как наш народ верит, что после рождения ребенка его пуповина имеет большое значение для его характера; поэтому, если это девочка, они берут эту пуповину и закапывают ее под домом или в саду, чтобы она любила домашние обязанности; а если это мальчик, они прячут ее в лесу, чтобы он любил охоту. Мой отец, как он мне рассказывал, отнес мою пуповину в лес и спрятал ее в дупле дерева. Едва он это сделал, как разразилась гроза, и ему пришлось укрыться. Возвращаясь домой, он обнаружил, что дерево, в котором он спрятал мою пуповину, горит. В него попала молния.

«В детстве я ничего не знал о силе грома, кроме того, что когда большие черные облака с желтыми краями начинали скапливаться на западе, и другие, молодые и старые, смотрели на них с ужасом, я один из всей деревни не испытывал страха. На самом деле я выходил голым на каждую грозу; раскаты грома были для меня как музыка, яркие вспышки были прекрасны, проливной дождь освежал меня. И, по правде говоря, я до сих пор так поступаю,

всегда протягивая руки своему Хранителю, чтобы поблагодарить его за то, что он помог мне пройти этот путь.

Но я не знал, кто на самом деле был моим Духом-Хранителем, пока не увидел двенадцать или четырнадцать снегопадов. Примерно в это время мои родители начали вести себя странно и грубо разговаривать со мной. Я не понимал, почему я заслужил такое изменение в их чувствах, и много раз чувствовал себя одиноким в этом мире. Они даже давали мне самую плохую часть мяса, которое у них было, и обрывки и остатки кукурузного хлеба, а также рагу, которое начало пахнуть кисло.

«Однажды утром меня разбудил кто-то, ударив палкой по ребрам — я хорошо помню, как это было больно — и я услышал, как мой отец сказал: «Мы должны прогнать этого несчастного мальчика отсюда, я больше не могу его терпеть. Вставай оттуда, собака!» — и он снова ударил меня. Моя мать, которая до недавнего времени всегда принимала мою сторону в любых спорах, не обратила на это внимания, а наклонилась над камином, и вскоре маленький огоньчик затрепетал и наконец наполнил наш вигвам светом. Она подошла к кувшину с водой, стоявшему прямо у двери, и я увидел, как она окунула в него нашу самую старую, самую черную и самую жирную тыкву-чашку. Затем она повернулась ко мне, и ее лицо, обычно такое доброе, казалось твердым, как камень. «Пей, мальчик», — приказала она, протягивая мне чашку, и я с удивлением подчинился.

Затем заговорил мой отец, протягивая мне обожженный и сморщенный кусок мяса, не больше его мизинца, — кусок, полный грязи и песка, поскольку он упал на пол. «Ешь это, жалкий сопляк, — крикнул он, — и убирайся с глаз долой».

Меня охватила внезапная ярость, и я швырнул ему этот кусок в лицо и бросился к двери. «Подожди, — услышал я его голос, — разве ты не собираешься почернить себе лицо? Кроме того, я хотел сказать тебе остальное, что ты не должен возвращаться, пока не принесешь с собой что-то великое, но ты слишком быстро ушел!» Мне показалось, что на его суровом лице мелькнула улыбка? Его глаза явно блестели!

Тогда я понял, в чем дело: от меня ждали, что я буду поститься, чтобы обрести силу, и все эти кажущиеся оскорбления были лишь притворством, чтобы Те, кто выше нас, сжалились надо мной как над изгоем — страдающим ребенком, и даровали мне видение, из которого я обрету Духа-хранителя, который будет моим защитником на всю жизнь. Я часто слышал, как старшие мальчики говорили о таких вещах, но никогда не осознавал, что от меня, Грохочущего Крыла, ожидают прохождения этого испытания.

«Тогда мой отец сказал: «Мне кажется, я слышал, что некоторые мальчики, которых прогнали из дома, должны были подняться на гору Волк на восточном конце, где есть небольшая пещера, в которой было приятно лежать, пока они молились, потому что оттуда они могли смотреть через верхушки деревьев на реку и холмы за ней. Кроме того, — добавил он, — я собираюсь завтра рано утром пойти на охоту в ту сторону и загляну в эту пещеру, чтобы посмотреть, не прячется ли там кто-нибудь».

Тогда я действительно понял, и под его руководством, на глазах у моей матери, я натер лицо углем и, накинув на плечи самую старую и рваную одежду, которую смог найти — ту, которую собака использовала в качестве постели под спальным диваном, — я отправился в путь.

Весь день я пролежал голодный в той маленькой пещере, пока комары и слепни из леса, а также блохи с одежды собаки безжалостно кусали меня. Тем не менее, я смотрел на долину так спокойно, как только мог, моля тех, кто наверху, сжалиться надо мной; но ничего не произошло, за исключением того, что, когда день почти закончился, за моей спиной над

горой Волка поднялось облако, которое покрыло небо, а затем ушло, грохоча, не пролив ни капли дождя. В ту ночь, все еще голодный, я спал беспокойно, и на следующее утро, еще до восхода солнца, в « » пришел мой отец с маленьким кусочком мяса и маленькой тыквой с водой. Когда я вытащил пробку из тыквы и стал пить, он спросил меня: «Ты уже что-нибудь нашел?» Когда я ответил «Нет», он взял бутылку и ушел.

То же самое повторилось в следующие два дня, и я становился все слабее и слабее от голода, но каждый день видел только черные тучи.

Но в полдень четвертого дня, когда облако снова появилось, оно принесло дождь и сильный гром, и это, как ни странно, убаюкало меня. И во сне я видел, что стою голый и одинокий на голых песчаных холмах у Великой воды, где появляется дневной свет, с единственным оружием в руке — деревянной боевой дубиной с круглым красным наконечником. И пока я стоял, со всех сторон летели стрелы, просвистев мимо моей головы, они дрожали, впиваясь в землю вокруг меня. Но ни одна из них не коснулась меня, и мое сердце не испытывало страха.

В этот момент меня разбудил необычно громкий раскат грома, и я открыл глаза, чтобы увидеть, как дождь уходит через долину, унося с собой радугу прекрасных цветов, за которой следуют лучи заходящего солнца.

«Почему-то я почувствовал, что мне пора домой; бессмысленно было дольше задерживаться в пещере. И я двинулся в путь, шатаясь от слабости среди мокрых кустов на склоне горы.

«Слабый, как я был, я едва не потерял равновесие, переходя через разбухший ручей, но в конце концов я добрался до нашей деревни. Люди с любопытством смотрели на меня, когда я вошел и направился к нашему вигваму.

Мой отец сидел перед входом и соскабливал уголь из деревянной миски, которую он выжигал; кто-то позвал его, или, может быть, он услышал мои шаги, и он поднял глаза.

«Ты принес его с собой, сынок?» — спросил он. Когда я ответил, что мне приснился сон, он, казалось, остался очень доволен и позвал мою мать, которая смотрела из нашей двери. «Жена, подметай и приготовь место для нашего сына, чтобы он мог сесть — он принес его с собой!» Мать суетилась, подметая, и, улыбаясь, расстелила для меня свежую циновку; я был удивлен ее почтительным отношением. Я сел, и после того, как солнце скрылось за краем земли, она принесла мне большую миску с дымящимся и вкусным рагу и новую, чистую тыкву со свежей водой.

В тот вечер они действительно относились ко мне как к гостю. Отец даже набил для меня трубку, а потом, когда глубокое дыхание матери, лежащей на спальной скамье, дало нам понять, что она уснула, он прямо спросил меня: «Какой дух животного или другой Маниту предложил тебе свою помощь?» «Я не знаю», — ответил я, а потом рассказал ему свой сон, боясь в душе, что он сочтет его бессмысленным.

«Сынок», — сказал он, когда я закончил, — «ты превзошел все мои надежды, ты действительно обрел могущественного друга среди тех, кто выше нас, не кого-нибудь, а одного из Грозов!». И когда я спросил его, откуда он это знает, он ответил: «Деревянная боевая дубина с круглым наконечником, окрашенным в красный цвет, — это эмблема Грозовых существ, она символизирует их страшные удары. Тот факт, что, пока ты держал эту дубинку в руке, стрелы не ранили тебя, означает, что твой Дух-хранитель, Гром, будет защищать тебя. Разве ты не понимаешь?»

«Всю ночь во сне я боролся и сражался, с кем — я не знаю, но во время всего этого я слышал, как пою:

В моей беде

В моей беде

Я взываю к своему Помощнику

И его ответ

Из темного неба

Он приходит с грохотом,

Он приходит с грохотом!

«И с тех пор это моя боевая песня, песня, которую я пою на нашей великой осенней церемонии в Большом Доме, где все, кто был так благословлен, поют о своих видениях»...

«Так вот почему, — сказал я, когда Грохочущие Крылья закончил, — ты носишь эту маленькую красную боевую дубинку на шее! Теперь скажи мне, почему я ношу маленькое каменное лицо таким же образом. Я несколько раз пытался снять его, но Шепчущие Листья не позволяют мне этого сделать».

«Это, — ответил старик, — олицетворяет Мисингаликуна, живое Существо-Маску, и он — могущественный Маниту, ибо Великий Дух даровал ему власть над всеми дикими животными леса. Он — Дух-Хранитель Летучего Волка, чье тело ты занимаешь, но я не могу рассказать тебе историю его видения. Никто не сможет рассказать тебе эту историю, кроме самого Летучего Волка. А где он? Ты занимаешь его тело, но я сомневаюсь, что Мисингаликун поможет тебе так же, как помог ему. Я верю, что Летучий Волк завоевал свою великую славу охотника благодаря силе этого духа-хранителя, и без него тебе, возможно, будет трудно оправдать его репутацию». И, должен сказать, так и оказалось.

В другой вечер я спросил Грохочущие крылья, помогал ли ему его Дух-хранитель в последующие годы.

«Много раз, и я расскажу вам о некоторых случаях. Когда мне было около двадцати лет, я отправился с некоторыми из наших родственников в гости к Минси, нашим союзникам, живущим выше нас на реке Ленапе и в горах к северу и востоку от нас. Вы, возможно, слышали, что, хотя их язык немного отличается от нашего языка унами, они тоже называют себя ленапе, и их обычаи почти такие же, как у нас. Оттуда мы отправились с некоторыми из этих людей на восток через горы, чтобы увидеть Великую реку махиканов, о которой мы часто слышали. Прибыв к реке, мы хотели переправиться, чтобы посетить деревню махиканов, расположенную прямо напротив, но, хотя мы дали сигнал дымом, никто не осмелился выйти из деревни на каноэ, чтобы забрать нас, потому что дул сильный северный ветер, и широкая река была очень бурной. Тогда я сжег табак и помолился своему помощнику, Грому, и вскоре на западе поднялись грозовые тучи, и подул западный ветер, который успокоил северный ветер и умиротворил реку; и тогда каноэ махиканов приплыли за нами. Мы провели много приятных дней в их деревне, пируя, танцуя и посещая один вигвам за другим. Их язык очень похож на язык минси и достаточно похож на наш, так что мы могли понимать почти все.

«В другой раз наша воинская группа из племени ленапе выступила против сускеханнок, племени, похожего на менгве. Они жили на реке Мадди в большой деревне, окруженной большим частоколом из заостренных бревен, в два раза выше человека, установленных на конце и почти соприкасающихся друг с другом. Мы нападали на них снова и снова, но не

могли прорвать эту ограду, ни поджечь ее, чтобы уничтожить, так хорошо ее защищали их лучники.

Наконец мы отступили на некоторое расстояние, чтобы посоветоваться, и наши военачальники сказали мне: «Мы должны положиться на тебя, Грохочущие Крылья, чтобы ты помог нам победить этот народ, который так долго нас преследовал. Призови своего духа-хранителя; помоги нам захватить эту деревню!

Итак, поскольку в поле зрения не было грозовых облаков, я достал из своей сумки с лекарствами несколько чешуек Великого Рогатого Змея и положил их на камень рядом с небольшим ручьем. Вы знаете, как Громы ненавидят этих огромных змей и всегда начинают собираться, как только одна из них показывает себя над водой. Даже эти чешуйки, кажется, привлекают их; я всегда использую эти чешуйки, чтобы вызвать Громы, когда они мне нужны.

Небо на западе сразу же начало темнеть, поэтому я разжег небольшой костер, бросил на него в жертву табак и помолился своему Хранителю.

Небо становилось все чернее и чернее, почти как ночью. Мы едва могли разглядеть желтую тучу, проносящуюся над головой под массой облаков. Воздух у земли казался горячим, удушливым. Вдруг упали несколько больших капель дождя, и затем мы услышали рев сильного дождя, приближающегося через лес. Вскоре он лил на нас, как водопад.

«Я не знаю, как долго длился этот ливень, но он прекратился так же внезапно, как и начался, и упало несколько крупных градин, настолько больших, что мы слышали, как они стучат по корявым крышам деревни. Затем с юго-запада раздался более глубокий рокот, все громче и громче, все ближе и ближе. Вдруг что-то огромное пронеслось мимо нас в облаке летящих листьев и сломанных веток, с грохотом ударило по деревне, прямо по центру, и через мгновение исчезло. Когда оно прошло, мы увидели, что это было похоже на огромную, извивающуюся прядь длинных волос, свисающую с облаков и волочащуюся по земле, сметая перед собой деревья и вигвамы.

«В тот момент, когда оно пронеслось, мы увидели, что бревенчатая ограда была разрушена, как и большинство домов в деревне, но тут же пошел новый слепящий ливень, который задержал нас, и когда мы наконец достигли нашей цели, мы обнаружили несколько трупов сускеханнок, лежащих среди руин их домов; а те, кто остался в живых и был способен бежать, все скрылись где-то в этом залитом дождем лесу.

«Что касается раненых, то мы отправили тех, кто был слишком тяжело ранен, чтобы взять с собой, а остальных взяли в плен, а затем, взяв с собой все оружие, трубы, красивую одежду и украшения, которые могли унести, мы отправились домой. Так Гром, мой дух-хранитель, помог мне и помог мне поднять мое имя до того, чем оно является сегодня.

«Вы спросите, что в конце концов стало с пленниками? Некоторых мы убили пытками в отместку за то, что их народ сделал с нами; некоторые умерли; некоторых мы отпустили на свободу через год или два; другие в конце концов вступили в брак с нашими людьми и связали свою судьбу с нами. Вы знаете жену Путешественника-вездесущего? Она была одной из тех пленниц, которую отдали в слуги его родителям. Она была еще молодой девушкой, и Путешественник-вездесущий, сам будучи немногим старше, с удовольствием учил ее говорить на нашем языке ленапе. Они так полюбили друг друга, что в конце концов построили свой собственный вигвам. Теперь ее трудно отличить от нас.

Мне было гораздо легче усвоить эти верования и истории, чем научиться повседневной, практической стороне жизни ленапе, в которой я потерпел трагическую неудачу. Хотя я изучал методы опытных охотников, я так и не смог освоить искусство эффективной стрельбы из лука и стрел. И я старался изо всех сил. Редко когда мне удавалось сбить оленя. Соседи устали снабжать мясом меня и мою семью.

Шепчущие Листья делала свою работу на отлично; все, что она делала или производила, было самого высокого качества, что заставляло меня еще больше ощущать свои недостатки. И она не позволяла мне прикасаться к саду — единственной вещи, в которой я что-то понимал. «Садовая работа — не мужское дело», — говорила она. «Я не вынесу, когда соседи будут говорить о том, что мой супруг занимается женским трудом. Как бы ты себя чувствовала, если бы увидела, как я выхожу из деревни с длинным луком на плече? Или выжигаю бревно для каноэ? Разве ты не почувствовала бы стыда, увидев, как твой супруг занимается неженским делом? В нашей жизни мужчина и женщина должны выполнять свою часть работы, и ни одна из них не тяжелее другой. Конечно, охотиться весь день и каждый день, в хорошую погоду и в плохую, не менее тяжело, чем работать мотыгой! Как бы тебе понравилось слышать, как соседи говорят: «Шепчущие листья должна отдать Летящему волку юбку, а она надела его длинные гетры и набедренную повязку?»

Я даже не смогла закончить свою деревянную миску, хотя наблюдала, как несколько мужчин делали такие вещи, и думала, что научилась их методу. Я насыпала горячие угли на этот кленовый сучок, дула на них, пока они не прогорели глубоко, и снова и снова соскабливала уголь ракушками и кусочками кремня, пока не решила, что выдолбила достаточно глубоко. Затем я терпеливо отшлифовал ее кусочками песчаника. Когда я закончил, я подумал, что для новичка я проделал очень хорошую работу. Но Шепчущие листья (), хотя она улыбнулась и сказала милые слова, когда я положил перед ней готовую работу, и притворилась, что считает ее идеальной, через несколько дней спрятала ее, а когда к нам пришли гости и понадобилась большая миска, она одолжила другую миску у соседей.

Больше всего меня ранило то, что ее драгоценные украшения исчезали понемногу, несомненно, обмениваясь на мясо и шкуры для изготовления наших мокасин и повседневной одежды. Сначала исчезли бисерные бусины, затем костяные, потом одна за другой исчезли нитки ракушечных бусин, пока не остались только медные бусины. Наконец, когда я однажды вечером пришел домой, их тоже не было. Однажды мне нужно было что-то поискать под спальными скамейками, и я вытащил квадратную корзину, в которой она хранила свои сокровища, свои самые красивые вышитые праздничные наряды. Корзина казалась такой легкой, что я заглянул в нее — и обнаружил, что она пуста.

Часто мальчик приходил в слезах и говорил, что его маленькие товарищи не позволяют ему играть с ними, потому что, по их словам, его отец «плохой».

А однажды ночью Грохочущие крылья рассказал мне, что накануне ночью ему приснился дух Летучего волка, который сказал, что живет в чужой стране и хочет вернуться домой.

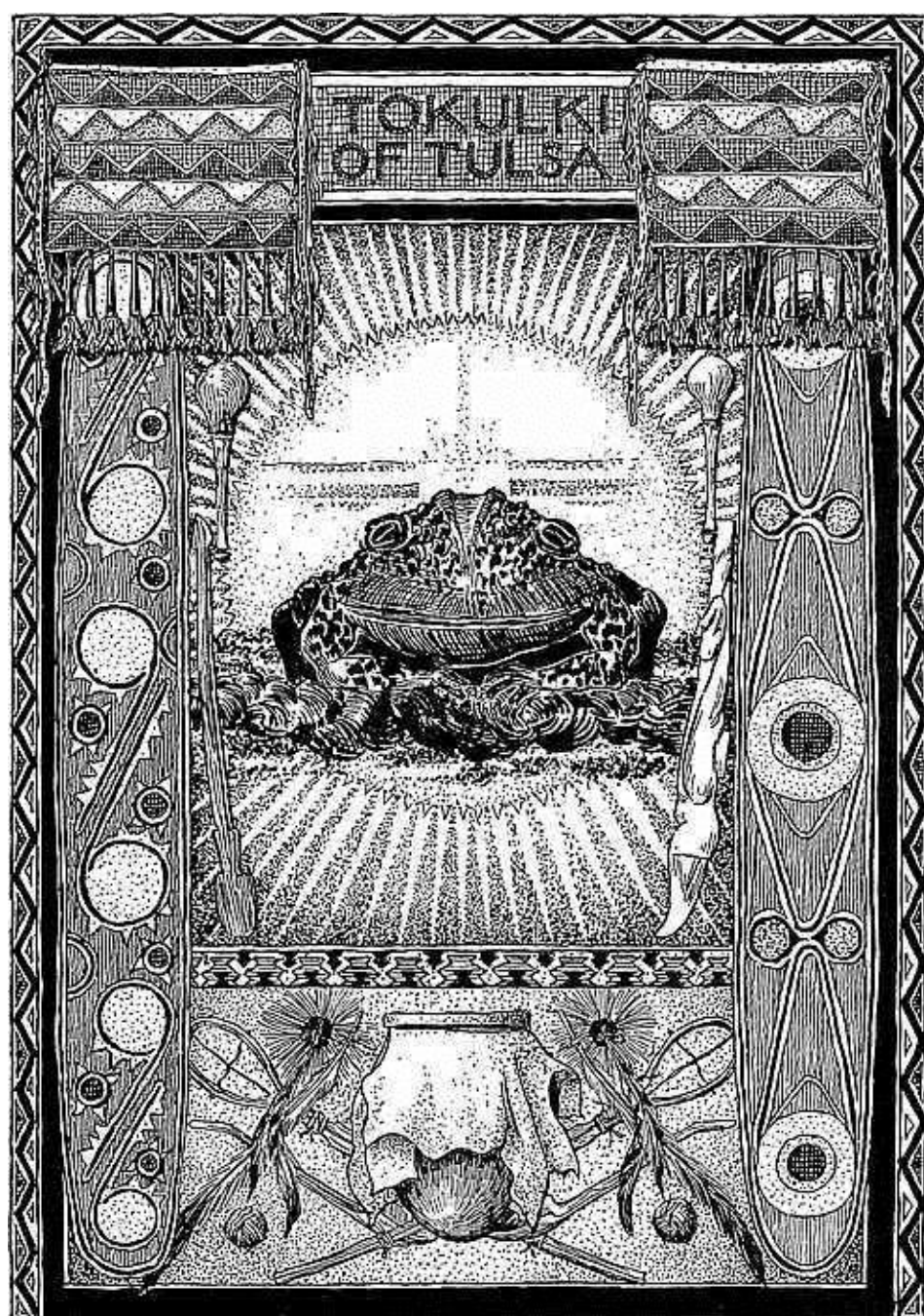
Но кризис наступил, когда я вернулся однажды ночью, уставший после пятнадцати дней безуспешной охоты, и застал Шепчущие листья в горьких слезах. Хотя я умолял ее рассказать мне, в чем дело, она отказывалась, но в конце концов не выдержала. «Мой дорогой супруг, — рыдала она, — в этом доме нет ничего поесть, и нет никакой надежды на что-либо, если я не продам ту одежду, которую твоя мать сшила для тебя. Все мои красивые вещи давно пропали, а твои — все, кроме этого».

Я обнял ее и крепко прижал к себе на мгновение, а затем выбежал в ночь прямо к вигваму Грохочущих крыльев. «Я готов», — сказал я...

Когда я пришел в себя, я лежал под деревом, разорванным молнией.

Мне не потребовалось много времени, чтобы снова найти свое место в современном мире, но до сих пор, когда на западе сгущаются тучи и начинает греметь гром, я с грустью вспоминаю о своей потерянной Шепчущей Листе, о своем друге Грохочущих Крыльях и его силе Грома.

М. Р. ХАРРИНГТОН

Токулки из Талсы

Токулки родился в городе Маскоги в Талсе, в центральной части современного штата Алабама. Как и все другие индейские дети этого региона, он впервые увидел свет в кустарниковом укрытии, расположенном на некотором расстоянии от дома своей матери, поскольку считалось, что если он родится в доме, это принесет несчастье всем его обитателям. Его имя принадлежало клану Ветра из Талсы и означало «два бегущих человека». Когда родился первый носитель этого имени, его отец отсутствовал, участвуя в военной экспедиции, во время которой он настолько напугал двух своих врагов, выполнявших разведывательную миссию, что те в спешке убежали, оставив свое оружие в его руках. В память об этом событии новорожденный ребенок получил свое имя.

Во время уединения мать Токульки обслуживали ее собственная мать и другая старая женщина из клана, считавшаяся самой опытной акушеркой. Хотя была поздняя осень, эта старая женщина сразу же отнесла младенца к берегу реки и окунула его в воду, после чего его надежно привязали к колыбели, сделанной из тростника, с помощью веревок из коры вокруг плеч и бедер. Здесь Токулки провел следующие несколько месяцев своей жизни, иногда на спине у матери, иногда прислоненный к стене дома, пока его мать занималась домашними делами. Но всякий раз, когда его так укладывали, колыбель клали на шкуру пантеры, потому что его отец и дяди были известными воинами, и ожидалось, что он пойдет по их стопам. Поэтому он должен был иметь рядом с собой то, что передавало бы ему воинственную сущность и делало его свирепым и смелым.

Токулки прошел через период, когда его основным жизненным опытом было то, что в жизни было нечто, дававшее ему пищу и тепло, а именно «мать», и что было нечто светлое, в котором двигались темные предметы, или нечто темное, в котором двигались светлые предметы. Был один особый светлый объект, на который он постоянно смотрел и который превращался в дверь дома, и другой, красный и горячий, который он видел, когда просыпался ночью, и который превращался в огонь в доме.

Дом, в котором он постепенно пришел в сознание, был зимним домом его семьи. Каркас был сделан из гикориевых шестов, установленных по кругу диаметром примерно двадцать пять футов, с их тонкими концами, соединенными сверху и поддерживаемыми центральным элементом из четырех деревянных колонн. С ними были переплетены тонкие гибкие куски дерева, густо обмазанные глиной, смешанной с сухой травой, и все это было покрыто внутри и снаружи матами. Пол был выкопан на пару футов ниже общего уровня земли, а чуть дальше назад была выкопана неглубокая канава, чтобы вода стекала, не попадая внутрь. Дверной проем, который так рано привлек внимание Токульки, находился на востоке, где в него могли проникать первые лучи солнца, но редко кто, кроме очень маленьких детей, просыпался, так как дневные обязанности начинались рано и заканчивались быстро, за исключением времен веселья или больших церемоний. Не было выхода для дыма, который иногда скапливался в такой степени, что белый человек не мог бы выдержать его внутри, но это частично компенсировалось разумным выбором дров — старых дубовых и гикориевых поленьев, которые разваливались с небольшим количеством дыма и оставляли тлеющее угли, излучающее тепло в течение большей части ночи. Вокруг стен дома была сплошная скамья из рогожи, приподнятая на полметра от пола и покрытая медвежьими шкурами, на которых спала большая часть домочадцев.

Семья состояла из отца и матери Токулки, брата и сестры, матери его матери, замужней сестры его матери, ее мужа и двух детей, младшего брата его матери и старика из клана Ветра, который не был близко связан с семьей, но сделал этот дом своим временным жилищем. Более важным в жизни Токульки, чем большинство из них, был старик, живший неподалеку, но часто навещавший хижину, человек, которого мы называли бы «дядей по материнской линии»; однако он был «дядей» не только для Токульки, его брата и сестры и детей сестры его матери, но и для большого числа других мальчиков и девочек, которых мы не должны считать родственниками. Однако Токульки, когда он стал старше, научился называть их «старшими братьями», «младшими братьями» и «сестрами», и он узнал, что большинство из них назывались «людьми Ветра», как и он сам, но что некоторых называли «людьми Скусна», а некоторых — «людьми Рыбы».

Еще находясь на спине у матери, Токульки каждое утро спускали к реке, и мать обливала его и себя водой, даже когда на улице была сильная холодная погода. Одно из его самых ранних воспоминаний было связано с этим холодным душем после теплой ночной почивки. Все жители деревни, за исключением нескольких больных и немощных, принимали эту утреннюю ванну: мужчины и мальчики погружались в воду, а женщины и дети в холодную погоду довольствовались небольшим плесканием.

И именно «дядя» каждой группы следил за тем, чтобы никто не нарушал это правило. Он всегда был рядом, подбадривая младших мальчиков, ругая робких и иногда исправляя непослушных с помощью крепкой палки. При этом он давал им добрые советы, и Токульки скоро понял, что его «дядя» — это человек, к которому он должен обращаться в случае неприятностей, чье одобрение он должен завоевать и чье недовольство он должен стараться избегать. Часто зимними вечерами дядя собирал своих «племянников» и «племянниц» и наставлял их, рассказывая им, в частности, о деяниях их предков, иногда подспорьем для своей памяти используя маленькие бусины или надрезы на палках.

Но когда старики разговаривали между собой, мать Токулки ни в коем случае не позволяла ему приближаться к ним, а иногда, когда любопытство брало верх, она давала ему хорошую пощечину. Позже Токулки узнал, что это было не потому, что такое поведение считалось неуважительным по отношению к старикам или раздражало их, а потому, что старики обладают сверхъестественными способностями и могут околдовать ребенка, который слишком близко к ним пристаёт. Сблaзн сделать это был невелик, за исключением зимы, потому что в остальное время года старики работали или разговаривали между собой, а старики собирались на площади.

Эта «площадь» становилась все более важной в жизни Токульки по мере того, как он рос. Она находилась недалеко от его дома. Ему не разрешалось играть там, но он мог ходить по краю, обозначенному гребнем земли, который был насыпан в результате последовательного скребления поверхности в подготовке к церемониям. Ближе к западному краю находились четыре длинных узких здания, обмазанных глиной и образующих полый квадрат с входами по углам. Они были открыты спереди и каждое из них было разделено на три равные части поперечными стенами, которые, однако, не доходили до крыши. Средняя часть западной хижины () немного отличалась тем, что задняя часть была отделена еще одной стеной, параллельной стенам здания, и Токульки знал, что в этой закрытой комнате хранились церемониальные горшки, погремушки, барабаны, сушеные лекарства и все самые священные вещи племени. Впереди сидели вождь города или мико и его главные советники. На северо-западной окраине территории возвышалась тшокофа, крытая советская палата, построенная точно так же, как зимний дом, за исключением того, что она была намного

больше . На восток простиралась широкая открытая площадка, на которой не росла трава из-за периодической прополки и давления множества ног. Посередине возвышался столб для мяча, а в дальних углах стояли два более коротких столба, на которых сжигали пленников, взятых в войне. Почти каждое утро Токульки мог наблюдать, как ведущие мужчины его города собирались на этой площади, и между зданиями мельком видел, как носильщики лекарств несли аси (настой илекса вомитория) в раковинах, чтобы угостить членов совета. Все, что было в их желудках, они немедленно извергали, чтобы их умы были ясны для обсуждения предстоящих вопросов.

Часто Токульки сопровождал свою мать, когда она ходила за дровами, или сидел на краю огорода, пока его мать, бабушка и другие женщины из семьи работали, а иногда ему поручали временную приятную задачу — отгонять ворон. В этом огороде в основном росли тыквы и бобы, но большая часть кукурузы находилась в большом городском огороде, расположенном дальше от деревни, и весной все жители отправлялись туда во главе со своим мико, с мотыгами из ветвей гикори на плечах, чтобы подготовить землю к посадке. Каждая семья имела свой участок, отделенный от остальных узкой полосой травы, но работа велась совместно: сначала участок такого-то, затем участки других, пока все не было закончено. После этого в основном женщины и дети были обязаны выпалывать сорняки и отгонять птиц, а на краях полей были построены небольшие сторожевые домики для проживания стражей. Дни, когда все работали, были скорее праздниками, чем днями труда. Участники начинали рано, но работали только до полудня. Затем они вместе принимали основной прием пищи, а после этого обычно играли в мяч, а затем танцевали вокруг большого костра на площади (), свет которого усиливался факелами из тростника.

Игра в мяч обычно велась вокруг одного столба, хотя и не того, что стоял на площади, и в нее играли как мужчины, так и женщины, которые играли друг против друга: женщины бросали мяч руками, а мужчины — палками. Один балл начислялся за удар по столбу выше определенной отметки, но пять баллов начислялись, если ударяли по резной птице, которая стояла на верхушке столба. Однако иногда мужчины играли в свою собственную игру, похожую на лакросс, за исключением того, что вместо одной большой клюшки использовались две маленькие. Каждая сторона стремилась забить мяч в свои ворота, отмеченные двумя прямыми столбами, установленными на расстоянии нескольких футов друг от друга, и игра состояла из двадцати очков, при этом счетчик каждой стороны втыкал в землю десять палок, а затем вытаскивал их обратно. При разделении на команды кланы Ветра, Медведя, Птицы, Бобра и некоторые другие, называемые в совокупности «Белыми», играли против кланов Енота, Лисы, Картофеля, Аллигатора, Оленя и некоторых других, известных как «Люди с другим языком». Но эти игры были только тренировочными или имитационными. Обычные игры всегда проводились между определенными городами и были очень серьезным делом, сопровождавшимся обдуманными действиями и ритуалами, как военная экспедиция. Каждой игре предшествовали тщательные переговоры: игроки постились и царапали себя зубами акулы, прибегали к помощи сверхъестественных сил, нанимая знахаря, шли к назначенному месту, как на встречу с врагом, ставили на кон большое количество имущества и вели игру так энергично, что иногда наносили серьезные травмы.

Зимой мать Токулки и другие женщины занимались изготовлением корзин и матов, скручивали волосы бизона в подвязки для гетр и ткали плащи — которые носили только женщины — из внутренней коры шелковицы. Летом они изготавливали глиняную посуду и обрабатывали шкуры, а приготовление пищи, конечно же, занимало их во все времена года. Они должны были сами готовить муку, растирая кукурузу в деревянной ступке, над чем иногда работали по двое. Иногда они отвлекались от работы, чтобы поиграть в своего рода

игру в кости, в которой вместо костяшек использовались кусочки тростника. Мужчины, казалось, проводили большую часть зимы с меньшей пользой, в основном куря и рассказывая друг другу истории о своих охотах или военных походах, часто юмористические сценки, связанные с Кроликом, а иногда и мифы более серьезного и священного характера. Однако в целом они посвящали много часов ремонту своего охотничьего и рыболовного снаряжения, а также изготовлению топоров, наконечников стрел и других полезных предметов, материалы для которых были отложены прошлой осенью.

Когда Токульки смог свободно бегать самостоятельно, его дядя сделал ему духовую трубку из длинной полый трости, а также снарядил его тростниковыми стрелами с обмотанными пухом концами. Он послал его попробовать свои силы на птицах и мелкой дичи, и не раз Токульки гордо возвращался домой с птицами, белками и даже иногда с кроликами. Чуть позже они сделали ему лук и стрелы, с помощью которых он охотился на кроликов и диких индюков, и однажды ему удалось подкрасться достаточно близко к молодому оленю, чтобы убить его. Он вернулся домой к матери с триумфом, рассказал ей, где найти животное, и с покрасневшими щеками слушал похвалы всех домочадцев, особенно своего дяди.

После этого отец и дядя Токульки начали обучать его искусству лесного ремесла. Они взяли голову оленя и поместили в нее шины, чтобы восстановить ее первоначальную форму, и показали ему, как использовать ее для преследования живого животного. Они научили его делать ловушки для мелких животных и показали, где можно найти дичь. Они также научили его, что из каждого убитого оленя нужно вырезать кусок мяса и выбросить его, чтобы олени не обиделись и не ушли из этих мест. Они научили его, что нельзя бросать кости диких животных далеко, когда их кормят собакам, чтобы животные потом не стали пугливыми. Ему сказали, что под каждым костром, разведенным охотниками, нужно класть веточку табака старика, чтобы злые духи не следовали за ними. Еще позже он должен был узнать о некоторых лекарствах и заклинаниях, обеспечивающих успех в охоте.

Как только наступила весна, началась охота, но семьи не уезжали далеко от города до тех пор, пока не заканчивались ежегодные церемонии и не собирался урожай кукурузы, если только их не вынуждал к этому голод или не привлекали к определенным местам на реках косяки рыбы. В это время Токульки сопровождал охотничью группу в медвежий заповедник, участок леса недалеко от Талсы, где было много медведей и который был общей собственностью всех граждан (). Когда группа приблизилась к дереву, в котором находился медведь, Токульки остался в стороне, чтобы понаблюдать за методом охоты. Он увидел, что один человек залез на дерево недалеко от того, в котором находилось животное, и получил горящие щепки сосновой смолы, которые он бросал в дупло дерева. Когда обитатель дупла был выгнан, охотники, находившиеся внизу, быстро его убили. Мясо было распределено по всему городу для немедленного потребления, а жир был вытоплен и разлит по мешкам из цельных оленьих шкур, которые затем были убраны на хранение на зимний сезон. Тем временем женщины охотились в лесах за корнями, особенно за земляными орехами и корнями смилакса, который они называли кунти. Они также собирали семена кувшинки; чуть позже обилие ягод позволило им разнообразить свой рацион.

В апреле мико созвал своих вождей, и вскоре после этого была проведена первая церемония сезона, сопровождавшаяся постом и употреблением красного ивового и кнопочатого корня. Во время соответствующих полнолуний в мае и июне проводились аналогичные церемонии, но они были лишь подготовкой к великому посту (поскита), кульминации религиозного сезона на юго-востоке. И так, примерно в середине июля, в дом Токульки явился гонец и передал главе дома небольшой пучок палок, связанных оленьими сухожилиями. Перед тем как передать его, он вытащил одну палку из пучка « » и выбросил

ее. Каждое утро после этого глава дома делал то же самое, пока не осталась только одна палка, и в тот день церемония началась. Подобные связки доставлялись в каждый дом индейцев Талса, ближних и дальних, и все они синхронизировали свои действия таким образом, чтобы собраться на площади в назначенное время. Неявка на церемонию считалась кощунством и изменой и сурово наказывалась воинами, известными как тастанагалги, которые жестоко обращались с прогульщиками и уничтожали или конфисковывали их имущество.

Поскита была типичной церемонией для всех племен юго-востока. Активными участниками были мужчины, которые участвовали в военных походах и в результате получили новые имена, обычно заканчивающиеся на *hadjo*, *fiksiko*, *imala*, *tastanagi* или *yahola* и часто содержащие названия животных клана, городов конфедерации криков или даже иностранных племен. Вообще говоря, мико () и члены его клана сидели в западной хижине, «вторые мужчины» (*henehalgi*), которые были привержены миру, — в южной хижине, высшие классы воинов — в северной, а простые воины — в восточной. В каждой хижине или «постели» находилось от двух до четырех «почетных людей», отставных воинов, которые составляли внутренний совет, ответственный за церемонию. Эта *poskita* была явно церемонией мира, когда забывались старые вражды, прощались все преступления, кроме самых тяжких, и принимались новые решения на следующий год.

По крайней мере один день был посвящен пиру, но после этого все активные участники соблюдали строгий пост. Затем те, кто совершил храбрые поступки, получали новые имена и новые военные почести, а новички запирались в тшокофе и подвергались строгому посту в качестве подготовки к их принятию в класс воинов и вступлению во взрослую жизнь. Во время этой церемонии также тушили все костры, которые, как считалось, были осквернены мирскими вещами в течение года, и новый огонь зажигал «лекарь», верховный жрец города, самым впечатляющим образом с помощью обычного огненного сверла. Этот новый огонь сначала использовался для замены огней на площади и в тшокофе, а затем его отнесли на одну сторону площади, где женщины стояли готовые принять его и отнести в свои дома. Ритуалы длились восемь дней, и в последний день, как раз на закате, мужчины пошли гуськом к реке, возглавляемые одним из клана Рыб, несущим перьевую палочку, и все окунулись в ее воды. Они вернулись в том же порядке, мико произнес короткую прощальную речь, и церемония закончилась.

С этого момента и до сбора урожая народ Токульки и большинство других народов не отходили далеко от города. В октябре проводилась священная церемония под названием «Танец хорька», после чего люди начинали быстро расходиться на осеннюю охоту. Некоторые отправлялись в свои лагеря по суше, а женщины служили выючными животными; но большинство, включая семью Токульки, имели свои охотничьи хижины у рек и добирались до них на каноэ, сделанных из цельных деревьев, срубленных и выдолбленных огнем. Некоторые группы уходили на расстояние до 75 или 100 миль от дома, особенно когда они хотели охотиться на лесных бизонов. Этот сезон был посвящен в основном подготовке большого количества вяленого оленины к приближающейся зиме.

Когда дичи было много, устраивались веселые празднества. Обычно они начинались с того, что сестра одного из мужчин дарила ему мяч, сделанный из оленьей кожи, и одновременно давала понять, что хочет оленины, медвежатины или, иногда, беличьих орехов. Получив этот вызов, мужчина сообщал об этом всем остальным мужчинам в лагере, и они отправлялись на большую охоту на оленей, медведей или белок, в зависимости от ситуации. Тем временем женщины занимались измельчением кукурузы или, возможно, корней кунти в муку и приготовлением различных блюд. Когда мужчины возвращались, они также брали с собой мясо, и начинался большой пир, сопровождавшийся игрой в мяч с

одним столбом и танцами в конце дня. Они разжигали большой костер, и два мужчины становились рядом с ним, один с барабаном, сделанным из оленьей шкуры, натянутой на глиняный горшок или корень кипариса, а другой с тыквенной погремушкой, в то время как танцоры кружили вокруг костра, обычно по часовой стрелке, в одну или две линии, под руководством одного или двух лидеров. Танцы обычно назывались в честь реальных или вымышленных животных, а шаги и другие движения должны были имитировать их. Посвящали песни в основном мужчины.

Через несколько дней проводилось еще одно представление с мячом, за которым следовали те же пиршества, игры с мячом и танцы, и это часто продолжалось до тех пор, пока не становилось очень холодно.

Иногда кто-то из членов лагеря Токульки заболел, и тогда вызывали младшего брата матери Токульки, который был врачом племени и одновременно знахарем города. Перед тем как выписать рецепт, такой врач часто консультировался с кила, или «знатоком», который, по-видимому, сочетал в себе функции пророка и диагноста, но дядя Токульки никогда этого не делал, потому что он сам объединял в себе обе эти функции. Определив характер болезни, он отправлялся на поиски различных трав или иногда посылал за ними членов семьи. Он клал их в большой котел, заливал водой и ставил котел на огонь. После того, как содержимое достаточно нагревалось, он придавал ему силу, вдыхая в него через полый тростник и повторяя магическую формулу. Это делалось четыре раза, при этом врач стоял лицом к востоку (). Иногда, однако, он назначал потение в хижине, сделанной из одеял, накинутых на шесты, и содержащей нагретые камни, на которые лили воду, а иногда он объявлял, что проблема вызвана колдовством, которое он лечил, высасывая колдовской предмет из пораженной части с помощью рога бизона.

Если, несмотря на все его усилия, смерть наступала, все люди в этом доме и в соседних поселениях начинали кричать и шуметь, чтобы душа умершего не оставалась в жилище, а отправилась в путь в страну духов. Они переносили тело в дом в городе, заворачивали его в обработанные оленьи шкуры и, поплавав над ним, хоронили в прямоугольной яме глубиной около четырех футов, выкопанной под полом, выстланной корой кипариса и покрытой палками, на которые наносился толстый слой грязи. Лицо покойного было окрашено в красный цвет, он был усажен лицом на восток, его самые важные предметы, такие как лук и стрелы, боевой дубинка, краски, трубка и табакерка, были похоронены вместе с ним, и в течение четырех дней женщины его семьи оплакивали его смерть громким воем. Лица всех скорбящих были окрашены в черный цвет. Вдова в течение четырех лет не заплетала волосы, отказывалась от всех украшений и была вынуждена воздерживаться от всех веселых мероприятий. На четвертой поските она была официально освобождена сестрой своего мужа и либо получала нового мужа из того же клана или кланового союза, либо получала свободу выбирать себе мужа по своему усмотрению. Для вдовца период траура длился всего четыре месяца.

Медицинские практики его дяди очаровывали Токульки, который присутствовал при них всякий раз, когда его допускали. Он видел подобные представления на площади во время ежегодных церемоний, и его ум, склонный к мистике, жадно впитывал их.

В течение всего этого времени Токульки периодически видел отряды воинов, в том числе иногда своего отца и дядей, выходящих на войну против своих врагов, и в частности, на западе был враг, не многочисленный, но возглавляемый вождем редкого роста, силы и пронзительности, чьи действия становились все более угрожающими, и которому помогали и содействовали гораздо более многочисленные люди за его пределами, называемые Длинноволосыми. Наконец, набеги из этой части стали настолько

многочисленными, и было нанесено столько ущерба, что в Талсе был создан великий совет, и было решено сблизить их поселения и возвести вокруг них прочную ограду. Токулки, хотя он был еще слишком молод для тяжелой работы, был призван оказать всю возможную помощь в завершении строительства. Пока старшие мужчины отмечали линию стены и втыкали в землю большие стволы деревьев на расстоянии нескольких футов друг от друга, Токулки и другие молодые люди собирали длинные гибкие ветки или молодые деревья, которые они переплетали от одного столба к другому, покрывая все это слоем глины. Примерно в ста футах друг от друга над верхом стены были возведены небольшие сторожевые башни, слегка выступающие вперед, чтобы защитить промежуточные пространства от попыток врага взобраться на них или поджечь. Со стороны реки был только один ряд палисадов, но в других местах он был удвоен. К реке также был единственный проход, образованный за счет небольшого перекрытия стен. Чтобы подойти к нему, враг должен был ползти по узкой тропе между стеной и водой, подвергаясь верной гибели, если его обнаружат.

Примерно через два года после завершения строительства этой крепости Токулки отправился в свой первый военный поход. «Дядя» его группы должен был быть одним из участников похода и воспользовался этой возможностью, чтобы посвятить своего племянника в основную традицию племени — убийство людей, единственный способ достичь личной славы и социального положения. Лидером отряда был никто иной, как тастанаги лако, главный воин города, и поэтому, когда он отправился набирать добровольцев, на него обрушился поток амбициозной молодежи народа. В течение четырех дней они оставались запертыми в тшокофе, постились, принимали боевые лекарства, танцевали и пели боевые песни, чтобы довести себя до нужной степени боевого азарта. Каждому были выданы боевой дубинка, лук и колчан со стрелами, щит из тростника или кожи бизона, а также мешок с огнивами, красками и небольшим запасом жареной кукурузной муки. По завершении церемоний они очень рано утром тихо вышли в поход, идя гуськом. С собой они несли священный ящик из реек, который обычно нес на спине помощник вождя, и в каждом лагере ставили на бревно или вешали на дерево или столб. Среди прочего в ней находились некоторые раскрашенные кости огромной пантеры, которую предки этого народа убили на пути из далекой западной страны (), а также часть одного из рогов водного рогатого змея. Иногда считалось, что этот ящик произносит оракульные речи, сообщая отряду, в каком направлении следует двигаться, или предупреждая его о нападении.

В этот раз дух-хранитель, по-видимому, был благосклонен, потому что они застали врасплох четыре отдаленных лагеря своих врагов, взяли дюжину скальпов и увезли в плен пятнадцать женщин и детей, а также двух взрослых мужчин, которых подвергли смертной казни через сожжение. Во время этой операции Токулки посчастливилось спасти жизнь слуге вождя, сразившись с врагом, который собирался ударить его сзади. Поэтому после триумфального возвращения он получил столь желанный головной убор из перьев, свое первое военное имя и место в восточной хижине на площади.

Он ступил на первую ступеньку социальной лестницы и мог посещать все, кроме самых секретных и важных собраний, на которых решались вопросы, касающиеся действий нации. Вскоре он получил другое имя и покинул хижину тасикайас, переселившись в хижину ималас в восточной части северной хижины. Позднее его поступки дали ему право на звание тастанаги, высшее военное звание, но, будучи по рождению членом клана Белого Ветра, он был вместо этого назначен на почетное место в мирной хижине на другой стороне.

Однако, несмотря на свое мастерство, Токулки получал от войны меньше удовольствия, чем большинство его товарищей. Как мы уже отмечали, он обладал мистическим складом

ума. Великие церемонии оказывали на него сильное влияние, а практики его дяди, знахаря, постоянно привлекали его внимание (). Обладая хорошей памятью, он быстро усвоил сокровища племенных знаний, которые вскоре привлекли внимание старейшин — хранителей священных легенд и ритуалов. Они серьезно обсуждали его с Медиком, как с тем, на кого его народ мог бы положиться в будущем в качестве духовного лидера, и по предложению своего дяди он и три других наиболее многообещающих юноши из рода Ветра согласились пройти поскиту для молодых людей, «первую степень в медицине», если можно так выразиться.

Призвав этих юношей в свой дом, целитель серьезно поговорил с ними, а затем назначил встречу с ними в отдаленном месте в лесу, на берегу небольшого ручья, вдали от часто посещаемых троп. В назначенное время и в назначенном месте он сам явился перед ними () и велел им построить потную хижину на берегу ручья. Затем он приступил к своим наставлениям, перебирая столько своих элементарных знаний, сколько, по его мнению, они могли усвоить за один раз, и, вернувшись в свой дом, велел им тщательно запомнить все, что он сказал, до четвертого дня, после чего он снова навестит их. Он повторял свои визиты и инструкции с одинаковыми интервалами в течение большей части месяца, пока не остался доволен их прогрессом и не сказал им вернуться в свои дома. «Теперь, — сказал он, — вы понимаете, как лечить раны от стрел, и имеете право носить в волосах перья канюка».

Этот уровень был достигнут Токульки вскоре после его первой военной экспедиции, но в течение некоторого времени другие события помешали продолжению его посвящения. Во-первых, его семья решила, что ему пора жениться и занять положение в племени как ответственный глава собственного дома. Он согласился с этим решением как с естественным порядком вещей, и в результате его мать в сопровождении двух или трех женщин из своего клана посетила «дядю» из клана Енотов, к которому принадлежала выбранная девушка. Принимающая сторона была осведомлена о предстоящем предложении и пригласила в свой дом некоторых других ведущих мужчин своего клана, мать девушки и, из вежливости, ее отца. Через несколько дней представители клана Енота ответили визитом и официально объявили, что предложение принято. Свадьба могла бы состояться сразу же, когда жених был бы отправлен в дом своей невесты и был бы устроен пир и танцы, но Токульки и его родители стремились, чтобы он как можно скорее занял высокое положение в племени, и поэтому отложили церемонию до тех пор, пока он не построит дом, не соберет урожай кукурузы и не заготовит запас оленины.

Всем мужчинам из клана Ветра, проживавшим в этом городе, было велено пойти в лес и собрать достаточное количество шестов, коры, веревок из коры и других материалов для строительства дома. Начинался сезон посева, и когда было разбито поле в городе, для новой семьи был засеян дополнительный участок. Когда урожай был готов к сбору, рядом с местом предполагаемого жилища был возведен на столбах амбар для кукурузы, который заполнили урожаем с нового участка Токульки. Когда сбор урожая закончился, а дни стали достаточно прохладными для комфортной работы на открытом воздухе, мужчины клана Ветра снова собрались и назначили день, в который должен был быть построен новый дом. Эта работа проводилась во многом по подобию старинных новоанглийских «хускинг-би» (коллективных работ по обмолоту зерна). Руководил ею человек, считавшийся самым опытным в таких делах, который распределял различные задачи между всеми остальными. Они работали с таким энтузиазмом, что к середине дня работа была практически завершена. После этого была подана общая трапеза, за которой последовала игра в мяч и обычные танцы после наступления темноты. Софки, приготовленный по типу нашего «очищенного кукурузного зерна», был готов в кастрюлях для всех присутствующих.

Чуть позже Токулки пошел на охоту и принес сушеное оленину, чтобы пополнить свои зимние запасы. Только тогда его и его невесту привели в их новый дом, где все вместе приняли участие в заключительном празднике « », лидеры кланов «Ветер» и «Енот» произнесли речи, и новая пара осталась в своем новом доме.

В этот период Токулки был слишком занят, чтобы думать о своих прежних амбициях, но после рождения первого ребенка и устоявшейся рутины новой жизни они снова начали возвращаться к нему. Он поделился своими мыслями с тремя молодыми людьми, с которыми он был связан ранее, и обнаружил, что они тоже готовы продолжить свой путь. Они снова обратились к Целителю и снова подверглись постам, потным баням и повторным наставлениям, теперь еще более строгим, чем раньше. На этот раз они, среди прочего, научились правильно лечить укусы змей и, как они верили, ясно видеть предметы в самые темные ночи.

Токульки все еще был недоволен. Каждое новое откровение пробуждало в нем новые амбиции. Его товарищи, однако, были довольны тем, что они приобрели, и престижем, которого они достигли, и были утомлены долгими и изнурительными постами. Поэтому, когда Токулки представил себя в качестве кандидата на третью степень, он пошел совершенно один. На самом деле, испытание, которому он подвергся в этот раз, было настолько суровым, что он раздумывал, не остановиться ли на достигнутом. В любом случае, он проник в тайны глубже, чем все, кроме десяти или двенадцати человек в пятидесяти союзных городах мускоги.

Он пропустил два года, прежде чем решился пройти четвертое и последнее испытание. В конце концов, однако, он взялся за дело и прошел его с триумфом, хотя периоды поста были вдвое дольше, а запоминание более строгим, чем все, что он испытывал раньше. Он вернулся в свой дом простой тенью человека, с впалыми щеками, запавшими глазами и почти безмясными костями, но с положением и влиянием в Нации, которым не обладал никто, кроме Медиков из нескольких ведущих городов.

С создателем лекарств из Талсы, своим наставником и дядей, Токульки теперь был в самых дружеских отношениях. Было естественно, что человек с такой развитой ментальностью, как Токульки, и такой стойкостью целей вызывал интерес у своего начальника. Стало очевидным, что когда создатель лекарств умрет или откажется от своего духовного лидерства, его положение перейдет к Токульки. Двое мужчин много разговаривали, и в этих разговорах старший мужчина делился всеми знаниями, которые дала ему его долгая жизнь, наполненная физической активностью и духовными размышлениями. Некоторые вещи не были новыми для Токулки, некоторые были ему подсказаны другими учеными людьми, но многое было новым и странным.

Мир, который представлял себе мудрец из Талсы, был примерно таким: средняя земля, которую знает человечество, плоская и квадратная, и плавает на «широких белых водах». Над ней есть мир, а под ней — другой, и они населены существами, подобными нам. Внизу находятся те, кто остался, когда расы, ныне живущие на земле, нашли путь на ее поверхность; вверху — те, кто жил на земле, но, пережив опыт, называемый смертью, отправился на запад, пересек узкую точку в океанском течении по бревну и либо остался с злобными духами в той части, либо поднялся в счастливую область прямо над головой, которой управляет Хисакита-имиси, «держатель дыхание». Белая полоса в небе, которую мы называем «Млечным путем», считалась той самой дорогой, по которой они путешествовали. Однако невосполненные души тех, кто был убит на войне, не хотели начинать свое путешествие, пока не были принесены скальпы из вражеского племени, и в то же время они оставались около карнизов домов, стояя. Некоторые говорили, что злые духи

перевоплощаются в зверей, но по этому поводу мнения расходились. Однако все соглашались с тем, что люди могут обрести такую злую силу, что становятся ведьмами и принимают облик животных, еще живя на земле. Их злой нрав приписывали ящерицам, которые поселились внутри ведьмы, но могли быть изгнаны с помощью соответствующих медицинских обрядов.

Считалось, что звезды прикреплены к нижней поверхности твердого свода над головой, по которому каждый день путешествуют солнце и луна. Затмение солнца обычно приписывалось большой жабе, которую можно было отпугнуть враждебными демонстрациями со стороны людей. Затмению луны люди уделяли мало внимания. На луне жили человек и собака. Радуга была большой небесной змеей, которая владела силой дождя.

Мир и все, что в нем содержалось, были продуктами разума и повсюду несли на себе отпечаток разума. Материя не была чем-то, что породило разум, а чем-то, что когда-то было разумом, чем-то, из чего разум ушел, что находилось в состоянии покоя и из чего он мог быть снова пробужден. Этот разум явно проявлялся в так называемых «живых существах», таких как растения и, в еще большей степени, животные. Тем не менее, в неорганической субстанции, не менее чем в растениях и животных, скрывался разум в его высшей форме, т. е. человеческий разум. Он мог проявиться в любой момент, но особенно часто это происходило с постыщимся воином, «знающим» и врачом. Действительно, важность этих двух последних заключалась в их способности проникать в человеческую жизнь внутри минеральной, растительной и животной природы и приносить из этого опыта знания, ценные для упорядочения жизни своих собратьев. Не то чтобы разум приписывался одной индивидуальности, но он признавался повсеместно одинаковым по своей природе.

Его проявления не во всех случаях были одинаково сильными. Его проявление в пантере, медведе и бизоне было более сильным, чем в еноте, кролике и белке. Некоторые «неорганические» силы, такие как, например, ветер, реки и море, были, однако, еще более сильными. Особенно сильными были гром и молния, которые производились двумя группами животных. Опасные, «ударяющие» молнии создавали огромные птицы, из глаз которых вырывалось пламя, и они бросали его в другие огненные существа — огромных рогатых змей, которые, в свою очередь, стреляли вверх голубыми, безвредными молниями. Кости этих земных змей иногда находили после ливня. Кроме того, были длинные змеи, которые жили в воде и, поднимая свои огромные тела прямо вверх через определенные промежутки времени, позволяли себе падать с гигантским всплеском. Были змеи с острыми грудями, которые, по мнению местных жителей, были вдохновлены следами молнии (), змеи, которые, как полагали, бегали прямо по поверхности земли, прорезая корни и кусты на своем пути. Были бестелесные змеи, которые поднимались в воздух, кружась, в тихие утренние часы. Были существа, похожие на бизонов, которые шли четвером, каждый из них на минуту останавливаясь на следах своего предшественника. Были очень маленькие люди, которые иногда лишали путешественников чувств, и очень большие люди, которые их съедали.

Помимо силы, воплощенной в природе, существовала сила, не совсем от нее отличающаяся, которая была невоплощенной или нечетко воспринималась как воплощенная. Эту силу можно было вызвать с помощью заклинаний и повторения определенных формул. «Одним словом» можно было совершать чудеса; «одним словом» весь мир можно было сжать до такого маленького пространства, что знахарь, владевший этим словом, мог обойти его в четыре шага. Именно такая сила передавалась лекарствам, но источником этой силы были, в конце концов, антропоморфные силы, которые в самом

начале вещей определяли, какими должны быть болезни, а также назначали средства, которые должны были использоваться для их лечения. Но когда врач готовил эти лекарства и клал их в горшок перед собой, они не действовали, пока он не повторял предписанные формулы или молитвы четыре раза, вдыхая лекарство через полый тростник (). Таким образом, дух, придающий лекарству силу, переходил в него через дыхание жизни врача.

Из этой концепции вытекало, что верховное существо криков, своего рода бог неба, было известно как Хисакита-имиси, «держатель дыхания». Хотя он не обязательно активно вмешивался в отношения между меньшими силами и человечеством, его первенство признавалось, и о них говорили как о его слугах; он был их мико.

То, что происходило с человеком во время болезни, ежегодно происходило со всем племенем во время поскита. Это было дано людям Хисакита-имиси для их здоровья и для ежегодного обновления жизни племени, а также индивидуальной жизни тех, кто его составлял. Огонь на квадратной площадке был лишь отделенным фрагментом солнца, небесного огня, и оба они означали жизнь, поскольку оба были необходимы для жизни людей. Обновление огня было обновлением жизни, актом, посредством которого восстанавливалась связь между человеческими жизнями и жизнью вселенной, а также избавлялись от порчи, накопившейся вокруг огня, полученного в предыдущем году. Точно так же участники очищались внутренне с помощью лекарств поскита, одно из которых было предназначено для устранения дефектов системы и лечения ее болезней, а другое — для обеспечения положительных эффектов. Поэтому каждая семья уносила понемногу каждого из них домой и вешала у двери, а часть из них использовалась время от времени в лекарствах до следующей ежегодной церемонии.

Что касается происхождения вещей, у мускоги были неясные традиции. Они верили, что твердая земля появилась в результате расширения кусочка земли, принесенного с краев мира или со дна океана. Они также рассказывали о потопе, но их история о происхождении человека не касалась никаких племен, кроме их собственного и нескольких, которые, как считалось, были тесно связаны с ними. Они думали, что после своего восхождения из подземного мира в точке на дальнем западе, называемой «пуп мира», они долго путешествовали на юго-восток под руководством своего Медика, который, в свою очередь, руководствовался посохом, втыкаемым в землю каждую ночь и наклоняющимся в направлении, которое нужно было взять каждое утро. Тем временем четыре «существа света» из разных уголков мира принесли им знание о поските и зажгли их первый огонь поскиты. В этот период между несколькими племенами мускоги и некоторыми племенами, не принадлежащими к мускоги, завязались дружеские узы. Два ведущих племени, касихта и ковета, заключили соглашение, по которому они должны были играть друг с другом в мяч через определенные промежутки времени, но никогда не воевать, и по мере того, как другие города или племена вступали в союз с ними, они также вступали в союз в играх в мяч, пока не образовалось два класса городов, по двадцать пять в каждом. Те, что возглавлялись касихта, были посвящены миру, а те, что возглавлялись ковета, — войне...

Однажды, ближе к концу лета, Токулки и Медик отклонились от города на некоторое расстояние к востоку и сели на склоне холма, где пожилой мужчина более впечатляюще, чем когда-либо прежде, пересказал ему самые важные детали своего учения. Через некоторое время он сделал паузу, а затем сказал: «Я рассказал вам все, что знаю; это то, что рассказали мне Медик, который был до меня, и все знающие и врачи. Так должно быть. Я верю в это. Однако, возможно, это не вся правда. Я думаю, что мы не должны понимать некоторые вещи, которые они говорят, буквально; у них есть другое значение. Иногда мы можем понять, в чем заключается этот другой смысл, а иногда — нет. Возможно, как и огонь поскита, он был осквернен частым контактом с обычными вещами, частым повторением. Возможно,

Хисакита-имиси не рассказал нашим дедам всего, что он хотел рассказать. Но многое из этого хорошо и идет на пользу нашему народу. Так что используйте то, что вам кажется хорошим! А остальное использовать не нужно. И если Хисакита-имиси, кажется, говорит вам что-то лучшее, если вы считаете, что это лучше для вашего народа, используйте это! Это то, что он, должно быть, имел в виду с самого начала. Я говорю вам это, потому что чувствую, что ваши времена не будут похожи на мои времена. Растение умирает. Весной растение снова появляется. Это то же самое растение, и все же это не то же самое растение. Оно похоже, но оно не похоже.

«Разве вы не слышали о людях, которые пересекают широкую белую воду на каноэ с крыльями? Даже сейчас я слышу, что большое количество из них марширует по нашей стране и что они идут в этом направлении. Возможно, старые вещи должны исчезнуть». Он замолчал, и в этот момент с востока донесся низкий шум, до сих пор незнакомый этой стране, но который белый человек того времени узнал бы как выстрел из аркебузы. Это была аркебуза из армии Де Сото.

Джон Р. Суонтон

SLENDER MAIDEN
OF THE APACHE

Стройная девушка из племени апачей

СТРОЙНАЯ дева должна была танцевать через двенадцать дней. Желуди созревали вдоль Аш-Крик; олени, с полностью выросшими рогами, набирали вес; шли грозовые дожди, и год был в самом разгаре. Весной предыдущего года мать Стройной девушки заметила, что ее дочь становится женщиной. Зимой перед этим отец Стройной девушки ушел в горы за Черной рекой и охотился там полмесяца. Лучшие олени шкуры были тщательно выделанны и убраны на хранение. На ручье Чибику, в одном дне пути к западу, жил человек, известный своими прекрасными костюмами из оленьей кожи. Отец Стройной девушки отнес этому мастеру четыре из этих обработанных оленьих шкур и двух своих лучших лошадей. Лошади были подарены ему за работу над шкурами. Отцу Стройной девушки сказали прийти за одеждой примерно в то время, когда на кукурузе появятся метелки.

Мать Стройной девы и сама Стройная дева принадлежали к клану Полыни. Многие женщины этого клана жили по соседству и с радостью согласились помочь собрать еду для праздника. Отец Стройной девы принадлежал к клану Адобе. Его братья пообещали присоединиться к нему перед танцами, чтобы поохотиться и добыть оленину для праздника. К счастью, у семьи было много лошадей, которыми можно было расплатиться с теми, кто пел песни и руководил церемонией.

Отец Стройной девушки поехал вверх по ручью к болоту, где нарезал запас тростника. Из него он сделал трубочки, которые наполнил табаком и связал под прямым углом, сделав кресты. Их послал двоюродный брат Стройной девушки, молодой человек, у которого только недавно начали расти волосы на подбородке, знахарю, живущему в Истфорке, который знал песни Найенезгани, используемые для танца девочек-подростков. Когда молодой человек прибыл в дом певца, он положил крест на его палец. Когда старик потянулся за знаком, он спросил молодого человека, откуда он пришел.

«Я из клана Полыни и пришел из долины танцевального дома. Отец Стройной девы, мой дядя, просит, чтобы на двенадцатый день ты спел для его дочери под тополями на Аш-Крик. Он посылает тебе эту оленью шкуру, эти бусы из бирюзы, гагара, белого камня и красного коралла. Кроме того, он дарит тебе лошадь и седло из Старого Мексико».

«Сядь, мой внук», — сказал певец молодому человеку. Затем старик наполнил свою трубку и передал молодому человеку свой мешок из оленьей кожи с табаком. «Позови моих братьев», — сказал он своей жене, прежде чем они начали курить. Когда все собрались и трубки зажглись, певец рассказал о поручении молодого человека и о том, что их помощь необходима для проведения церемонии. Принесли еду и подали ее молодому человеку.

Аналогичное приглашение было отправлено знахарю из Турки-Крик, который знал танец гансов.

Через несколько дней женщины из клана Стройной Девы и те, кто жил в ее лагере, загрузили своих ослов и лошадей едой для праздника и необходимыми принадлежностями. Солнце уже высоко стояло, когда они были готовы к отправлению, и к закату группа разбила лагерь у ручья, где в изобилии росли дубы, примерно на две трети пути к Эш-Крик. К полудню следующего дня лагерь был разбит под тополями в долине ручья.

За день до танца возле ручья была построена потовая хижина. В этой куполообразной хижине группы из шести-восьми мужчин поочередно принимали ванны. Пели песни Найенезгани, и мужчины очищались паром и теплом. В полдень всем, кто собрался поблизости, подали еду.

На следующее утро, незадолго до восхода солнца, были расстелены четыре одеяла, одно над другим, а к востоку от этой постели была поставлена трость, согнутая на верхушке. Рядом с тростью была поставлена корзина с очищенным кукурузным зерном.

Певец из Истфорка со своим хором молодых мужчин выстроился в линию сразу за западным концом постели. Теперь появилась Стройная дева и заняла свое место перед певцами, лицом к восходящему солнцу. Пока пели песни в надлежащем порядке, Стройная дева танцевала, покачиваясь из стороны в сторону. Когда дошла очередь до нужной песни, она опустилась на колени и двигалась из стороны в сторону, поочередно переставляя колени, всегда лицом к восходящему солнцу. Вскоре она легла на кровать и была приведена в форму красоты своей матронской служанкой. Наконец, все собравшиеся зрители помолились за нее, прошли в ряд за ней и посыпали пылью ее макушку. Когда солнце было примерно на полпути к середине неба, она пробежала назначенную дистанцию, и утренняя церемония была завершена.

Вскоре всем подали мясо и суп.

Вечером, около заката, на танцевальной площадке появился мужчина без одежды, за исключением набедренной повязки, с телом, раскрашенным в белый цвет с черными полосками, и жестами спросил, идет ли сейчас танец. Узнав, что это так, он убежал в уединенное место. Вскоре раздались странные звуки и шум трещоток. Четверо мужчин вошли в одну линию, за ними следовал раскрашенный клоун. Четверо были одеты в мокасины и килты ниже пояса, но были раскрашены в черный цвет с символическими узорами белого цвета. Их лица были закрыты, а на головах были веерообразные деревянные конструкции, покрытые раскрашенными узорами. Обойдя танцевальную площадку, эти мужчины в масках танцевали некоторое время, а затем удалились.

После наступления темноты развели большой костер, и мужчины в масках вернулись. Стройная девушка с тростью танцевала у костра. С ней были другие девушки, которые время от времени приглашали молодых мужчин потанцевать с ними. Пока мужчины в масках танцевали, певец из Турки-Крик вел песни Гансов, бессмертных, которые присоединяются к мужчинам в праздновании достижения юности. Время песен отмечалось певцами, ударяющими по натянутой коже.

Когда была сотворена земля,

Когда было сотворено небо,

Где лежит голова черной земли,

Где лежит голова черного неба,

Где их головы встречаются,

Черный Гром, Черный Ган, стоя лицом к лицу, вышли из жизни.

Черный Ган своим танцем произнес четыре слова.

Около полуночи певец из Истфорка и его помощники заняли свои места в доме, состоящем всего из четырех столбов. Здесь был разведен огонь, за которым, лицом к востоку, стояла Стройная дева в сопровождении девушки своего возраста и двух юношей. До рассвета с перерывами пели песни Найенезгани, а молодые люди танцевали.

Этсуннадлехе

Из своего дома из белых облаков

Живая белая раковина, ее вождь,

Это эхом отзывается во мне.

Этсуннадлехе

Долгая и счастливая жизнь, ее вождь,

Это эхом отзывается во мне.

После завтрака прозвучали еще несколько песен, а затем появились люди в масках и помогли сначала раскрасить Стройную деву белой землей, а затем нанести символы на щеки и руки всех зрителей. Церемония была завершена, и собравшиеся вскоре разошлись: одни пошли собирать желуди, а другие — в свои лагеря, чтобы ухаживать за урожаем.

Среди тех, кто присутствовал на церемонии в Эш-Крик, был молодой человек по имени Красный Мальчик. Его дом находился в Сан-Педро-Крик, в ста милях к югу и западу, недалеко от страны Пима. Он приехал навестить родственников в стране Белой Горы, так как его мать была из клана Адобе, а ее братья и сестры жили на Белой Реке.

Редбой очень заинтересовался Стройной девушкой и решил сделать ей предложение. Его просьба была услышана, и его подарки в виде лошадей были приняты. Сама Стройная девушка была довольна, потому что незнакомец был высоким и щедрым в своих подарках ей. Вскоре пара переехала в лагерь на Блэк-Ривер, где Стройная девушка осталась, а ее муж присоединился к небольшой группе, которая отправлялась в набег на Мексику. Десять дней спустя отряд вернулся без потерь и с большим количеством лошадей. Красный Мальчик взял десять лошадей и подарил их родителям Стройной Девушки.

Следующей весной Красный Мальчик и Стройная Дева отправились в деревню на Сан-Педро и засеяли землю, которая принадлежала матери Красного Мальчика. Здесь они прожили пять лет, выращивая хорошие урожаи и охотясь на оленей в окружающих горах.

Однажды в августе Стройная Дева и ее невестка плели корзины под тополями у ручья. Пятилетняя дочь Стройной Девы спала под ивой ближе к ручью, где ветерок был прохладнее. Вдруг раздался грохот, и из каньона вырвалась стена воды, грязи и выкорчеванных деревьев. Женщины вскочили, но прежде чем они смогли добежать до спящего ребенка, вода накрыла их коричневым потоком. Сами женщины смогли спастись, взобравшись на тополя.

Опечаленные этой потерей и обескураженные тем, что ферма Стройной девушки была смыта водой ливневого дождя, Стройная девушка и ее муж переехали в страну Белых гор и поселились на Седар-Крик, недалеко от ее родных. Здесь они прожили десять лет. К тому времени у них было пятеро детей, младшая из которых была девочкой.

Однажды из Уайт-Ривер пришел гонец с просьбой, чтобы муж Стройной девушки пришел лечить больного человека. Красный Мальчик знал песни и ритуалы целительской церемонии. Он пошел с женой и разбил лагерь рядом с человеком, который внезапно заболел. Тот горел от лихорадки и был покрыт сыпью. Песни не помогли, и до рассвета человек умер. Тело почти сразу же поместили в расщелину скал в ближайшем каньоне и накрыли палками и камнями.

В тот же день Стройная Дева и ее муж перебрались вниз по Белой Реке, а через несколько дней — к Черной Реке, где они с мужем искупались. Ночью у нее разболелась голова, и она умоляла мужа уйти, чтобы он тоже не заразился болезнью. Когда через двенадцать дней лихорадка прошла, она увидела своего мужа, сидящего рядом, уставшего и изможденного от того, что он ухаживал за ней.

«Почему ты не ушел от меня?» — спросила она.

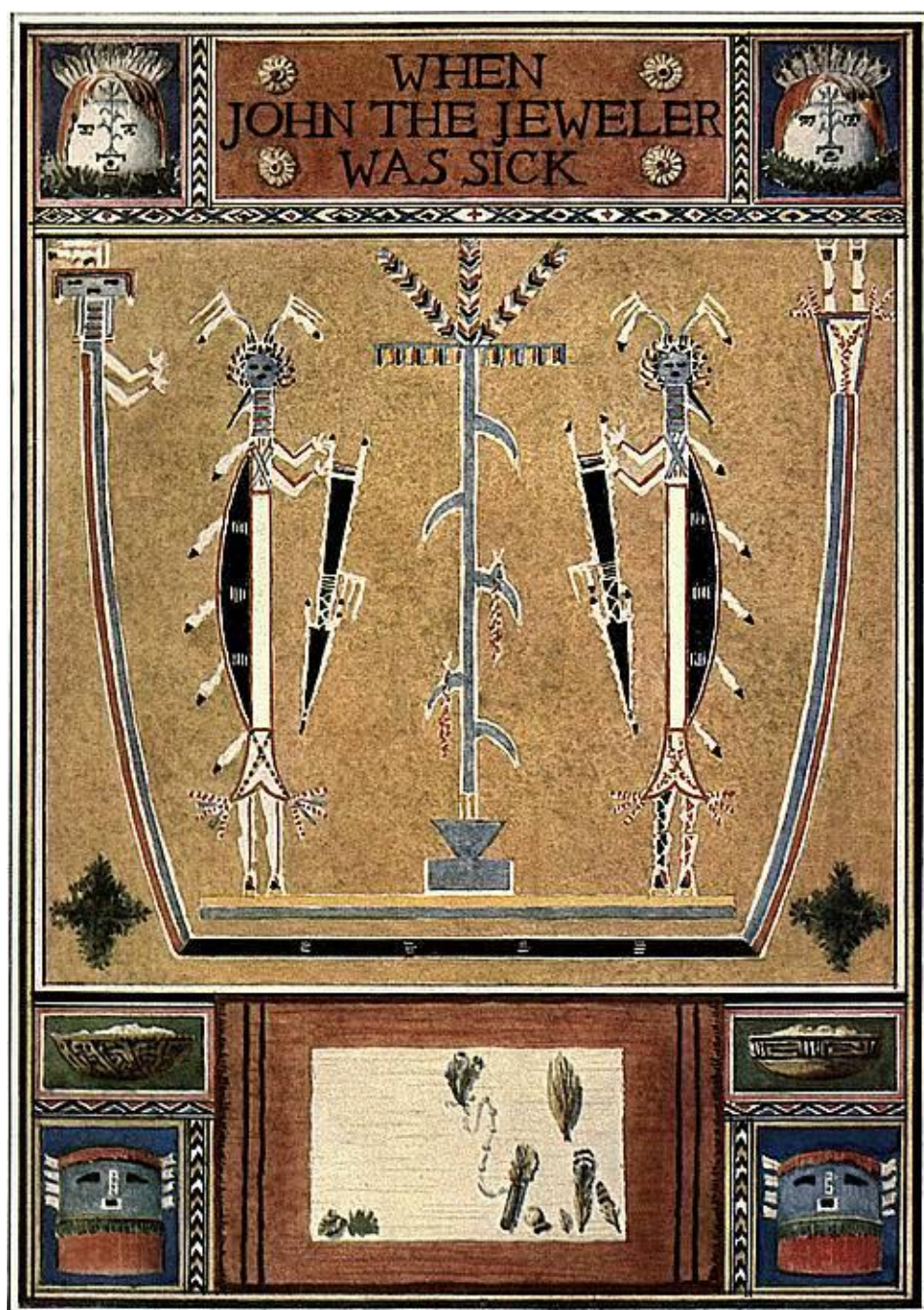
«Потому что я люблю тебя много лет», — ответил он.

Через несколько дней он тоже заболел, и тогда Стройная Дева, все еще слабая, ухаживала за ним, пока его не унесли в каньон для погребения. Когда эпидемия прошла, все дети и близкие родственники Стройной Девы были мертвы, кроме младшей девочки, которую оставили у тети в Сидар-Крик.

Худенькая девушка, конечно, обрезала волосы и носила только юбку и пончо из ткани. Даже когда год прошел, она не позволила своим волосам отрасти. Члены клана ее мужа, заметив ее нежелание выходить замуж снова, уважали ее желание и не назначали ей мужа. Она продолжала возделывать свою маленькую ферму и заботиться о дочери.

Ее просьбы о долгой жизни, высказанные во время церемонии посвящения в юность, были услышаны. Она так постарела, что теперь ходит с тростью. Ее волосы белые, но не от символической белой земли, а от возраста. Ее дочь, женщина средних лет, незамужняя, очень уважаемая, но очень востребованная из-за себя и своих значительных стад, заботится о ее физических потребностях. В остальном Стройная дева живет воспоминаниями о счастливой юности.

П. Э. Годдард

Когда Джон Ювелир заболел^[4]

Рассказано в Сент-Майклс, Аризона, одним из францисканских монахов

Возможно, вы помните, что здесь мы встретили нашего друга из племени навахо, одного из серебряных дел мастеров, которого мы ласково называли «Джон-ювелир». В начале этого года он отправился в каньон Кохонино и пробыл там четыре дня. На следующий день после отъезда из каньона его схватила лихорадка, и в течение двадцати дней он каждый день испытывал озноб, сопровождавшийся лихорадкой и бредом. Странность болезни оказала на него чрезвычайно угнетающее воздействие, и в течение этих двадцати дней он находился в состоянии полного истощения.

Джон Ювелир — знахарь, младший священник, пользующийся значительной репутацией, и многие его друзья приходили к нему, но никто из них ничего не знал о его болезни. Священники и пациент были склонны приписывать это «плохому запаху, исходящему от Кохонино», но поскольку во время визита пациента там также находилась группа кочующих пайютов, они не были уверены, что плохой запах мог исходить от пайютов.

В этой чрезвычайной ситуации было решено вызвать лучших целителей региона. Первым выступил Ойкай йосна. Его обряды и молитвы-песнопения были обращены к Йе, который обитает у входа в яму, через которую все люди приходят в этот мир и через которую духи умерших возвращаются в нижний мир.

Эта яма находится на вершине горы на севере, называемой Тжоли. Между пациентом и входом в яму жрец разжег огонь из определенных пород дерева и рядом с этим огнем пел молитвы Йе, который сидит «по эту сторону» входа в яму. Он умолял Йе не звать пациента спуститься по лестнице, ведущей в царство мертвых. Он натер тело пациента пеплом и измельченным углем из своего лечебного костра, предварительно натерев его смесью, полученной путем плавления жира бизона, горной овцы, лося и оленя с небольшой добавкой жира домашней овцы. Этот жир должен был приклеить к коже уголь и пепел из лечебного костра (). После помазания рядом с пациентом снова пели песни.

Обряды Ойкай йосна длились два дня и две ночи, а его гонорар составлял одну лошадь, то есть пятьдесят долларов.

Следующим шаманом был Кума быге. В хижине больного делали небольшой углубленный холмик из глины, в котором устанавливали три камня; на них клали щепки пиньона и кедра, которые поджигали. Когда они прогорали до углей, шаман встряхивал свою погремушку и пел своему отцу Йесу. Затем он клал на угли пять трав. Больного укладывали обнаженным на песок рядом с кострищем, а над кострищем расстилали одеяло, и больной вдыхал дым трав, а шаман сидел рядом, потрясая раскачивающимся бубном и продолжая петь.

Лечение проводилось на рассвете и закате и должно было длиться четыре дня, с песнями, танцами и другими церемониями ночью. Но в данном случае в конце второго дня произошло неловкое обстоятельство: у жены пациента начались менструации. Это сразу же положило конец всему дальнейшему лечению. Гонорар Кума быге составлял одну лошадь, то есть пятьдесят долларов.

После того, как жена поправилась, был вызван Эциди бикис. Шаман пел лидеру четырех ветров: белому ветру Востока, голубому ветру Юга, желтому ветру Запада и черному ветру Севера. До того, как люди вышли из нижнего мира, ветры были подняты в яму в Тжолии «Лидером» и им были назначены направления. Он заставил их дуть на грязную поверхность

земли, пока эта верхняя поверхность была еще новой и влажной, пока мир не стал достаточно сухим для проживания. Ветры изгнали злое влияние плохого Йеса, и новый мир стал прекрасным. Итак, именно этому Вождю пел Эциди бикис, прося его собрать ветры и изгнать злое влияние, угрожавшее пациенту.

Церемонии длились четыре дня и четыре ночи и состояли из песен-молитв, демонстрации фетишей, встряхивания погремушки, дудения в свисток и раскачивания tsin boosni (что похоже на раскачивание молитвенной палки Грома у хопи). Плата Эциди Бикис составляла большую лошадь, то есть шестьдесят долларов.

Следующий шаман звался Хостин бикан. Он давал пациенту корни трав, как в сыром виде, так и в виде настоев. Сырой корень травы Джеймстаунской астрагала () давали пациенту на рассвете, в полдень и на закате. Каждая доза составляла чуть меньше половины унции недавно высушенного корня. Его жевали и проглатывали. Сразу после каждой из этих доз ему давали кусок стебля золотого александра, длиной около шести дюймов и толщиной с большой палец. Его жевали, проглатывая слюну, но не волокна. Между песнями, днем и ночью, пациенту давали пить настои, количество которых никогда не превышало половины пинты за раз. Были отдельные настои трав, известных как: aze klohi, смеющее лекарство, aze bini, плохое или страшное лекарство для разговоров, thajuhutso, великий вождь водных лекарств, то есть лекарственных трав, растущих в болотах, все, как я полагаю, виды паслена. Церемонии Хостина Бикана длились день и ночь. Его гонорар составлял лошадь, то есть пятьдесят долларов.

Последним и самым могущественным из шаманов был Кума. Он является вождем клана, к которому принадлежит пациент. Он живет примерно в тридцати милях к юго-западу от нашего Каньона.

Молитвы Кумы были обращены к Хосджокуну (Убийце) и Хос-(дже) Йелти (Говорящему), божествам-хранителям Тжоли. Но все эти молитвы были скорее обращены к Йесам, обитающим в Полубелом доме, с просьбой о посредничестве, чтобы «Убийца» сдержал свою руку, а «Говорящий» сдержал слово смерти. Я полагаю, вы знаете, что на севере есть мифическая область. Она простирается от надира до зенита и не имеет горизонта. Это земля вертикальных слоев разных цветов, каждый из которых простирается от Нижнего мира до Верхнего. На каждом слое находится дом Йе, половина которого находится в одном слое, а половина — в другом.⁴

Поточная хижина украшена снаружи радугой из цветного песка; для этого случая строится певучая хижина; на полу певучей хижины делаются песчаные картины (алтари); и участники в масках танцуют.

Церемонии Кумы длились пять дней и ночей. Каждое утро на рассвете пациента помещали в потную хижину примерно на двадцать минут, скажем, по десять минут в каждой. В течение дня ничего особенного не происходило, но с заката до рассвета маскированные танцоры танцевали перед домом пения, а внутри дома пения жрецы пели свои молитвы, делали свои рисунки из песка и размещали перед ними и на них соответствующие фетиши. За определенную плату Кума получил прекрасную лошадь и жеребенка стоимостью сто долларов.

Помимо всех этих расходов, были забиты овцы, чтобы обеспечить бараниной, и были закуплены другие продукты, чтобы накормить шаманов и их помощников, танцоров и многочисленных зрителей, которые собираются вокруг, когда проходят какие-либо из этих религиозных церемоний. В этих расходах пациенту помогали все его родственники.

Эти церемонии длились три недели, и каждый день пациент страдал от лихорадки. По истечении этого времени пациент сказал, что он «смотрит вниз по нисходящей лестнице».

Затем его друзья усадили его на седло и привезли сюда, укутанного в одеяло, как мешок с костями. Мы уложили его в комнате для шерсти. Это было четыре дня назад. У нас не было каломели, поэтому мы дали ему щедрую дозу синей массы, около тридцати граммов. На следующее утро мы дали ему большую дозу касторового масла, а затем давали ему около тридцати граммов хинина, в четыре приема, ежедневно. Два дня назад его лихорадка прошла. Сегодня утром он и его друзья уехали домой. Перед отъездом Джон Ювелир сказал мне, что чувствует себя так хорошо, что, по его мнению, к завтрашнему вечеру он сможет возобновить выполнение своих супружеских обязанностей.

А. М. СТИВЕН

WAIYAUTITSA of ZUNI

Вайяутица из Зуни, Нью-Мексико

«Разве не трудно поверить, что жизнь среди этих скромных глинобитных домов на низком холме может быть такой запутанной и сложной?»

Мы были на последнем километре сорокамильного пути через красный песчаник сверху и снизу, зеленые кедры, ели и полынь от Галлапа до Зуни; позади нас, на юго-востоке, была великая мяса, на которую три века назад люди на время бежали от испанской *arrogancia*, мяса, где однажды мы должны были искать святилища Военных Вождей, Песни Молодежи и Женщины Земли, якобы охотясь на кроликов; а перед нами, едва заметные, так тихо вписываясь в пейзаж, были прямоугольные блоки многоэтажных домов Зуни, чьи плоские крыши образуют ломаные линии, похожие на месу, на фоне неба. На самой высокой точке, трехэтажном доме, вероятно, в этот самый момент городской глашатай объявлял горожанам приказы губернатора и совета на следующий день; но мы были еще слишком далеко, чтобы слышать, несмотря на тишину, и наши взоры обратились на запад, к пылающему зрелищу заката, подобного которому не увидеть за пределами обширной долины Зуни.

Время от времени, проходя между этими «скромными глинобитными домами», уворачиваясь от рычащей свиньи или делая вид, что не обращаешь внимания на собак, которые выскакивают из каждого угла, чтобы рычать или лаять, время от времени, когда вы видите, как жители деревни занимаются своими повседневными делами, мужчины возвращаются с полей или выводят лошадей из загонов, женщины носят воду из колодца или отправляются в гости к соседям, маленькие мальчики гоняются друг за другом, а младенцы играют в грязи, время от времени возвращается первое впечатление материальной простоты и с ним ощущение, что и сама жизнь должна быть простой. Но это ощущение никогда не длится долго, никогда не удерживается на фоне множества впечатлений от церемониального танца дождя, паломничества или посещения дома, от непонятной священнической организации и еще более непонятных священнических распрей, от сложного пантеона, от бесчисленных мифов и сказок, от ассоциаций в рассказах или культах с каждым холмом, скалой и источником, от родственных связей и брачных историй, от утомительных отношений с мексиканцами и «американцами», и о деревенских сплетнях, которые настолько всеобъемлюще состоят из светского и священного, что выходят далеко за рамки даже церковного общества Новой Англии.

Неудивительно, что рассказы о зуни часто сбивают с толку. В нашей собственной сложной культуре биография может быть проясняющей формой описания. Может ли она пригодиться в зуни? Я рискну предложить эту биографию Вайяутицы.^[6]

Вайяутица — это девичье имя; пол обычно указывается в личных именах зуни. Пол в некоторой степени проявляется и в речи. Вайяутица, учась говорить, будет использовать выражения, особенно восклицания, характерные для женщин. В недавнем списке первых слов, используемых ребенком зуни, мальчиком, было отмечено сравнительно большое количество терминов родства в его словарном запасе. Термины родства маленькой Вайяутицы будут несколько отличаться от терминов мальчика. Он называет младшую сестру икина, младшего брата — суве, а она называет их хани, что означает просто «младший». А поскольку система терминов родства у зуни является так называемой классификационной, то есть двоюродные братья и сестры имеют те же термины, что и братья и сестры, у Вайяутицы даже меньше слов, чем у ее брата, для выражения двоюродного родства.

Когда Вайяутице исполнится три или четыре года, ее можно будет узнать как девочку не только по речи, но и по одежде, по хлопковому платью; в этом возрасте маленькие мальчики носят брюки. Но еще три или четыре года, а может быть и дольше, Вайяутица не будет носить поверх хлопковой юбки характерное платье женщин Пуэбло — черное платье-плед, застегивающееся на левом плече и под правой рукой, которое в Зуни называется watone, что означает «поперек», широкий пояс, сотканный из белого, зеленого и красного хлопка, купленный в магазине платок или квадрат из шелка (питоне), который, застегнутый спереди, свисает через плечи и спину, и маленькие мокасины с толстыми носками, которые покрывают лодыжку и икру слоями оленьей кожи. Однако до того, как Вайяутица достигнет восьми или даже шести лет, она может, когда выходит на улицу, покрывать голову и тело черным одеялом или ярким «шалем», который носится аналогичным образом. Я видела очень маленьких девочек, носящих мокасины или черные чулки без носков, которые носят женщины зуни, или «наряжающихся» в питоне, чисто декоративный элемент одежды, без которого ни одна женщина зуни не выйдет на улицу. Без питоне она чувствовала бы себя голой, говорит она, и любой мужчина мог бы позволить себе говорить с ней неуважительно. Когда Вайяутице исполняется около пяти лет, ее волосы, которые до этого носили, как у мальчиков, коротко подстриженными, отрачивают в виде небольшого хвостика на затылке. Со временем ее косичка будет закручена и завязана «поясом для волос» из белой, зеленой и красной ткани. Передние волосы от уха до уха будут зачесаны до кончика носа, а челка будет зачесана вбок над лбом, за исключением церемоний, когда ее опускают вперед, чтобы скрыть верхнюю часть лица.

Эта прическа служит в церемониях своего рода маской, как вы можете видеть на картинке на титульном листе, где изображен головной убор, носимый в Тлахаве, женском танце кукурузы. Настоящую маску, этот квази-фетиш, который занимает столь важное место в церемониале Пуэбло, Вайяутица, по всей вероятности, никогда не будет носить. В отличие от своего брата, Вайяутица не будет посвящена в детстве в общество Качина и, следовательно, не присоединится к одному из шести священных клубов или эстуф, которые поставляют исполнителей для Качин или танцоров в масках. Не то чтобы женские персонажи не фигурировали в этих церемониях, но, как было принято на елизаветинской сцене, женщин изображают мужчины.

Из этого исключения девушек из общества Качина и из участия в танцах в масках есть несколько исключений. Сегодня три женщины принадлежат к обществу Качина. Они были приняты в него не в детстве, а в более позднем возрасте, и, как говорят, по одной из тех же причин, по которым женщины, как и мужчины, принимаются в другие общества Зуни. Излеченные от кошмаров или других недугов с помощью церемониального бичевания, они были «отданы» эстуфе, которой одно из ее членов приписывало заслугу в их исцелении. Из трех женщин-членов общества только одна, как говорят, танцует, и ее считают мужеподобной, кацоце, девушкой-мужчиной, сорванцом.

Вайяутица, скорее всего, не будет посвящена в котикиане, но вполне вероятно, что она будет посвящена в другое общество — в Великий огонь или Малый огонь, или в общество Клопов, Муравьев или Деревя, в любое из тринадцати обществ зуни, за исключением трех: священства лука или общества воинов, воинов, которые взяли скальп, или общества Охотников, или общества Кактусов, общества, которое лечит раны от стрел или выстрелов. Поскольку женщины не охотятся и не участвуют в войнах, они исключены, или, лучше сказать, лишены права членства в этих группах. Как мы увидим позже, принадлежность по полу в церемониальных делах соответствует обычной профессии.

Если Вайяутица болеет и излечивается знахарем из общества знахарей, она должна быть «отдана» либо семье знахаря, либо его обществу. Однако она может не быть посвящена

в течение длительного времени, возможно, в течение нескольких лет. Посвящения происходят зимой, когда школа работает, будь то школа Бюро по делам индейцев или Голландской реформатской церкви, и по этой причине, как говорят, посвящения могут быть отложены до окончания школьного возраста. Несмотря на школы, я встретил только двух женщин из племени зуни, которые свободно говорят по-английски. Одна из них является членом общества Змеинового знахаря, в которое она была посвящена после выздоровления от кори, смертельной болезни в Зуни, которую можно объяснить только колдовством. Другая женщина считалась единственной обращенной в голландскую реформатскую церковь в Зуни, пока шесть или семь лет назад она не присоединилась к обществу Вуда, потому что в детстве они вылечили ее от оспы.

После посвящения женщины, как и мужчины общества, каждую луну приносят молитвенные палочки, соблюдая после этого четыре дня воздержания, и присоединяются к четырехдневному уединению в церемониальном доме общества, предшествующему посвящению. Однако, в отличие от мужчин, женщины проводят в доме общества не всю ночь, а только вечер, и, находясь там, они скорее слушают, чем рассказывают неисчерпаемые народные сказки, которые обычно рассказывают на собраниях общества. Мужчины являются хранителями как светских, так и эзотерических знаний племени, так же как мужчины, а не женщины, являются музыкантами. Мужчины — преданные певцы, они поют, когда танцуют, или поют хором для танцоров, поют, когда идут на работу в поля или возвращаются с нее, или когда ведут лошадей к реке, чтобы напоить их, или в загоны на окраине города. Даже песни, которые поют во время церемоний, поют мужчины.

В публичных выступлениях общества женщины-члены играют незначительную роль. Общества предоставляют хоры и барабанщиков, а также церемониальных проводников или лидеров для танцоров в масках и, во время великого коко авия (прихода Качины) или церемонии шалако, для различных групп священных персонажей. Я видел несколько танцев в Зуни и одно празднование *koko awia*, и я видел только одну женщину, которая публично проводила церемонию « ». Как дочь дома, который принимал *koymshi*, или священных клоунов, она сопровождала эту группу в *koko awia*, или, так сказать, в Адвенте 1915 года.

Если Вайяутица принадлежит к обществу, она будет предлагать или сажать молитвенные палочки с перьями, которые являются столь заметной чертой религии пуэбло, но, будучи женщиной, Вайяутица не будет резать или обрабатывать палочки. Она будет только измельчать пигменты и, возможно, раскрашивать палочки. Также, как женщина, она не будет предлагать палочки в определенных других церемониальных случаях, когда их предлагают мужчины. Однако раз в год, во время церемонии зимнего солнцестояния, вокруг которой вращается большая часть ритуалов зуни, от Вайяутицы, даже в младенческом возрасте, ожидается, что она будет сажать палочки для «старших», то есть предков и Луны, но не для Солнца, как мужчины, и не для предков, качина, если она не является членом общества качина.

В конце церемонии зимнего солнцестояния, когда определенные священные фигуры, называемые квелеле, ходят от дома к дому, женщины носят угли по стенам дома и бросают их на квелеле. Это обряд шуваха, очищение, изгнание злых духов. Существует ряд других небольших обрядов, характерных для женщин в церемониальном ритуале зуни. Благодаря им, а также ряду обрядов, которые они разделяют с мужчинами, благодаря обеспечению священных персонажей едой в эстуфе, развлечению их дома или дарению им подарков, женщины играют неотъемлемую роль в церемониальном ритуале зуни. Однако в том, что мы можем назвать управлением церемониалом, они, по-видимому, играют небольшую роль или не играют ее вовсе.

Даже когда женщины посвящаются в общество Качина или связаны с ашиванни, или жрецами дождя, их функции, по-видимому, носят в основном экономический или хозяйственный характер. Женщины, входящие в жречество дождя, должны ежедневно приносить в жертву пищу фетишам этих священнических групп — высеченным и невысеченным камням, а также обернутым хлопком кускам тростника, наполненным «семенами, которыми питается народ». Если семенные фетиши в домах, к которым они привязаны, будут каким-либо образом потревожены, это повлечет за собой большую опасность для людей, и на женщину в доме, женщину-члена священства, ложится ответственность за охрану или укрытие. Но даже эти доверительные должности больше не занимают женщины — среди пятнадцати священников есть только шесть женщин-ашиванни. Должность женщины в высшем священстве, священстве дождя на севере, уже много лет остается вакантной — по их словам, ни одна подходящая женщина не готова рисковать или подчиняться табу, связанным с этой должностью. Помимо этой должности женщины-ашиванни, женщины не имеют практически никакого значения в теократии Зуни. Они были и остаются связанными с мужчинами-священниками, выполняя работу, относящуюся к женщинам. В случае пантеона зуни или его маскированных воплощений, эта связь необходима для удовлетворения или выполнения, так сказать, стандартов или концепций супружества зуни. Пара, а не индивидуум, является единицей зуни. Иногда, в церемониях или мифах, пара может состоять из двух мужчин.

Есть одна маскированная пара, которую я особенно заметил в Зуни, — это атошле. Два или три раза за зиму наша маленькая Вайяутица вместе с другими девочками и совсем маленькими мальчиками может ожидать, что ее напугает атошле, дисциплинарные маски, которые служат страшилками для детей, а также своего рода оружейными сержантами, по крайней мере мужские атошле, для взрослых. Если дети встречают старика и старуху на улице, они бегут в панике. Если эта страшная пара навещает ребенка в доме, возможно, по просьбе родителей, ребенок действительно сильно пугается. Я полагаю, что Вайяутице было шесть или семь лет, когда однажды, во время какого-то танца, атошле «вышли» и пришли к ней домой. Старая женщина атошле несет на спине глубокую корзину, в которой уносит непослушных детей, а в руке держит крюк, чтобы ловить их за лодыжку. С помощью крюка она тянет Вайяутицу к жерновам в углу комнаты, говоря ей, что теперь она достаточно взрослая, чтобы помогать матери по дому, присматривать за ребенком и, в скором времени, молоть зерно. Она должна слушаться мать и быть хорошей девочкой. Однажды я видела маленькую девочку, которая так испугалась такого предостережения, что начала хныкать, пряча голову в материнском лоне, пока атошле не был окроплен священной мукой и не покинул дом, чтобы выполнять свою роль помощника родителей в другом месте.

Будь то из страха, из сверхъестественного страха или из страха, что о ней будут говорить, как говорят о любой женщине зуни, которая отдыхает или бездельничает, или из-за примера, скорее из-за последнего, чем из-за первого, Вайяутица, безусловно, «хорошая девочка», нежное маленькое создание и очень послушная. Иногда она играет в веселые игры со своими «сестрами» по соседству, например, в игру «медведь у источника». На земле рисуют спираль, а в центре ставят миску с водой, символизирующую родник. Девочки следуют по спирали, чтобы набрать воды для своих маленьких индюшат, которые, как они поют, умирают от жажды. Затем «медведь» выбегает из родника и начинает погоню. Но в основном маленькие девочки тихо играют в домики. Таким образом, подражая дома своей трудолюбивой матери или тете, или еще более трудолюбивой бабушке или двоюродной бабушке, Вайяутица учится выполнять все домашние обязанности женщин. Она учится молоть кукурузу на каменном метате — тяжелом труде женщин Пуэбло — и готовить и варить еду разными способами в наружной печи, на американской плите или на плоской плите, на которой раскладывают хлеб хеве или вафельный хлеб. Для веселого семейного

обеда она ставит кофейник, хлеб хеве или тортилью, а также миски с чили и бараниной на земляной пол, который она постоянно подметает своей маленькой самодельной щеткой или американской метлой. (Дом зуни поддерживается в идеальной чистоте и удивительной аккуратности и порядке).

И Вайяутица становится очень бережливой — не только по природе, но и сверхъестественным образом. Она не продает кукурузу из дома, не оставив несколько зерен, чтобы кукуруза могла вернуться — в представлениях зуни целое следует за частью. И она будет хранить кусок соли в кладовой для кукурузы, а другой — в миске для хлеба — когда соль выкапывают, ямка быстро заполняется, и ожидается, что эта способность соли восполнять себя передастся кукурузе. Есть и другие аспекты, в которых Вайяутица научится облегчать хозяйство. Она будет посыпать семена дыни для посадки подслащенной водой — дыни должны быть сладкими. Пшеничные семена она будет посыпать белой глиной, чтобы урожай был белым, и растением под названием кова, чтобы пшеничное тесто хорошо тянулось. Кукурузные семена будут посыпаться водой, чтобы урожай был хорошо полит дождем.

От какой-то родственницы, которая является особенно хорошей гончаркой, Вайяутица, возможно, научилась лепить, расписывать и обжигать миски, а также кастрюли и кувшины для воды, необходимые в хозяйстве. Она приносит дрова из дровяного сарая и время от времени ее можно увидеть рубящей сосновые или кедровые поленья, которые мужчины из семьи привезли на ослах или в телегах. Она носит воду из одного из современных колодцев города, неся ее в кувшине на голове и шагая медленной и безэнергичной походкой, всегда характерной для женщин Пуэбло. Возможно, эта походка, такая тяжеловесная и столь отличная от походки мужчин, является результатом неустанного труда, своего рода бессознательного механизма самозащиты от «ускорения».

Вайяутица научится работать как на улице, так и в доме. Она будет помогать матери ухаживать за одним из небольших огородов недалеко от города — мужчины возделывают отдаленные поля кукурузы и пшеницы (а мужчины и мальчики пасут овец, которые приносят процветание зуни), а Вайяутица будет помогать своей семье молотить пшеницу, утром готовя обед для рабочих, для родственников из других семей, а также из своей собственной, а днем присоединяясь к молотильщикам, когда мужчины гонят лошадей или мулов по круглому току, а женщины и девочки вилами подбирают пшеницу, отсеивают плевелы и просеивают зерно в корзины. Вайяутица также научится делать глиняные блоки и штукатурить голыми руками или в перчатках из кроличьей шкуры глиняные стены дома своей матери, как внутри, так и снаружи. Мужчины пуэбло являются плотниками, но женщины всегда занимаются штукатуркой, и Вайяутица должна будет стать очень старой женщиной, чтобы посчитать себя слишком старой для штукатурки. Во время моего последнего визита в Зуни я видела женщину лет семидесяти, или чуть меньше, которая провела часть дня на коленях, штукатуря щели в новой двери между двумя комнатами.

Дом, который она штукатурит, принадлежит или со временем будет принадлежать Вайяутице. Женщины зуни владеют своими домами и садами, или, возможно, правильнее сказать, что сады и дома принадлежат семье через женщин. При вступлении в брак девушка не уходит из дома; ее муж присоединяется к ее дому. Он остается в нем, но только до тех пор, пока его принимают. Если он ленив, не приносит дрова, не вносит вклад в урожай с полей или если кто-то другой по какой-то другой причине предпочитается ему, его жена ожидает, что он покинет ее дом. Он не ждет, пока ему скажут дважды. «Зуни расстанутся, когда ссорятся или устают друг от друга», — сказал мне однажды критически настроенный моралист из Акомы. Моногамия зуни, безусловно, довольно хрупка. При разлуке дети остаются с матерью.

Дети принадлежат к клану своей матери. Однако, как мы увидим, они имеют связи с кланом своего отца. Если мать Вайяутицы, скажем, принадлежит к клану Барсуков, а ее отец — к клану Индейцев, то Вайяутица будет принадлежать к клану Барсуков и будет «ребенком Индейца». Она не может выйти замуж ни за члена клана Индюка, ни, конечно, за члена клана Барсука. Если бы Вайяутица проявила пристрастие к члену клана, что почти невероятно, ей сказали бы, что она похожа на собаку или осла.

Помимо этих экзогамных ограничений и подобных ограничений, которые могут возникнуть в особых случаях между домом Вайяутицы и другими домами, Вайяутица получила бы свободу выбора в браке. Даже если ее семья не одобряла ее избранника, и родители запретили ей «разговаривать» с ним, Зуни для ухаживания, она и он могли бы пойти жить к какой-нибудь родственнице. Никто, родственник или посторонний, не отказался бы принять их. Никто не может быть отвергнут. Девушка, чей ребенок был плодом случайной встречи, также не будет изгнана своим народом или презираема. Незаконнорожденные дети не подвергаются дискриминации в Зуни.

В Зуни бывают случайные отношения, но они не коммерциализированы, проституции нет. Нет и пожизненного целомудрия. Что касается ухаживания, то его там почти нет — по крайней мере, до интимной близости в более временной или более постоянной форме союза, — так как разделение мальчиков и девочек разного возраста вне дома очень строгое. «А что, если маленькая девочка захочет играть с мальчиками?» — спросил я однажды. «Они будут смеяться над ней и говорить, что она слишком увлечена мальчиками». «Увлеченная» в Зуни, как и в целом среди индейцев, означает страстная. (Девочек в Зуни предупреждают о недопустимости нарушения церемониальных правил, угрожая, что они станут «увлеченными».)

Молодые мужчины и девушки, конечно, вместе танцуют нецеремониальные танцы, и при подготовке к ним у них есть возможность лично познакомиться. Недавно я видел один из таких танцев. Это был танец команчей. Там был хор из примерно дюжины молодых людей, включая барабанщика, четыре танцовщицы с множеством колец и ожерелий, чей танец, по двое или в линию, был очень регулярным, и молодой человек, который исполнял перед ними или вокруг них оживленный и очень красивый па-де-де. После танца на площади все они вошли в «дом святой», чтобы танцевать для нее, «потому что она им нравится» — несомненно, пережиток обычая танцевать в католической церкви, соблюдаемого индейцами в Мексике и не так давно довольно широко в Нью-Мексико.

Но именно во время сумеречной поездки к колодцу, традиционного для зуни времени ухаживания, к Вайяутице подойдут поклонники. Укутавшись в черное одеяло, юноша может выйти из угла, где он скрывался, и положить руку на руку девушки. Если Вайяутица не захочет иметь с ним ничего общего, она может отвернуться и поспешить догнать женщину впереди, но если ей понравится молодой человек, она остановится, хотя бы на минуту или две, чтобы поговорить. Это кратковременная встреча, и, учитывая, что впереди кто-то идет, а сзади, возможно, подходит еще одна девушка, она далеко не приватная; тем не менее, после нескольких таких встреч, «двух или четырех», Вайяутица, скорее всего, пригласит молодого человека в свой дом. Сначала, в течение нескольких дней, он будет оставаться в общей комнате, в комнате, где все спят (спят и одеваются, скажу я, с максимальной скромностью), он будет оставаться только на ночь, уходя до рассвета, его застенчивость называется «оставаться неподвижным». Затем он начнет есть вместе с домочадцами. Видите ли, здесь нет свадебных церемоний, и мужчина так же легко вливается в жизнь семьи своей жены.

Вайяутица нанесет официальный визит родственникам своего жениха, принеся его матери корзину с кукурузной мукой. Самой Вайяутице ее молодой человек подарит ткань для платья или оленью кожу для мокасин, которые он сделает для нее. Шкуры — это продукт охоты, скотоводства (коровья кожа используется для подошвы мокасин) или торговли, то есть занятий мужчин, поэтому мокасины как для женщин, так и для мужчин делаются мужчинами. Женщины шьют себе платья, хотя раньше, до того как ткачество вышло из моды в Зуни, вероятно, ткачами были мужчины, так же как и сегодня среди хопи, от которых мужчины Зуни получают ткань для своих церемониальных юбок и одеял, а также для платьев женщин. Даже сегодня в Зуни мужчины могут шить себе одежду из купленных в магазине тканей, и нередко можно увидеть мужчину, сидящего за швейной машинкой.

Мужчина может использовать ткань или нитки не только в экономических целях. Если девушка бросила его, он однажды ночью поймает ее и отрежет кусочек ее пояса, чтобы привязать его к дереву на ветреной вершине мезы. По мере того как ветер будет изнашивать нитку, женщина будет болеть и, возможно, через два или три года умрет. Женщина, которую бросил мужчина, может взять землю из его следов и положить ее там, где она спит. Ночью он будет думать о ней и вернется — «даже если другая женщина будет красивее». Опасаясь измены, женщина может положить прядь волос мужчины в стену своего дома или, чтобы лучше привязать его к себе, носить ее над сердцем. И женщины, и мужчины могут покупать любовные амулеты у неевке, общества целителей, обладающих сильной магией, черной или белой. Есть также песня, которую мужчины и женщины могут петь «в своем сердце», чтобы очаровать противоположный пол. И есть песня, которую девушка может петь кукурузе, когда она натирает желтую муку на лицо перед выходом. «Помоги мне», — таково ее содержание, — «я иду на площадь. Сделай меня красивой». Редко, полагаю, наши девушки молятся, когда пудрят носы.

Пока ухаживания закончились, ухаживания с помощью магии или иным способом, Вайяутица теперь, скажем так, будущая мать. Ее домашние обязанности остаются прежними, но она принимает определенные меры предосторожности, если склонна к особой осторожности. Она не будет проверять температуру печи, посыпая ее, как обычно, отрубями, потому что, как она слышала, в этом случае ее ребенок может родиться с кожными высыпаниями. Она также не будет смотреть на труп и помогать одевать мертвое животное, чтобы ее ребенок не родился мертвым или уродливым. Она слышала, что даже если маленькая девочка съест белесый лист кукурузной шелухи, ее ребенок будет альбиносом. Если ее муж съест его во время беременности, результат будет таким же. На ее мужа ложится ряд других табу, связанных с беременностью, возможно, столько же, сколько и на нее, если не больше. Если он охотится и калечит животное, ребенок будет калекой — уродливым или, возможно, слепым. Если он присоединится к танцу в масках, ребенок может иметь какую-то деформацию, навеянную маской, или какое-то высыпание, похожее на краску на маске. Если он много поет, ребенок будет плаксивым. Привычка мыслить в терминах симпатической магии или рассуждать по аналогии, которая еще более заметна в Зуни, чем, скажем, в Нью-Йорке, особенно очевидна в практиках или табу, связанных с беременностью или родами.

Возможно, Вайяутица хотела определить пол ребенка. В этом случае она, возможно, совершила паломничество с жрецом дождя в Корн-Меса, чтобы посадить молитвенную палку, которую нужно было обрезать и раскрасить одним способом для мальчика и другим для девочки. (На всем юго-западе синий или бирюзовый цвет ассоциируется с мужским началом, а желтый — с женским). Желая девочку — а девочки в Зуни желанны не меньше, чем мальчики, если не больше — Вайяутица не должна была отправляться в путешествие к

мезе, вместо этого ее муж мог принести ей, чтобы она носила на поясе, обломочки камня из фаллического святилища возле мезы. Когда начинаются схватки и боли слабые, что, по мнению женщин, указывает на девочку, мать может сказать Вайяутице: «Не спи, а то у тебя будет мальчик». Дремота во время родов влияет на изменение пола ребенка. Когда ребенок вот-вот родится, Вайяутица тоже осторожна, если она хочет девочку, чтобы строго соблюдался обычай отправлять мужчин из дома в это время.

После родов Вайяутица будет лежать несколько дней, четыре, восемь, десять или двенадцать, в зависимости от обычая ее семьи. Каким бы ни был обычай, если она его не соблюдает, она рискует «высохнуть» и умереть. Она лежит на постели из песка, нагретой горячими камнями, а на ее живот кладут горячий камень. Так ее «варят», говорят люди, а существа, чьи матери не подвергаются такой обработке, называют невываренными, сырыми — это животные, боги, белые люди. Быть «вываренным» в Зуни, по-видимому, равносильно быть человеком.

Обязанность свекрови Вайяутицы, бабушки ребенка по отцовской линии, — ухаживать за матерью и ребенком во время родов, а по их окончании вынести ребенка на рассвете на улицу и представить его Солнцу. Если бы Вайяутица потеряла детей, она могла бы пригласить благоприятную подругу, какую-нибудь женщину, которая имела много детей и ни одного не потеряла, чтобы та присутствовала при родах и первой взяла ребенка на руки и подула ему в рот. В таких обстоятельствах муж этой женщины стал бы инициатором ребенка, если бы это был мальчик, когда ребенка должны были принять в общество Качина. Обычно отец ребенка выбирает какого-нибудь мужчину из дома своего куку или тети по отцовской линии, чтобы тот стал инициатором или, так сказать, крестным отцом ребенка. Церемониальные обряды обычно возлагаются на родственников по отцовской линии.

Но младенец будет получать внимание ритуального или магического характера, в том числе от своей матери и ее семьи. Его кладут на колыбельную доску, в которую, рядом с его сердцем, вставлен кусочек бирюзы, чтобы колыбель не причинила вреда своему обитателю. Оставленный один, ребенок подвергается большому риску — какой-нибудь семейный призрак может прийти и унести его, в результате чего он умрет в течение четырех дней. Поэтому рядом с ребенком оставляют квази-фетишистский початок кукурузы, двойной початок, символизирующий мать и ребенка, в качестве защитника. Чтобы у ребенка быстро прорезались зубы, его десны могут потереть тем, кого укусила змея — «змеи хотят кусать». Чтобы волосы ребенка росли длинными и густыми, его дед или дядя могут поддымить его голову дымом местного табака. Чтобы ребенок не боялся темноты, когда его впервые выносят ночью, ему на сердце натирают пропитанные водой угли — судя по тому, что я видел у детей и взрослых зуни, это довольно неэффективный метод. Чтобы ребенок был здоров () и рано начал ходить, сжигают волосы оленя и держат ребенка над дымом — олени никогда не болеют и быстро бегают. У них также острый слух, поэтому выделения из уха оленя вводят в ухо ребенка. Чтобы ребенок хорошо говорил и владел языками, язык пойманной в силки пересмешницы могут вырезать и дать ребенкулизать. Затем птицу отпускают, чтобы, когда она восстановит язык и «заговорит», ребенок тоже заговорил. Мне указали на молодого человека, который, помимо своего родного языка кересан, говорит на английском и испанском, как на того, кто лизал язык соловья.

Вайяутица родит трех или четырех детей, вероятно, не больше, а затем, когда она приблизится к среднему возрасту, можно предположить, что она заболит, и после безуспешного лечения сначала ее старым отцом, который является известным знахарем общества Великого Огненного Бревна, а затем знахарем из общества неевке, чья практика прямо противоположна, Вайяутица умрет. Через несколько часов пожилые родственницы ее отца придут и вымоют ей волосы и тело, а на рассвете окропят ее лицо сначала водой, а

затем мукой. Покойную оденут в хорошую одежду и в одеяло, подаренное родственниками ее отца, и отнесут на кладбище, расположенное перед старой церковью, руинами которой остались со времен католического правления в Зуни. Там, к северу от центрального деревянного креста, то есть на северной стороне кладбища, будет похоронена Вайяутица. Женщин хоронят на северной стороне, а мужчин — на южной.

Вайяутица будет вынесена и похоронена ее отцом и другими мужчинами из семьи. Ни одна женщина не пойдет на похороны, как и вдовствующий муж. Как только тело будет вынесено на улицу, вдовствующего мужа заберут его родственницы, чтобы он жил в их доме. Там они сразу же помогут ему волосы — обряд, неотъемлемый в Зуни, как и в других пуэбло, от любого кризиса или церемонии. Волосы всех остальных членов семьи Вайяутицы будут вымыты через четыре дня женщинами-родственницами ее отца. В течение этого времени, поскольку считается, что дух Вайяутицы остается в доме, дверь дома будет оставаться открытой для нее ночью. Чаша, использовавшаяся для мытья ее волос, и инструменты, использовавшиеся для рытья ее могилы, также будут оставлены на улице. Ее мелкие и особо личные вещи были похоронены вместе с ней, а громоздкие вещи, такие как постельные принадлежности, были сожжены или отнесены в специальное место вниз по реке, чтобы быть похороненными. Река течет к озеру примерно в шестидесяти милях к западу от Зуни, куда, как полагают, дух Вайяутицы также отправляется в путешествие. Там, под озером, он пребывает, за исключением тех случаев, когда вместе с другими духами он возвращается в облаках, чтобы пролить на поля Зуни благотворный дождь. Люди говорят ребенку, когда видят тяжелые облака: «Вот идет твоя бабушка»; или они совершенно серьезно говорят друг другу: «Наши деды идут».

Дети Вайяутицы могут продолжать жить дома со своей бабушкой, матерью Вайяутицы, или же один из них может быть усыновлен тетей по материнской линии, двоюродной бабушкой или двоюродной сестрой. Дети зуни, будучи желанным достоянием, всегда усыновляются — даже при жизни своей матери. Усыновленный ребенок — или взрослый — полностью вписывается в образ жизни своей приемной семьи. Именно семья, а не клан, отличает семейную группу зуни от нашего индивидуалистического типа семьи. Семья меняется довольно легко, но, независимо от ее состава, она является чрезвычайно интегрированной и ответственной группой.

Независимо от того, как распределены дети, ими будут управлять пожилые женщины в семье. Эта семейная система дает пожилым женщинам положение и значительную власть — до тех пор, пока, по словам людей, они не станут слишком старыми, чтобы быть полезными. (Несмотря на эту иронию, я слышал только об одной пожилой женщине, которую пренебрегали в ее домохозяйстве.) Пожилая женщина, которая является главой домохозяйства, пользуется большим уважением со стороны своих дочерей, зятьев и внуков, а также со стороны сыновей или братьев, которые постоянно навещают домохозяйство и часто, как временные безбрачные, возвращаются, чтобы жить в нем.

Пожилая женщина пользуется большим уважением, но она ни в коем случае не является главой семьи, если только она не вдова. Везде, где семья участвует в церемониальной общественной жизни, ее муж имеет первостепенное значение. В нецеремониальной, экономической жизни он также имеет равную, если не большую, власть. И в общей экономике он более или менее ожидает, что его жена будет ему служить и обслуживать его. Эта супружеская подчиненность не проявляется в какой-либо степени среди молодых людей; молодые мужья и жены слишком вовлечены в корпоративную семейную жизнь. Но с течением времени, когда они, в свою очередь, становятся главами семейства (), мужчины, по-видимому, больше склонны оставаться дома и все больше и больше берут на себя контроль.

Из этого краткого обзора жизни женщины в Зуни, насколько ее можно отличить от общей жизни, складывается впечатление, что дифференциация полов следует по линии наименьшего сопротивления, которая начинается с довольно фундаментального разделения труда. Из охотников и звероловов мужчины становятся пастухами домашних животных, погонщиками или всадниками. Торговые поездки и поездки за дровами или для сбора других природных ресурсов ассоциируются с мужчинами, и работа с приобретенными вещами является мужской работой — мужчины, например, являются дровосеками и изготовителями бус, независимо от того, предназначены ли эти предметы для светского или священного использования. Аналогично, вся работа с кожами или перьями является работой для мужчин, независимо от того, ведет ли она к изготовлению одежды или к общению с сверхъестественными существами. Кроме того, как фермеры, мужчины связаны с той системой сверхъестественного инструментализма для обеспечения плодородия и контроля над погодой, которая в значительной степени составляет религию зуни. Другими словами, большая часть церемониальной жизни, в основном состоящей из ритуалов, связанных с дождем, находится в руках мужчин. То же самое касается и правительства. Светские чиновники являются лишь представителями священников. Правительство зуни — это теократия, в которой женщины играют незначительную роль. Дом и ведение хозяйства ассоциируются с женщинами. Глина — это плоть женского сверхъестественного существа, и работа с глиной, изготовление кирпичей, кладка или штукатурка, а также гончарное дело — это женская работа. В священнических кругах есть признаки того, что живопись является или считалась женским занятием. Кукуруза, как и глина, является плотью женских сверхъестественных существ, и кукуруза ассоциируется с женщинами. Даже мужчины, выращивающие кукурузу, обязаны приносить свой урожай своим женам или матерям. Женщины или женщины, изображающие женщин, участвуют в ритуалах, связанных с кукурузой. Заманчиво предположить, что в прошлом, много веков назад, женщины сами выращивали кукурузу. Сегодня, во всяком случае, приготовление кукурузы, как и других продуктов питания, является женской работой. Везде, где еда и ее распределение фигурируют в церемониях, и где постоянно приносятся подношения сверхъестественным существам, участвуют женщины. Фетиши привязаны к домам, и поскольку забота об этих фетишах является домашней работой, она выполняется женщинами и приводит к тому, что женщины занимают священнические должности. Основой семейной жизни является не кровное родство, а домашнее хозяйство. Дети в семье более привязаны к женщинам, чем к мужчинам. Одним из проявлений этой привязанности является определение принадлежности к клану по материнской линии.

Домашняя работа в Зуни, как и везде, является непрерывной. Женщины всегда находятся в движении. Работа мужчин, с другой стороны, носит периодический характер. Охота, скотоводство и земледелие являются более или менее сезонными видами деятельности и более или менее легко вписываются в церемониальные занятия, или, скорее, в менее напряженные периоды принимают церемониальный характер. В церемониальной жизни находят свое выражение искусства, и в целом именно мужчины, а не женщины, являются художниками племени.

С церемониальной жизнью связаны азартные игры и бега, которые проводятся в определенные сезоны. И здесь снова прерывистый характер работы мужчин в сочетании с их относительной мобильностью делает их игроками и бегунами, более или менее исключая женщин. Раньше, конечно, женщины играли в игру с шестом и обручем, и, учитывая церемониальные требования, как у хопи, женщины, несомненно, участвовали в бегах.

Домашняя работа ограничивает свободу. Охота, пастушество, торговля ведут к относительно мобильному образу жизни, к образу мышления или духа, который, по крайней

мере, на юго-западе, приспособлен к церемониальным занятиям; ведь церемониализм индейцев пуэбло процветает благодаря иностранным наслоениям, будь то мифы, песни, танцы, дизайн масок или костюмов, или, в определенных пределах ассимиляции, психологические модели целей или удовлетворения.

Точке зрения, что дифференциация полов в Зуни в целом происходит из разделения труда, придает красок местный обычай, позволяющий мальчику или мужчине стать, в том что касается образа жизни, девочкой или женщиной. В подростковом возрасте, а иногда и в более позднем, мальчику культурно допустимо сменить пол. Он надевает женскую одежду, говорит как женщина и ведет себя как женщина. Эта перемена обусловлена тем, что человек легко осваивает женскую работу, предпочитая ее мужской. О том или ином из трех мужчин-женщин, проживающих сейчас в Зуни, или о мужчинах-женщинах в других пуэбло мне всегда говорили, что данный человек изменил пол, потому что хотел работать как женщина или потому что в его домохозяйстве не хватало женщин и нужна была женщина-работница.

И все же среди хопи, где экономика практически идентична экономике зуни, нет мужчин-женщин; в этом племени, как говорят, эта институция никогда не существовала. Это, как и другие обычаи, является не просто вопросом экономической адаптации; экономическая или психологическая уместность, последовательность или предрасположенность могут иметь значение, но большую роль играют также сохранение черт более ранней культуры и приобретение черт культуры соседних народов. Если бы мы могли понять взаимодействие всех этих факторов в жизни, скажем, вайяутица, мы были бы намного ближе к пониманию принципов общества, даже отличного от общества зуни.

Элси Ключ Парсонс

ZUNI PICTURES

Фотографии зуни

Если и было что-то в этом огромном мире, чего я хотела больше всего на свете, так это посетить пуэбло в Нью-Мексико, где мой друг Тенацали^[2] прожил столько лет своей необычной жизни. Он открыл это место и сделал его своим, а перед смертью передал мне право на его романтику и тайны. Это было все, что он имел в нем, потому что даже каменный дом, который он построил на деньги, заработанные литературным трудом, выпал из его щедрых рук. Это произошло одной зимой, когда я пересекал континент и услышал, что в пуэбло будет танцевальный вечер. Эта новость решила все. Я сошел с поезда, нанял у шерифа лошадей и попросил его отвезти меня в город. Была зима; снег покрывал вершины, и мы оба промерзли до костей, когда добрались до большого каменного дома Тенацали, который тогда был торговым магазином. Фермер-агент, веселый человек, который был торговцем во времена Тенацали, жил в другом конце здания. Он приветствовал меня как старого друга и до поздней ночи рассказывал мне истории о Тенацали, пока мы сидели перед его камином.

Именно в его доме Тенатсали скрывался в течение долгого времени с тех пор, как он так бесстрашно отправился на войну, чтобы добыть скальп, до тех пор, пока скальп не пришел из Вашингтона. Он был обязан совершить подвиг, добыв скальп, прежде чем его могли принять в члены «Жрецов лука». Поскольку он не мог добыть скальп ортодоксальным способом, ему пришлось добыть его как мог. Это был очень старый скальп из Национального музея, собранный Льюисом Х. Морганом много лет назад.

После долгой поездки я крепко спал, но, проснувшись рано, стал искать проводника, чтобы пойти в деревню, похожую на муравейник, через маленькую реку, а затем подняться на вершину мезы на востоке, откуда открывается вид на великую долину. Два возможных переводчика, молодые люди, воспитанные торговцем, были оба заняты в деревне, так как должны были участвовать в танцах. Поэтому было решено, что мне лучше всего нанять школьника, который, хотя и говорил по-английски мало или вообще не говорил, мог по крайней мере показать мне тропу, ведущую на плато « ». Несмотря на снег, мальчик был босой, а его единственная одежда слабо защищала от холода. Мы пересекли широкую равнину, обогнули плато и вышли на крутой тропу на другой стороне. Она была наполовину засыпана сугробами, но мальчик легко бежал впереди, вверх и вверх, протягивая мне руку на крутых участках, пока мы не достигли широкой плоской вершины. Там, в открытом святилище, стоял образ бога войны Ахайюта, его перья были растрепаны и развевались на ветру. Мы прошли мимо руин, покрытых колючими кактусами, и я подождал, пока мальчик, ловкий как козел, спустился по тропе рядом с остроконечной скалой, чтобы посмотреть на старые изображения богов войны, выстроенные в ряд в их древней пещере. Там же он, по видимому, увидел расписные кувшины, в которых хранились старые маски Саяташи. Когда он вернулся, мы посетили другой храм бога войны и спустились с плато, чтобы вернуться через равнину в магазин, уставшие и голодные после нашего семимильного круга.

Здесь мы встретили людей из ближних и дальних мест, которые пришли посмотреть на танец. Там был Иисус, мексиканец, и французский Дэн, похожий на Фальстафа и развратный. Там был миссионер, которого я позже узнал поближе, и полевая матрона, призрак женщины, которая молчаливо ходила среди индейцев и давала им какое-то лекарство, которое она обнаружила благодаря объявлению в «боилер-плате» своей домашней газеты. Были индейцы, которые дружили с белыми, такие как Альбинос и старый мормон, или, если называть его полным именем, Десятицентовый Мормон, потому что он был крещен мормонами в ранние годы и получил десять центов в качестве вознаграждения.

Разговор за обеденным столом, где мы ели сытную, дымящуюся еду, был посвящен танцу, и даже шериф не удержался от комментариев. Это был первый раз за много лет, когда исполнялся именно этот танец. Общество «Пожиратели стрел» устраивало публичные представления, но в этот раз должно было быть еще и «пожирание деревьев». Было очевидно, что агент и шериф действительно верили, что индейцы обладают сверхъестественными способностями.

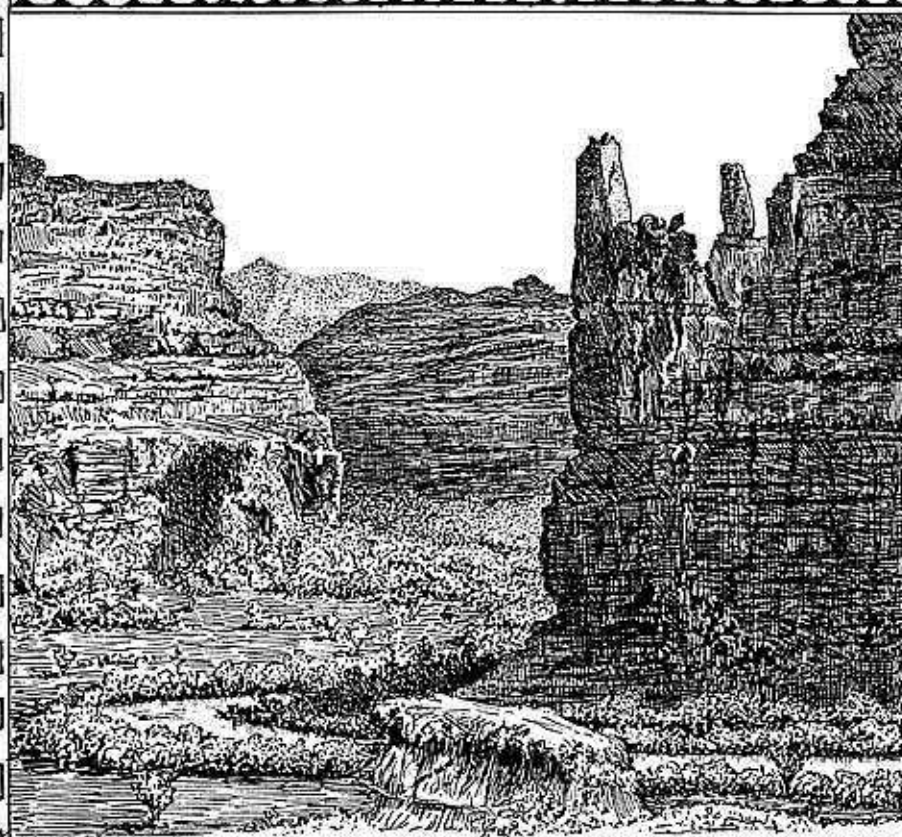
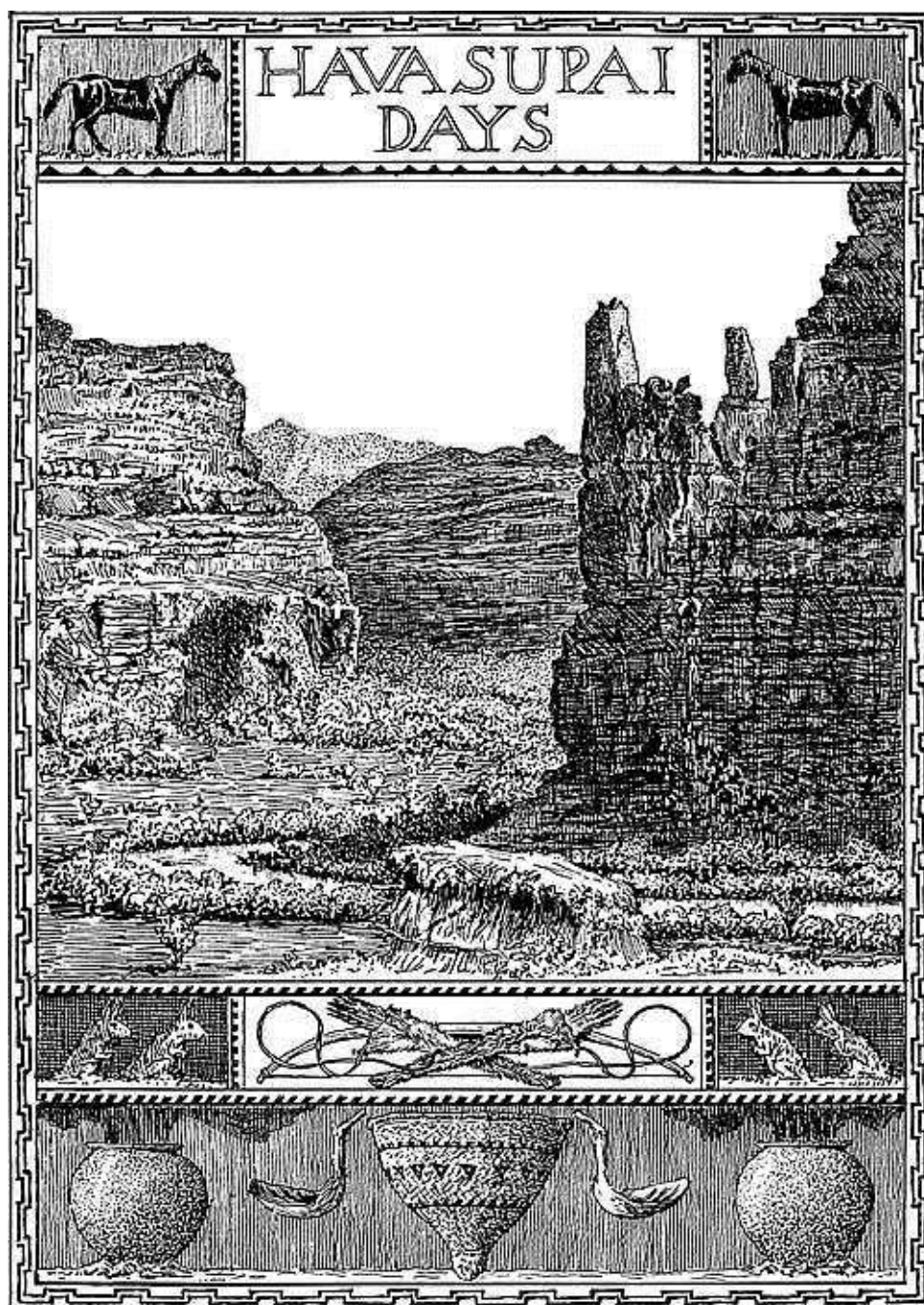
В тот день агент сопровождал меня в деревню и провел меня в большое центральное дворцовое помещение, откуда я мог хорошо видеть танцы. Для нас расстелили красное одеяло, и мы заняли свои места среди ожидающей толпы. Все жители деревни, одетые в свои лучшие и самые яркие наряды, выстроились на крышах террасных домов.

Немногие спектакли ставятся более эффектно, чем эти представления. Стены домов из сырцового кирпича служат идеальным фоном. Двор кажется полностью закрытым, и процессии танцоров входят и выходят через проходы, расположенные под прямым углом с обеих сторон. В центре площади стоял длинный белый деревянный ящик, раскрашенный в цвета с символами облачной террасы и дождя, который музыканты использовали в качестве резонатора для своих щелкающих палочек. Пока мы разговаривали, агент показал мне знакомые лица, такие как Нинья, симпатичная внучка старого вождя Наючи, и Лусалу, толстый губернатор. Маленькие дети играли на краю толпы, а испачканные грязью клоуны развалились вокруг расписного ящика. Два старика в праздничных наряды, с белыми халатами, яркими бандами и поясами, взяли зазубренные инструменты и начали ритмично скрести ими с помощью плектров из овечьих костей. Есть лишь несколько звуков, более загадочных и тревожных, чем это скрежетание. Время идеальное, ритм неумолимый. Что-то должно было произойти.

Две длинные процессии медленно продвигались по площади. Идя гуськом, в идеальном ритме, с абсолютно синхронным стуком черепаших раковин, одетые одинаково в килты и нарукавники, с раскрашенными в белый цвет лицами и телами, танцоры приближались друг к другу с противоположных сторон, и, что было удивительно, каждый танцор с запрокинутой назад головой держал во рту высокую ель. Внизу были тела белоснежных фигур, крепких и энергичных, а над ними — движущийся лес. Процессии продолжали продвигаться и огигали площадь, пока не показали всю свою длину, остановились под громкую фанфару тыквенных бубенцов, а затем замерли и замолчали. Среди них были женщины, и одна из них носила белую цилиндрическую маску. За ними следовали дети, неофиты, а с одной стороны замыкал процессию маленький мальчик с миниатюрной елкой. Танцоры отдохнули, вынули деревья изо рта и подняли их, держа за нижнюю часть, а верхние ветви опираясь о землю. И тогда стало ясно полное значение представления. Нижняя часть деревьев, грубо обрубленная до заостренной точки длиной восемь или более дюймов, была полностью поглочена.

Снова раздались пронзительные звуки трещоток. Танцоры взяли свои деревья, подняли их, поправили во рту и танцевали, как и раньше. Снова раздался тот же громкий звук, сочетание звуков бутылочных трещоток, резонирующих раковин и шуршания одежд. Белая маска снова танцевала... Стало темно, и я в оцепенении покинул площадь. Что все это значило — расписная коробка, проглоченные деревья, белая маска?

СТЮАРТ КУЛИН

Дни Хавасупаи

I

ЛАНСО — гедонист семи лет. В Каньон Катаракта рассвет наступает поздно, но даже весенние ночи в Аризоне бывают прохладными, и собственное мягкое постельное белье, циновка из кедровой коры и одеяло из кроличьей шкуры дарят тепло, от которого не хочется отказываться. Но... «Лансо, — шепчет дедушка Синьелла, — вставай и беги навстречу свету. Беги, чтобы вырасти прямым и крепким. И послушай меня: возьми факел и прикоснись им к локтям и запястьям, чтобы никогда не заболеть ревматизмом, как я, твой родственник. Да, и когда будешь возвращаться, брось факел за спину, снова обернись и подними его, чтобы твоя память тоже была сильной, чтобы ты мог быстро вспомнить забытое заклинание на оленя, когда пойдешь на охоту».

Лансо покидает свой дом у ручья, пробирается между тонкими тополями и, выйдя на ипподром, начинает упорно бежать по глубокому песку. Ипподром — но это место для безумного, беспорядочного бега; сидя с братьями и сестрами на голой спине отцовской лошади. Зачем бегать пешком: беговые соревнования проходят во время танцев, а это придется подождать до сбора урожая. Время танцев — Лансо напевает песни. «Да, я знаю их все; в следующий раз я тоже буду танцевать...».

Когда Лансо возвращается, уже светлеет: все хавасупаи проснулись. Над ивовыми зарослями начинает висеть едкий дым; эфирные слои, которые висят в неподвижном воздухе у высоких скал; скалы, которые тянутся до зимнего дома высоко на плато. Там, на поляне, находится его дом: куполообразный соломенный навес на дождливые дни, покрытый ветвями и земляной крышей, похожий на коробку, где можно укрыться от полуденного солнца, и хижина Хэта, засыпанная песком, сливающаяся с волнами берега ручья.

Лансо чувствует запах завтрака в бурлящем глиняном горшке, неиссякаемом горшке, который стоит весь день с открытой гостеприимностью, протянутой всем проходящим. Но даже острый аппетит не соблазнит его на побочный набег на столовую; нет, для этого нужна была храбрость, чтобы выдержать резкий упрек и невыносимое насмешки, которые выпадали на долю невежливов воров. Лучше подождать, пока Раунд-один, жена Хата, позовет семью, Лансо, своего племянника, не последнего среди них, к рагу из молотой кукурузы и мяса большого рога, маленьким хлебцам из кукурузной муки, связанным в шелухе и запеченным в углях, сладкому мескальному соку и соли из пещеры внизу каньона. Тогда он подкрался бы к старейшинам, сидящим на земле вокруг кастрюль и корзин, и сбоку от Фокса, своего любимого дяди, попросил бы вкусные кусочки, выловленные заостренными прутьями, и дождался бы своей очереди, чтобы наполнить рог черпаком.

«Теперь, — сказал старый Синьелла, — кустарник сожжен, и наши поля расчищены: сегодня мы будем сажать». Итак, вся семья отправилась в путь: мужчины и дети на лошадях, а женщины, с младенцами, привязанными к колыбели на руках, шли пешком рядом с ними. Лансо, крепко держась за спину деда, качался в легком галопе лошади. Он понимал, что здесь дело серьезное: после жертв, павших от его стрел — очень маленьких существ, конечно — это будет его главный вклад в семейную кладовую. Вчера он наблюдал, как они играли в шинни, делая ставки на будущий урожай, и догадался, что сегодня они начнут.

Они ехали по широким полям, замечая здесь плотину, которая, словно сломанное крыло, охватывала ручей до уровня полей, там — оросительную канаву, которую нужно было

починить, пока не доехали до семейных полей. Они принадлежали Синьелле, а до этого принадлежали отцу и деду Синьелле, и однажды перейдут к Лансо.

Выпустив лошадей пастись у подножия скалистого склона, они поднялись к хранилищам, расположенным высоко над разрушительными наводнениями, прилепленным, как ласточкины гнезда, в расщелине у подножия утеса. Запас семян был обеспечен, и Синьелла опустил на колени в поле и выкопал ямку своим заостренным копалом. Затем он помолился: «Расти хорошо, кукуруза; когда твой стебель вырастет, стань высоким; расти, как древняя кукуруза там, наверху», — и, бросив несколько зерен в ямку, он разжевал еще одно и подул на «кукурузу», две белые скалы высоко на стене каньона. Затем он сделал два коротких шага вперед и опустил на колени, чтобы снова копать. Лансо наблюдал, а затем последовал его примеру: сначала несколько зерен, ловкое движение, чтобы засыпать ямку, а затем следующий холмик. Ряд за рядом они сажали вместе под белым утренним солнцем, которое поднималось, чтобы залить каньон своим светом и теплом...

Вернувшись в густую тень огромного тополя, он увидел, как его дед играет с его младшим братом — маленьким мальчиком, который еще не заслуживает имени. Теперь он искал свои потерянные стрелы, потому что услышал щебетание из ближайшего куста. «Да», дразнил Синьелла малыша, «та птица зовет тебя: «Ты не мальчик; у тебя нет стрелы, чтобы убить меня; ты девочка»». Дедушка знал все: он делал прекрасные луки и стрелы и рассказывал длинные истории зимними вечерами. «Следующей зимой, — думал Лансо, — я буду выслеживать кроликов в снегу, когда он лежит в кедровых полянах, где находится наш другой дом; а сейчас я должен охотиться здесь...».

Кусты порождали мальчиков, и Лансо был одним из них. Нужно было стрелять в птиц, беспокоить собак, следить за ловушками, поить лошадей, валяться на земле и скакать верхом. Все они бежали вниз по каньону к Койоту, где можно было посмотреть на любопытного гостя из племени навахо. Утро было коротким, когда нужно было лазать по скалам, наблюдать за дублением кож, кататься по плоским кактусам в поисках следов от стрел, просить еду у друзей — а родственники жили повсюду; слушать, как Деревянная Нога рассказывал о своей поездке к народу валапай за невестой, имитировать засады в ивах и ручей, с его прохладными объятиями, когда он закрывается над головой...

II

Панамида гнал своих лошадей по берегу ручья в облаке пыли. Стоя по пояс в воде, они пили прохладную воду, вытянув шеи. Панамида позволял воде омыwać его болтающиеся лодыжки; здесь он находил облегчение от дневной жары. Наклонившись, он мог смотреть вверх по течению под сводчатыми ивами, где женщины наполняли свои корзины водой. «Лиса», — позвала его одна из них. «Лиса», действительно! Кто же эта, которая не знает, что с момента его женитьбы его стали называть Панамидой? Разве она не видела, что эти три лошади принадлежат Левой Руке: Левой Руке, которому он подарил большое одеяло, черную рубашку хопи и много вяленого мяса, все для Гатавинги, когда он впервые уехал жить к ее отцу и работать на него. «Когда у меня будет сын, я построю свой собственный дом на полях моей семьи; Синьелла даст мне место», — подумал он. Он знал, что у него будет сын: только вчера дочь Хата сделала из ниток фигурку, похожую на мальчика.

Из танцевальной площадки за заслоном из густых зарослей акации () донесся пронзительный смех: женщины играли в прятки и бросали кости. Он внезапно рассмеялся; голос Своллэн-рист (Swollen-wrist) запел песню

«Мои счетные палочки;

Я хочу, чтобы они вернулись;

Я почти умираю».

«Этот парень никогда не выигрывает пари», — подумала Панамида. «Ну, эти женщины должны сейчас готовить к вечернему танцу: позже я присоединюсь к ним для скачек».

Панамида выпустила лошадей и прогулялась по берегу ручья к потной хижине Двух жен, где дюжина мужчин в набедренных повязках развалилась на песке. Обычно их можно было найти здесь, сплетничающими в полуденную жару. Пока они ждали своей очереди, чтобы войти, старый Корн-воров рассказывал воспоминания о своей молодости: «... Мы нашли стадо горных овец, среди которых было несколько баранов. Я застрелил одного очень большого, остальные все убежали. Раненый баран прыгнул с утеса и побежал по очень узкой выступке. Я и отец Хэта скользили по камням и следовали за ним по выступке, пока он внезапно не остановился в конце. Вдруг он повернулся и бросился на нас, опустив голову вбок. Я прижался к стене, отец Хэта был рядом со мной; места было очень мало. Баран ударил отца Хэта, сбросив его с уступа: там очень высоко. Баран стоял совершенно неподвижно; те, кто был выше меня, стреляли в него; когда он был ранен, он тоже упал вниз головой. На следующий день мы спустились по тропе и нашли тело в каньоне. Мы унесли его и выкопали яму, чтобы похоронить; у нас не было времени сжечь его...» Панамида пытался вспомнить имя отца Хэта: теперь, когда он умер, никто его не произносил.

Кто-то занес свежераскаленные камни в маленькую куполообразную хижину. Панамида последовал за следующими тремя, которые вошли; в каждой из их четырех «потных хижин» должно было быть по четыре человека. Он присел рядом с ними на ковре из листьев. В плотно укрытой хижине было слепяще темно. Было жарко; все, к чему он прикасался, обжигало. Пот начал стекать ему в глаза и по спине. Волосы казались сухими и жгучими у корней; каждый вздох был глотком жидкого огня, обжигавшего края ноздрей и горло. Было очень тихо. Вдруг его сосед запел песню; он присоединился к нему; так было лучше. Теперь раздался резкий шипящий звук, когда лидер бросил горсть воды на раскаленные камни (): он задыхался, пар душил, а жара стала внезапно невыносимой. Он склонил голову близко к земле между ног, чтобы вдохнуть более прохладный воздух; затем он медленно поднялся. Пот все еще струился с него; все мышцы были расслаблены; всякая боль ушла; он чувствовал себя чистым и обновленным. Выбравшись из-под дверного полотна, он встал на солнечном свете, уравновесился на берегу ручья и погрузился в поток. Он задыхался; дыхание резко вырвалось из него; но его кожа покалывала, мышцы дрожали, он чувствовал прилив бодрости.

Когда Панамида достиг танцевальной площадки, уже было проведено много забегов. Он не стал ехать верхом, хотя и пел над своим жеребенком, чтобы тот был быстрым. Его младший брат Фрагмент-скалы должен был ехать верхом, и он сделал ставку. Он станет вождем, когда умрет его отец: теперь он должен вести себя достойно. Он сел рядом с Гатавингой и ее матерью, Женщиной-жевательницей, которые плели корзины. «Навахо пришли», — прошептал он Гатавинге, — «Я дал одному из них корзину очищенного кукурузы за его большое одеяло для тебя: у меня есть и его лошадь, за две большие кожаные штаны и немного кукурузы». Он подошел к гостям: «Ну, у вас теперь только один узел на веревке; сегодня вечером мы танцуем. Десять ночей назад, когда ты пошла сказать своему вождю, чтобы он поделился с нами урожаем, их было одиннадцать. Солнце почти зашло; руководитель танца разложил мясо и хлеб на постели из ивовых листьев; гости должны съесть все».

Он отошел со своими родственниками, чтобы навахо и хопи могли поесть первыми. Хотя они не привели с собой своих женщин, этим незнакомцам можно было доверять, особенно

хопи, которые жили так хорошо и знали всевозможные странные вещи, но было смешно видеть, как они бегают пешком, когда мужчина должен ездить верхом.

Но враги, эти явапаи, Панамида тоже их знал. Он вспомнил прошлой осенью, когда совы предупреждали: «Кто-то идет с юга: ху-ху». И они пришли, спустившись в каньон ранним утром. Он вспомнил тревогу; женщин и детей, карабкающихся вверх, чтобы спрятаться на скалах; дневную погоню по каньону, стычку и бегство врага. Затем явапаи, уставшие, укрылись на небольшом холме. «Хорошо», — сказал вождь Манакаджа. «Мы сейчас голодны: некоторые из вас вернитесь и принесите нам еду». После еды они почувствовали себя смелее. Двое взяли толстые оленьи шкуры, которые повесили перед собой на луках. Панамида, притаившись с натянутым луком, последовал за Васаквивамой () в это укрытие вместе с остальными. Они смело поднялись на холм, а стрелы явапаев безвредно сыпались на развевающиеся шкуры. Внезапно носильщики опустили щиты, и скрытые лучники выпустили стрелы. Они почти достигли вершины, когда Васаквивама, который держал шкуру, был поражен. «Моя рука слабеет, я не могу больше ее держать, лучше вернемся». Они попытались во второй раз: стрелы явапаев иссякли, они катили камни. Панамида усмехнулся, вспомнив свой безрассудный прыжок, внезапный рывок, который отправил неосторожного врага кувырком вниз по склону, где его схватили и убили. Ну, еще один такой подвиг, и его могут назвать вождем еще до смерти его отца. Явапаи бежали ночью, но они вернутся. «Да», с грустью подумал он, «им нравится приходить; они всегда убивают так много...».

Лунный свет рассыпался по поляне, пока они танцевали: восточные утесы резко вырисовывались черными на фоне неба. Песня закончилась, и группа вокруг шеста рассосалась. Синьелла поднялся со своего места среди наблюдающих семей. «Моя земля, услышь меня. Пусть все мы останемся живы навсегда. Я хочу всегда жить хорошо. Земля, услышь меня». Он молился скалам, земле, ручью: он сказал молодым людям, чтобы они много работали, хорошо танцевали, не ссорились, как всегда говорили вожди в перерывах между танцами. Пайя, лучший певец, снова занял свое место, лицом к столбу; Панамида с барабаном встал рядом с ним; быстро другие образовали с ними круг. Они стояли плечом к плечу, переплетая пальцы. Пайя начал петь под удары барабана:

«Свежий ветер в той стране,

Девушки танцуют кругом».

Он видел во сне, что отправился в ту далекую страну, где видел их танцующими. Остальные подхватили припев: они стояли и пели несколько минут. Затем, когда они запели в унисон, Пайя дал сигнал, и все начали кружиться влево, делая короткие боковые шаги. Медленно кружился круг, пятьдесят мужчин в праздничных нарядах, девушки с звенящими украшениями; они пели песню снова и снова, чтобы закончить ее, когда лидер достиг своей исходной точки. Они простояли едва ли минуту: никто не выпал из круга. «Ниджанви», — подсказали несколько человек, и Пайя запел любимую песню:

«Ниджанви, я делаю это;

Я человек, который называет себя;

Девы стоят рядом».

Вскоре все запели, и круг снова двинулся. Возбуждение было высоким; старики выкрикивали ободряющие комплименты; девушки проталкивались к партнерам по своему выбору; не желающих навахо с смехом заталкивали в толпу. Панамида почувствовал, как

кто-то толкнул его в бедро; это был маленький Лансо, сын его старшего брата: «Да, входи», — сказал он, освобождая место. Еще одна песня, и они остановились, чтобы отдохнуть. Навахо заплатили своим партнерам небольшую сумму, чтобы те отпустили их. Теперь из темноты ночи выскочила гротескная фигура: белая маска, тело, перечеркнутое поперечными полосами, в руках прутья из листьев юкки, он прыгал, хлеща отстающих, чтобы те присоединились к танцу; взрослые смеялись, дети в страхе разбегались, собаки лаяли. Танец возобновился. Панамида охрип, до рассвета было еще далеко, а это была только первая из трех ночей танца.

III

Синьелла наполовину скептик. Он сидел в хижине и наблюдал за Саком, знахарем, сидящим у костра рядом с больным внуком своей сестры. Пусть другие родственники кричат, чтобы усилить шамана: он будет ждать, и если мальчик умрет, он убьет некомпетентного. Шаман стоял на коленях над мальчиком, покачиваясь, пока пел, с наклоненной в сторону головой, сжав левую руку в кулак над закрытыми глазами, а в другой руке держал звенящую погремушку. Однажды он замер с открытым ртом, чтобы его знакомый дух мог покинуть его грудь и выйти из дома в поисках болезненных призраков. Затем он поднялся и вышел в темноту. Синьелла слышала, как его дух кричал и свистел, возвращаясь к нему оттуда. Шаман вернулся и возобновил пение. Он прикоснулся губами к лбу мальчика, чтобы дух мог отправиться на поиски болезни. Он втянул дух обратно, сплевал в ладонь и торжественно продемонстрировал ее содержимое — несколько маленьких белых червячков, похожих на нитки. «Мне было тяжело, но я извлек всю болезнь; теперь ее больше нет». Отец мальчика собирался подарить Сэку большое одеяло, но Синьелла решил, что он, во всяком случае, подождет.

Размышляя, он пробирался по замерзшему снегу к своей хижине, уютно устроившейся в кедровых зарослях, и думал: Сак молод, он, может быть, не очень хорош, возможно, его дух слаб. Но я не знаю много об этих вещах: там, наверху, есть звезда Пагиога, похититель людей, а иногда бывают призраки. Я тоже молюсь: «Солнце, мой родственник, — говорю я, — сделай что-нибудь для меня. Ты заставляешь меня работать, чтобы я мог делать что угодно: твори добро для нас: сохрани меня таким, каким я есть сейчас». ... В последнее время в его ушах часто звенело; призраки шептали ему. Вдруг он закричал: «Хуууу; нет, хотя вы так и говорите, я не умру».

Хорошо, что они собрали хороший запас кедровых орехов и диких семян осенью, после того как покинули каньон; этой зимой снег был по бедра. Было очень холодно; люди и птицы замерзали; дрова на земле были покрыты снегом. Но глубокий снег скоро измотал охотничьих оленей и антилоп, и на плато не было недостатка в питьевой воде. Грузенные деревья напомнили ему о том давнем дне, когда его отец нашел заблудившуюся в снегу женщину из племени навахо и взял ее в жены. Он вспомнил других навахо: тех, с кем он сражался, тех, чьих лошадей он угнал, тех, кто ограбил его во время торговой поездки к хопи. Было много поездок на восток, в деревни хопи, куда навахо, бывшие враги, тоже приезжали торговать. Обмениваясь подарками, возобновляя дружбу в ночных беседах, обменивая олени шкуры и роговые черпаки на одеяла, он поворачивал своих загруженных лошадей назад, чтобы за две недели пересечь засушливые пустоши и вернуться в свой дом в каньоне. Там он ждал прибытия валапаев, своих кровных братьев, с запада. А если они не приходили, он вез тканые изделия хопи, чтобы торговать ими в их стране. Однажды он даже проник за пределы их территории к мохаве в низменности реки Колорадо, где, поразившись его дерзости, они позволили ему остаться и мирно торговать.

Во всех странах его хорошо знали: поэтому люди называли его вождем. Он сам сделал себя вождем. Правда, его дед был вождем, как и его отцы до него. Но его собственный отец никогда не был вождем; никто не называл его так; он был ни на что не годным. «Когда я умру, — думал он, — мои два старших сына поделят это, как и мои поля. Я научил их обоих говорить как вожди».

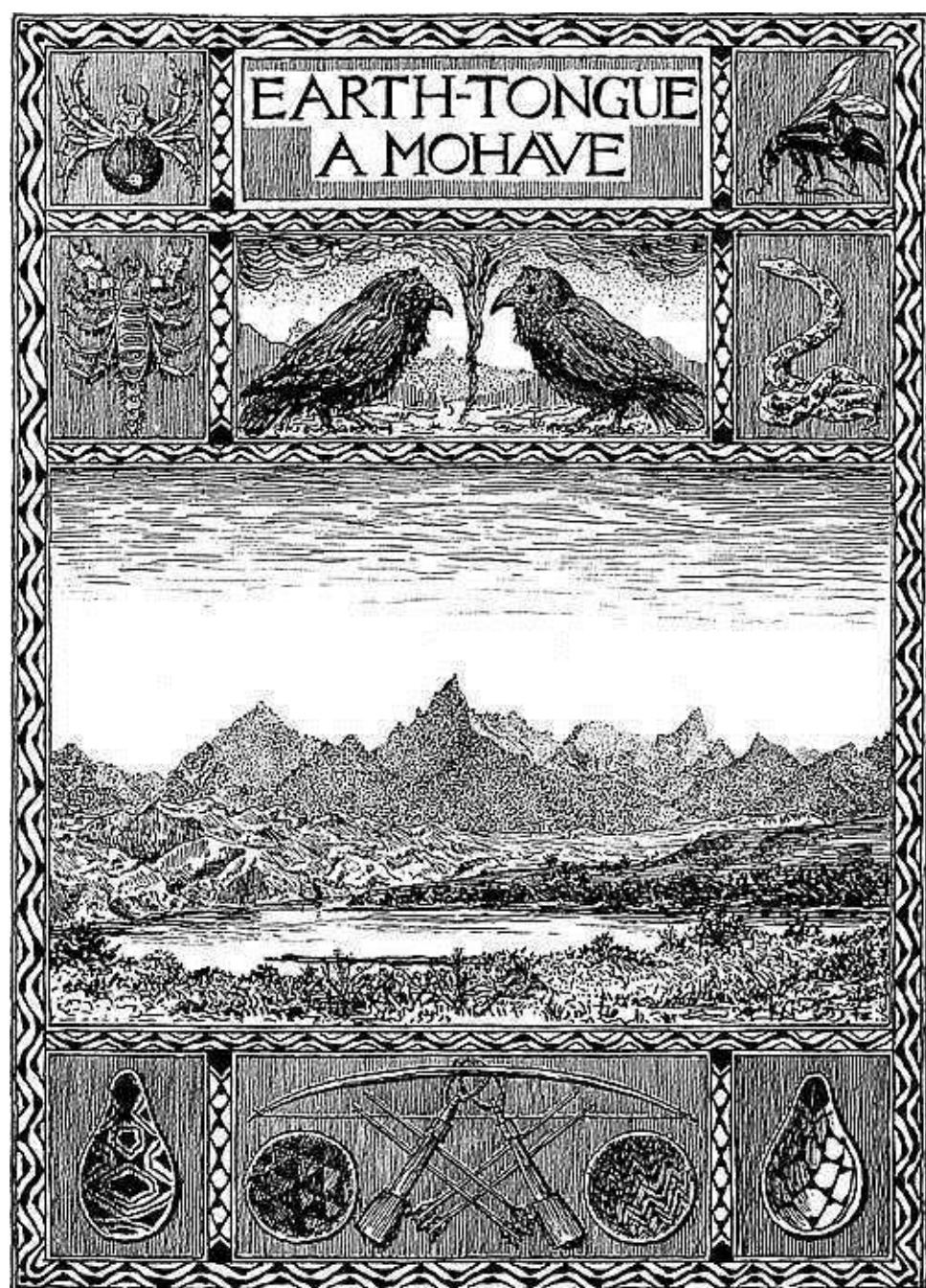
Когда он наклонился и поднял дверной клапан своего куполообразного дома, он полностью ощутил поток тепла и света. Это было его, это были его люди, и всегда было хорошо быть дома. Группа, сидящая вокруг центрального костра, прервала веселую болтовню, чтобы поприветствовать его: под темными карнизами он слышал, как дети, якобы спящие, хихикали над какой-то забавной шалостью. «Валапай пришли, чтобы попросить наших молодых людей присоединиться к ним следующей весной в набеге на пайютов через Гранд-Каньон; Панамида хочет пойти», — сказали они ему.

«Панамида скоро сразится с ними, пусть остается дома».

«Панамида, младший брат, какая-нибудь милая девушка из племени валапай скажет тебе: «Вот жареная ящерица», — сказала Гредива, насмехаясь над грубым языком валапай, среди смеха своих родственников при мысли о том, чтобы съесть ящерицу.

Синьелла сонно улыбнулся освещенным огнем лицам: да, все его родные. Рядом с ним он услышал Лансо: «Дедушка, расскажи нам одну историю. Не отказывайся на этот раз; змеи сейчас не будут беспокоить, ведь зима». Синьелла сел там, где дети лежали в темноте и слушали. «Волк и Койот жили далеко на западе, близ океана. Волк сказал Койоту: «В этой стране нет дичи, нет оленей, нет антилоп. Мы едим только крыс, только их убиваем, это единственное мясо, которое у нас есть. Я думаю, что хочу, чтобы ты спустился в воду, глубоко на дно океана». Под водой жило много лосей. Койот попытался: он подошел к воде и опустил голову, но испугался. «Я боюсь спускаться: я хочу, чтобы ты пошел». Волк сказал: «Хорошо, я спущусь и буду охотиться. Я поймаю большого лося и выгоню его. Я вернусь через четыре ночи»...

Лесли Спир

Земляной язык, мохаве

Самое раннее воспоминание ЗЕМЛЯНОГО ЯЗЫКА было о тусклом, прохладном доме, где он выбирал кусочки угля из мягкого песка и разминал их в руке. Однажды на плетеной стене появился сверчок, но когда он попытался его схватить, тот внезапно скрылся, и из-под песка высыпался только поток сухой земли. А потом наступил страшный момент, когда его сон прервали громкие голоса, люди толпились вокруг, но стояли беспомощно и неловко, а брат его отца бросал оскорбления, полные безжалостной ненависти, в непрерывающийся поток ругательств своей жены. Когда женщина повернулась, чтобы ударить девочку, прявшуюся в углу, а мужчина вмешался и оттолкнул ее, Земляной Язык разрыдался и прижался к матери. Он видел, как разъярённая женщина топтала горшок за горшком, разрывала свои мотки из измельчённой коры и бросала их в огонь, а затем, внезапно замолчав, загрузила свои вещи в переноску и вышла, шатаясь. Переноска застряла в дверях: когда она её протащила, содержимое разбилось, и в доме раздался смех; но Земляной Язык долго рыдал.

Он был уже больше, когда плескался с другими детьми на краю болота; но все еще очень маленьким, когда впервые вспомнил, как увидел великую, протяженную реку, которая текла мимо с таинственными, бурлящими шумами в своих красных водоворотах. Его и его маленького брата посадили в огромный горшок, который его отец и другой мужчина толкали перед ними по течению: их волосы, высоко закрученные на головах, были едва видны над краем, когда они плыли. А затем последовала бесконечная тяжёлая дорога где-то по пыли, облегчаемая только поездками на спине отца и бабушки.

Он был уже старше, когда впервые выстрелил из лука; когда в сумерках он поймал дятла в его дупле и не отпускал его, хотя тот отчаянно клевал его сжатые руки, пока полувзрослый двоюродный брат не забрал его у него, чтобы запереть на ночь под перевернутой банкой. На следующий день его отец сплел клетку, и пленник был помещен в нее, но остался диким, и однажды утром был найден мертвым. А потом наступило время, когда мальчики из Мескит-Уотер бросили вызов мальчикам из его поселения в жаркий летний день в , после того как наводнение наполовину высохло, и они бросали друг в друга комками грязи с концов длинных ивовых шестов.

Были и другие события, которые, должно быть, произошли вскоре после этого периода, но о которых он не помнил: когда он закрутил свои волосы в длинные тонкие цилиндры, начал измерять, как близко они доходят до его бедер, и сделал свои первые шаги к девушкам.

Еще до этого он мечтал о Мастамхо, гигантском на вершине Авиква'ме в большом, темном, круглом доме, полном людей; о двух Воронах, поющих о вихрях пыли и войне, и о далеких зарослях тростника, ожидающих, когда их разрежут на флейты; и о реке, вытекающей из своего истока, чтобы смыть пепел и кости Матавилы, где вершины возвышаются в ущелье у Дома-пост-вода. Позже он понял, что видел эти сны еще маленьким мальчиком, когда был в утробе матери; он еще не задумывался о них, кроме тех случаев, когда старик, его дед, отец и дяди пели о них.

Однажды в долину прибежал гонец и, задыхаясь, крикнул, что на рассвете с востока появились незнакомцы, которые убили женщину и двух детей в Санд-Бэк, а также ранили мужчину и его младшего брата. Мужчины бросились за оружием; женщины собрали детей, нагрузились имуществом и вскоре начали двигаться на север разрозненной, возбужденной толпой. Земляной Язык снял свой лук и стал рыться в соломе крыши в поисках стрел, которые он мог собрать. Затем он присоединился к своим родственникам и соседям-мужчинам, которые стояли группой перед одной из тенистых беседок, восклицая и указывая на дым, поднимавшийся в долине. За их бедрами торчали связки грубых, тупых стрел, засунутых под веревочные пояса; у многих на запястьях висели дубинки. Земляной Язык не

имел дубинки: он никогда не видел сражения и держался в стороне от группы опытных воинов.

Вскоре начали прибывать беженцы из ближайших поселений, а затем и отряд воинов из верхней части долины, умощенных для войны. Родственники Земляного Языка присоединились к ним, и, продвигаясь на юг, их число увеличивалось, они встречали все больше женщин и детей, и, наконец, тех, кто был в месте нападения, пока не наткнулись на людей Песчаной Спины недалеко от тополей. Теперь им сообщили, что враги были халчидома из далекого низа реки, а не валапай, как предполагалось сначала. Они избегали реки, пересекая пустыню, чтобы спрятаться в горах валапай и ночью спуститься на ближайший край земли мохаве (). Они уже давно ушли — их было шестьдесят, как говорили, так как их видели, когда они шли по скалам далеко над ручьем в Пиннаклс. Они разграбили и сожгли только группу домов в Сандбэке, убили женщину и легко ранили стрелой одного из мужчин, который сражался с ними на расстоянии: другие, о которых сообщалось как о погибших, оказались в безопасности. Но враги унесли голову женщины и будут танцевать вокруг ее кожи. Земляной Язык смотрел на разрушенные дома, их обугленные столбы дымились на песчаной массе; и той ночью он наблюдал за кремацией обезглавленной женщины. Много говорили о мести, но немедленное нападение застало бы Халчидомов подготовленными или, возможно, уже ушедшими.

Так прошло несколько месяцев без каких-либо действий, и тем временем Земляной Язык женился. В суматохе вторжения Халчидомы, когда одна группа за другой проходила мимо, его внимание привлекла девушка, едва вышедшая из детского возраста и лишь немного младше его самого, которая остановилась, наклонившись под тяжелым грузом, за своей матерью, когда их группа остановилась для оживленной беседы. Он заметил, что девушка почувствовала его взгляд и отвернулась, и узнал от людей, которые были с ней, что ее зовут Ката. Вскоре он начал находить поводы или компаньонов, которые приводили его в ее поселение. Вскоре между ними установилась взаимная привычность присутствия друг друга, смысл которой был очевиден, хотя прямые разговоры между двумя молодыми людьми были редкими и краткими. Оба были застенчивы, пока однажды днем слепой старик, дядя отца девушки, который знал о постоянном присутствии Земляного Языка из рассказов семьи, не обратился к ним напрямую. «Почему вы не поженитесь?» — сказал он. «Люди не живут долго. Скоро вы станете старыми, как я, и не сможете доставить друг другу удовольствие. Хорошо, что вы спите и играете вместе. Ты, молодой человек, должен остаться здесь на ночь». Ни Земляной Язык, ни девушка не ответили. Но он остался на ужин и после него, а когда в доме погас свет, тихо пошел туда, где она лежала. На следующий день он остался; на следующий день ненадолго вернулся домой; и с тех пор все больше времени проводил в своем новом жилище, где, не произнеся ни слова, он постепенно приобретал все более признанный статус. Он не работал, за исключением особых случаев, когда требовалась помощь, например, при ловле сетями; а Ката только изредка помогала своим родственникам в хозяйстве. Вместо этого они проводили много времени вместе, развалившись в тени, играя или дразня друг друга, или слушая своих старших. Иногда он тихо пел, лежа рядом с ней, или она наклонялась над ним, прощупывая его голову или распутывая его спутанные локоны, или пыталась выдергивать зубами случайные волосы с его лица; и она все чаще смеялась. Так шли дни.

Когда наконец мохаве были готовы, было объявлено, что они раз и навсегда уничтожат халчидома. Весь народ должен был переселиться и захватить земли врага. Вскоре они вышли в путь, большинство мужчин шли впереди, вооруженные и без грузов, за исключением тыков с кукурузной мукой на поясах; воду им не нужно было нести, так как они шли вдоль реки. Сзади шли женщины, дети и старики, несущие тяжелые грузы. Они взяли с

собой еду, одеяла из коры и кроличьего меха, рыболовные сети, жернова, домашнее имущество и самые необходимые глиняные сосуды. Остальные вещи и запасы провианта были закопаны или спрятаны: все дома в долине стояли пустые.

Они шли пять дней. Затем мужчины внезапно окружили группу поселений. Это были дома кохуана, племени, проживавшего далеко вниз по течению, разоренного войнами с соседями, пока остатки племени не нашли убежище в полудневном пути выше Халчидома, с которыми они объединились не столько из-за дружеских отношений, сколько из-за общих врагов и схожих судеб. Ведь и халчидомы помнили, что когда-то жили многочисленно среди множества племен на широких низинных землях ниже устья Гилы. У мохаве не было прямых разногласий с кохуанами, и хотя они прибыли вооруженными и превосходящими по силе, они провозгласили себя родственниками и объявили, что пришли как гости. К ночи дома кохуанов были переполнены толпой мохавских семей. Посланцы кохуана были отправлены, чтобы вызвать халчидома на сражение в месте под названием «Белая раскинутая скала», если они не боятся. Такой вызов люди, превосходящие их по численности, не могли отклонить, не утратив мужества. Так что на следующий день они выстроились в линию на назначенном поле, едва насчитывая сто человек, против, возможно, четырехсот, которых мохаве собрали после того, как поставили охрану над своими семьями.

Земляной Язык вступил в бой с большим внутренним волнением, но без особого страха, и послушно слушал наставления своих опытных соплеменников. Еще до того, как стрелы могли достичь цели, началась стрельба. Вскоре стрелы стали лететь слабо, и тогда пришлось резко поворачиваться в стороны, чтобы их избежать. На таком расстоянии две линии стреляли друг в друга, дразня и прыгая, а сзади полувзрослые мальчишки и несколько стариков помогали собирать и пополнять связки стрел. То, чего не хватало халчидомам в частоте выстрелов, они частично компенсировали большей открытостью цели; и вскоре раненые с обеих сторон начали временно отступать. Мохаве могли бы быстро покончить с этим, атаковав всеми силами с дубинами, но они просили открытого боя и, кроме того, находили удовольствие в игре, которая все больше складывалась в их пользу. Часами они потели под солнцем, постепенно и нерегулярно оттесняя линию халчидомов и крича каждый раз, когда кого-то из врагов уносили.

Наконец, вожди объявили, что пора прекратить бой, и вызвали врага на продолжение сражения в том же месте на четвертый день. Затем они победоносно вернулись домой, не понеся ни одной жертвы, хотя нескольких ослабленных кровопотерей или с обломанными в теле частями стрел несли на спинах товарищи. Земляной Язык был поражен дважды. Одна стрела задела его бок, когда он переоценил свои силы и не смог вовремя наклониться. Затем одна из трех стрел, которые полетели в него почти одновременно, вонзилась на глубину пальца в переднюю часть его бедра и висела там, пока он не вытащил ее. Ни одна из ран не кровоточила сильно, особенно после того, как ему принесли кусок угля, чтобы притереть его для остановки крови; и он вернулся скованным, уставшим и гордым. Потери Халчидомы были более серьезными. Никто из них, по-видимому, не пал замертво на поле, но по крайней мере половина была поражена, и многие из них были ранены так тяжело или так часто, что умрут.

В течение четырех дней мохаве лечили свои раны, обсуждали следующую битву и ели провизию своих хозяев. Затем они отправились в путь. Но халчидома отправили свои семьи вниз по течению и заняли новую позицию дальше в глубине. Здесь они снова объединились, и сражение продолжилось, как и прежде, но с еще большим преимуществом мохаве, пока те, уставшие от полуденного солнца, с презрением не отступили к реке, чтобы попить. Халчидома воспользовались случаем, чтобы бежать к своим детям и женщинам, переправили их через реку и направились на восток через пустыню. Когда победители

вернулись, беглецы были уже далеко. Тогда мохаве решили занять их поля и дома, пока изгнанные не придут, чтобы изгнать их; но последние, к тому времени благополучно принятые марикопами далеко за пустыней на реке Гила, не имели такого намерения. Тем не менее, мохаве прожили почти год на земле халчидома, приспособливаясь, как могли, и вернулись только тогда, когда приблизилось время следующего наводнения и посева, взяв с собой кохуана, чтобы поселиться среди них, где эти вынужденные гости пробыли несколько лет.

Еще до окончания пребывания в стране халчидома Земляной Язык и Ката разошлись. Нарушение привычного уклада жизни, вынужденное проживание с другими, гордость Земляного Языка как начинающего воина, отсутствие детей — все это способствовало их все большему отдалению друг от друга. Каждый из них обрел новые интересы, при этом испытывая смутную ревность к интересам другого, и в конце концов Земляной Язык привел в дом своих родителей не Катую, а другую девушку.

Вскоре после рождения его первого ребенка — дочери, названной Ович, как сестры его самого, его отца и отца его отца, — Земляной Язык стал тосковать по приключениям и, поскольку наступило время мира, присоединился к тем, кто собирался в путь. Их было десять или двадцать человек: слишком мало, чтобы вызвать подозрения в коварных намерениях, и слишком много, чтобы их можно было безопасно уничтожить. Каждый из них нес с собой кукурузу, воду, оружие и все, что мог пожелать обменять. В коротких путешествиях они гордились тем, что могли четыре дня идти рысью без еды, питаясь только тем, что могла дать пустыня, и жевая, возможно, кусочек ивы, чтобы облегчить сухость во рту. Но эти лишения они переносили в основном из соперничества или в конце пути, когда перед ними открывалась земля мохаве. Снова и снова Земля-язык спускался по реке, через поселения Юма, Камия, Халиквamay и Кокопа, к плоским берегам соленого моря; на восток, в горы Валапай, и вниз, в ущелье Хавасупай, где он видел странно говорящих и странно одетых хопи и навахо, слышал об их каменных городах и привозил домой их пояса и однажды даже одеяло из белого хлопка.

На северо-западе он посетил чемехуэви и других пайютов, живущих вокруг их разбросанных источников, и ел их пищу из семян и диких фруктов, некоторые из которых были ему знакомы, а некоторые — незнакомы; а также мескаль и иногда оленя. Их язык тоже был странным, но он немного слышал его от нескольких чемехуэви, которые жили на северной оконечности долины Мохаве и за ней, на острове Коттонвуд; а многие из его товарищей могли говорить на нем больше. Они шли от одного племени пайютов к другому, до тех пор, пока река не перестала течь с севера, а стала течь с востока, за Муди, и обнаружили, что каждая группа была похожа на предыдущую по обычаям, но имела новую пищу. Они слушали рассказы пайютов, которые мечтали о горе Ньюант, как мохаве мечтают об Авикваме, и которым они пели свои песни, которые пайюты хотели услышать.

На западе было много племен, все говорили на разных языках, но в основном их было легко понять, если знал язык чемехуэви. Были ванюме на своей реке, которая высохла до основания и оставила их вечно полуголодными; ханювеча в горном массиве за большими соснами; на севере, около Трех гор, кувахе, соседствующие с другими горцами, маленькими племенами, невоинственными, дружелюбными к посетителям, некоторых из которых они приветствовали как старых друзей. Они не предлагали курить, но давали табак, измельченный в ступке с ракушками; Земляной Язык и его спутники из вежливости съели его, и почти все из них от этого сильно потели и рвали. С вершины неподалеку они смотрели на обширную равнину, на которой, по словам одного из его спутников, мерцали большие озера. Он был там и видел людей, которые жили в длинных домах из камыша, — сотня костров в ряд в одном доме, — ели корни камыша, спали на камыше, а ночью появлялись

черви и мешали спать. А в изрезанных горах, на которых они стояли, но за ними, жили похожие на мохаве, очень мало похожие на них по языку, но голые, неопрятные и бедные. Земляной язык видел их, но не в их собственных домах.

И, снова выйдя, он пересек землю племен на юго-западе, недружелюбную, полумрачную и опасную для небольших групп. Хаквича копали колодцы и ели мескитовое дерево; за ними в горах, около горячих источников, жили люди, которые пели под черепаши панцири вместо тыкв; а еще дальше, вплоть до океана, который можно было увидеть с их вершин, жили чужие камия, говорящие почти как настоящие камия, но не знающие ничего о сельскохозяйственных продуктах, питающиеся гремучими змеями и враждебно настроенные к пришельцам. У них была некоторая обида на мохаве за разграбленные поселения, но они не были народом, который путешествовал далеко от своих домов даже ради мести.

Явапай тоже познакомились с Земным языком, хотя их страна не была привлекательной для посещения. Они мечтали и пели, как мохаве, но о других животных; и некоторые из их историй были одинаковыми. Их соседями и друзьями были кочующие явапай, невысокие люди с острыми глазами, с распущенными волосами, свирепые копыеносцы, молчаливые, жестокие, не заслуживающие доверия; но они были благосклонны к мохаве, несмотря на полную непонятность их речи, потому что знали через явапаев, что те, как и они сами, традиционно враждебно относились к марикопам и народу бесчисленных домов, пима. Последних земляне никогда не узнавали, кроме как на поле битвы.

Однажды ранним летом, когда река выходила из берегов, ее подъем внезапно остановился. Поскольку наводнение обычно нарастало прерывистыми этапами, люди спокойно ждали его возобновления. Но вода отступала все дальше и дальше. Тогда некоторые начали заявлять, что она может больше не подниматься, и советовали сразу же сеять, пока влажная земля не высохла, но другие указывали, что высокая вода еще должна была прийти, и часто приходила поздно, и что в этом случае нынешняя посадка приведет к тому, что семена будут смыты и потеряны. Поэтому почти все ждали с беспокойством и много обсуждали, пока, наконец, река полностью не вернулась в свои берега и не начала решительно спадать. Тогда они поняли, что в этом сезоне больше не на что надеяться, и мужчины и женщины поспешили спасти то, что могли из урожая. Но многие поля остались не затопленными, а большинство остальных уже были наполовину высохшими. На некоторых полях кукуруза и бобы так и не проросли, на других они проросли, но вскоре завяли, и хотя женщины носили воду в кувшинах, таким ручным способом можно было эффективно полить только небольшие участки.

Вскоре все поняли, что надвигается голод и что так мало домов смогут вырастить урожай, достаточный для очередной посевной, что и следующий год будет тяжелым. Они собрали все дикие семена, которые смогли найти на необработанных землях, но и эти дикие семена были скудными, а урожай стручков мескитового дерева был жалко мал. Женщины усердно трудились, а дети присматривали за разбросанной кукурузой; но, хотя зерно созрело, разбросанных стеблей было слишком мало, чтобы прокормить любую семью в течение зимы. Некоторые семьи не собрали ни одного початка. Через месяц после сбора урожая запасы были исчерпаны, а к зиме закончились и последние запасы. Мужчины ежедневно ловили рыбу в реке Эр-Тонг (), но болота и пруды никогда не наполнялись и вскоре были полностью выловлены, а улов в реке был нестабильным и явно недостаточным. Все были истощены, дети лежали без сил, болезни распространялись.

Жена Земляного Языка и его старшего брата вместе с его матерью сажали урожай на родовом поле его отца, которое находилось в низине и давно доказало свою плодородность. Поэтому им жилось лучше, чем многим другим. Тем не менее, до весны истощенные тела двух детей и старой женщины были сожжены, а Земляной Язык трижды пел до хрипоты, пока они умирали.

Молодые люди уходили с луками и время от времени возвращались с птицей, сусликом или барсуком, но чаще всего с пустыми руками. Люди, у которых были новые вещи, отправлялись к валапаям, чтобы обменять их на мескаль и оленину. Целые семьи отправлялись в путь, чтобы посетить чемехуеви, пока не принесли весть, что и эти хозяева тоже были съедены. Наконец, не проходило и дня, чтобы где-нибудь в долине не было видно столбов дыма от костров. Это был ужасный год, который долго помнили, пока конец следующего лета не принес частичного облегчения.

Смертей от поноса и кашля было так много, что один за другим шаманы становились жертвами гнева родственников тех, кого они пытались спасти. Желтое Бедро, сильный мужчина и не очень старый, потерял двух пациентов во время голода и еще трех с тех пор. Часто слышались ропот, но никто не нашел возможности или не осмелился отомстить ему. Однажды утром Земляной Язык и его друг, прогуливаясь по долине по каким-то делам, повернули к дому, перед которым лежал Желтое Бедро, потому что там были его родственники. Вокруг не было никого, и когда два посетителя стояли у двери, его друг под влиянием внезапного порыва прошептал Земляному Языку: «Давай убьем его». Они немного посидели, поговорили о новостях дня, затем встали, Земля-язык взял свой лук и четыре стрелы с заостренными наконечниками, сказав, что они пойдут стрелять голубей. Шаман в знак согласия хмыкнул, и они вышли.

Некоторое время они бродили по кустарнику, обдумывая план. На краю мезы они откололи два камня с острыми краями, а затем вернулись. Желтое Бедро лежал под навесом с закрытыми глазами, дыша ровно. Друг прошел мимо него, чтобы заглянуть в дом, и, обнаружив, что он пуст, кивнул. Земляной Язык, который подошел, внезапно наклонился и с всей силой ударил спящего по голове. Шаман поднялся в сидячее положение, когда кровь начала хлестать из разбитой стороны его лица. Друг отскочил назад, затем бросился вперед, чтобы добить человека, и замахнулся; но его возбужденная рука опустила оружие только на колено жертвы. Затем он пошатываясь отступил, едва способный в страхе и волнении тащить свои ноги. Земляной Язык, увидев, что шаман все еще сидит, снова шагнул вперед и обеими руками вонзил острие камня в верхнюю часть его черепа. Две женщины, которые расчесывали друг другу волосы в тени кустарниковой изгороди снаружи, полуобернулись на шум и взвизгнули, а Земляной Язык бросился за своим товарищем, схватил его за руку и потащил вперед. Они пробежали через ивы и наконец легли, задышавшись, в укрытии; и здесь, когда они успокоились, Земляной Язык посмеялся над неуверенными ударами и шагами своего друга. Затем они пошли дальше, все еще держась в укрытии, пока на втором повороте не переплыли реку.

На другом берегу старики играли в палки и обручи, а другие смотрели. Двое сели и стали смотреть. Три раза, четыре раза, пока не наступило раннее утро, игроки делали ставки и бросали свои палки, и один из них наконец забрал ставки. Тогда Земляной Язык сказал: «Я убил шамана, большого человека в Склонном Гравии».

«Да, убей его», — ответил один из стариков, думая, что тот хвастается пустыми намерениями; а зритель добавил: «Действительно, было бы хорошо. Слишком много людей умирает».

«Я убил его», — повторил Земляной Язык, и они начали ему верить. Тогда они пошли в дома. Вскоре пришла весть, что шаман мертв; и тогда прибыли его родственники, разгневанные и угрожающие, и обвинения летели туда-сюда, а Земляной Язык стоял неподвижно и молча, но настороженно. Наконец родственники вызвали его на бой палками на следующий день и удалились, чтобы сжечь мертвеца.

Жители поселения похвалили Земляной Язык и пообещали выступить на его стороне; утром они, все его родственники и родственники тех, кого шаман привел к смерти, собрались в центре большого игрового поля. Каждый мужчина нес иву толщиной с предплечье и длиной до шеи, а в левой руке — более короткую палку для парирования. Появились соперники, несколько меньше по численности и со слезами на лицах, но разъяряющие своих противников, выкрикивая имена своих мертвых родителей и дедушек. Затем две группы, распределившись в неровные линии, бросились друг на друга. Каждый мужчина замахивался на голову противника, то держа палку в одной руке, то в обеих. Удары обрушивались на головы сквозь защиту, сыпались на плечи, ушибали костяшки пальцев, и под крики сражающихся соприкасались палки. Время от времени палка ломалась, и участник сражения бежал назад, чтобы взять новую. Бойцы потели, задыхались, вытирали кровь из глаз и шатались вперед и назад, пока ряды колебались в шуме. Однажды или дважды обезумевший боец, вбегая под удары своего противника, хватал его за волосы, чтобы избить его своим дубиной; после чего раздавались крики «Плохо, плохо! Нет! Нет! Отпусти!» и множество ударов спасателей оттесняло его назад. Сторона шамана терпела поражение, но снова и снова собиралась с силами, не давая полностью оттеснить себя на свой конец поля. Удары становились все реже и слабее. Уставшие руки больше не могли подниматься. Один за другим бойцы опирались на свои палки или садились на землю в тылу. Каждая сторона дразнила другую, призывая снова вступить в бой, и наконец они разошлись, каждый из них задыхался, был избит и уставший, но довольный нанесенным ущербом. Никто не получил травм головы и никто не погиб, хотя некоторые несколько дней болели из-за личинок, которые размножились в коже головы под спутанными волосами; затем разговоры утихли, и вражда постепенно улеглась. Земляной язык заслужил похвалу всех мохаве, которые не были непосредственно вовлечены в конфликт.

Однажды из Юмы прибежали гонцы, чтобы пригласить на нападение на кокопа у устья реки. Сто двадцать мохаве отправились в путь. Кохота, или вождь северных мохаве, попросил пленных, хотя у него уже было несколько; и Земляной Язык был одним из тех, кого он попросил нести еду и воду для обратного пути пленных и охранять их, чтобы они не сбежали.

Контингент юма был даже больше, чем мохаве, и нападение было совершено на рассвете. Сражение было не очень большим. Первый дом, в который вошли, поднял тревогу, и поселение разбежалось среди криков. Только два кокопа были убиты юма, а две молодые женщины, сестры по имени Ночной ястреб, были захвачены мохаве. Последние пробыли с юмами четыре дня, чтобы посмотреть танец скальпов, но, поскольку никто из них не прикасался к трупам, они не нуждались в очищении и вернулись домой.

Все племя вышло, чтобы сопроводить их к дому кохоты. Там пленниц заставили сесть, а кохота встал, и спел Плеяды. Затем мужчины и женщины, стоя лицом друг к другу, танцевали. Когда солнце было в зените, они остановились, съели то, что принесли женщины кохоты, а затем легли в тени или играли в азартные игры. Во второй половине дня кохота вызвал певца Чутаха. Вскоре зазвучал звучный сосуд, люди прекратили игры и затанцевали: три ряда молодых мужчин с перьями, привязанными к волосам, один ряд стариков и две женщины, стоящие отдельно. Наконец, когда солнце начало садиться, вождь пришел с погремушками в руках и в конце песни крикнул: «Пусть поет тот, кто хочет! Пусть поет

любая женщина! Я никого не назначаю!» Женщины схватили погремушки и понесли их: одни — певцу туманпа, другие — тем, кто знал Винимулья и Винимулья-хапача; а одну принесли Земляному Языку, чтобы он спел «Ворон». Вскоре все четыре танцевальные серии шли в разных местах, а те женщины, которым нравилась Ньохайва, уговорив старика спеть ее, начали кружиться вокруг него, стоя плечом к плечу. Как только одна песня заканчивалась, певцы брали другую, потому что солнце почти зашло, и потные женщины требовали продолжения, а толпа людей стояла вокруг.

С наступлением темноты они остановились, чтобы искупаться, поесть и отдохнуть, а затем снова танцевали, пели как и раньше, а также новые песни, в то время как в стороне, при свете костра, группы мужчин всю ночь играли в прятки под песни Tudhulva. Утром кохота велел собравшимся искупаться, снова накормил их и отправил домой, чтобы они вернулись через два дня.

На этот раз они танцевали весь вечер, весь день и всю ночь. Когда взошло солнце, кохота, все еще напевая, взял двух пленниц за руки и пошел к реке. За ним шли певцы Туманпа и Винимулья, каждый со своей толпой, а за ними — масса людей в процессии. Кохота, все еще держа двух девушек за руки, перебежал через берег, и все последовали за ним. Это сделало пленниц мохаве, и люди больше не боялись их. Кохота привел их обратно в свой дом, где они должны были жить, и сказал: «Возможно, эти девушки выйдут замуж и родят детей, которые, принадлежа к обоим племенам, установят мир, когда вырастут, и больше не будет войны». Так и произошло отчасти. Через два года одна из сестер вышла замуж и вскоре родила ребенка. Другая осталась без мужа. Со временем между юма и кокопа был заключен официальный мир, после чего кохота объявил: «Поскольку племена теперь дружат, давайте не будем больше держать Ночную сову». Итак, группа людей отвезла ее к юма, где ее родственники встретили ее и сопроводили домой. Ее сестра осталась со своим мужем-мохаве.

Земляной Язык начинал стареть. У его старшего сына и одной дочери появились дети, а на его волосах пробились первые седые пряди. Он все чаще думал о своей молодости и начал вспоминать, что ему снилось в те времена. Он знал, что видел Матавилью больным, постепенно умирающим и сгорающим, а его прах уносил рекой, которую Мастамхо заставил вытекать из земли. Он также помнил дом Мастамхо на Авикваме, с множеством людей внутри, сидящих рядами, как маленькие дети, и Мастамхо, дающего им наставления; и как он повторял за ним, правильно, пока Мастамхо не сказал ему: «Правильно! Ты знаешь это! Ты это имеешь! Я дал тебе это!» Затем он видел, как Небесная гремучая змея была наконец выманена из своего дома далеко в южном океане, и ее голова была отрублена на Авикваме. Земляной язык видел, как ее суставы, кровь, пот и соки превратились в яйца. Из этих яиц вылупились Гремучая змея, Паук, Скорпион и Желтый муравей, которые отправились в Три горы и отдаленные места, глубоко под землю или высоко в небо, и оттуда построили четыре дороги ко всем племенам. Когда они хотят, чтобы человек стал их другом, они кусают его и забирают его тень с собой домой. «Но другая дорога ведет от их дома к моему сердцу, — говорил Земля-язык, — и я знаю, что они делают. И я перехватываю тень, прежде чем Гремучая змея донесет ее до Трех гор, и пою ее обратно; я разрываю дороги из слюны, которые Паук начал обматывать четыре раза вокруг сердца человека; и так он снова живет».

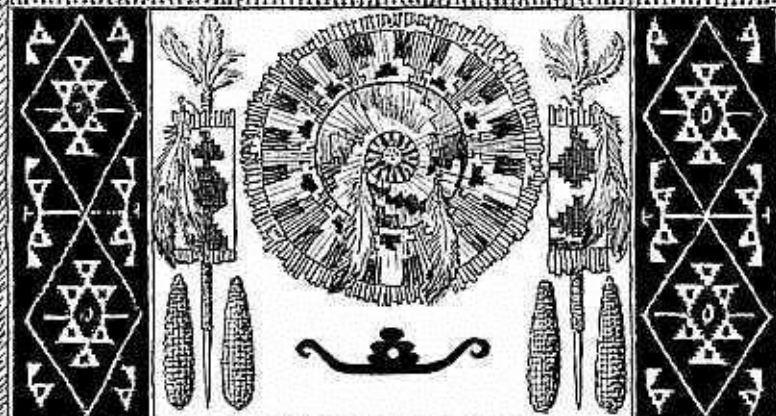
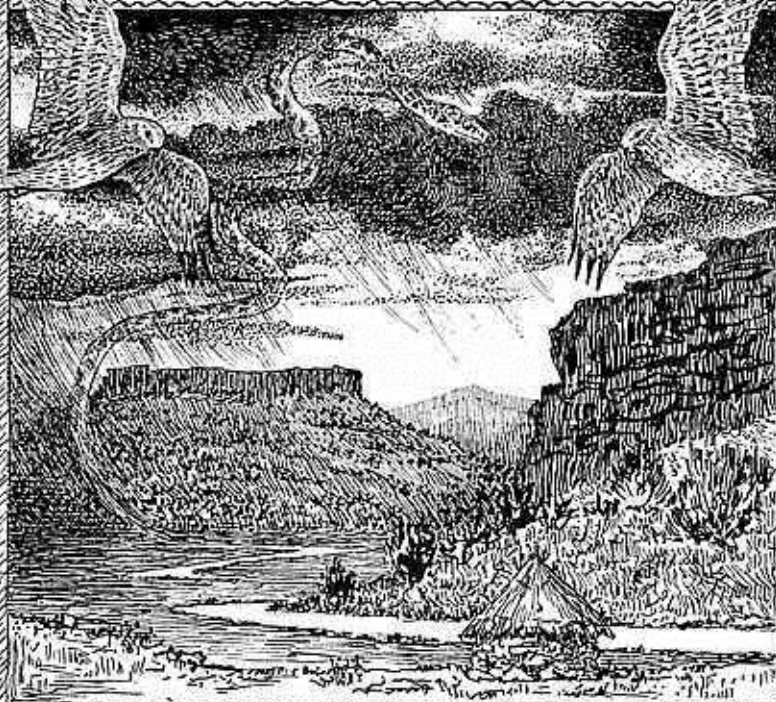
Тогда Земля-язык стали звать, когда людей кусали — сначала его родственники, потом другие. Он сразу вставал и пел, чтобы принести прохладный ветер; и, подойдя к больному, пел над ним с севера, запада, юга и востока, но не в пятый раз, чтобы тот не умер. Затем, отпустив всех, кроме жены или матери, и запретив пить, он сидел у больного всю ночь, время от времени напевая свои четыре песни. Утром больной обычно вставал здоровым.

Боевые действия прервали эти занятия. Это был новый призыв от юма, на этот раз против марикопы, и двести мохаве откликнулись на него. На седьмую ночь они оказались на земле марикопы- и встретили восемьдесят юма, как и было договорено; а утром двинулись в атаку. Но марикопы пронюхали об их присутствии и, когда началась битва, получили подкрепление в виде огромного числа пима. Мохаве и юма подбадривали друг друга и, хотя один за другим падали, медленно отступали, сражаясь в меньшинстве.

Наконец враг бросился на них всем скопом. Часть мохаве сломалась под ударом и бежала на север, в конце концов спасаясь. Но шестьдесят из них объединились с юма на небольшом холме возле Гилы, где они стояли плотной массой. Когда пима и марикопы бросились на них, они тащили одного за другим борющихся в свою середину, где их убивали жестокими ударами дубин по голове или ударами в лицо. Дважды Земляной Язык выпрыгивал, чтобы схватить противника и перекинуть его через спину, защищая таким образом свой череп, пока его товарищи забивали сопротивляющегося врага до смерти. Бой становился все более яростным. Пима больше не отступали, чтобы стрелять, а непрерывно кружились вокруг и вникали в уменьшающуюся группу, загнанную в угол. Наконец крики прекратились, пыль начала оседать, и все, кроме двух юма и всех шестидесяти мохаве, лежали с разбитыми головами или изуродованными телами на чужой земле.

А. Л. КРОБЕР

THE CHIEF SINGER
OF THE TEPECANO

Главный певец тепекано

Вокруг дома дона Панчо, небольшой хижины с соломенной крышей овальной формы, размером примерно 4,5 на 2,5 метра, наблюдалась необычная активность. Два больших столба поддерживали каркас из шестов, на который была уложена двускатная соломенная крыша. Только в центре дома можно было стоять прямо, а сильный толчок мог выбросить человека наружу, на камни, сложенные в стену без использования раствора или глины, которые заполняли пространство между карнизом и голой землей.

Необычная суета в доме дона Панчо не предвещала каких-либо эпохальных событий даже в безмятежной истории маленькой деревни Азкельтан, где укрывались остатки племени тепекано. Просто дон Панчо ждал рождения своего ребенка. И поэтому женщины из ближайшего окружения собрались внутри хижины, а мужчины тихо беседовали снаружи. Только Франциско свободно входил и выходил. Наконец, после долгой паузы внутри, он тихо выскользнул за дверь.

«Gracias a Dios! Это сын», — тихо сказал он и достал откуда-то бутылку сотола^[9], купленную во время его последней поездки в ближайшую «цивилизованную» деревню на случай именно такого события. Мужчины собрались вокруг него и от души выпили за здоровье новорожденного. С искренней вежливостью они поздравили отца, а затем растворились в темноте, направляясь к своим маленьким хижинам. Только крики младенца нарушали тишину горного воздуха.

Вновь в деревне царила необычная активность. Пришла весть, что в этот день прибудет священник из соседнего города, чтобы отслужить мессу. Церковь и прилегающая к ней курато были открыты и проветрены, с пола сметена грязь, а с грубых фигур распятия — пыль. Ведь маленькая церковь была гордостью Азкельтана. Поколение назад она была построена из кирпича-сырца и камня, добытого цивилизованными мастерами, и ее белый фасад столь же мужественно противостоял палящим лучам солнца, сколь и серным пламенам ада. Маленький дворик тоже сиял свежеевыметенным воздухом, ни одна травинка и ни одна зеленая точка не портили его гладкую поверхность.

Наконец, зоркие глаза заметили кавалькаду, медленно спускающуюся по извилистой тропе. Франциско поспешно взобрался по шаткой лестнице на крышу церкви и схватил язык колокола. Он хорошо понимал важность своей должности мэра-домового церкви! И ни разу за всю свою жизнь сеньор Кура не прибывал без должного приветствия! Один из нескольких колоколов был еще не треснут, и Франциско уделил ему особое внимание. Колокола занимали место, почти не уступающее самой церкви в сердце дона Панчо, ведь они были привезены за огромные деньги из далекой столицы, города Мехико. Прозвучал последний звон, и Франциско поспешил спуститься по шаткой лестнице, чтобы первым преклонить колени перед веселым падре и поцеловать ему руку. Разбуженные звоном колоколов, жители маленькой долины начали стекаться в церковь. С почтением они вошли в церковь, преклонив колени на кирпичном полу, мужчины и женщины по разные стороны, пока шла месса.

По окончании службы Агилары, Франциско и его жена Хулия, встали, держа ребенка на руках. Рядом с ними стояли Хуан Маркес и его жена, крестные родители. Несколько капель воды, несколько ритуальных слов, и Мать-Церковь приняла в свое лоно еще одну душу. Хосе Мария — такое имя кура внес в свою запись.

Но были ли эти недели в жизни маленького Хосе, или Пепе, как его ласково называли, совершенно без событий? Ни в коем случае! Франциско был слишком сознательным человеком, чтобы рисковать благополучием своего сына. Веками до того, как священники рассказали им о Боге и Христе, предки поклонялись Отцу Солнцу, Матери Луне и Старшему Брату Утренней Звезде. На самом деле было совершенно очевидно, что Бог — *это* Солнце, Дева Мария — Луна, а Иисус — Утренняя Звезда. Разве на красивой картине Девы Гваделупской, висящей в церкви, она не изображена стоящей на Луне? Эти две религии не могут быть противоположными, а лишь дополняющими друг друга, думал Франциско, насколько он вообще задумывался над этим вопросом. Тем не менее, спорить с кура об этом было бесполезно, потому что он не понял бы. Итак, сразу после рождения маленького Пепе Франциско сделал четыре молитвенные палочки с маленькими квадратиками из цветной пряжи, привязанными к ним, и пошел и положил их на тайных алтарях на холмах на востоке, севере, западе и юге, произнося молитву в каждом месте за здоровье и счастье своего ребенка.

Маленький Хосе вырос до подросткового возраста, его статус в мире был довольно аномальным — немного ниже, чем у мексиканских пеонов-метисов на холмистой местности на юге, немного выше, чем у язычников-уичолей в горах, но при этом он был презираем и теми, и другими. Однако это его мало беспокоило. Ведь он был окружен любящими родителями и друзьями и обладал не безжалостным характером. На севере и юге простирался каньон или барранка Боланьос, огромная трещина в земной коре, вырезанная за бесчисленные века маленьким серебристым ручьем, скрывающимся на его дне. В сухой сезон он был едва ли больше ручья, но во время дождей превращался в непроходимый бурный поток. По обеим сторонам поднимались крутые склоны баранки, восточные из которых вели к холмистой, равнинной местности, населенной «соседями», мексиканцами, а западные поднимались все выше и выше, образуя великую горную цепь Сьерра-Мадре, в которой жили язычники-индейцы уичоль и кора. Иногда небольшие группы уичолей проходили мимо или через деревню по пути в свои горные дома или обратно, и Хосе подглядывал за ними из-за юбки своей матери и удивлялся их странной одежде с множеством маленьких тканых сумок вокруг талии, их странным шляпам, лукам и стрелам.

«Когда я был в твоём возрасте, — говорил старый Нестор, его дед, — мы все одевались так же, как они сейчас. Тогда наши жены ткали нам одеяла, а мы делали одежду из оленьей кожи. Но, Аве Мария! Теперь мы должны носить белые хлопковые рубашки и брюки и выглядеть как мексиканцы!»

Хосе никогда не уставал слушать рассказы Нестора о славных днях прошлого, когда тепекано были могущественным народом и владели обширными территориями. Но войны и эпидемии сделали свое дело, и племя постепенно отступило в большую баранку, где родился Хосе. И даже туда постепенно вторгались мексиканцы. Некоторые вступали в брак с представителями племени, а более беспринципные смело присваивали себе земли предков и оформляли первые титулы.

Самые ранние воспоминания Хосе, конечно же, были связаны с домом, который для него был чудесным местом, а его родители — самыми замечательными людьми, без сомнения всезнающими! Наверняка не было в мире ничего, чего бы они не знали или не могли сделать! Особенно занятой человек была его мать. Когда первые лучи солнца затмили утреннюю звезду, она вставала и подбрасывала дрова в огонь, который тлел всю ночь под кастрюлей с фасолью и под комалем, или сковородой, и к тому времени, когда остальные члены семьи просыпались, маленькие круглые плоские тортильи уже поджаривались. Эти

маленькие поджаренные лепешки из тонкого пресного кукурузного теста были основным продуктом питания не только тепекано, но и миллионов мексиканцев из класса пеонов. Разорванные пополам и используемые как ложка, чтобы переносить в рот смесь коричневых бобов и соуса чили — ах! Кто мог бы пожелать чего-то более вкусного? Конечно, не маленький Хосе. Но какая это была тяжелая работа для его матери! Не то чтобы она считала это тяжелой работой — она не знала ничего другого, и это было уделом каждой женщины.

Итак, сеньора Агилар весь день — или почти весь — склонялась над каменным метате, растирая размягченную вареную кукурузу в тесто. Сама кукуруза, типичная индейская кукуруза с желтыми, черными, красными и разноцветными початками, лежала в лузге в углу дома. Каждый день брали несколько початков, очищали их от лузги и ставили вариться в кастрюле с щепоткой извести, чтобы размягчить. Затем его нужно было растолочь на метате с помощью каменной мельницы, придать форму и поджарить на сковороде. Практически в любое время дня в хижине слышался звук мельницы, трущейся о метате, или резкое «пат, пат» по лепешке. Когда наконец наступала ночь, тесто всегда было готово для приготовления завтрака.

И Хосе наблюдал за своей занятой матерью и удивлялся, почему она не находит времени, чтобы поиграть с ним. Несколько раз в день она брала на плечо большой кувшин с водой и медленно шла с ним по длинной извилистой тропе к маленькому ручью, который снабжал водой их дом — да, несколько домов. Иногда, летом, они купались в чистой воде. Но даже тогда вода была прохладной, а мыло дорогим, поэтому купались редко. К тому же вода была полна чудесных животных, известных как чанес. Конечно, никто не мог их увидеть, кроме как в дождливую погоду, когда они появлялись в виде больших дуг или радуг в небе, полосатых разными цветами, с головой в одном источнике и хвостом в другом, когда они приезжали. Но обычно они были невидимы, хотя их формы были хорошо известны. У них были тела змей с рогами, как у крупного рогатого скота. К ним нужно было относиться с почтением, так как они имели силу вызывать тошноту у всех, кто их игнорировал.

«Никогда не пей прямо из источника, Пепе, — предупреждала его мать, — иначе чан войдет в него и укусит тебя. Набирай воду в рот, как делает твой отец».

Хотя кукурузные лепешки и бобы составляли основную часть их рациона, были и другие продукты, в зависимости от сезона и в меньших количествах, другие культуры, табак, перец чили и тыква. Тыквы не хранились так же, как кукуруза или бобы, если их не нарезать длинными полосками и не высушить. Чаще всего тыквы ели свежими, во время сбора урожая. В земле выкапывали яму, выстилали ее камнями и разжигали в ней огонь, пока камни не нагревались. Затем огонь убирали и заменяли тыквой, а все это накрывали и оставляли на всю ночь. Утром тыква была идеально запечена и очень вкусна. Но лучшей частью тыквы были семена, которые поджаривали, раскалывали и ели. Они были действительно превосходны! Иногда сочную сердцевину большого кактуса готовили таким же образом.

Но с приходом весны наступало радостное время! После долгого засушливого сезона приходили дожди. Весенние дожди являются наиболее важным фактором в жизни и экономике коренных жителей северной Мексики, и все интересы сосредоточены на них. Тогда иссушенная земля покрывается зеленью, а ручьи вновь наполняются водой. Тогда нопаль, кактус «опунция», пускает новые зеленые листья, которые можно очистить от

колючек и отварить до съедобной мягкости, а на их листьях появляются синие и фиолетовые туны. Затем мескитовые и вамучилевые деревья готовятся к плодоношению. Но лучше всего то, что наступает время питахайи, этого сочного плода органного кактуса.

«Питахайи созрели! Питахайи созрели!» — кричал и пел Хосе вместе с другими детьми, пока их родители готовились покинуть свои деревни и отправиться в горы, где кактусы росли наиболее обильно, чтобы там наесться досыта, пока сезон не закончится. В течение всего года большие тростниковые шесты прислонялись к соломенным крышам домов, ожидая радостной весны, когда их будут использовать для сбора питахайи с высоких ветвей.

Маленький Пепе редко пробовал мясо любого вида. Конечно, они держали несколько кур, но Агилары были слишком бедны, чтобы съесть их много; они продавались странствующим торговцам, которые везли их в более крупные цивилизованные города. Кроме того, сушеное кукурузное зерно, которым питались куры, означало столько же меньше для семьи. Тем не менее Хосе знал и ценил вкус курицы и яиц. В окрестностях держали несколько коз, овец, свиней и индюков, и иногда по соседству ходили слухи, что кого-то из них собираются забить. Более состоятельные семьи покупали несколько фунтов мяса, нарезали его полосками и вешали сушиться. На несколько дней мясо появлялось в рационе семьи Агилар. Очень немногие из самых богатых держали крупный рогатый скот и лошадей, но их редко забивали. Они скорее символизировали богатство владельца и продавались мексиканским фермерам. Но когда по той или иной причине — обычно случайно — кого-то из них убивали, об этом разносилась весть на многие мили вокруг, и, как стервятники, люди собирались, чтобы купить или выпросить мясо.

«Ах, но в старые времена все было по-другому!» — воскликнул старый Нестор. «Тогда страна была полна дичи. Аве Мария! Столько оленей! И кроликов, и енотов, и уток, и голубей! Но теперь боги сердиты на нас, потому что мы пренебрегаем ими, и больше не посылают нам оленей».

«Это действительно боги посылают оленей, дедушка?» — спросил Хосе.

«Конечно», — ответил старик. «Разве они не любимцы нашего Старшего Брата, Утренней Звезды? Когда кто-то хочет поохотиться на оленей, он должен сначала поститься семь дней, а затем пойти к одному из священных алтарей с молитвенной палкой и четками в качестве платы и прочитать старую молитву, умоляя Старшего Брата одолжить ему несколько своих оленей. Тогда он обязательно сможет их подстрелить. Но он не должен есть первого оленя, которого убьет, а должен отдать его другим людям, и он должен обязательно сделать свечи из жира и сжечь их. Конечно, мы всегда использовали лук и стрелы, чтобы стрелять в них, так как они обиделись бы и покинули страну, если бы их убили другими средствами».

«Как интересно!» — пробормотал маленький Пепе. «А боги держат и других животных, дедушка?»

«Por Dios, нет! Олени — их единственные питомцы. Но скорпионы — это скот дьявола, и чтобы прогнать их из дома, нужно также произнести молитву и сделать jícara^[9], наполненную pinole^[10] с бусинами. А еще есть большие змеи, которые живут в горах. Чтобы поймать одну из них, тоже нужно произнести молитву».

«Аве Мария!» — воскликнул Хосе. «Вы тоже ели змей?»

«Только маленьких», — рассмеялся Нестор, — «и игуан. Больших змей мы держали в домах в качестве защитников. Их приносили домой и учили удерживать любого, кто приходил в дом с целью ограбить его, и подавать сигнал тревоги, ударяя хвостом по земле. Но их нужно было кормить хлебом каждый четверг». Здесь старый Нестор улыбнулся. «По крайней мере, так *мне* рассказывал мой дед. Сам я их никогда не видел!»

Прошло много лет, прежде чем маленький Хосе покинул дом. Там он играл с камнями и предметами домашнего обихода, со своей собакой, кошкой и домашней перепелкой, узнавая многочисленные секреты окружающего его мира. Рядом были другие мальчики, с которыми он играл; у них были луки и стрелы — оружие, давно выброшенное их старшими, — а также игрушки и дорогие сердцу вещи, как у мальчиков во всем мире. В доме было мало предметов быта, которые они могли бы разбить во время игр, только несколько горшков и тыкв, и, как все индейцы, тепекано редко или никогда не наказывали своих детей, предпочитая, чтобы они росли любящими и с несломленным духом. Иногда Хосе отправлялся в ближайшую мексиканскую деревню, чтобы купить ткань или сахар, или в дом родственников, расположенный в нескольких милях от дома, — это были все его путешествия. В качестве сладостей у него был мед, который можно было взять из полых бревен, установленных на раздвоенных столбах снаружи дома.

Постепенно Хосе научился помогать родителям, и к четырнадцати годам он был способен выполнять большинство задач, возлагаемых на молодых мужчин. Он сопровождал своего отца Франциско в поездках в горы в поисках природных продуктов. Листья агавы были одним из самых востребованных материалов. Их приносили домой, снимали мягкую зеленую оболочку и сушили прочные внутренние волокна. Это называлось иксти, и из него делали всевозможные веревки и канаты. Хосе часами сидел, крутя колесо, с помощью которого его отец делал веревки. В другое время он помогал делать кирпичи из сырцового кирпича, смешивая грязь до нужной консистенции, прессуя ее в формы и оставляя на солнце для просушки. Его отец также научил его ткать прочные мешки из веревок иксти на простом ткацком станке.

Часть своего свободного времени он также посвящал вечному мексиканскому развлечению — поиску зарытых сокровищ. Конечно, он никогда ничего не находил, но радость поиска была сама по себе, и разве он не слышал бесчисленные рассказы о сказочных богатствах, найденных в пещерах, где они были спрятаны во время революции? Никто не мог этого знать!

К этому времени Хосе был достаточно взрослым, чтобы носить типичную одежду мужчин племени. Несколько лет он бегал голым, но не долго, и большую часть своего детства носил одежду неопределенного характера. Но примерно в период полового созревания его мать сшила ему костюм из белой хлопчатобумажной ткани, состоящий из блузы и брюк. Они были гораздо удобнее, чем узкие брюки, которые носили цивилизованные мексиканцы. Тем не менее, законы соседних городов запрещали появляться на улицах в широких кальционе, поэтому в каждой индейской деревне было по крайней мере одна пара брюк, которые одалживали всем желающим посетить город. Брюки держались на поясе из фахи или шерсти, сотканном его матерью на узком ткацком станке с геометрическими узорами в черно-белом цвете. Небольшая сумка, сотканная из того же материала, известная как косталь, сопровождала его повсюду, поскольку в ней он носил все свои личные вещи и предметы первой необходимости, такие как спички, табак и, иногда, обед, а также десятки мелких безделушек, дорогих сердцу мальчика. Точно так же его предки носили с собой палки для разжигания огня, а деды — кремний и сталь. Но в эти просвещенные дни серные или восковые спички были доступны даже бедным мексиканским индейцам, и Хосе очень рано научился курить сигареты, сделанные из местного табака, скрученного в кукурузные листья. Скорее всего, он носил «макинс» на широких полях своего сомбреро, огромной козырьковой шляпы из плетеных листьев агавы. Сандалии из сыромятной кожи дополняли его наряд. Шляпа была очень тяжелой, но это было принято, поэтому Хосе носил ее с гордостью. Но его самой большой гордостью был мачете, тот большой стальной нож, который носил каждый мужчина и который служил для всех возможных целей. Ни один

мальчик не был даже наполовину так горд своим первым часами, как маленький Хосе своим первым мачете.

Хосе помогал отцу в полевых работах. Зимой они расчищали землю, вырубая и сжигая деревья и кустарник. Это не было сложной задачей, так как на каменистых и бесплодных склонах холмов росло мало деревьев и кустарников, а кактусы и трава легко уничтожались. Затем, после первого сильного дождя лета, они шли на свое поле, неся семена кукурузы, бусы и джикару, наполненную водой, в которую была добавлена кукурузная мука. Они уже прошли пятидневный пост и омовение. Это было действительно очень священное и торжественное событие, потому что от них зависел успех урожая, если не весь урожай. Ведь кукуруза была дочерью Отца Солнца, не так ли? Поэтому они с почтением разместили бусы в центре и по четырем углам поля и окропили водой с кукурузной мукой четыре стороны света, а Франциско, с почтением обратившись к востоку, прочитал древнюю молитву, обещая Отцу Солнцу, что они будут хорошо охранять его дочь и лелеять ее. Затем они проделали в земле небольшие ямки палками, бросили в них зерна и засыпали их. Но до времени сбора урожая особого внимания это не требовало. Затем кукурузу собирали с большой радостью, но двойные стебли, кукурузные растения с раздвоенным стеблем и двумя початками, известные как *milpa suata*, оставляли стоять до самого конца. Затем отец и сын торжественно обошли поле столько раз, сколько было стеблей, и произнесли еще одну молитву, прося отца Солнца разрешить им унести его дочь домой и снова обещая хорошо ее охранять. Затем эти стебли с прикрепленными початками собирали в сноп и привязывали к коньку дома или к дереву. А вечером Нестор снова рассказал старую историю о том, как Отец Солнце послал свою дочь Кукурузу на землю, чтобы она служила людям, и как ее обидел ее муж, Толоаче,^[1] который использовал ее щедрость, чтобы содержать своих любовниц, Ворона и Барсука, так что в конце концов она вернулась к отцу.

«Поэтому, — сказал старый Нестор, — мы должны усердно молиться о том, чтобы вместо изобилия, которое могло бы быть нашим, мы получили лишь немного кукурузы. Но Толоаче был наказан тем, что его привязали головой вниз к скале и обязали исполнять все наши просьбы».

Услышав эту историю, Хосе улыбнулся, поскольку он принадлежал к образованному молодому поколению и считал ее красивой басней, но старый Нестор, очевидно, верил в нее безоговорочно.

Практически все усилия людей были индивидуальными или семейными делами. Только в религиозных или церемониальных случаях предпринимались попытки удовлетворить общие интересы. Но однажды, в разгар сухого сезона, его отец сказал Хосе:

«Пепесито, завтра мы все пойдем ловить рыбу в реку, и ты уже достаточно взрослый, чтобы пойти с нами».

На следующий день они шли к маленькой реке, неся на плечах косталес, наполненные гордас — тортильями, сделанными толще, чем обычно, чтобы они сохраняли мягкость в течение дня. Когда они приблизились к реке, к ним присоединились другие группы, направлявшиеся в том же направлении. Все тропы вели к глубокой яме в реке выше ряда порогов, где, как предполагалось, собралась вся рыба. Здесь все приступили к работе, делая тапексте, плотину или сетку из тростника, плотно уложенного в плоскость и связанного веревкой. Один из длинных краев был утяжелен камнями, чтобы он опускался на дно, и таким образом всю маты можно было тянуть вверх или вниз по течению, унося с собой рыбу. Целый день ушел на изготовление тапексте, и с наступлением ночи все вернулись домой, измученные от нагрузки. На следующий день — ах! Это был чудесный день! Воздух наполняли крики и плеск воды. Темная кожа блестела и сверкала на солнце, когда рыбаки

погружались в глубокие ямы и пытались поймать маленькими ручными сетками рыбу, загнанную в угол большим тапексте. А в тот вечер рыба весело кипела в кастрюлях многих счастливых семей.

Хосе был хорошего телосложения, среднего роста и стройной фигуры. Его руки и ноги были маленькими и красивой формы, черты лица крупными, но не грубыми. Глаза у него были темные и блестящие, волосы густые, прямые, длинные и очень черные, усы, борода и волосы на теле редкие. Его предки выщипывали себе бороды, считая, что они делают их похожими на животных, но он, как и молодое поколение, стригся и брился в соответствии с модой. Его кожа была темно-коричневого цвета. Он был активным, увлеченным и умным, когда это было необходимо, но склонен к лени. В конце концов, *зачем* ему делать сегодня то, что можно отложить на завтра? Неприятная задача, если ее отложить, может решиться сама собой; если же это приятная перспектива, почему бы не продлить приятное ожидание? Когда жизнь содержит так мало разнообразия, зачем делать все сегодня и не иметь ничего, чем заняться завтра?

Хосе, конечно, любил курить, но любая роскошь была для него слишком дорогой, чтобы переусердствовать. И, естественно, он пил, когда мог достать различные дистилляты агавы, которые продавались в соседних деревнях как мескаль, текила и сотол. Он пил до излишества, потому что крепкий алкоголь давал ему передышку от однообразия — он делал его другим человеком в другой обстановке, и он был рад искать перемен. Конечно, пьяные драки были частым явлением, а ранения мачете — нередким, но вскоре после этого их прощали и забывали.

Как и все его соплеменники, Хосе был от природы веселым и, с определенной точки зрения, честным. Он, вероятно, счел бы весьма похвальным украсть что-нибудь у мексиканца или гринго незнакомца, если бы смог уйти незамеченным, но он не мог воровать у друзей. Он был склонен к хвастовству — когда хвастовство нельзя было проверить. Всегда веселый, поющий и счастливый, он мало о чем беспокоился. Хотя он был очень эмоциональным, как и все индейцы, он считал слабостью проявлять эмоции перед другими. Его выдающейся чертой была вежливость, и это было искренне, а не просто внешнее проявление; он всегда был готов помочь беспомощным, сочувствовал несчастным. Его трудно было назвать грамотным, хотя после интенсивных и кропотливых размышлений он мог составить сообщение или написать записку. Из-за этой неграмотности, склонности к прокрастинации, незнания всех профессий и нежелания продолжать труд он был бы жалким неудачником в индустриальной цивилизации, хотя в своей родной среде он был ценным членом общества.

Однажды, в засушливый сезон, после сбора урожая кукурузы, Хосе вместе с несколькими другими молодыми людьми из племени отправился в соседний горнодобывающий город, где был спрос на рабочую силу, и здесь он впервые столкнулся с «высокой» цивилизацией. Здесь, с киркой и лопатой, он мог зарабатывать полпесо в день — двадцать пять центов. Даже при такой оплате Хосе мог накопить достаточно, чтобы через несколько месяцев вернуться в свою маленькую деревню в относительном достатке, поскольку там редко видели деньги любого рода, практически все дела велись на бартерной основе, и тот, кто был должен соседу песо, действительно был глубоко в долгах! Родитель Хосе был спокойным человеком, и мужчины не перерабатывали, но американский бригадир был для Хосе загадкой. Он всегда был в движении, никогда не садился отдохнуть. И какой странный испанский он говорил — в основном ругательства! А еще там были такие замечательные и непонятные машины, которые делали работу многих людей, работая на пару и электричестве: телефоны, телеграфы, автомобили и бесчисленное количество других приборов.

Но самыми радостными днями в юности Хосе были дни праздников. Тогда коренные жители на многие километры вокруг, как индейцы, так и «соседи», собирались в маленьком пуэбло. Аве Мария! Какое собрание! Все красивые девушки в своих лучших юбках из ярко-красной фланели, с ребозос^[12], покрывающими их гладкие черные волосы, с яркими черными глазами, сверкающими от возбуждения, и белыми зубами. Все мужчины в свежестырированных белых брюках и рубашках, с отчищенными шляпами и отполированными мачете. Все дороги вели в маленькую деревушку, большинство приходило пешком, более состоятельные — на ослах, мулах или лошадях, поскольку никто не владел повозками, да и повозки не могли проехать по каменистым тропам. Повсюду царил открытое гостеприимство. Родственники, которые не виделись месяцами, десятки компадре, старые друзья, новые знакомые обнимались и хлопали друг друга по спине, а бутылка огненного сотола или текилы свободно циркулировала между ними.

Часто праздник начинался с какой-нибудь общей работы по церкви, поскольку церковь была центром всей деятельности. Возможно, нужно было возвести стену, и каждый помогал, как мог: мальчики и женщины несли по одному маленькому камню, а мужчины несли рамы, на которых было сложено много больших камней. Примерно через час совместной работы стена была построена. Во второй половине дня на повестке дня были спортивные состязания. Самым популярным из них было *colando al toro*, в котором богатые молодые люди, каждый на своей любимой лошади, пытались проскакать мимо быка, схватить его за хвост и сбить с ног. Как Хосе мечтал иметь свою лошадь и завоевать признание девушек своим мастерством!

«Я мог бы даже, — думал он, — поехать в великий город Мехико и научиться быть знаменитым тореадором и стать кумиром всей республики».

Вечером в честь праздника запускали фейерверки, что очень радовало Хосе, и устраивали танцы под музыку скрипки. Праздник продолжался весь день и большую часть ночи. Повсюду были установлены небольшие ларьки и столы, где продавцы предлагали лакомства, и воздух был наполнен криками торговцев.

«Сладкие апельсины! Четыре за полреали!»^[13]

«Семена дыни! Идеально поджаренные!»

«Арахис! Арахис!»

«Сахарный тростник! Самый сладкий!»

«Конфеты! Кто хочет?»

Счастливым был тот мальчик, у которого был реал, чтобы потратить его на фиесте, ведь большая часть товаров продавалась по стандартной цене в один сентаво.

Тем временем в углу мужчины собрались вокруг мексиканца из соседнего города, который вел азартную игру с картами, а его партнер раздавал бутылки бренди из агавы марки « ». Вскоре началась неизбежная жестокая ссора. Конечно, она ограничилась потоком ругательств, и пострадали только репутация и достоинство, но женщины отшатнулись, а воздух наполнился пьяными криками. Несколько хладнокровных людей вмешались, прежде чем был нанесен непоправимый ущерб, но так было не всегда, о чем молча свидетельствуют один или два грубых креста в окрестностях пуэбло, отмечающие место, где душа встретила насильственную смерть.

Рождественский сезон отмечался в Азкельтане особенно торжественно, поскольку тогда ставился старинный спектакль «Los Pastores». За несколько недель до этого исполнители, все видные мужчины деревни, занимались изготовлением своих костюмов из длинных

белых платьев и посохов, украшенных цветной мишурой и папиросной бумагой. Слова и музыка были переданы из времен первых испанских миссионеров и изображали приключения группы пастухов, путешествующих к месту рождения Христа. Отец Хосе, Франциско, играл роль отшельника с грубой деревянной маской и огромным розарием из деревянных бусин. Хосе мечтал сыграть роль Сатаны, который пытался помешать паломничеству.

«Хосе, — сказал однажды Франциско, — тебе пора жениться. Тебе уже восемнадцать, а большинство парней твоего возраста уже женаты. Я больше не могу тебя содержать, и ты должен устроиться самостоятельно. Я слышал много слухов о твоих романах с несколькими девушками — да, и с некоторыми из наших замужних женщин тоже! И это должно прекратиться».

Здесь дон Панчо усмехнулся про себя, потому что он очень гордился своим красивым сыном и наслаждался сплетнями о его любовных похождениях. Хосе научился неплохо играть на скрипке и гитаре и по вечерам сидел с несколькими другими свободолюбивыми парнями своего возраста под карнизом какой-нибудь соломенной хижины, наблюдая за появлением звезд в прекрасном свежем вечернем воздухе и напевая меланхоличные любовные песни. Большинство девушек сразу поддавались его ухаживаниям, но была одна, которая отвергала их с притворным презрением, и она, конечно же, была той, которую он желал больше всего. В результате он начал уклоняться от предложения отца.

«Но, отец, — сказал он, — я еще не хочу жениться, возможно, я никогда не женюсь!»

«Что за ерунда!» — взорвался Франциско. «Грингос могут оставаться холостяками, они могут нанимать женщин, чтобы те выполняли их работу, они могут питаться в тиендас. Но ты! Кто будет готовить тебе тортильи? Кто будет шить тебе одежду? Не будь дураком!»

Хосе знал, что ему нужно жениться, но он хотел еще немного времени, чтобы добиться руки Хосефы, дочери Кандидо Гонсалеса, которая ему так нравилась. «Дай мне еще месяц, маленький отец», — попросил он, и Франциско согласился.

И Хосе пошел к своему деду, старому Нестору. Он робко колебался и «тянул время», пока наконец хитрый старик не догадался о правде.

«Давай, давай!» — воскликнул он. «Говори! В чем дело, девушка?» Хосе изложил свою проблему. Старик наполнился гордостью.

«Ах! Поистине, ты пришел к нужному человеку! Ты знал, что твой старый дед — тот, кто тебе поможет! Сейчас в племени есть только один человек, который знает, как завоевать любовь девушки! Через неделю, сегодня в полночь, наступит время. Мы оба должны поститься пять дней, чтобы умиловить богов и Марию Сантисиму. Принеси мне кусок одежды девушки, а я найду все остальное».

Хосе не нравилась идея поста, потому что он принадлежал к молодому поколению и не придавал большого значения суевериям, как он считал, старших. Тем не менее, он теперь был в беде и, с естественной верой беспомощного человека, был готов попробовать что угодно. Поэтому он безропотно перенес пост и тайком посетил дом девушки, пока она ходила за водой из источника, и украл небольшой предмет одежды.

Когда наконец наступила ночь, старик был в странном настроении невротического энтузиазма и возбуждения, смешанного с трезвым достоинством, с которым он относился к своей важной миссии.

«У тебя есть одежда?» — спросил он с нетерпением. Хосе передал ему ее.

«А теперь кусок твоей собственной одежды!» После коротких поисков он нашел выброшенный кусок, который подошел для этой цели.

Старик тщательно сделал куклу из одежды каждого из них, одну, чтобы представлять мальчика, другую — девочку. Затем он достал цветы пяти наркотических растений, которые он искал весь день — гуизаче, пало мулато, гарамбульо, роза мария и толоаче — и украсил ими куклу мальчика. Когда звезды указали на полночь, зажгли свечу и фигурки поместили в большую миску с водой, где они плавали. Хосе наблюдал за этим с затаенным дыханием. Не то чтобы он особо верил в результат, но магия заклинания, тишина ночи и настроение старика, который к этому моменту практически достиг состояния самогипноза, произвели на него глубокое впечатление. С почтением и тихим, напряженным голосом старик прочитал древнюю молитву, умоляя Пьяную Женщину и Цветочного Человека, чтобы желанный был приведен к ее возлюбленному. После этого он достал свой музыкальный лук и, поставив чашу вверх дном на землю, прижал ее ногой. Ударяя по струне двумя маленькими палочками, чтобы она издавала звучный звон, он начал петь старую песню, подходящую для этого случая. Он спел ее пять раз, а затем вскочил и пять раз обошел чашу с плавающими фигурками. Заклинание было завершено. Он с нетерпением заглянул в чашу и обнаружил, что две фигурки плавали вместе. С восторженным видом он повернулся к Хосе, сдерживая свою высокую эмоциональность.

«Все хорошо», — просто сказал он. «Боги и Мария Сантисима ответили на твою молитву». Хосе почувствовал облегчение, потому что, хотя в душе он сомневался в эффективности заклинания, эмоции старика оказали на него значительное влияние. Так что утром он с большей уверенностью в себе возобновил и свои трапезы, и свои попытки покорить сердце восхитительной Хосефы, пока не почувствовал, что может смело проверить дело на практике.

«Отец, — сказал он на следующий день, — не могли бы вы поговорить с Кандидо Гонсалесом о Хосефе от моего имени?» Его отец усмехнулся.

«Так вот как обстоят дела! Думаю, мы можем решить этот вопрос. Было бы глупо со стороны дона Кандидо отказывать такому многообещающему зятю!»

Нужно было уладить много дел, а вопрос о браке детей был слишком важным, чтобы решать его легкомысленно, поэтому старый Франциско и Кандидо провели много долгих бесед. Они обсуждали этот вопрос со всех возможных точек зрения, а затем снова с самого начала. Но даже вопросы большей важности и значимости в конце концов должны быть исчерпаны, и наконец настал момент, когда ни плодовитый Дон Панчо, ни столь же плодовитый Дон Кандидо не могли придумать другой темы для обсуждения, поэтому они считали вопрос официально решенным. Молодые люди будут ждать следующего визита кура, а затем поженятся.

Но тут старый Нестор внес яростное возражение. Вот он, Кантадор Майор, главный певец или верховный жрец старой религии, хранитель старых обычаев, делающий все возможное, чтобы уберечь племя от распада и уничтожения из-за гнева старых богов. Молодое поколение отказывалось от богов и обычаев своих предков. Они больше не посещали старые церемонии, не молились и не приносили жертвы богам, не постились и не делали молитвенные палочки. Даже старый язык почти исчез, и боги были так разгневаны, что позволяли племени с каждым годом становиться все меньше и меньше. Только горячность нескольких преданных консерваторов, таких как он сам, все еще побуждала богов посылать дожди весной. И разве он позволил бы своему единственному внуку жениться без соблюдения старых обрядов? Por Dios, нет! К тому же он был одним из немногих, кто еще

помнил старую молитву, и по обычаю тому, кто ее читал, платили один песо за ночь. Он не имел ни малейшего возражения против того, чтобы Пепе женился по-католически — чем больше богов, тем лучше — но он настаивал на своих привилегиях и соблюдении старых обычаев.

Итак, чтобы угодить старику и сохранить мир, было решено следовать старым обычаям, и в следующую среду вечером трое мужчин, Нестор, Франциско и Хосе, отправились в дом девушки. Они спотыкались по узкой, крутой и каменистой тропе и наконец прибыли к дому, где их радушно принял старый Кандидо. Усевшись у двери, Нестор сразу же приступил к молитве, которая была длинной и произносилась с большой торжественностью. Он говорил в красивой аллегории о сотворении девушки на небесах и о ее долгих странствиях перед рождением. Наконец длинная молитва подошла к концу, и компания снова отправилась домой.

В течение пяти ночей подряд по средам и субботам это повторялось, и в последнюю ночь Кандидо, который был хорошо подготовлен Нестором, поднялся в конце речи старика и торжественно произнес традиционный ответ, который веками служил тепеканским женихам и невестам. Он признал, что его дочь ленива и бесполезна, но выразил благодарность за честь, оказанную ему в виде просьбы о ее руке, и завершил свою речь мольбой к богам о прощении грехов и о здоровье. Затем он достал белую ткань, на которую были сложены все вещи девушки и ее свадебные подарки. Затем все четверо, жених и невеста и их отцы, взялись за углы ткани, подняли ее, и церемония была завершена. Хосе остался с родственниками своей жены на несколько месяцев, пока строил себе новый дом и наводил порядок в хозяйстве, прежде чем отвезти невесту в ее новый дом. Когда добрый священник пришел на следующую мессу, пара предстала перед ним и была соединена в браке по обряду Святой Церкви.

Однажды перед маленькой хижинкой Нестора появилась меланхоличная фигура, и старик вышел, чтобы поприветствовать гостя.

«Входи, входи, внучок!» — поприветствовал он его. «Почему ты так грустный? Что случилось?»

«Дело в моей жене, дедушка», — ответил Хосе. «Она очень больна. Мы сделали для нее все, что могли. Пришли все соседи, каждый принес ей какое-нибудь лакомство и заставлял ее есть, но безрезультатно. Вы не можете ей помочь?»

Старик надулся от смеси самодовольства, гнева и презрения.

«Ах, чего можно ожидать от этих старух? Они надеются вылечить болезнь едой и лекарствами, когда нужно успокоить или преодолеть что-то! Поистине, ты пришел к нужному человеку! Посмотрим, что мы можем сделать». Он исчез в своем доме, сделал разумный выбор предметов, положил их в свой мешок, и они пошли по тропе к дому.

Действительно, бедная Хосефа лежала на мате на полу дома. Цивилизованный врач диагностировал бы у нее малярию и прописал бы ей хинин и сырую нефть — последнюю нужно было бы добавлять в лужи стоячей воды, чтобы избавиться от комаров. Вокруг нее собрались несколько сочувствующих соседей, умоляя ее попробовать то одно, то другое из лакомств, которые они так тщательно приготовили.

«По правде говоря, я сделал все, что мог, дедушка, — сетовал Хосе. — Я сосал место боли, как ты мне велел, но ничего не извлек, я обкурил ее табачным дымом и молился, но безрезультатно».

«Да, сынок, но в таких делах нужна практика и доверие богов. Возможно, это дело рук одного из твоих врагов. Хорошо, что ты позвал меня, ведь никто другой в племени не обладает такой силой и влиянием, как я».

Отправив соседей домой, он расспросил Хосе о его грехах упущения и совершения, пытаясь определить причину недуга его жены. Были ли у него или у нее враги, которые могли бы пожелать наслать на них болезнь? Хосе не знал никого, кроме, возможно, одного из ее старых поклонников. Был ли он осторожен, чтобы умиловить чаны, когда строил свой новый дом? Хосе был вынужден признать, что полностью игнорировал этот вопрос.

«Ах, сынок!» — вздохнул старик, — «вы, молодые люди, смеетесь над нами, считаете нас глупыми, а когда ваше упрямство приводит вас к беде, вы приходите к нам за помощью! Ну, так всегда бывает с молодежью. Посмотрим, что мы можем сделать».

Он уложил Хосефу на спину, стоя у ее ног. Закурив сигарету из кукурузной шелухи и табака, он принял серьезный вид, который быстро стал почти гипнотическим. Делая длинные затяжки, он поочередно обращался к четырем сторонам света, выпуская клубы дыма в каждом направлении (), а затем низким напряженным голосом произносил молитву, умоляя, чтобы болезнь покинула ее и она восстановила здоровье. Затем он выпустил пять клубов дыма на ее руки, ноги и лоб, упал на колени и начал быстро поглаживать ее тело от конечностей к месту боли, где он затем начал энергично сосать. Наконец, поднявшись, он плюнул в ладонь полный рот крови. Его напряженное состояние быстро исчезло, и он серьезно сказал:

«Это серьезное дело, Пепито. Это не чан; если бы это было так, я бы высосал только слюну. Кровь доказывает, что это колдовство!»

«Это дело крайне деликатное, — продолжил Нестор, — и тебе повезло, что у тебя есть такой могущественный человек, как я. Даже мне понадобится целая неделя поста и молитв, чтобы правильно диагностировать проблему. И даже для моего любимого внука я не могу сделать это дешевле, чем по стандартной цене в пять песо!»

После получасового спора дело было улажено по-дружески, и в течение недели старик купался, постился и молился, и к концу этого времени он довел себя до возвышенного состояния, которое в сочетании с ослаблением, вызванным постом, заставило его видеть видения. Вечером седьмого дня он снова появился перед молодым человеком, и серьезность дела явно давила на него очень сильно.

«Я все видел», — просто сказал он. «Это был молодой человек. Я не мог разглядеть его достаточно ясно, чтобы узнать. Но он сделал фигурку из куска ее одежды и воткнул в нее булавку, а другой старик молился, чтобы она заболела и умерла!»

Волна ненависти пронеслась по Хосе, и он яростно проклял виновника. В его душе не осталось ни малейшего сомнения, что старый Нестор говорил правду. Он слышал все эти старые сказки о способах навредить врагу с помощью магии, но никогда не верил в них. А теперь он сам стал жертвой! Он пробежал в уме имена тех, кого можно было заподозрить. Это был Пабло Эрнандес, с которым он поссорился на последней фиесте, и Педро Мартинес, который утверждал, что обманул его при продаже кукурузы в прошлом месяце. Ах, но подождите. Был еще Маргарито де ла Роса, который был его заклятым соперником в борьбе за руку Хосефы. Чем больше он об этом думал, тем больше убеждался, что это был он. Хорошо! Он с ним разберется!

Нестор приступил к лечению с серьезностью и самообладанием, зная, как любой врач, что лучшая половина любого лечения заключается в уверенности пациента. Сначала он достал свой пучок стрел, сделанных из прямых деревянных древков с большим пером орла или

краснохвостого ястреба, свисающим с тупого конца. Это были стрелы, которые атаковали зло и болезнь. Три из них он воткнул в землю у головы пациентки, а четвертую — у ее ног. Затем он выполнил ряд движений со стрелами, которые включали изменение их положения, направление их в четыре стороны света и размахивание ими над головой пациентки, чтобы очистить ее. Наконец он упал на колени и снова начал сосать самое больное место на ее теле. После нескольких попыток на разных частях тела он наконец поднялся с большим волнением, с лицом, покрасневшим от напряжения, плюнул в ладонь и показал Хосе — булавку! Тот ахнул от удивления.

Теперь не было сомнений, что старик спрятал булавку во рту, прежде чем начать сосать, однако он довел себя до такого сильного эмоционального состояния, что, вероятно, обманывал совершенно бессознательно. А что касается Хосе — разве он не видел это собственными глазами? Та самая булавка, которая была воткнута в фигурку, представляющую его жену, была удалена из ее тела! Так вот в чем была загвоздка? Хорошо, это была игра, в которую можно было играть больше, чем один. С того момента он начал готовиться к мести.

Долго размышляя над несправедливостью, он снова обратился к Нестору и рассказал ему о своих подозрениях. Старик серьезно кивнул.

«Скорее всего, это был он», — согласился он. «Теперь, когда я об этом думаю, человек, которого я видел в видении, был очень похож на него. Конечно! Теперь я вижу его очень ясно. А старик, который ему помогал, был тот бесстыдный старик Элено Монтес, который считает, что у него больше власти, чем у меня. Я в этом уверен. Хорошо, мы им покажем!» Итак, два заговорщика тайно спланировали преждевременную гибель Маргарито и Элено.

Так случилось, что через несколько дней они встретились поздно ночью в уединенном месте на окраине деревни.

«Есть несколько способов колдовства, — начал Нестор, перекрестившись. — Тебе лучше их выучить. Один из способов — сделать фигурку из хлопка и закопать ее на кладбище, зажечь свечу и поставить ее у головы могилы в полночь в понедельник, после того как постился весь день. Повторяй это пять понедельников подряд, а в последний день возьми черный камень из реки и пять раз удари им по земле над фигуркой. Затем беги домой, пока свеча не погасла. Труп заставит твоего врага заболеть и умереть в течение пяти месяцев. Но нужно поститься все двадцать девять дней».

Хосе вздрогнул и огляделся по сторонам в темноте с опаской человека, боящегося призраков. Ни этот метод, ни длительный пост ему не нравились. Но Нестор, с видом преданного, с энтузиазмом продолжил свою тему.

«Но есть способ получше: сделать фигурку из хлопка с руками и ногами, головой и ртом, обернуть ее саваном мертвеца, а затем проткнуть голову и сердце пятью шипами. Вскоре жертва заболит желудком, ее сердце сгниет, и — да помилует Бог ее душу!» Нестор усмехнулся. «Очень хороший способ! Вероятно, именно его и применили к Хосефе. К счастью, ты был рядом, чтобы противодействовать этому!»

Хосе снова охватил гнев при мысли о злодействе, и он ожесточил свое сердце против злодеев.

«Еще один хороший способ, — продолжил Нестор, — это сделать глиняную фигурку и закопать ее в муравейнике в полдень. Ты должен поститься день и семь раз прочитать

кредо, перебирая четки, и зажечь свечу « ». Когда свеча погаснет, муравьи поднимутся, и через пять дней враг умрет от фурункулов, крапивницы и лихорадки!»

«Это ужасная смерть, дедушка, — сказал Хосе. — Мы не можем сделать ничего подобного!»

«Ну, есть еще один способ, лучший из всех. Немногие знают об этом, но я открою вам секрет». Его голос понизился до шепота.

«Сначала ты должен достать кость из правой руки мертвеца. Возьми ее и спрячь в соломе крыши дома твоего врага, когда никто не будет смотреть. Тогда ночью он увидит черный призрак, а на следующую ночь — ужасающее видение, рыдающее за домом. Если он не найдет и не удалит оберег, он будет продолжать испытывать ужас, пока, наконец, все жители этого дома не умрут от страха перед ужасными кошмарами о ядовитых животных — гремучих змеях, сороконожках, тарантулах, ящерицах, пауках и скорпионах!»

Но Хосе услышал достаточно и направился домой, как будто все эти ядовитые существа преследовали его. Другие могли заниматься колдовством, если им это нравилось, но это было не для него! Свои разногласия с Маргарито он решит кулаками или мачете!

Этот опыт сблизил Хосе со старым Нестором. К тому же он приближался к среднему возрасту и начинал избавляться от агностицизма молодости и интересоваться старой религией и обычаями предков. Он хорошо знал, что их поддерживали в живых несколько преданных старых консерваторов, таких как Нестор, которые верили, что только их верность спасает племя от полного уничтожения богами, разгневанными пренебрежением молодежи. Молодые люди считали консерваторов безобидными старыми дураками, а их религиозные обряды — забавными суевериями. В этом их поддерживал священник, который стремился искоренить все старые верования. Тем не менее он достаточно хорошо знал человеческую природу, чтобы понимать, что принуждением и силой мало что можно достичь, и достаточно хорошо знал историю церкви, чтобы помнить, что церковь всегда считала лучшим переосмыслить старые языческие верования и включить их в веру, чем бороться с ними. В результате консервативная группа считала себя вполне хорошими католиками и не видела никакого противоречия между новой и старой религиями. Нестор застал Хосе в восприимчивом настроении, когда заговорил с ним на эту тему.

«Хосе, — сказал он, — я всегда очень сожалел, что мой единственный внук не был одним из немногих, кто сохранил веру в древних богов пуэбло. Но такова природа молодости. Я тоже, когда был в твоём возрасте, мало участвовал в церемониях, хотя в то время все старшее поколение было верно своей вере. Но теперь ты достиг возраста рассудительности; к тебе обращаются за советом, и твой пример имеет значительное влияние. Я знаю, что ты больше не смеешься над нашими верованиями; ты часто спрашивал меня о них. Но ты никогда не присоединялся к нам. Не медли больше, дорогой внук. Отец Солнце протягивает к тебе руку, чтобы принять тебя к себе. Сегодня пятое января. Сегодня вечером мы празднуем праздник Пиноле. Присоединяйся к нам!»

В поведении старика чувствовалось возбуждение и истерическая эмоциональность, которые, как понял Хосе, были вызваны длительным постом в преддверии праздника, а также наркотическим действием мескалина. Хосе понял, что отказ разозлит старика, к тому же он испытывал любопытство и искренний религиозный интерес к происходящему.

«Я пойду», — коротко ответил он.

Когда солнце зашло за западные горы, Хосе и Нестор пошли по извилистой тропе к месту, где должна была проходить церемония. Как раз в сумерках они прибыли на патио,

расположенное на вершине небольшого холма. Конечно, в детстве Хосе часто бывал на патио, где на протяжении многих поколений проводились церемонии консерваторов. Он хорошо знал их общую форму — плоская круглая площадка с местом для костра в центре, кольцо из камней, служившее сиденьями для причастников, круговая дорожка без него для танцоров и грубый алтарь, построенный из камней на востоке. Но теперь все это приобрело новое значение.

По прибытии Нестор и Хосе торжественно совершили пять обязательных церемониальных обходов площадки, после чего поклонились перед алтарем, а старый Нестор тихо прочитал молитву. Хосе знал старинный язык тепекано достаточно хорошо, чтобы понять смысл молитвы, в которой просили у богов разрешения подготовить и украсить их храм. После этого они приступили к работе, очистив землю от всей растительности, пока она не стала ровной, подмели ее и развели огонь в центре.

Затем Нестор долго занимался алтарем, и Хосе заметил, что он открыл свой ящик и достал из него много предметов, имеющих церемониальное значение (), которые он разместил на алтаре в надлежащем порядке. Он долго занимался этим, тщательно распаковывая каждый предмет и уделяя большое внимание его размещению. Хосе, подметая двор и подкидывая дрова в огонь, наблюдал за ним из угла глаза. Наконец старик повернулся и позвал его.

«Хоселито, — сказал старик, осматривая свою работу с гордостью хорошего мастера, — тебе следует понимать значение всех наших религиозных предметов. Несомненно, ты слышал злые сплетни и ложь о них от неверующих из деревни. Они сказали тебе, что мы поклоняемся здесь идолам и вступили в союз с дьяволом, противостоящим нашей святой католической вере. Ложь! Все это ложь! Мы поклоняемся Богу здесь так же, как и в церкви, с песнями и молитвами. Наш дорогой кура является лидером этой ветви церкви, а я — этой. Ему нужны его чаши и таинства, так же как мне нужны церемониальные предметы, которые ты видишь здесь. Так же как благословенные образы в церкви защищают город от зла, так и эти приносят нам здоровье, избавление от болезней и дождь для наших посевов. Посмотрите сюда! Эта белая ткань — тапексте — она символизирует небо, заполненное большими белыми дождевыми облаками. Эти маленькие квадратные предметы из цветной пряжи на рамке вам хорошо известны. Это чималес, щиты, символизирующие лицо Бога, Солнца. Следовательно, они защищают нас от всякого влияния, и мы даже боимся изготавливать их до окончания сезона дождей, опасаясь, что они могут отпугнуть дожди! Эти стрелы вам тоже знакомы. Они являются нашей активной защитой от болезней и зла и украшены перьями королевского орла и краснохвостого ястреба».

«Почему только они?» — прервал его Хосе.

«Потому что они самые мощные, быстрые и сильные; поэтому стрела будет лететь быстро, сильно и прямо. Именно с помощью этих стрел люди очищаются от болезней и зла. А эти палочки с намотанными на них пучками хлопка — это бастонситос. Хлопок, конечно, символизирует большие дождевые облака, и они также служат для очищения и привлечения дождей для урожая. Все эти вещи вы видели и знаете довольно хорошо. Но эти маленькие предметы, имеющие большое значение, вы, вероятно, не знаете».

Нестор указал на переднюю часть алтаря, где лежали шесть или восемь jícaras. Некоторые из них были украшены узорами из маленьких стеклянных бусин разных цветов, вставленных в пчелиный воск на внешней и внутренней поверхностях, но все они содержали различные мелкие предметы, лежащие на подушках из хлопка. Многие из них были натуральными камнями странных и необычных форм и цветов, другие — маленькими резными изделиями из кости и подобными предметами, изготовленными древними народами этого региона и иногда находимыми современными людьми. Несколько других,

хотя ни один из наблюдателей этого не осознавал, были изделиями, изготовленными в других странах.

«Это, — торжественно сказал старый Нестор, — сидукамы, которые иногда называют нашими «идолами». Конечно, они таковыми не являются. Но они очень мощные и редкие и тщательно охраняются. Их можно найти здесь и там, где их оставляют боги, чтобы те, кто имеет веру и наблюдательность, могли их найти. Они защищают человека от зла и болезней и приносят ему здоровье, богатство и счастье. Я, как главный певец, имею самое большое количество самых могущественных из них, которые защищают не только меня, но и весь пуэбло. И все же они так мало заботятся об этом, что люди смеются над моими ценностями и отказываются посещать наши церемонии. Но пусть они остерегаются! Боги не будут вечно терпеть такое пренебрежение! Уже сейчас все не так, как было в моей молодости. Тогда дожди были более продолжительными и сильными, кукуруза росла более обильно, а оленей было больше. Пока я жив, я буду хранить веру, но кто последует за мной? Никто из молодого поколения не знает молитв, песен или подробностей церемоний! Ну, в любом случае, я сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти их от последствий их пренебрежения».

«Вот, — воскликнул он, указывая на шарообразный предмет, лежащий на подушке из хлопка в красиво украшенной джикаре, — вот самый мощный предмет в коллекции. В племени нет другого такого — да, в целом мире не может быть другого такого».

Он с почтением и любовью поднял шар с постели. Американский школьник узнал бы в нем большой стеклянный шарик с белыми спиралевидными прожилками в центре (). Но для Нестора и Хосе это был чудесный предмет, и они любовались его красивой и правильной формой и цветом.

«Это, несомненно, дух дождя», — тихо сказал старик. «Смотрите! Он прозрачен, как вода, и в центре кружится дождь. Ах! Если он потеряется или будет унесен из страны, дождь наверняка последует за ним, и мы все умрем от засухи и голода!» Он с почтением положил его на место.

«Вот изображение луны, белое и круглое; это, очевидно, дух оленя. Посмотри, как он похож на оленя с рогами! Вот, без сомнения, колосье кукурузы, а это, конечно, предназначено для чималья. А это... но вот идут еще люди!»

В свете ярко пылающего костра в центре патио появились три пожилых мужчины. Хосе, конечно, хорошо их знал, как видных деятелей консервативной партии. Они пять раз обошли круг, остановились перед алтарем и произнесли свои молитвы, прежде чем выйти, чтобы поприветствовать двоих. С этого момента прихожане прибывали медленно, и к восьми часам собралось около дюжины человек, почти все пожилые мужчины. Пришло и несколько женщин, но они развели костер за пределами круга и не участвовали в ритуале.

Вскоре Нестор принес лук, подобный тем, что использовали древние охотники, и натянул тетиву так, что она издала звонкий звук, когда ее потянули. Затем он выкопал ямку в земле перед своим сиденьем, перевернул над ней тыкву и удерживал лук, тетивой вверх, на тыкке ногой, чтобы она служила резонатором. Были выбраны две маленькие палочки, и церемония была готова начаться. Однако сначала он подозвал к себе Хосе и торжественно прочитал ему еще одну из старинных речей, передаваемых по традиции на протяжении веков, поручив ему заботиться о костре в течение ночи. Затем он сел на свое центральное место, а по обе стороны от него сели еще два старика. В каждой руке они держали по одной из церемониальных стрел, которые взяли с алтаря. Они медленно махали ими, поочередно указывая на восток, север, запад и юг, пока старик произносил традиционную молитву,

открывающую праздник. Сделав это, он устроился на своем месте и, взяв в руки две палочки, ударил по луку, произведя звучный звон. Затем он начал тихо петь под аккомпанемент монотонного звука лука. Хосе последовал примеру других мужчин, встал и стал танцевать вокруг круга торжественными, медленными шагами, останавливаясь на мгновение лицом к каждой из сторон света, и особенно к алтарю на востоке.

Так прошла долгая ночь. Вокруг Полярной звезды кружились яркие звезды, сияя так, как могут сиять только в чистом воздухе высокогорья. Всю ночь, с короткими перерывами, старик пел. Всего было только четыре песни « », но они были очень длинными и полными монотонных повторений. Они рассказывали о происхождении богов и мира, о приходе дождя, освежающего мир своей живительной водой. Хосе добросовестно поддерживал огонь и танцевал с другими мужчинами по крайней мере часть каждой песни.

Наконец над горизонтом восточных холмов появилась сияющая утренняя звезда, словно небесный факел, и все приветствовали ее с почтением. Вскоре само великое солнце начало распространять свет и тепло своего сияния и, наконец, показало свое сияющее лицо над восточными холмами. Редко оно казалось Хосе более величественным, и редко его тепло было более желанным после холодной ночи.

Примерно в это время Нестор закончил свою последнюю песню Солнцу, и церемония почти закончилась. Остальные два старика снова заняли свои места рядом с ним на каменных сиденьях, и стрелы снова были направлены в стороны света (), а главный певец произнес молитву, завершающую церемонию. Затем все мужчины по очереди подошли к алтарю, где им дали маленькие тамале (144) для еды, а Нестор очистил их от всех болезней и зла, помавав над ними стрелой, перо которой было обмакнуто в воду с пейотом. Каждому в руку капали несколько капель этой воды, а затем всех присутствующих, алтарь и сиденья окропляли водой, в которую была добавлена кукурузная мука. Священные предметы с алтаря были собраны и возвращены в ящик, все присутствующие во главе с Нестором совершили пять церемониальных обходов патио, и церемония была завершена. Хосе пошел домой и проспал остаток дня.

Хотя Хосе по-прежнему притворялся, что высмеивает верования и обычаи консерваторов, церемония, свидетелем которой он стал, произвела на него сильное впечатление. Он начал проявлять живой интерес к старой религии, изучая ее почти как научный исследователь. Он и Нестор проводили многочисленные беседы и долгие разговоры: старик был увлеченным рассказчиком, а молодой человек — заинтересованным слушателем и пытливым вопрошающим. Конечно, как и все тепекано, он уже понимал основы старой религии: как триада Отца Солнца, Матери Луны и Старшего Брата Утренней Звезды наблюдала за своим народом и защищала его; как Отец Солнце послал свою дочь, Кукурузу, в мир, чтобы они могли иметь пропитание, и как Боги посылали долгожданные и необходимые дожди весной и летом, чтобы кукуруза могла процветать, требуя от людей только поклонения им с помощью песен и танцев, стрел и чималес. Но все мелкие эзотерические детали открыли для него новую область интересов. Он выучил множество установленных молитв, которые предписывалось произносить в различных случаях, ритуальные песни, которые пели на четырех главных церемониях: церемонии дождя в апреле, церемонии созревшего кукурузного зерна в сентябре, церемонии кукурузной муки в январе и церемонии двойного кукурузного зерна в марте. Он слышал о табу поста и воздержания, наложенных на главного певца, и, прежде всего, о влиянии и силе волшебного пейота, который играл такую большую роль во всех обрядах. Он научился изготавливать различные виды стрел и чималес и познал их особые силы. Он узнал расположение алтарей, в частности четырех главных, расположенных по сторонам света, в каждом из которых обитал дух, и как каждому из них соответствовал особый цвет — зеленый на востоке, серый на севере, черный на западе и

белый на юге. Он понял, что религия была практически основана на обеспечении дождя, о котором просили богов молитвами и песнями и умиловывали жертвоприношениями и постом, поскольку дождь был необходим для жизни человека.

Хосе особенно заинтересовался маленьким корнем кактуса, известным как пейот, этой высохшей, сморщенной маленькой штучкой, которая производила такой чудесный эффект при употреблении. Они вызывали такое чувство экстаза и восторга, радости и невосприимчивости к усталости, что, безусловно, были мощными инструментами богов, если не самими богами.

«Это разновидность кукурузы, — сказал Нестор о пейоте, — так же как олени — это кукуруза». Под этим он подразумевал, что это пища, посланная богами, поскольку он хорошо знал, что это корень кактуса, растущего в стране далеко на востоке.

«Когда я был молод, — продолжил он, — мы путешествовали далеко на восток, чтобы собрать корень пейота, так же как это делают сегодня уичолы. Но теперь, когда я стар и нет никого, кто мог бы занять мое место, я вынужден покупать его у них».

Тогда и там Хосе поклялся, что он будет сопровождать следующую группу уичолей в восточную страну в поисках странного растения, потому что он был еще достаточно молод, чтобы испытывать юношескую страсть к посещению странных земель. Он часто видел группы искателей пейота, проходящих через деревню, и познакомился с некоторыми из них, завидуя их ярким костюмам и долгому путешествию. Теперь он пойдет с ними и сам привезет пейот!

«Да будут с тобой боги, Хоселито!» — горячо молился старый Нестор. «Как бы я хотел быть достаточно молодым, чтобы сопровождать тебя! Но я буду поститься и молиться за тебя. Когда ты вернешься с пейотом, ты выполнишь одно из требований для получения должности главного певца, и я уйду к своим предкам с миром, зная, что ты займешь мое место. Сейчас октябрь, и некоторые из мужчин-уичолей скоро отправятся в путь. Ты часто слышал, как я упоминал своего старого друга Бенито Торреса, который в молодости покинул Азкельтан, чтобы жить с уичолями, и который стал одним из самых уважаемых людей в племени. Иди к нему, и он будет твоим другом. Иди с Богом!»

Был ясный, теплый октябрьский день, когда Хосе отправился в страну уичолей. Хосефа наполнила его мешок гордами и его буле^[15] водой. Табак, спички, мачете и одеяло составляли остальную часть его снаряжения. Он помахал на прощание своей жене и направился на запад, в горы. Он поднимался все выше и выше, то карабкаясь по склону из каменных осыпей, то следуя за струйкой ручья вверх по ущелью, то обходя плодородный холм, на котором от недавних дождей еще оставалось слегка зеленоватое сено. Ручей на дне большой баранки становился все меньше и меньше, пока наконец не исчез из виду за холмами на верхнем краю. По мере подъема жара заметно уменьшалась, и сосны появлялись сначала поодиночке, а затем группами. Первую ночь он провел у пылающего соснового костра на окраине горных лесов, слушая вой волков или рычание ягуара или пумы.

Рано утром он снова отправился в путь, продолжая двигаться на запад через сосновые рощи, пока наконец не увидел поля и дома уичолей. Дома были очень похожи на дома его племени, за исключением того, что ни один из них не был построен из сырцового кирпича. Они также были расположены в деревнях, но в каждой деревне был один большой дом, который служил храмом, вместо открытых алтарей, к которым он был привык. Люди выглядели почти так же, но их одежда была другой. Они носили шарфы, пояса и маленькие сумочки, сотканые из ярких цветов, широкие шляпы с перьями, а их ноги были обнажены до колен. Они косо смотрели на путешественника в обычных хлопковых брюках мексиканского пеона. Один или два обратились к нему на языке уичоль. Для него это был

странный язык, с множеством звуков, которые он никогда раньше не слышал, и он был уверен, что ни один цивилизованный человек не сможет его воспроизвести. Он ответил по-испански, но его не поняли, пока не подошел один из мужчин средних лет, который работал в соседнем горном городке и там выучил немного испанского. От него Хосе узнал, что Бенито Торрес жил на небольшом ранчо в нескольких милях от деревни. Прибыв туда около заката, он оттолкнул ногой рычащих собак, которые, как и везде в Мексике, бродили вокруг дома, и громко позвал. Из дома вышел мужчина средних лет.

«Кафхован, армано!» — поприветствовал его Хосе. Мужчина, после мгновения молчаливого удивления, улыбнулся и ответил:

«Кафхован апи! Давно я не слышал этого приветствия на тепеканском языке», — продолжил он по-испански, — «и я почти забыл этот язык. Входи! Входи! Здесь твой дом! Джулия! Принеси еду и питье для моего брата Вакори!» Вакори — это имя, данное тепекам уичолами.

«Меня зовут Хосе Агилар, — сказал путешественник, — сын Франциско и внук Нестора».

«Ах, да! Франциско и я были друзьями с детства, и мы много раз играли шутки над Нестором. Он сам тогда был молодым человеком. Сколько лет прошло с тех пор! Но когда я был моложе тебя, я видел, как развивались события. Мексиканцы посягали на наши земли, пришел кура и построил церковь, и нас заставили отказаться от наших общинных земель, и каждый взял себе по куску. Как будто боги когда-либо хотели, чтобы их земля принадлежала кому-то, как мачете или шляпа! Тогда уж лучше разделить воздух и воду в реке и заставить новорожденного платить за то, чтобы дышать и пить! Аве Мария! А потом они начали привозить крепкие напитки; они хотели, чтобы мы носили длинные брюки, как вы сейчас, отказались от нашего старого языка и говорили по-испански, а также отреклись от старой религии. Я видел, как все идет, и сказал: «Не для меня! Не для Бенито Торреса!» И я взял свое одеяло, как и ты, и пришел сюда, к уичолам, где прожил долгую счастливую жизнь, следуя велениям богов. Ты поступил мудро, сделав то же самое. Я приветствую тебя!» И он обнял молодого человека в знак приветствия.

Хосе был доволен, но в то же время обеспокоен.

«Да, дядюшка, — ответил он наконец, — это правда. В Аскельтане почти ничего не осталось от старого. Только старый Нестор и несколько других стариков сохранили старую веру. Но я принадлежу к новому порядку. Я всегда носил эту одежду; испанский — мой язык, католицизм — моя религия. Я не могу перейти к старому порядку, так же как ты не можешь перейти к новому. И все же новое неизбежно; я вижу это даже здесь».

Бенито печально кивнул в знак согласия. «Да, это проигрышная борьба. Даже здесь старое уходит. Я не отсрочил это для этих людей, а только для себя, приехав сюда. Примерно через столетие не будет ни уичолей, ни тепекано, ни кора, только мексиканские пеоны с индейской кровью. Но зачем же тогда ты приехал сюда?»

Хосе объяснил свою миссию, и грустное лицо снова просветлело.

«Хорошо», — сказал он. «Я тоже несколько раз ходил с группами, когда только приехал сюда. Но это задача для молодых людей. Ты знаешь, что это предполагает суровые ограничения в еде и большую выносливость?» Хосе настаивал, что он готов к этому.

«Хорошо, тогда. Через несколько дней группа начнет предварительный пост. Я поговорю с их лидером, и ты присоединишься к ним».

И так, благодаря добрым услугам Бенито, Хосе был принят в число пейотеро и приготовился принять участие в работе. Он переоделся в одежду и взял с собой атрибутику группы: лук и стрелы, а также несколько маленьких тыкв для табака. Вечером перед отправлением он омылся и помолился, так как, возможно, не сможет омыться до возвращения из долгого путешествия. В группе было еще девять человек, включая лидера, который был единственным, кому разрешалось разводить огонь во время долгого путешествия. С собой взяли несколько бур, чтобы перевозить тортильи в пути и привезти пейот по возвращении. Тем не менее, от них ожидалось, что они будут поститься большую часть времени, и несколько человек из группы ели почти только пейот в течение всех сорока трех дней, которые они провели в путешествии.

Нежно попрощавшись со своими женами и семьями, небольшая группа отправилась в путь. Вместо того, чтобы пройти мимо Азкельтана, они направились на восток, спустившись по склонам лесистых гор и выйдя на холмистое плато, сухое, жаркое и песчаное. День следовал за днем в однообразном повторении, ночь следовала за ночью. Обычно они шли гуськом, грязные и голодные, но с мыслями, сосредоточенными на цели, которая стояла перед ними — добыть маленькие кактусы, которые защитят их деревни и принесут им дождь. Они шли по хорошо известной тропе, каждую ночь разбивая лагерь в определенном месте, чтобы верные стражи дома знали, где именно они находятся. Эта тропа использовалась веками и пролегла по самому труднодоступному маршруту, вдали от дорог и деревень, так что паломников видели очень немногие мексиканцы даже из более населенных частей страны, через которую они проходили.

Но в одном месте, когда путешествие было почти на половине пути, недалеко от великого города Сакатекас, они подошли к дороге, которую нельзя было обойти. Она состояла из коротких бревен, уложенных параллельно, на которых были закреплены длинные извилистые железные рельсы. Хосе, хотя и был более цивилизованным, чем остальные, никогда раньше не видел ничего подобного, но один из других мужчин, который уже совершал это путешествие, жестами объяснил, что огромное чудовище, тащащее за собой дома, полные людей, мчится по дороге с огромной скоростью, как лошадь тянет телегу по грунтовой дороге. По описанию Хосе понял, что это железная дорога, так как он слышал о железных дорогах, когда был мальчиком с широко открытыми глазами, от странствующего разносчика.

Они шли на восток, все на восток, пока не прошло две полные недели, когда лидер группы сообщил им, что до места назначения осталось всего пять дней пути и что с этого момента все ограничения должны строго соблюдаться. Они должны были идти в одну колонну и до конца путешествия не есть ничего, кроме пейота. Через несколько дней Хосе начал видеть первые маленькие растения пейота, но лидер делал вид, что не замечает их, хотя по мере продвижения группы растения становились все более обильными. Наконец, на девятнадцатый день, когда они прошли около трехсот миль, лидер приказал остановиться. Дрожа от волнения, вызванного голодом и усталостью, он воскликнул:

«Вот кактус, он похож на оленя!»

На это все достали свои стрелы и выстрелили в растение пейота, стараясь не попасть в него. Затем из грузов на ослах были извлечены различные церемониальные предметы — стрелы, чималес, бастонес и другие предметы, не используемые тепекано, — которые были оставлены в качестве жертв богам и пейоте. В течение следующих трех дней все собирали маленькие корни кактуса, пока ослы не были загружены, а мужчины не надели веревки на шею. На пятый день после прибытия они начали свое долгое путешествие домой.

К этому времени запасы тортильи были полностью исчерпаны, и Хосе, в частности, будучи более привычным к регулярному питанию и менее привычным к диете пейота, сильно страдал. Другие, казалось, не сильно страдали, так как они съели много корней пейота и шли бодрым, пружинистым шагом, который вызывают некоторые виды опьянения, хотя их худые конечности и изможденные лица выдавали их напряжение. Время от времени жители этой местности давали им еду, но это были редкие случаи, и большую часть первых четырнадцати дней обратного пути они шли в оцепенении, поддерживаемые только стимулом пейота и своей выдержкой.

Но наконец четырнадцать дней прошли, и они приблизились к месту, где, по словам вождя, их должна была встретить группа из деревни, в пяти днях пути от дома, с грузом тортильи. И так и произошло! Как хороши были кукурузные лепешки, высохшие до кости после пяти дней под палящим солнцем! С новыми силами они продолжили свой путь до края сосновых лесов, где несколько дней охотились на оленей, чтобы добыть мясо, необходимое для праздничного пира по возвращении.

Через несколько дней группа истощенных и изголодавшихся мужчин, чьи тела только начинали восстанавливаться после лишений долгого путешествия, но чьи головы были высоко подняты от восторга и осознания честности и хорошо выполненного долга, с ослами, груженными мешками с пейотом и олениной, и с шеями, украшенными нитками пейота, шла по улице главной деревни. Запрет на мытье не будет снят до великого праздника, и они выглядели оборванными и грязными, но для тех, кто остался в деревне, они были героями, когда вошли в храм и сдали свои заветные нитки корней. Затем они снова начали охотиться на оленей, чтобы иметь достаточно мяса для великого праздника пейота в январе.

Но Хосе очень хотелось домой. Он чувствовал, что выполнил свою часть работы и должен быть освобожден от месяца или более задержки в подготовке к празднику, к которому он испытывал лишь небольшой интерес. Бенито также встал на его сторону и настоял, чтобы ему разрешили уехать. Многие шаманы возразили, опасаясь, что такое нарушение всех правил сбора пейота может разгневать богов и принести вред. Но в конце концов аргумент Бенито о том, что вред, если он и будет, обрушится на виновника и его народ в Азкельтане, а не на уичолей, возобладал, и Хосе пожелали удачи, загрузили его гордами, приготовленными женой Бенито, Хулией, и отправили в путь.

Как прекрасна казалась великая баранка, когда он впервые вышел из края соснового леса и увидел зияющую пропасть внизу! Какая радость было разглядеть маленькую группу глинобитных и соломенных хижин с маленькой белой церковью в центре! Когда он приблизился к своему дому, его любящая жена выбежала ему навстречу и обняла его. Как хорошо было снова оказаться дома, и насколько лучше были ее тортильи, чем у любой из женщин уичолей!

Но, несмотря на свое долгое отсутствие, он задержался дома всего на несколько минут, потому что Хосефа сразу же сказала: «Старый Нестор смертельно болен и каждый час спрашивает о тебе. Он следил за тем, как долго ты был в пути, и говорит, что ты должен быть дома примерно в это время и что он не уйдет, пока не увидит тебя снова».

Хосе поспешно побежал по извилистой тропе, ведущей к дому старика, и, приблизившись к нему, услышал печальный плач старого шамана, напевающего одну из своих лечебных песен. На одеяле на полу лежал старик, окруженный своими церемониальными стрелами и другими священными атрибутами. Когда Хосе вошел, он улыбнулся и знаком показал шаману, чтобы тот перестал петь.

«Это бесполезно, — просто сказал он. — Я знаю, что мое время пришло. Рано или поздно оно приходит ко всем нам. Но я знал, что ты придешь сегодня, мой мальчик. Я видел это во

сне прошлой ночью и не хотел уходить, пока не увижу тебя. Я вижу, ты принес мне пейот. Ну, он мне уже не поможет. Подожди! Дай мне выпить его сейчас. Это прояснит мой разум. Но остальное ты должен оставить себе. Ты единственный в племени, кто выполнил требование для Старшего певца, побывав в стране пейота. Кроме того, ты знаешь все песни и молитвы, а также все сложные детали наших церемоний. И я оставляю тебе все свои дорогие сердцу ценности, мои стрелы, мои чималес и мой сидукам. Они помогут тебе во всех нуждах, и пока ты будешь их беречь, боги не позволят ничему плохому случиться с пуэбло. Франциско! Балдомеро! Разве он не должен стать главным певцом после меня?

«Это правда», — сказал Франциско. «Хосе, мой сын, ты молод по возрасту, но стар по опыту и знаниям. Разве ты не сделаешь так, как хочет дед?»

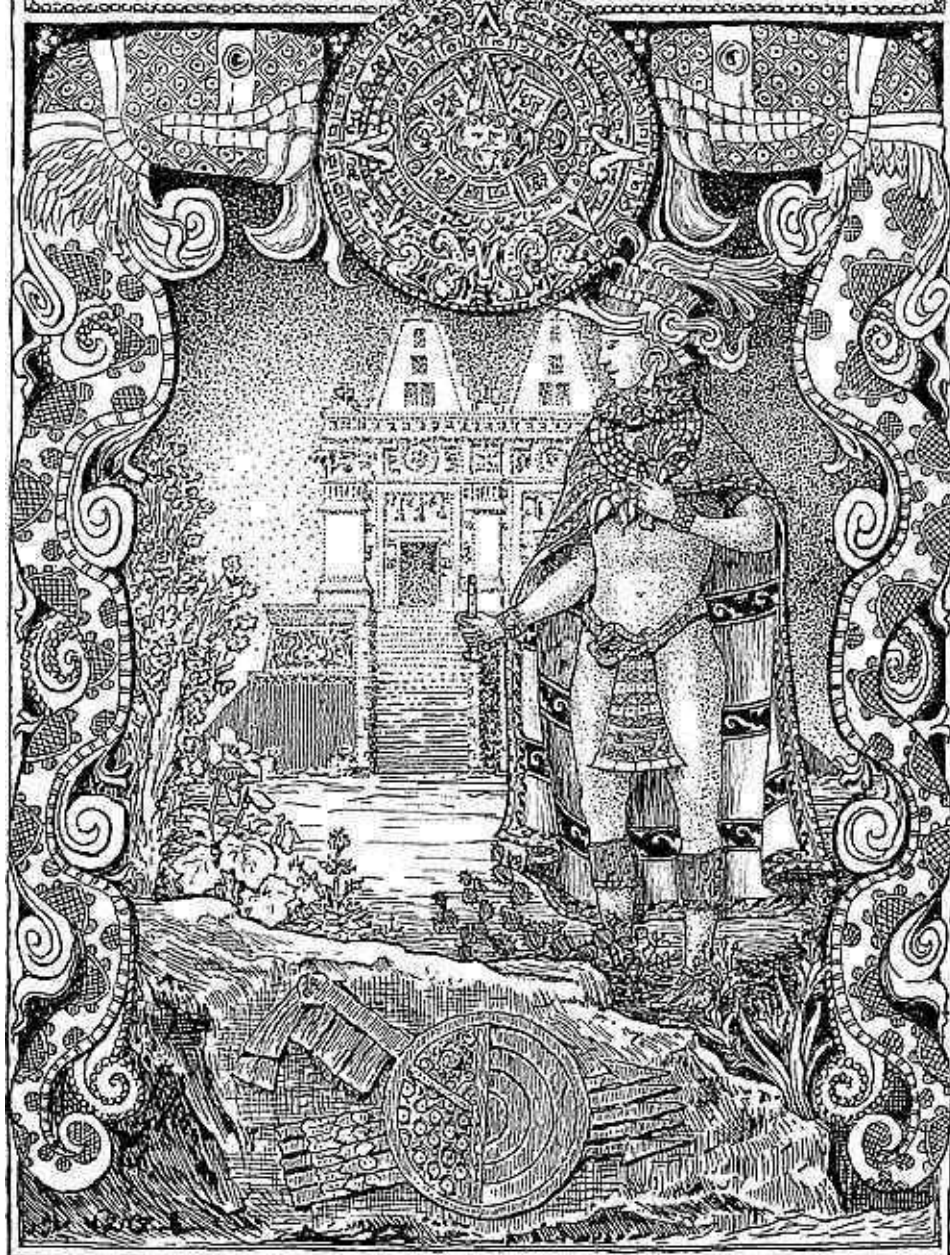
Хосе с неохотой согласился.

Через несколько дней растянутая процессия направилась к маленькому кладбищу за церковью, а сильные руки несли простую черную шкатулку с телом старого Нестора. Старые погребальные обычаи были полностью забыты, и даже если бы это не было так, Франциско не стал бы рисковать, хороня старика за пределами освященной земли. Но тем не менее Хосе удалось незаметно положить в шкатулку несколько самых дорогих старику священных вещей. Позже Хосе отправился к главным алтарям на холмах, чтобы оставить там другие вещи, а также посетил резиденцию кура, чтобы заплатить за мессы по упокоению души старика.

Около года Хосе добросовестно исполнял свои обязанности главного певца, но затем ограничения и посты стали ему надоедать, и он стал уклоняться от своих обязанностей, а в конце концов и вовсе отказался от них. Некоторые консерваторы упрекали его, но он отвечал, что, на его взгляд, без проведения церемоний дождя и кукурузы было столько же, а болезней и голода не больше, чем когда церемонии проводились, и факты, безусловно, подтверждали его слова. И вскоре после этого, когда в деревню приехал ученый-«гринго», чтобы изучать язык и обычаи, он с радостью продал все священные ценности Нестора по высокой цене и назвал это «хорошим избавлением».

Дж. Олден Мейсон

THE UNDERSTUDY OF TEZCATLIPOCA

Дублер Тескатлипоки

Эта история^[16] — это мираж из тонких слов и бесплотных фраз. Она рисует на пленке тумана вещи, которые давно и далеко, и поднимает бледное отражение городов и величия, лежащих за горизонтом нашего времени, которые никогда не воскреснут в реальности. Она представляет в смутно понятной форме странные верования и философии, которые чудесное общество людей создало из своих общих мыслей и предполагаемых потребностей.

Вы когда-нибудь пытались по-настоящему понять Прошлое, не столько материальное Прошлое с его причудливыми костюмами и атрибутами, сколько нематериальное Прошлое с его идеалами, амбициями и энтузиазмом? Вы когда-нибудь сознательно заключали свое нынешнее духовное существо в эмоциональную матрицу умершей эпохи? В зале, где мрачные старые лица ваших предков смотрят из тусклых рам на вашу невообразимую новую жизнь, вы когда-нибудь останавливались, чтобы посмотреть на эти туманные образы и подумать о том, насколько невозможным было бы сегодня стремление пилигримов или крестоносцев? И когда не так давно готическая фантазия, воплощенная в нежно обработанном камне, рухнула на глазах опечаленного войной мира, не посетила ли вас страшная мысль: ни один человек во всем христианском мире не сможет воссоздать этих разбитых пророков или восстановить эти воздушные арки с той же страшной искренностью, с которой их создавали первые строители?

Но меняется не камень, не долото, не любовь и ненависть отдельных мужчин и женщин: меняется сверхдуша общества. Ибо из нашей стадной жизни племени или нации рождается сверхдуша, которая направляет наши руки и зарождает в наших умах семена долга, импульсы искренности и признание всех потребностей, которые мы считаем абсолютными, но которые, с более широкой точки зрения, являются лишь относительными. Облачные формы общественных эмоций, составляющие эти сверхдуши, пылают и исчезают, как западный небосвод, и никогда не принимают дважды одинаковые формы и цвета.

В Мексике, до того как солдаты Кортеса в стальных доспехах высадились в Веракрусе, существовала цивилизация, уходящая корнями в сумерки богов « ». Века накопления искусства и обрядов обогатили первые примитивные мысли дикарей, вышедших из пустынных лагерей, чтобы поселиться в домах из глины и камня, среди кукурузных стеблей и тыквенных лоз. Возникали, процветали и падали города и, по сути, империи. Появились рабы идеала ритуала, которых мы называем священниками, и рабы идеала политического величия, которых мы называем королями. А за всем этим стояли боги, которым должным образом приносились жертвы за полученные блага. И люди, подчиняясь своей высшей душе, возводили для своих богов сверкающие храмы на величественных пирамидах и строили дворцы с яркими садами для своих священников и королей. Более того, они оказывали почести и награждали за успехи в торговле и на войне, а также устанавливали признаки классовой принадлежности для определенных людей и их детей. Это история об их искренности...

Тот мудрый старик, согнутый от многократного подъема по храмовым лестницам, но с твердым, верующим взглядом, который дает наблюдение за звездами, предсказал далекое событие с обманчивой ясностью. Он был чтецом судеб и хранителем календаря в Куаунауаке, и после серьезного изучения своих расписных книг он разрешил запутанные интересы больших и малых богов в отношении новорожденного ребенка. Итак, он сказал отцу и друзьям, которые толпились вокруг: «Назовите его Макуилькватли, Пять орлов, в честь дня, в который он родился, и пусть он хорошо обучится всему, что должен знать

вождь. Он обретет благодать, мастерство и знание всех искусств, ибо он придет, чтобы править на высоком посту. Так написано: он будет управлять городом».

Отец Пяти орлов был капитаном вооруженных сил Куаунауака, знаменосцем и советником по государственным делам. Он с гордостью носил знаки высокого успеха в войне против чужезычного народа Толукка (). Однако Куаунауак не был городом воинов. Густонаселенная столица Тлауика (как вы, возможно, знаете из того Куэрнавака, где до сих пор царит солнечный свет и безделье) лежала глубоко под туманными домами Ахуско, в долине, где танцуют воды и пылают цветы. Конечно, этот народ вышел из Семи пещер вместе с ацтеками и другими племенами, но они спустились с холодных высокогорий и процветали под благосклонной защитой Сочивуэцалли, богини цветов и покровительницы всех искусств, которые придают миру красоту и черпают из него силу.

В возрасте восьми лет Пять Орлов покинул тенистый портик двора своего отца, где фонтан бурлил в сверкающем бассейне и пели плененные птицы, чтобы учиться и спать в одном из Великих Домов вместе с другими юношами. Он был стройным мальчиком с приятным и задумчивым лицом. Под руководством старых воинов он приобрел лишь небрежное мастерство в метании копий и не испытывал особой гордости, когда выигрывал в состязаниях по ударам деревянными мечами и тростниковыми щитами. Он предпочитал играть громогласные военные песни своего народа на барабанах с двумя мембранами. В этом он превзошел всех остальных, и в его руках барабанные палочки с резиновыми наконечниками создавали дикие, нервные ритмы, которые вскоре заставляли молодых и старых кружиться в безумном танце и петь песни о старых кочевых временах. Или, спрятавшись среди деревьев, он играл одинокие мелодии на глиняных флейтах.

Он знал узкие охотничьи тропы, которые вели через холмы к местам обитания оленей и диких индюков. Он знал огромный поток лавы, который тянулся извилистыми и угрожающими хребтами по бокам высокой горы, отделявшей Куаунауак от Долины Пяти Озер. Он поднимался на вершины черной пустыни на этой лавовой пустыне и спускался в ее пещеры, где жужжали летучие мыши.

Часто в тени рыночного святилища Пять Орлов встречался со старым жрецом календаря, который возложил на него великолепное пророчество. Этот мудрый старик знал, что знание бесконечно, потому что он сидел на корточках с развернутыми перед собой книгами и усердно создавал другие книги. Но он всегда откладывал свои кисти и листы бумаги размером с лайм, когда молодой человек приближался. Сначала он объяснял, какие вычисления записываются, а затем, расширяя тему, рассказывал своему молодому ученику, как время течет в колесах дней, лет и веков, как циклы Утренней звезды то приносят удачу, то несчастье, и как боги поочередно правят часами. Он научил мальчика считать большие числа, рисовать иероглифы и читать историю, а также с уверенностью рисовать лица и отличительные черты всех богов.

А иногда, глубокой ночью, он брал юношу с собой на вершину высокой пирамиды и к самой двери храма. Под ними лежал спящий город среди тихого шелеста ветра и сладких ароматов скрытых цветов. Овраги были погружены в глубокую тень, за исключением тех мест, где слабо блестела струйка воды. Хижины простого народа с пальмовыми крышами были сгруппированы в складках долины, а тут и там возвышались дома вождей, построенные вокруг небольшого двора. Казармы и общественные здания были расположены по четырем сторонам больших площадей, и в темноте ночи их штукатурные стены выглядели призрачно белыми. На рыночных площадях еще тлели угли угасающих костров, вокруг которых толпились закутанные фигуры людей, принесших свои вязанки на рынок издалека. Это был торжественный час, когда тайны наполняют душу, и еще более

торжественное место. Склонив головы, время от времени переговариваясь тихими и благоговейными голосами, они изучали многочисленные звезды, которые величественно вращались вокруг полюса, совершая величественное шествие по вечным глубинам неба. И они бодрствовали, пока великая белая звезда Утренняя звезда () не повисла, как великолепный драгоценный камень, над спокойными снегами Икстаксиуатль (Ixtaccihuatl), Белой Женщины. Затем синева Востока превратилась в жемчуг и розовый цвет; новый дым поднимался вверх через крыши из тяжелой соломы; город пробудился, и рынки заполнились продавцами и покупателями; желтое Солнце даровало еще один день.

Однажды Пять Орлов и старые жрецы отправились вместе в разрушенный город Сочикалько, где один красивый храм все еще использовался для религиозных обрядов. Но стены сотни других лежали бесформенными горами обрушенного камня. Спереди и по обеим сторонам террасированный холм спускался в огромную глубину, но позади него возвышался другой холм, достигающий внушительной высоты, с крепостью на вершине. Жрец рассказал фрагменты истории этой почти забытой столицы, обрывки мифов с именами королей и пустыми датами, обозначающими громкие триумфы. Затем он с грустью сказал: «Слава великих проходит, как дым Попокатепетля, оставляя небо безмятежным».

«Но Теночтитлан, — перебил его юноша, — расскажите мне об этом знаменитом городе, ведь вы наверняка были там и видели его чудеса. Однажды с вершины Ахуско я смотрел вниз, далеко вниз, через лаву, и видел пять озер, как пять туманов в долине, и там был Теночтитлан, сияющий как драгоценный камень. И я видел дороги, которые ведут из этой земли, как паутина».

«Теночтитлан: да, я видел его, его сады и храмы богаты и прекрасны. Его жрецы и военачальники обладают множеством нефрита и зеленых перьев кетцалья. Однако Теночтитлан — самый молодой из всех городов Анауака. На много веков старше Чалео, Кольуакан, Ацкапотсалько, а также Тескоко, где правил любимый певец. Говорят, что Теночтитлан был всего лишь скалой среди камышей большого озера, когда ацтеки пришли в рабство и бедствие. Но они искали благосклонности Такубы, чтобы ловить рыбу и строить плавучие сады. Затем пришли Акамапичтли и его сыновья, и рыбаки вышли на войну, и их бог Уицилопочтли даровал им победу. И теперь древние города пали, за исключением Тескоко, во всей долине. Те ацтеки из Теночтитлана теперь отправляются в Колиму и Тукспан за данью и пленниками, и даже мимо Чолулы в земли сапотеков. Их торговцы сначала отправляются с блестящими товарами, чтобы разведать путь; затем их воины падают, как молния. Только дикие тараски отбили их, и те из Тласкалы, сражаясь за каменными стенами».

Так священник календаря рассказал долгую историю Мексики и описал великие праздники, которые приходились раз в двадцать дней, пока не заканчивался год. Он обсуждал знаки и силы различных богов, жаждавших крови человеческих жертв и жаждавших сердец, которые были добровольно отданы.

«Но говорят, — сказал Пять Орлов, — что в древние времена мы дарили нашей Сочикецалли только цветы. Теперь мы должны приносить ей в жертву детей, иначе она будет недовольна».

«Они, — тихо ответил священник, — самые драгоценные цветы! И той, кто дарит, следует возвращать столь же драгоценные дары. Однако я думаю, что иногда в жертвоприношениях присутствует гордость за свое место, и что там, где алтари завалены слишком высокими кучами, есть человеческое хвастовство. Если бы только Причина Всего, перед которой даже боги — ссорящиеся дети, произнесла последнюю правду, чтобы человек мог понять! Но если Тлалок требует крови, прежде чем дать нам дождь, то действительно справедливо, чтобы он

получил свою кровь. Без дождя мир погибнет. Однако Уицилопочтли, под знаменем которого сражаются жители Теночтитлана, является только богом войны. Он может обещать только грабеж. Он — маленький бог, внезапно выросший до внушительных размеров, так что все города платят дань его детям. Но Тескатлипока — величайший во всей земле; он — Маг, от которого ничего не скрыто — пусть он помнит нас только в добром настроении!

До сих пор в Куэрनावаке стоит высеченный валун с щитом, пучком стрел и записью иероглифами о роковом часе, когда раскрашенные воины Теночтитлана обрушились на Куаунауак. Тогда Город Цветов завял под дождем кремня и ветром пламени. И среди мужчин и женщин, увезенных в рабство или в качестве более почетной жертвы, был Пятиорёл. Этот молодой человек в условиях внезапного нападения проявил качества истинного лидера. Из хаоса он вышел во главе своего народа, тщетно ведя его против врага. Но в конце концов он был схвачен и отправлен в Теночтитлан без унижения, все еще нося свои нефритовые серьги, сандалии и вышитый плащ своего ранга.

И тогда пророчество о его рождении оправдалось. Благодаря своей красоте, смелости и таланту в музыке и пении Пять орлов был возвышен до богатства, чести и власти королей. Он был сделан другим Тескатлипокой, чтобы жить среди людей, наслаждаться жизнью и получать все, что пожелает, пока год медленно приближался к празднику Тоскатль. Его смех означал удачу для всей земли, а его мимолетная печаль предвещала беду. Но в конце, насыщенный всеми почестями, достигший всех благодати, пресыщенный всеми радостями, он должен был добровольно лечь под черный стеклянный нож. И жертва его молодости должна была быть принесена, чтобы молодость Тескатлипоки была вечной, чтобы его силы не увядали с ползучей немощью времени, чтобы его тайны по-прежнему давали жизнь и счастье печальным племенам людей.

Какие чудесные существа — боги, которых люди вообразили из надежд и страхов в сумерках веры! Они — существа красоты и ужаса, сформированные из звезд, бурных ветров, зеленых вод и из тонких и могущественных зверей. Или они поднимаются еще выше, до самой формы и разума своего создателя, человека. Они вечно возвышаются величественными, увековеченными искренностью человеческих жертвоприношений, молитвами, ладаном и преданными жизнями, церемониями и всем их изображенным великолепием и сосредоточенной силой, храмами, песнями и статуями, которые художники, под влиянием общей мысли, создают и создают. Они — сверхдуши народов, видимые издалека. Но для своих создателей они — ослепительный свет великого присутствия.

И какой бог был более величественен, чем Тескатлипока у мексиканцев? Он был повелителем магии, непостижимым, безжалостным, великолепным. Он сочетал в себе мудрость седых волос и морщинистых щек с безрассудной радостью вечной молодости. Он был быстрым, хитрым и непобедимым, создавал и разрушал судьбы, заманивал своих братьев-богов в волшебные ловушки. Он был не только Дымящимся Зеркалом, в котором отражался мир, он был Солнцем, вглядывающимся в сердца людей, он был бродячим Ягуаром, он был ночным ветром, скользящим по суше и морю. Но в своем истинном обличье он был Молодостью со всеми ее уловками и чарами: Молодостью, изящной, обходительной, чарующей, как музыка, тонкой, как аромат цветов, — но жестокой, быстрой и страшной, как молния.

Величайшим праздником мексиканского года был праздник Токскаль, устраиваемый в честь Тескатлипоки. Он приходился на весну, когда жаждущие поля просили дождя. Едва один молодой воин, выбранный из стройных и опытных пленников священной войны, был

принесен в жертву в последний день своей мнимой славы, как другой занял его место. И, как и было сказано, судьба Пяти орлов после его прибытия в столицу ацтеков заключалась в том, чтобы быть выбранным в качестве подходящего кандидата для этой драматической смерти. Имея истинное понимание символизма и значения церемонии в эмоциональной структуре того времени в Мексике, он с гордостью взял на себя эту роль и приготовился доиграть драму до конца, уделяя пристальное внимание всем деталям и эффектам.

Свита пажей, сыновей вождей и великих купцов Теночтитлана, сопровождала его в его ежедневных прогулках по городу. Их было шестеро. Они были одеты в прекрасные ливреи, и их долгом было следить за тем, чтобы их господин, которого они называли Тескатлипока, не впадал в печальные размышления. Священное общество девушек вышивало новые одежды для Пяти орлов и каждый день плело свежие гирлянды из ароматных цветов, чтобы повесить их ему на шею. Позже из этого дома девственников было предначертано выбрать четырех девушек, которые должны были стать его невестами в последний месяц его земной жизни, месяц Токскатль, наполненный весельем и слезами.

Итак, Пятиорёл, как Юноша Токскатля, прогуливался по общественным площадям Теночтитлана, по множеству мостов, перекинутых через каналы, и по великой стене, сдерживавшей бурные ветры озера Атлакантла (). Одетый в яркие одежды божества, в окружении весёлой свиты, он играл на флейте, пел песни и танцевал. И никто во всем городе не помнил, чтобы в другие годы видел дублера великого Бога Магии, столь искусного во всех грациях и столь хорошо обученного ходить по короткой сцене тщеславия и гордости. Пять Орлов, пленник из поработщенного города Куаунауак, где в более счастливые времена поклонялись Сочикецалли, правил большими и малыми в Теночтитлане.

Он пел много песен, которые любил народ, но ни одна из них не была так любима, как великолепная элегия о павших солдатах, реквием по молодым людям, погибшим в священном служении оружию. Вся Мексика знала эту песню, сочиненную знаменитым правителем городов тольтеков, чье имя было улыбкой и благословением спустя много лет.

Слова, как самые печальные, поникшие цветы, я ищу

Я, певец, вплетая свои слезы в песню,

За молодежь, увы! — сломанную, как сломаны копья!

И женщины плачут в темных углах

Но мужчины поднимают головы с гордостью.

Это была доблестная песня, полная высокого мужества и воли, побеждающей смерть. На таких песнях, глубоко укоренившихся в сердцах людей, основываются доблестные деяния народов.

Так Пятиорлиный прошел через Теночтитлан со своими пажами по бокам, в белом плаще Тескатлипоки, с гирляндой ароматных цветов на шее. Его песнопения очаровали рынок и двор, заставив их замолчать и прослезиться, но когда песня закончилась, раздался внезапный смех, и веселая толпа забросала его цветами. Его пригласили войти в дома, отведать избранные фрукты и отдохнуть под навесами редких деревьев с коронами кардинала, которые мы теперь называем поинсеттиями.

Среди девушек, которые служили в храме Тескатлипоки, согласно закону посвящения, от которого никто не мог уклониться, была одна, которая стала смотреть на Пятиорла как на нечто большее, чем человек, но, возможно, меньшее, чем бог. Однажды, когда она накинула ему на плечо венок, сплетенный своими руками, он посмотрел на нее ясными глазами и слабой, устойчивой улыбкой. И она отвернулась, взволнованная и охлажденная

пробудившимся интересом к жизни и внезапными видениями смерти. В последующие дни она плела другие венки и ждала его прихода в определенном месте. И хотя она приветствовала Юношу Токскатля с улыбкой, она отвернулась в слезах.

Добрый священник увидел и понял. Он знал, что женщины привыкли плакать и стенать о всей той прекрасной славе, которую смерть может принести безжизненному телу. Женщины, по мнению ацтекских поэтов и философов, были цветами, расцветающими у самой земли. Они были раздавлены под ногами Уицилопочтли, ведущего своих людей на войну. Им нельзя было доверять высшие жертвы, и их нужно было застать врасплох и поймать в ловушку посреди веселья.

У водных ворот Тлатлелолко, когда наступала ночь и туман протягивал свои прозрачные руки через озеро, жрец обратился к девушке из Теночтитлана: «Детище мое, ты завидуешь дару, который должен быть с радостью преподнесен богу, знающему все мысли? Ты осмеливаешься любить освященную жертву Токскатля?»

«Тогда почему те, кто в верхних небесах, вкладывают семена любви в наши сердца, чтобы они росли и цвели, когда наступает весна?»

«Иногда мы можем подняться, дитя мое, на высоты, где правит только разум. Юноша Токскатль находится в плену у Куаунауака. Он сражался храбро; он умрет храбро, чтобы город и вся Мексика могли процветать. Если он дрогнет, он будет жить как презренный раб, недостойный светлой смерти; он будет жить как презренный раб, обреченный на жизнь под кнутом. Дочери Теночтитлана не могут вступать в брак с рабами».

Она стояла неподвижно у стены, пока священник говорил, бунтарская и трагическая фигура с желтыми цветами в волосах. На башнях водных ворот зажигали факелы, чтобы опоздавшие рыбацкие лодки могли найти дорогу в город. Звезды начинали слабо мерцать.

«Но этому храброму юноше осталось всего двадцать дней, — тихо сказал священник, — ведь завтра праздник Уэй Тозоцтли, великого Смирения, и тогда начнется месяц Токскатль, полный радости и печали. Двадцать дней — это много, когда есть новая любовь, которую можно обрести и которой можно наслаждаться. Есть четыре девушки, которые станут его невестами, олицетворяя своими именами и нарядами четырех благодатных существ девятого неба, которым дарована любовь Тескатликопы. Если бы ты могла быть первой из них, был бы твой разум доволен и наполнен счастливыми мыслями о ? Научила бы ты свою волю укреплять его волю и не позволяла бы своим нежным слезам погрузить его в состояние хуже смерти, тебя — в отчаяние, а землю — в бедствие?»

В глазах девушки засиял новый свет. «Посмотри, как я буду смеяться до последнего, — сказала она, — и буду счастлива в полдень любви и в нем, который благороден». Так что среди подарков, которые пришли Пятиорлу, как воплощению Тескатлипоки, был скромный подарок любви, предназначенный только ему. Но это рассказ о потрясающих свете и тени, которые проходят, а не о тех маленьких, которые всегда находятся в человеческих сердцах, — любви и ненависти.

Когда солнце взошло после праздника Уэй Тозоцтли, Пятиорёл был поселен в королевском доме со множеством комнат и широким двором. Тогда танец, начавшийся с восходом солнца, закончился с закатом звёзд. Они причесали волосы Пятиорёла, как будто он был военачальником, и надели на него новые драгоценности. Когда он вышел на улицы города, люди преклоняли колени, когда он проходил мимо, склоняли головы и молились. Но в храме за завесой готовилось многое.

За десять дней до праздника Токскатль священник в обычной ливрее Бога Магии вышел на рыночную площадь и, пока толпа покупателей и продавцов стояла в молчаливом трепете,

сыграл призывную мелодию на своей глиняной флейте. Пронзительные ноты были направлены сначала на восток, затем на север, запад и юг, чтобы вселенная могла их услышать. Когда звуки сигнала затихли, все наклонились вперед и, взяв на кончик пальца немного земли, положили ее в рот в знак смирения и самоотречения. Затем они громко заплакали и бросились на землю, призывая тьму ночей, невидимые ветры и другие непознаваемые проявления, через которые говорил великий бог, умоляя, чтобы люди на земле не были забыты, не были подавлены трудами и не были оставлены в страданиях и отчаянии. А поскольку Бог Магии мог видеть тайные поступки и мысли, воры, убийцы и те, чьи поступки были тайными и греховными, были охвачены великим страхом и печалью, и их лица изменились от ужаса, так что люди узнали их вину. Со слезами они просили пощады у неосязаемого, невидимого присутствия, а ладан уносил их молитвы ввысь. А сильные воины склонялись в великой агонии и молили о силе против всех врагов, чтобы они могли вернуться из своих набегов со многими пленниками. Так пронзительные ноты флейты открыли шлюзы страха по всему великому городу, и там были дрожь и слезы. В неподвижном воздухе поднимались вверх струйки дыма; то белые от ароматного копала, то черные от зловонного каучука.

На пятый день перед праздником Токскатль верховный жрец Мехико, которым в те дни был Тизок, заперся в внутренней комнате своего дворца, а его придворные низко поклонились и признали Пятиорла своим господином. Каждому кварталу города был предоставлен день подчинения, и с помпой и торжественными церемониями временные полномочия империи были переданы имитатору Тескатлипоки. И величие, наполнившее эти дни, скрывало печаль от глаз любви, которая видела слишком ясно.

Перед рассветом последнего дня жрецы вошли в храм, сняли старые одежды с каменного изображения Тескатлипоки, надели на него новые, украсили его перьями и браслетами и накрыли ярким балдахином. Затем они отодвинули занавеси храма, чтобы мир мог увидеть суровое и великолепное изображение. Как только это было сделано, высокий жрец вышел с цветами в руках и снова сыграл призыв, обращенный к востоку, северу, западу и югу.

Когда толпа собралась в главном дворе города, перед храмовым ограждением с его змеиными стенами, за Пятиорлом, каменным изображением бога и двумя жрецами, несущими ковшами с ладаном, образовалась процессия. Пятиорл сидел на роскошных носилках, высоко поднятых на плечах мужчин. За ним ехали первосвященники культов магии с телами, окрашенными в черный цвет, и волосами, завязанными на затылке белыми лентами. Затем толпа юношей и девушек, в том числе тех, кто был специально посвящен в годичное служение в храме Тескатлипоки, выбежала вперед с веревкой удивительной белизны в руках и окружила его ряд роскошных носилок. Эта веревка была сделана из нанизанного попкорна и, как говорят, символизировала жажду полей. Мальчики были одеты в плащи из открытой сетки, а девушки — в новые сарафаны с яркой вышивкой на шее и по подолу, но все они носили ожерелья из попкорна и тюрбаны. Затем священники, наклонившись вперед, взяли длинные нитки белого кукурузного зерна, чтобы обернуть их вокруг своих голов и закрепить по бокам носилок. Затем процессия медленно двинулась вперед по дороге из зеленых листьев, усыпанной цветами. На земле также были разбросаны игольчатые кончики магея, которыми многие кающиеся прокалывали языки и уши, пока они не были залиты кровью, которая ужасно блестела на солнце. А в длинной процессии были и другие, которые хлестали себя узловыми веревками. Но таковы пути безумия, когда души людей возбуждаются сообща.

Было бы слишком утомительно рассказывать во всех подробностях обо всех событиях этого чудесного дня. На вершине пирамиды Тескатлипока и перед дверью храма, где также стоял мрачный каменный идол, состоялось торжественное заседание, а внизу, во дворе,

исполнялись сложные танцы. И Пять Орлов, с точным и уверенным мастерством, не упустил ни одного момента триумфа, предсказанного при его рождении, и ни в чем не уступил своему достоинству и обязанностям.

Водный парад состоялся в конце долгого, яркого дня, когда солнце опускалось к вершинам гор. Была длинная череда самых больших каноэ, уставленных цветами и разноцветными лентами, увенчанных навесами и зонтиками. В первом из них сидел Пять-Орлов, выпрямившись на королевском сиденье, а рядом с ним — его невесты. Воды озера были спокойны, в них бледно отражались паутинки облаков, и лодки оставляли за собой широкий след, который доходил до далеких камышей и ив.

Все еще слышался смех и веселье, но та, которая в фантазии была богиней горных вершин, имела в глазах плавающие туманы, а на губах — дрожащую улыбку. На ее черных волосах мягко лежала рука возлюбленного, смертного по сердцу, но божественного в тонкой игре ума над материей.

«О маленькая Леди Дома Туманов, посмотри, как твои белые туманы прилипают к Ахуско, капая росой на цветы космоса, которые любит Сочикецалли».

«Это туманы радостной печали, мой господин, это туманы печали, которые застилают мир сегодня, чтобы завтра он стал прекраснее».

«Тогда скажи мне, что завтра, когда рыбацкие лодки войдут в канал на закате, никакие тени не омрачат твое сердце. Скажи мне, что не будет никаких теней, а будет только удовлетворение тем, что было, о моя драгоценная Леди Туманов».

«Юноша Токскатль, не будет слез».

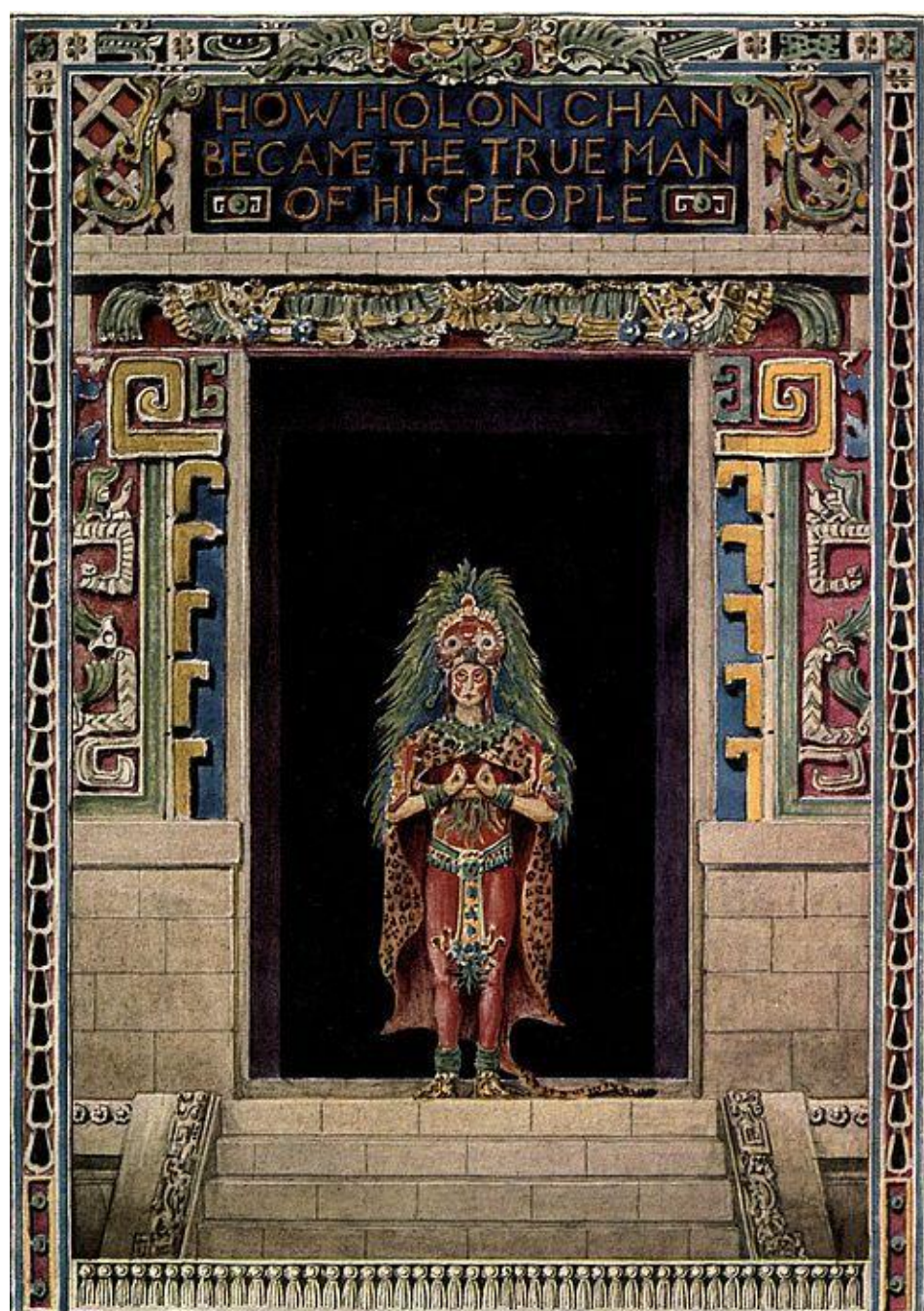
На скалистом мысе под названием Тлапицауаян процессия каноэ причалила к берегу. Здесь придворные и четыре невесты Юноши Токскатля весело простились с ним, и он отправился со своими шестью мальчиками в Тлакучкалько, древний храм, расположенный неподалеку, заброшенный и не используемый, за исключением этого одного случая в году. Извилистая тропа вела к каменистому полю, заросшему кактусами и акациями, к храмовому холму, поросшему пустынной растительностью. Разрушенная лестница поднималась к обветшалой жертвенной камере, дверь которой была почти закрыта желтыми орхидеями и колючими лианами. За этой скромной завесой жаждущий нож великого Мага ждал своей порции крови. Мальчики из свиты следовали по стопам Пяти орлов, и с берега раздался последний взрыв воодушевляющего смеха.

У подножия храмовой лестницы они сняли с его плеч белый плащ бога, который должен был сохранять молодость ценой молодости, и развернули с его талии яркую парчовую набедренную повязку, сняли с его ног сандалии и с ушей диски из яблочно-зеленого нефрита, последние символы его года земной власти. Только на шее у него осталось ожерелье из флейт. Он был обнаженным смертным, пришедшим в последнем смирении всех людей, чтобы искренне подарить свою жизнь ревнивому и неумолимому богу. С галантной улыбкой Пятиорёл отпустил своих пажей и поднялся по разбитой лестнице, останавливаясь на каждой ступеньке, чтобы разломать флейту между двумя руками. Спустя мгновение обнаженное человеческое тело с ужасным разрывом на груди рухнуло с лестницы храма, окрасив в кровь кусты и камни.

Мы можем познать Прошлое только как маскарад Настоящего. Мы можем представить себе только те запахи и цвета, которые попадали в наши ноздри и проносились перед нашими глазами. Сегодня нет богов, говорите вы, и это правда, что страшный Шива и милое лицо Христа исчезают в тумане, покрывающем неверие.

Однако сегодня сколько молодых Икаров с радостью бросаются на смерть с головокружительных высот. Необходимость заставляет нас вторгаться в воздушное царство птиц или в зеленые глубины моря? Или нас подталкивают к этим завоеваниям страсти и искренность новой властной сверхдуши (), построенной из песен, товарищества и упорядоченной жизни, состоящей из работы и развлечений? Ибо силы, подчиненные машине, поработают своих занятых хозяев, а новообретенные боги Скорости и Острых ощущений считают жертвы столь же добровольно принесенными, как тот юноша Токскатль, который смело взобрался на кровавый алтарь своей жертвы в Теночтитлане, которого больше нет. Душа Машины выходит, чтобы править поверженными народами, чтобы в другой эпохе можно было увидеть странный мираж, брошенный вверх на бледные туманы романтики.

ГЕРБЕРТ СПИНДЕН

Как Холон Чан стал настоящим мужчиной своего народа

Семнадцатилетний юноша сидел на вершине самой высокой пирамиды в городе и мрачно смотрел на окружающие храмы и дворцы, на соломенные хижины более скромных людей за ними, на луга, простиравшиеся во всех направлениях, насколько хватало глаз.

Он был обнажен, за исключением хлопчатобумажной набедренной повязки, похожей на пояс, один конец которой свисал между ног спереди, а другой — сзади, и оба конца были искусно вышиты зелеными перьями. На шее у него висел кулон из красиво вырезанного нефрита. Серьги из того же материала и сандалии из оленьей кожи с перьевыми кисточками дополняли его наряд. Он был ниже пяти с половиной футов ростом, стройный, гибкий, с маленькими руками и ногами, приятного, теплого золотисто-коричневого цвета кожи. Его глаза были черными и узкими, а их расположение было несколько раскосым. Нос был орлиный и длинный, и переходил в плоский лоб одной прямой линией. В младенчестве его голову завязывали между двумя досками, чтобы добиться именно такого эффекта — эффекта красоты и отличия среди его народа. Его волосы были черными, блестящими и длинными. Они были заплетены в косу и обернуты вокруг головы, за исключением небольшого хвостика, свисавшего сзади.

Это было в августе 531 года нашей эры; место — Тикаль, величайший мегаполис древней империи майя; а сам юноша был не кто иной, как будущий правитель великолепного города, простирающегося у его ног, а также многих меньших зависимых территорий за пределами пустынных травянистых саванн, которые ограничивали его обзор.

Его недовольство было давним и вызвано обстоятельствами, которые он не мог изменить. Его отец, Ахмекет Чан, предыдущий «Истинный Человек» Тикаля, умер два года назад, оставив этого мальчика, Холону Чана, своим единственным выжившим ребенком и наследником. Управление государством в период его несовершеннолетия осуществлялось под регентством его дяди по отцовской линии, Ахкуитока Чана, верховного жреца Ицамна, при содействии могущественного жречества этого бога, главы пантеона майя; но теперь народ требовал, чтобы Холон Чан был посвящен в высшую должность (), чтобы некоторые из самых важных церемоний, которые мог проводить только Истинный Человек, могли снова отмечаться, и действительно, Ахкуиток Чан ждал только окончания текущего пятилетнего периода, чтобы посвятить своего племянника в Истинного Человека Тикаля. Ицамна, Повелитель Небес, через своих жрецов дал понять, что это событие должно быть торжественно отмечено в последний день этого периода, и подготовка к нему шла уже некоторое время.

Теперь мальчик не испытывал особого энтузиазма по поводу своего грядущего достоинства. Он всегда был склонен к странствиям; он был ребенком открытого воздуха, любителем лесных укрытий и уединения, более подходящим для скромной жизни дровосека или земледельца, чем для жизни правителя народа.

Великие открытия предыдущего столетия, открытие обширных и удивительно плодородных земель далеко на севере от его владений, зажгли его воображение, и он горел желанием привести свой народ в эту новую землю обетованную, где, как говорили, боги всегда улыбались, а кукурузные поля давали обильные урожаи. И эти надежды не всегда были беспочвенными. Когда-то у него был старший брат по имени Чак Чан, который должен был наследовать отцу в качестве Истинного Человека, но во время общей охоты на оленей этот брат был укушен ядовитой змеей, смертоносной волпух, от чьего ядовитого укуса никто никогда не выживал, и умер, оставив Холону Чана следующим в линии

престолонаследия. И теперь настало время, когда высокие требования его положения, сложные ритуалы, которые заполняли каждый час его жизни, и заботы о совете лишили его всякой личной свободы.

В это время народ майя, по майяскому летоисчислению в конце Катина 18, находился одновременно на вершине своей мощи и на пороге упадка. На протяжении многих поколений густо заросшие лесами земли, которые изначально окружали их города, поселки и деревни, постепенно превращались под воздействием их примитивных методов возделывания в травянистые саванны. Этот метод возделывания заключался в вырубке участков леса в конце сезона дождей в январе или феврале, сжигании высохших деревьев и кустарников в конце сухого сезона в марте или апреле и посадке растений после первых дождей в мае. В следующем году находили новый участок леса и повторяли процесс, а первый участок не засеивали в течение нескольких лет, пока не вырастали новые кустарники, поскольку опыт показывал, что использование одного и того же поля для выращивания кукурузы два года подряд приводило к снижению урожая на половину во второй год. Однако этот метод возделывания имел два серьезных недостатка: не только большая часть земли всегда оставалась незанятой, но и в конечном итоге наступал момент, когда древесная растительность больше не восстанавливалась, чтобы заменить первоначальные леса. Вместо этого росли только многолетние травы, и постепенно вся местность превратилась в саванну. Майя не могли возделывать эту саванну, поскольку у них не было средств для перепашки почвы, и поэтому они были вынуждены уходить все дальше и дальше от своих домов, чтобы найти подходящую землю для посадки кукурузы. Но в конце концов был достигнут предел, до которого можно было применять даже этот способ. Кукурузные поля теперь находились в двух, а то и трех днях пути от городов, и люди начинали терять веру в божеств, которые позволяли жить в таких невыносимых условиях и которые либо не могли, либо не хотели сделать возможным возделывание саванн.

Холон Чан был не единственным, чьи глаза все более тревожно обращались к северу, к Юкатану, где, как говорили, жизнь была такой легкой, а Юм Какс, повелитель урожаев, всегда был так благосклонен; и многие скромные кукурузоводы уходили со своими семьями через великие северные леса в эту новую землю, несмотря на строгие законы, запрещающие такие действия. И священники, и знать решительно выступали против этого движения, ведущего к распаду, и для предотвращения массового исхода из страны прибегали к помощи оракулов и законов. Но, несмотря на угрозы божественного гнева и быстрое наказание людей, поскольку за это преступление не раз выносился смертный приговор, из региона Старой Империи в Юкатан устремлялся непрерывный поток людей; например, шептались, что священники Ицамна в Священном городе Паленке едва могли собрать достаточно храмовых слуг, чтобы возделывать поля самого бога. Эту новость нельзя было повторять открыто, но все больше и больше людей приходили к убеждению, что старая земля проклята и что единственное спасение их расы заключается в общем исходе на север. Действительно, все видели, что если не будет быстро найден способ возделывать луга, люди будут вынуждены переселиться в другие места из-за голода.

Тем временем жрецы призывали к большей набожности и религиозному рвению. Говорили, что люди были небрежны в своих подношениях, и боги были оскорблены. Жертвоприношения должны быть удвоены. А в последнее время, с приближением вступления на престол Холона Чана как Истинного Человека, предсказания и оракулы предсказывали, что это событие положит начало новой эре изобилия и процветания, которой никогда раньше не было. Монахи широко распространяли слухи, что мальчик родился в счастливый день, покровителем которого был Юм Какс, бог урожая, и что смерть его старшего брата была не бедствием, а прямым вмешательством богов, чтобы избранник

Юм Какса занял место в совете и правил ими. Таким образом, бог урожая был умиловлен, и процветание вновь вернулось к народу. Поэтому на его правление возлагались большие надежды, и хотя в более счастливые времена Холон Чану, возможно, было бы позволено отказаться от престола в пользу своего дяди, времена были слишком беспокойными, а будущее слишком неопределенным, чтобы сознательно оскорблять бога урожая.

Обо всем этом думал мальчик, сидя на вершине храма и наблюдая, как тени удлиняются на сверкающих белых стенах города. Наконец, вздохнув, он вскочил на ноги. Солнце садилось за далекими саваннами, большим, светящимся красным диском, когда Холон Чан повернулся, чтобы войти в святилище Ицамна и принести жертву богу. Один пожилой священник в белой одежде сидел на корточках во внешнем коридоре, охраняя святилище, но поскольку мальчик всегда имел право входа благодаря своему положению, старик едва поднял глаза от своих размышлений, когда Холон Чан отодвинул богато вышитую хлопковую занавесь и прошел внутрь.

Святилище было темным, за исключением неровного света, исходящего от жаровни с горящим ладаном и двух небольших окон размером не более восьми дюймов в квадрате, по одному на каждом конце длинной узкой комнаты. Когда занавес опустился за его спиной, мальчик наклонился к неглубокому блюду у двери, выбрал из него маленький круглый шарик ладана, смолу копалового дерева, окрашенную в яркий павлиний синий цвет для церемониального использования, и подошел к жаровне. В полумраке можно было разглядеть деревянную статую высотой около двух с половиной метров, стоящую на каменной платформе у задней стены. Она имела форму старика с выдающимся римским носом, беззубой нижней челюстью и пронзительными зелеными глазами, сделанными из двух дисков из полированного нефрита, которые отражали мерцающий свет. Голова была увенчана сложным головным убором из кости (), вырезанным в виде Пернатого Змея, а вся фигура была ярко раскрашена в красный, синий, желтый, зеленый, белый и черный цвета. Ожерелье, кулон, серьги, браслеты на лодыжках и запястьях из тяжелого, богатого нефрита дополняли костюм изображения. Холон Чан положил свои подношения на жаровню и простерся ниц перед изображением. Как бы он ни был не склонен следовать по пути, который Ицамна выбрал для него, устранив его старшего брата из линии престолонаследия, мальчику никогда не приходило в голову уклоняться от ответственности, возложенной на него. Он происходил из старинного и уважаемого рода, который правил государством Тикаль более четырех веков. Начиная с его далекого предка, который первым привел народ в их нынешний дом, и заканчивая его отцом, все были храбрыми людьми, привыкшими сталкиваться с кризисами и брать на себя ответственность, и этот последний сын рода Чан не мог думать ни о чем другом, как только о том, чтобы поступить так же в нынешней чрезвычайной ситуации. И поэтому он долго и искренне молился о мудрости, чтобы справиться со многими проблемами будущего, и прежде всего о каких-то средствах для облегчения ужасных сельскохозяйственных проблем, которые угрожали самому существованию его народа.

Закончив молитву, Холон Чан покинул святилище и, кивнув пожилому стражу во внешнем коридоре, приготовился спуститься с пирамиды. Быстрый закат тропиков уже сменился ночью. Наверху звезды ярко сияли в безоблачном небе; внизу темноту прорезали тут и там маленькие красные огоньки — костры его народа, который усиленно готовился к великой церемонии его интронизации, которая должна была состояться уже через три дня.

Осторожно спускаясь по крутой лестнице, Холон Чан пересек широкую мощеную площадь у ее основания, поднялся на невысокую террасу и вошел в длинное здание из тесаного камня, которое было домом его семьи на протяжении многих поколений. Оно было одноэтажным, более двухсот футов в длину и имело три ряда комнат в глубину. Все они

имели типичный для майя арочный потолок, были узкими и длинными и освещались только внешними дверями и небольшими квадратными окнами, расположенными примерно в шести футах над полом. В самую большую комнату дворца, длиной шестьдесят футов, шириной десять футов и высотой восемнадцать футов, можно было войти прямо через центральную дверь. В одном конце комнаты находилась приподнятая каменная платформа с деревянным сиденьем. Оно не имело спинки, а подлокотники были вырезаны в виде голов ягуаров. Над головой Хол находился балдахин из зеленых перьев. Это была зала заседаний совета государства.

Через эту комнату Холон Чан прошел в жилые помещения в задней части дворца и, хлопнув в ладоши, позвал раба, чтобы тот подал ему ужин, пока он сидел на полу, скрестив ноги. Вскоре раб вернулся с блюдами из тортильи и черных бобов, курицей и чашей с ароматным напитком из какао. Холон Чан поинтересовался своим дядей, и ему ответили, что тот находится в монастыре Ицамна. После еды и полоскания рта водой, что было незабываемым обычаем знатных людей, Холон Чан удалился в свою комнату, лег на скамью, покрытую мягкими шкурами, и вскоре заснул.

Рано утром следующего дня Холон Чан встал, и после купания в деревянной ванне, выдолбленной из махагонового бревна, он оделся, но не стал есть, поскольку обычай предписывал ему поститься в течение всего периода посвящения. Так он ждал, пока его дядя приведет его к собравшимся священникам Ицамна. Первый день церемонии посвящения был полностью посвящен умственным испытаниям, вопросам, задаваемым его дядей и другими жрецами Ицамна в монастыре бога, расположенном прямо за его храмом. Холон Чан должен был предстать перед священниками без каких-либо знаков отличия, и когда его дядя пришел, чтобы отвести его туда, он был одет как любой другой мальчик его возраста, с простым набедренным покрывалом, опоясывающим его чресла, и кожаными сандалиями на ногах.

Из множества тем, по которым Холон Чан был опрошен в течение того долгого дня, мы можем коснуться лишь нескольких. Сначала его дядя попросил его прочитать полный ритуал новогоднего праздника, одной из самых важных церемоний в году майя. Другие старые мудрецы расспрашивали его о звездах, о том, когда произойдут следующие затмения солнца и луны, когда Венера в следующий раз появится как вечерняя звезда. Перед ним положили чистые листы волокнистой бумаги, принесли пигменты и кисти и велели ему написать текущую дату, указав фазы луны и божество, покровительствующее этому дню. Он достойно прошел все эти испытания, и старики одобрительно кивнули. Затем принесли птицу и велели мальчику убить ее и прочитать предзнаменования по ее внутренностям. Он снова справился с заданием, и старые жрецы были удовлетворены его знанием этой важной части ритуала майя.

В заключение его дядя снова взял на себя инициативу и задал ему наводящие вопросы о положении народа — сколько глав семейств было в племени и сколько человеко-грузов кукурузы требовалось, чтобы прокормить среднюю семью в течение года? С какими городами ему следует стремиться к союзу, а каких следует избегать? Как лучше всего препятствовать миграции в Юкатан? Когда мальчик ответил, что ее нельзя ни предотвратить, ни предотвратить, если только Господь урожая не позволит выращивать кукурузу в саваннах, несколько старейшин покачали головами, но подавляющее большинство жрецов одобрили этот мудрый ответ. После этих испытаний его вывели из монастыря обратно во дворец, а позже его дядя сообщил ему, что жрецы сочли его достойным и хорошо подготовленным, чтобы стать Истинным Человеком государства.

Второй день был еще более напряженным, чем первый. День был посвящен многочисленным обрядам очищения, в ходе которых посредством потения и кровопускания он должен был очиститься от всех грехов и пороков и таким образом стать достойным высокой должности, которую он собирался занять.

После этого священники привели его в Храм Очищения. Здесь, во внутренней комнате, он снял одежду и, обнаженный, заполз в низкий каменный шкаф. В задней части этой низкой камеры стояла чаша с водой, и вскоре священники пронесли через небольшой проем пять или шесть больших, округлых, нагретых камней, обернутых листьями. Дверь была закрыта каменной плитой, и Холон Чан бросил эти раскаленные камни по одному в чашу с водой. Каждый следующий камень повышал температуру воды, и вскоре камера наполнилась облаками пара. Время от времени вносили новые горячие камни, и мальчик поддерживал воду в кипении. По его телу выступили капли пота; он почти задыхался, но все равно продолжал подавать в чашу с горячими камнями воду, и температура продолжала расти. Каждая пора его тела была покрыта потом, и он задыхался. Когда казалось, что он больше не может этого выносить, плита была внезапно убрана, пар вырвался наружу, и он остался задыхаться и терять сознание от жары и голода, и первый шаг к церемониальному очищению был сделан.

Затем ему дали сильное рвотное средство, которое полностью выбило его из сил. Однако, с характерным для его расы стоицизмом, он не высказал ни одной жалобы, а вскоре набрался достаточно сил, чтобы перейти к следующему испытанию — жестокому и болезненному кровопусканию (). Его дядя велел ему высунуть язык и проткнул его конец острым каменным шилом. Жрецы, ожидавшие этого, собирали кровь на маленьких ватных шариках, которые уносили в святилище Ицамна как залог его веры и очищения. На закате небольшой волокнистый шнур с шипами, вделанными в него через каждые несколько сантиметров, продевали через еще не зажившую рану, жестоко разрывая плоть, и выкачивали свежую кровь, чтобы принести ее в жертву богу в качестве нового доказательства его непоколебимости. В ту ночь Холон Чан был настолько измотан, что спал без движения, пока его не разбудили перед рассветом, чтобы он подготовился к долгому дню медитации и молитвы в святилище Ицамна, который предшествовал самой церемонии посвящения на закате.

Подготовка к этой церемонии велась уже давно. Рассказывают, что Ицамна указал, что интронизация нового Истинного Человека должна совпасть с открытием великого каменного столба, который был воздвигнут в честь окончания текущего пятилетнего периода хронологической эры майя. Еще за год до этого столб был добыт в карьере, доставлен на Большую площадь Тикаля, установлен там, и вокруг него была построена высокая изгородь из соломы, чтобы скрыть его от людей до момента открытия.

Ахуиток Чан, посоветовавшись с самыми учеными жрецами-астрологами государства, тщательно рассчитал, какие солнечные и лунные затмения будут ближе всего к дню посвящения (который тогда был еще почти через год). Были собраны другие астрономические явления, важные в течение текущего пятилетнего периода, а также записи о главных событиях этого периода. Все эти сведения были записаны иероглифическим письмом майя на листах волокнистой бумаги, покрытых тонким слоем белой извести, которые служили рабочими чертежами для ремесленников, которые должны были вырезать ствол; и, наконец, на передней стороне был кропотливо вырезан портрет самого Холона Чана, великолепно одетого, как он будет на церемонии интронизации. Этот памятник, который должен был ознаменовать окончание текущего пятилетнего периода, 9.18.0.0.0. 11 Ахау 18 Мак эпохи майя, был наконец готов и должен был быть открыт в подходящий момент, а именно в момент заката в последний день периода. Так и должно

было быть, поскольку для майя время воспринималось и измерялось в прошедших единицах (как наше астрономическое время), и только когда последний день периода подходил к концу, то есть при закате солнца в последний день, памятник, посвященный этому периоду, мог быть официально открыт.

Но теперь все было готово к великому празднику, на который, как уже отмечалось, возлагалось столько надежд. В течение последних нескольких дней люди стекались в Тикаль. Из самых отдаленных деревень мужчины, женщины и дети направлялись к религиозному и административному центру государства. Окружающие саванны были заполнены временными хижинами из соломы, а повсюду выросли лавки для обмена тортильями, фасолью, тыквой, сапоте, какао, мясом диких животных, тыквами, керамикой « », матами, изделиями из перьев, шкурами, хлопчатобумажными изделиями и даже бусинами и подвесками из нефрита, самого ценного из всех материалов для майя.

Великая площадь Тикаля с полуночи заполнялась людьми, жаждущими первыми увидеть своего будущего правителя, которого на рассвете вели в святилище Ицамна для молитвы и медитации. В первый день мудрецы государства проверили его знания; его тело очистили от грехов и пороков ритуалами очищения, а его стойкость и целеустремленность подтвердили, когда он во второй день принес в жертву Ицамне свою кровь. Оставалось только очистить душу от всякой скрытой грубости молитвой и медитацией, и тогда он будет готов к самому торжественному моменту в своей жизни — официальному посвящению в Истинного Человека своего народа.

Встав, Холон Чан омылся и снова надел простой пояс, который носили простые люди, в знак того, что он еще не получил высший ранг, и прошел в зал совета. Здесь собрались все высокопоставленные сановники государства, первосвященники различных божеств майя, вожди зависимых городов и деревень, сборщики налогов, депутаты и другие чиновники в парадных костюмах — великолепных плащах из перьев, роскошных плюмажах, мантиях из оленьей кожи, тяжелых ожерельях, подвесках, серьгах, браслетах и ножных браслетах из нефрита — каждый в своем самом лучшем наряде. Голые рабы стояли вокруг зала совета с зажженными факелами из жирной сосны в руках, так как еще не наступил рассвет, и они освещали собравшихся неровным светом. Снаружи, на террасе перед дворцом, собрались музыканты с длинными деревянными барабанами, погремушками и флейтами.

На самой вершине крыши святилища Ицамна стоял жрец, вглядываясь в восточный горизонт в поисках первых признаков восхода солнца. С приближением рассвета толпа слегка зашевелилась, и все взоры по общему согласию обратились к воротам дворца. Рабы с короткими палками проложили проход через толпу и встали по обе стороны, чтобы дорога оставалась свободной. Вдруг сверху раздался пронзительный крик: «Смотрите, приходит Господь Дня!» Музыканты заиграли и двинулись упорядоченным строем по лестнице террасы и через площадь. Первыми шли храмовые мальчики с метлами, подметая путь, за ними следовали другие, качая жаровни с ладаном, из которых поднимались клубы густого черного ароматного дыма. Затем появляются храмовые певцы, одетые в белое, поющие оду приветствия Господу Дня; за ними следует отряд дворцовой стражи в стеганых хлопковых доспехах, вооруженных копьями с каменными наконечниками и кожаными щитами. За ними следуют лорды зависимых городов и деревень, а также высшие гражданские чиновники государства; последние, в своих роскошных плащах из перьев, являются самым ярким цветовым пятном в процессии. Далее идут низшие чины священства Ицамна, длинная колонна фигур в белых одеждах, медленно продвигающихся вперед.

Теперь Ахуиток Чан покидает дворец в окружении высших священнослужителей. Он великолепно одет, на его плечах висит богатый плащ из перьев, спадающий на кожу ягуара, обернутую вокруг его тела. Его нефритовое ожерелье — настоящее произведение искусства, с красиво вырезанными человеческими головами, свисающими спереди, сзади и над каждым плечом. Нежные, похожие на усики перья кетцала, королевского символа, свисают с ярко раскрашенного деревянного шлема, вырезанного в виде головы змеи, патронима его семьи, Чан. Действительно, он носит все знаки отличия Истинного Человека, за исключением только Двуглавого Церемониального Бар, который, согласно древней традиции, может носить только сам Истинный Человек. За ним следует просто одетый семнадцатилетний юноша, в честь которого все собрались.

Процессия медленно движется по площади и поднимается по крутой лестнице к святилищу Ицамна наверху. Музыканты, подметальщики, кадильщики и певцы занимают свои места по обе стороны от входа в храм на вершине пирамиды, которая теперь омывается первыми лучами восходящего солнца. Солдаты образуют двойной кордон по обеим сторонам лестницы от низа до верха, между которым проходит остальная часть процессии, разделяясь наверху и располагаясь по обеим сторонам входа. Даже Ахуиток ждет у входа своего племянника, и когда мальчик наконец достигает вершины, он берет его за руку и ведет внутрь, за ним следуют только высшие офицеры и священники.

Толпа теперь рассеялась, поскольку до конца дня ничего видимого для глаз простого народа не происходило, хотя внутри святилища церемония продолжалась весь день. Когда все высшие чиновники государства собрались во внешнем коридоре храма, Ахуиток Чан, все еще ведущий своего племянника за руку, подошел к занавесу, охраняющему святилище, отодвинул его и одновременно дал знак мальчику войти. После того как Холон Чан прошел внутрь, Ахуиток Чан опустил занавес за ним и сел на корточки у входа, а все остальные расположились вокруг комнаты в той же позе.

Теперь последовало долгое и утомительное бдение как для тех, кто находился за занавесом, так и для голодного и уставшего мальчика внутри. Этикет запрещал разговоры, чтобы не прерывать молитвы просящего в святилище, и время тянулось медленно, а часы тянулись бесконечно.

Весь день Холон Чан молился своему отцу Ицамна в полумраке святилища, прерывая свои молитвы только настолько, чтобы пополнить жаровню маленькими шариками ладана или утолить жажду из чаши с водой у двери. Он постился так долго, что у него закружилась голова, и ему казалось, что деревянное изображение бога улыбается ему, отвечает на его молитвы о помощи и дает ему советы; по крайней мере, так он сказал своему дяде, когда тот пришел за ним за час до заката, чтобы отвести его на церемонию посвящения. Но тот был мудрым стариком, хорошо знакомым с хрупкостью плоти и галлюцинациями, рождающимися от пустого желудка, и он только мудро кивнул и не стал выпытывать подробности.

В внешнем коридоре все были взволнованы финальным актом великой драмы. Когда Холон Чан вышел из святилища, все пали ниц в знак почтения. Священник вышел вперед и раскрасил его ноги, руки и торс ярко-красной краской, обведя глаза толстой полосой того же цвета и добавив большие красные пятна на каждую щеку. Его простая набедренная повязка была снята, и вместо нее вокруг бедер была обмотана богато вышитая. Затем на его лодыжки и запястья надели браслеты из нефрита, а на шею повесили тяжелый ошейник из того же материала. Он был богато украшен четырьмя большими медальонами из нефрита, по одному спереди, сзади и по одному над каждым плечом, красиво вырезанными в виде человеческого лица; с ошейника свисала бахрома из более мелких нефритовых головок. В

мочки ушей ему вставили квадратные нефритовые серьги, а на палец надели нефритовое кольцо. По сути, это были государственные драгоценности — ценные материалы, собранные последующими поколениями Истинных Людей для украшения себя.

Великолепная шкура ягуара, оранжево-красного цвета с черными розетками, свисала с его плеч, а длинный хвост волочился по земле. Наконец, на его голову возложили змеиную корону. Это было богато украшенное изделие из кедра, вырезанное в виде головы змеи с широко раскрытой пастью. Оно было окрашено в ярко-зеленый цвет, пасть была красной; глаза были сделаны из двух кусочков полированного черного обсидиана, а зубы — из вставленных кусочков белой ракушки. Из головы змеи поднимался дождь из перьев кетцалей, хвостовых перьев сотни этих редких тропических птиц, добытых с огромным трудом в холодных горных хребтах далеко на юге. Эти нежные завитки оперения падали за мальчиком, и когда вечерний ветерок подхватывал их, они кружились вокруг него, окутывая его тело прозрачным зеленым туманом.

Наконец приближался час заката. Священник на крыше храма вверху крикнул вниз предупреждение, что Господь Дня приближается к горизонту. Тем временем Большая площадь и окружающие ее террасы заполнились людьми; каждая пирамидальная лестница и вершина были переполнены зрителями. Группа священников заняла позиции у соломенного забора вокруг памятника, готовые срубить его в момент заката. Все государственные чиновники и священники, включая Ахуитока Чана, да и все, кроме самого Холона Чана, вышли из храма и расположились по обе стороны от входа. Перед Ахуитоком Чаном стояли два священника, поддерживающие ярко раскрашенный деревянный посох; один конец был вырезан в виде бога Солнца, другой — бога Дождя, а весь стержень был украшен зелеными перьями. Это был Двуглавый Церемониальный Посох, символ высшей власти в государстве, который мог носить только Истинный Человек (). За все время своего правления даже Ахуиток Чан никогда не использовал этот знак высшей власти.

Солнце уже почти коснулось горизонта; наблюдатель наверху издал пронзительный крик, и толпа внизу замерла в ожидании. Прошло шестьдесят секунд тишины, а затем наблюдающий священник пропел: «Смотрите, Господь Дня проходит». Внезапно из дверного проема храма в полном сиянии заходящего солнца, теперь озаряющего блестящую компанию, собравшуюся на вершине пирамиды, вышел новый правитель, сияющий в сверкающем зеленом нефрите на фоне своего багряного тела, его плащ из блестящей кожи ягуара сиял на солнце, его фигура была окутана мерцающим зеленым туманом, а с его головного убора свисали витые щупальца кетцала.

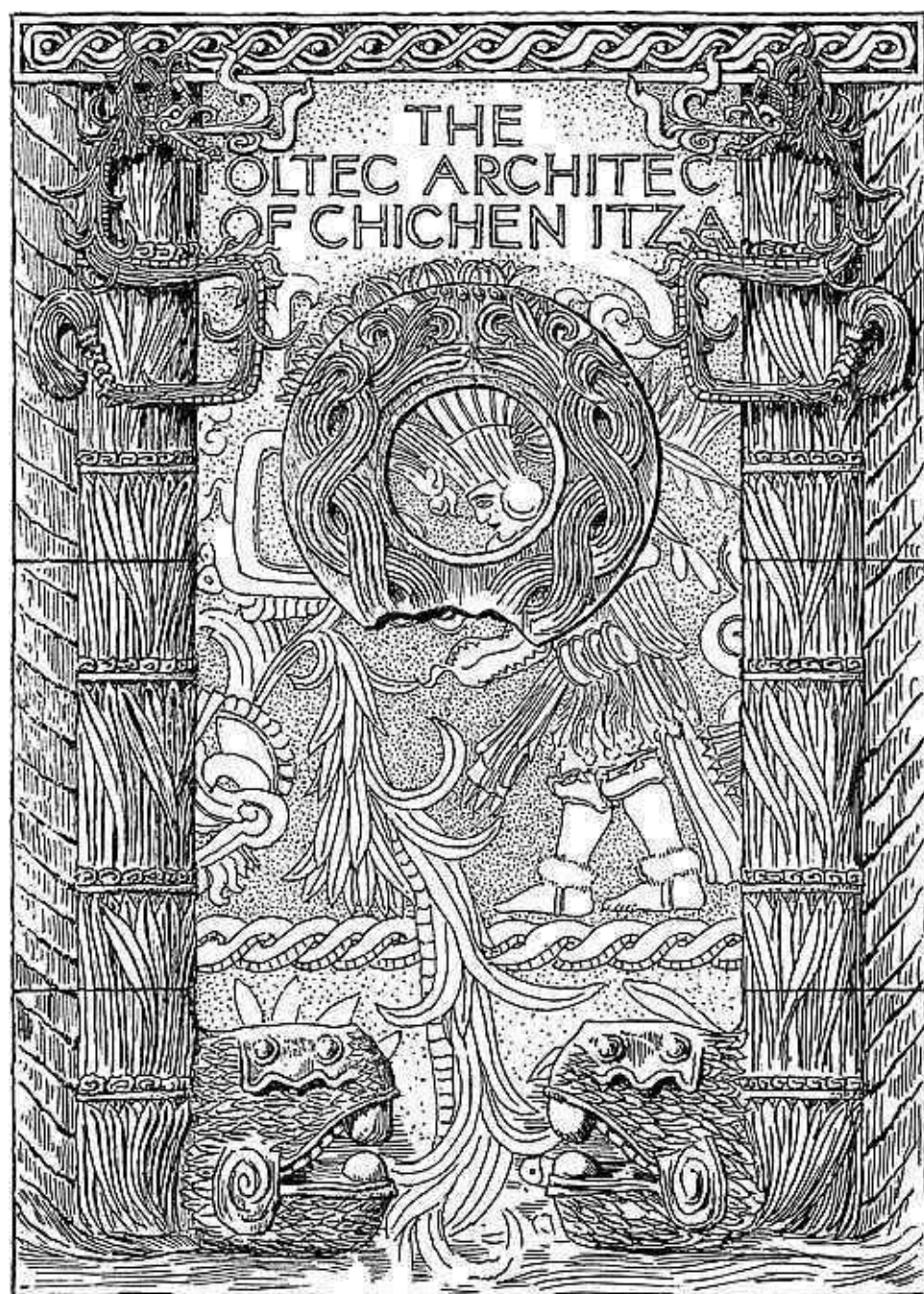
Мощный рев одобрения раздался от зрителей внизу. Барабаны на вершине загремели приветственным раскатом. В тот же миг ограда из соломы вокруг памятника была сбита на землю; солнце, наконец-то осветившее его фасад, заставило сиять каждую деталь резьбы. Все взоры обращались то к Истинному Человеку наверху, то к его точной копии, высеченной на фасаде только что открытого памятника внизу. Мощные аплодисменты продолжались. Избранник Ицамна и Юм Какса, тот, кто вернет плодородие их бесплодным полям, был наконец провозглашен правителем. Ахуиток Чан взял церемониальный жезл из рук ожидающих священников и, подойдя к своему племяннику, поместил его горизонтально в его вытянутые руки: «Приветствую тебя, Ах Холон Чан, сын Ахмекет Чана! Я наделяю тебя званием Истинного Человека Тикала, и да дарует тебе Великий Ицамна долгую жизнь, а твоему народу вечное процветание!»

Ах-Холон-Чан, уже не мальчик, а теперь имеющий право на мужское имя (с мужским префиксом «Ах»), подошел к краю пирамиды и, подняв церемониальный жезл, дал знак замолчать. На толпу обрушилась глубокая тишина.

«О, народ моей крови, с этого момента и до тех пор, пока Отец Небес, Великий Ицамна, не призовет меня к себе, моей единственной целью, моей единственной мыслью будет ваше благополучие. Да ведет меня Господь Жизни через опасности, которые угрожают нашему народу, и дарует мне мудрость, чтобы править вами справедливо и хорошо, и, прежде всего, чтобы найти тот путь, который вновь принесет процветание и изобилие нашим увядающим полям. О, народ моей крови, примите эту мою торжественную клятву посвятить себя вашему служению».

Солнце зашло, розовое послесвечение окутало мальчика туманом таинственного света. Тысячам людей, затаивших дыхание на площади внизу, казалось, что Господь Жизни действительно наполняет нового правителя той мудростью, о которой он так искренне молился. Воцарилась глубокая тишина. Быстро наступили сумерки. Несколько звезд начали мерцать в небе. Наконец, в сгущающейся темноте мальчик повернулся и вошел в храм. И тогда толпа начала расходиться, пока двор не опустел...

СИЛЬВАНУС Г. МОРЛИ

Архитектор-тольтека из Чичен-Ицы

Битва окончена, некогда славный Чичен-Ица пал, и все из-за любви к женщине. Хунак-Иль, король Майяпана, завоеватель, вносится в разрушенный город. Нет приветственных криков, нет толп, собравшихся на крышах зданий, уцелевших от разрушения. Многие бывшие жители города были убиты, другие взяты в плен, чтобы впоследствии быть обращенными в рабство, а третьи бежали далеко на юг, чтобы найти пристанище в Петен-Ица.

Чак-ксиб-чак, царь Чичен-Ицы, пал на поле битвы, сражаясь за свою невесту. Она тоже была из знатного рода, и именно ее осмелился пожелать Хунак-ээл, хотя она была невестой его друга и союзника в знаменитом союзе Майяпана, который теперь должен был распасться после двухсот лет существования.

Свадьба Чак-ксиб-чака и Тибил была отмечена пышностью и роскошью, обычными для королевских браков майя. Были игры и танцы, пиры и песни. На ней присутствовали короли Майяпана, Ушмаля, Исамалья и других королевств Юкатана. Чичен был в праздничном наряде. Празднества были в самом разгаре, когда без предупреждения Хунак-ээл и его последователи из Майяпана ворвались по широкой, но крутой лестнице королевской резиденции и ворвались в самую комнату Чак-ксиб-чака и его невесты. Его слуги, измученные чрезмерными пиршествами, оказали лишь слабое сопротивление. Хунак-ээл бежал с неохотной невестой в свой дом в Майяпане.

За этим последовала долгая и разрушительная война. Чак-ксиб-чак сумел убедить все соседние королевства, кроме Сью, присоединиться к его войскам. Только Сью остались нейтральными. Увидев вражеские войска, Хунак-ээл призвал на помощь отряд мексиканских воинов, которые случайно находились в Табаско. Война продолжалась много лет. Исамаль был завоеван, и один за другим знаменитые города падали под власть Хунак-ила и его иностранных союзников. Наконец он атаковал сам Чичен, убил Чак-ксиб-чака и, с помощью новых боевых машин мексиканцев, разграбил город.

И теперь завоеватель совершал свой триумфальный вход. Его сопровождал сын, также сын Тибилля, юноша, только что достигший зрелости. В свите Хунак-ээла был также молодой мексиканец по имени Пантемитль. Пантемитль был обучен как воин, но его деятельность приняла более мирный оборот. Он сыграл небольшую роль в возведении великого Храма Солнца в Теотиуакане, в своей родной стране. Хунак-ээл признал способности молодого человека как художника и архитектора; он был именно тем человеком, который был нужен Хунак-ээлу для осуществления его плана по строительству более великого и славного Чичена.

Хунак-ээл вскоре вернулся в Майяпан, оставив после себя своего сына Такскаля и назначив губернатора для управления городом.

Такскаль и Пантемитль, молодой архитектор, вскоре стали лучшими друзьями. Пантемитль занимался строительством великолепного храма, воздвигнутого на высокой пирамиде, с лестницами по четырем сторонам. Он привез с собой идеи своей страны, которые были новыми для Юкатана. Он заказал резные изображения пернатого змея для входа в храм и для одной из больших каменных лестниц. Жители Чичена восхищались искусством чужой страны, которое расцветало в их городе.

Среди жителей, многие из которых служили рабами узурпаторов, был мастер по обработке нефрита. Красота его резных изделий принесла ему известность. Его мастерство

не имело себе равных во всей стране. Именно его призвали изготовить все головные уборы, нагрудные украшения и бусы для регалий тех, кто изображал богов майя на праздниках, которые проводились каждые двадцать дней. Старый мастер по обработке нефрита жил со своей дочерью в хижине с соломенной крышей на окраине города. Девушка была красива. Она была небольшого роста, с яркими карими глазами и тонкими, четко очерченными чертами лица. В ней было что-то утонченное, что и сегодня характерно для всех женщин майя, особенно молодых. Никте, Цветок, была послушной дочерью, и когда она не молола кукурузу, ей нравилось затачивать каменные инструменты и собирать тростник, необходимый отцу для работы с нефритом. Как и другие женщины, она мало участвовала в больших религиозных представлениях, которые так часто устраивались в храмах. И теперь, более чем когда-либо, ее отец держал ее дома, боясь, что ее случайно выберут в качестве жертвы новым богам, введенным тольтеками, которые пришли в город в составе армий Хунак-ээла. Однако ее красота привлекла внимание Пантемитля, когда он пришел навестить ее отца, который изготавливал нефритовые и обсидиановые глаза для множества фигур пернатого змея, созданных молодым художником.

Пантемитль собирался завершить строительство великолепного бального двора в Чичен-Ирме для игры в тлахтли, которая была частью религиозной жизни мексиканцев. Жители Чичен-Ирмы с одобрением отнеслись к появлению этой игры в их городе, так как они любили зрелища. Площадка состояла из двух массивных параллельных каменных стен. Ближе к верху и по центру каждой стены выступало каменное кольцо, на котором был высечен узор в виде пернатого змея. Но сама площадка была лишь небольшой частью всего сооружения. По обоим концам находились два красивых храма, а самое замечательное из всех зданий было на вершине и в конце одной из стен. Снаружи здание было украшено фризами с изображениями тигров, чередующимися со щитами. Порттик здания поддерживали две колонны в виде змей, между которыми находился каменный алтарь, состоящий из пятнадцати высеченных и раскрашенных человеческих фигур, поддерживающих в своих поднятых руках плоский камень в виде стола. Каменные косяки дверного проема были украшены резьбой с изображениями воинов, а на резном деревянном перемычке был изображен бог Солнца. Внутри самого храма Пантемитль изобразил сцены сражений Хунак-ээла и его врагов. Он включил в эту фреску также много сцен из быта; он даже осмелился изобразить женщин и сам дом Никте. Это было кощунством по представлениям Такскаля, который считал, что женщины не должны быть изображены в храме богов, так как они не играли никакой роли в религии его отцов.

Теперь и Такскаль увидел Никте и начал вождеть ее. Его дружба с Пантемитлем уступила место соперничеству и горькой вражде. Ссора дошла до ушей губернатора Чичена, который был вынужден принять ее к сведению, поскольку она мешала завершению архитектурных работ. Положение губернатора было сложным. Он боялся гнева короля, но в то же время не решался встать на сторону Такскаля, поскольку народ провозгласил Пантемитля, тольтека, героем за его роль в восстановлении города. Кроме того, губернатор узнал, что Хунак-ээл был окружен в своем городе кокомами, потомками самих ица. Поскольку эти люди завоевывали все на своем пути, возможно, Хунак-ээл больше не был страшен.

Губернатор решил, что исход спора должны решить боги. Он приказал двум соперникам сыграть первую игру в тлахтли на открытии нового корта. Боги Корта для игры в мяч определяют победителя; их решение будет справедливым. Поэтому было решено, что победитель игры сможет получить в качестве награды дочь мастера по обработке нефрита. Другой должен был быть отдан богам, его сердце вырезано и принесено в жертву их

изображениям. Эта практика, столь распространенная в Мексике, была относительно неизвестна в Юкатане. Губернатор подумал, что это был шанс принести достойную жертву новым богам.

Оба юноши с энтузиазмом приняли пари, чтобы сыграть за своих богов и Никте. Что касается Никте, то она была практически рабыней, и ее выбор в этом вопросе не имел никакого значения. И все же она сильно симпатизировала принцу, человеку своей расы, в отличие от Пантемитла, иностранца.

Настал день открытия площадки для игры в мяч. Новость о необычных обстоятельствах, связанных с первой игрой, разлетелась по всему городу. Люди съезжались со всех окрестных городов, даже из Ицамаля, расположенного в нескольких лигах отсюда. Обычно ставками были мантии, золото и нефритовые украшения, но иногда мужчины играли на рабство. Сегодня проигравший должен отдать свою жизнь. Толпа выстроилась вдоль массивных стен, губернатор и его свита сидели в портике Храма Тигров, другие высокопоставленные лица заполняли два небольших храма по обеим сторонам. В этих трех храмах приносят жертвы богам Игрового поля. На самом поле весело одетые молодые люди поют и танцуют. Священники в великолепных регалиях своих должностей торжественной процессией входят в ограду. Произносятся молитвы, и мяч четыре раза бросают по полю в направлении четырех сторон света.

Два молодых человека, каждый с пятью друзьями-соперниками, выходят на площадку. Толпа замирает, а затем раздается шепот восхищения, когда зрители видят крепких юношей, тела которых блестят краской, а набедренные повязки украшены золотыми и нефритовыми орнаментами. Пантемитль является фаворитом в ставках, так как именно он привел Чичен к возрождению как город, не имеющий себе равных на всем полуострове. Такскаль и его игроки владеют резиновым мячом, стабильно отскакивающим по корту в сторону кольца своих противников.

Мяч на мгновение зависает над кольцом, но снова падает. Он приземляется прямо на бедро Пантемитла, который высоко подпрыгивает, чтобы его поймать. Он и его товарищи по команде долго тренировались в игре в Мексике, и теперь этот факт начинает давать о себе знать. Пантемитль отскакивает мяч товарищу, и он быстро переходит от одного к другому, пока наконец не попадает обратно к нему, прямо перед кольцом соперников. С большой ловкостью он бросает его прямо в отверстие, и игра заканчивается.

Согласно правилам, плащи зрителей принадлежали победителю, но в этот раз никто не бросился с площадки. Все были озабочены трагическим исходом игры. Так как Такскаль упал без сил к ногам Пантемитла, тот поднял его и отнес в Храм Тигра. Здесь их принял губернатор. Отец Такскаля больше не вызывал страха, так как пришла весть, что он был изгнан из своего города кокомами. Губернатор понимает, что, принеся в жертву сына Хунакила, он снискает благосклонность новых завоевателей Майяпана.

Поэтому губернатор решает немедленно провести жертвоприношение. Священники отправляются готовиться к церемонии в портике знаменитого храма-пирамиды, расположенного всего в двух шагах от площадки для игры в мяч. Жертвенный камень готов принять жертву, а Такскаль — юноша без порока, как того требуют боги. Не сопротивляясь, он позволяет одеть себя в великолепные одежды для жертвоприношения. Его окутывают дымом ладана из сосудов с горящим копалом и почти засыпают цветами. Пажи следуют за ним в процессии жрецов, поднимающихся по ста ступенькам пирамиды. Согласно мексиканскому обычаю, считающему его воплощением бога, к нему относятся с максимальной честью и уважением.

На вершине лестницы, сдав свои цветы и мантии, он встречается шестью священниками с косами, спутанными кровью предыдущих жертв, с ушами, свисающими длинными полосками, которые были отрезаны в качестве акта покаяния. Его ведут к жертвенному камню и бросают на него на спину. Пять священников держат его за руки и ноги, а шестой, одетый в алую мантию, ловко вскрывает ему грудь знаменитым жертвенным ножом, на деревянной рукояти которого вырезаны переплетенные тела двух змей. Вставив руку в рану, он вырывает бьющееся сердце. Сначала подняв его к заходящему солнцу, он бросает его к ногам изображения бога, которому посвящен храм.

Когда Пантемить направился к хижине изготовителя нефрита, он услышал издали пение и плач и был удивлен, увидев собравшуюся толпу людей. Вскоре он с ужасом узнал, что его возлюбленная Никте предложила себя в жертву. Она объявила, что тоже умрет, принеся себя в жертву богам в священном колодце Ица.

Жрецы уже готовили церемонию. Начался шестидесятидневный пост. Принесли дары и ладан, а Никте, лежащую на ложе, одевали в белые одежды и украшали гирляндами из цветов. В отчаянии и раскаянии Пантемить провел время в своем Храме Тигра, расписывая над дверью комнаты с фресками сцену жертвоприношения своего соперника. В комнате за храмом он вырезал сцены, на которых воины и гражданские лица воздавали почести Богу Пернатого Змея. Он надеялся, что это найдет благосклонность у богов и избавит его от несчастных чувств.

Сенот Жертвоприношения, огромный природный колодец, находился недалеко от храма, который стал местом смерти Такскаля. В сенот бросали самые ценные вещи народа в качестве подношений богам. Девы считались особенно желанными для богов, и темные воды, глубиной шестьдесят футов от поверхности, унесли множество жертв.

На рассвете шестидесятого дня процессия отправляется из дома резчика нефрита. Сжигаются бесчисленные чаши с копаловым ладаном, инкрустированные амулетами, священники несут резные деревянные посохи с головками из каменной мозаики или покрытые золотыми масками, и все это бросается в темные воды. Сама девушка одета в тонко сотканые ткани, богато украшенные золотыми колокольчиками и нефритовыми бусинами. На груди у нее золотая пластина, на которой изображено жертвоприношение ее возлюбленного. Никте должна умереть за любовь к Такскалу, но для всех остальных это акт высшей преданности богам.

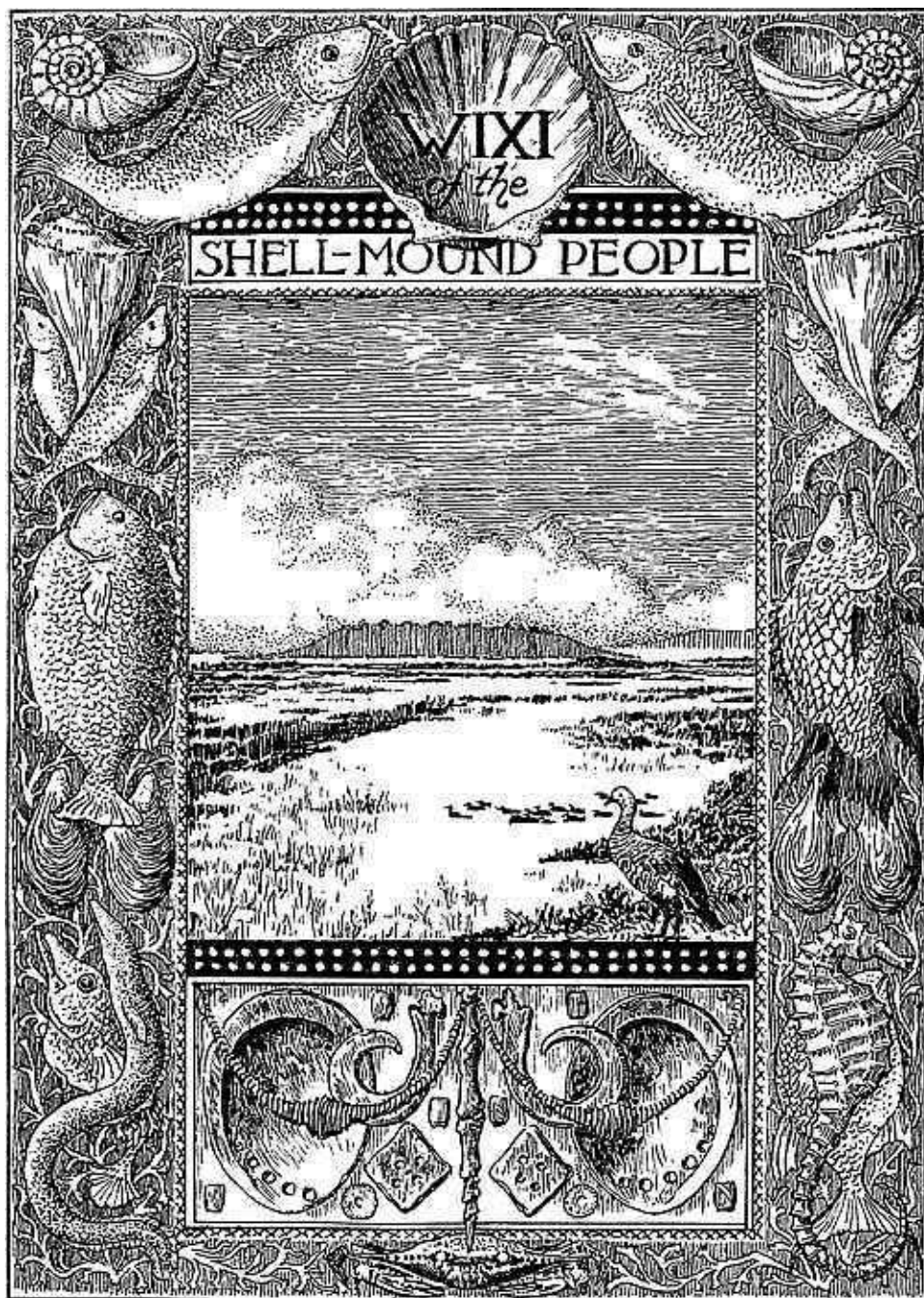
Процессия проходит к Великой пирамиде, а оттуда широкая аллея, уставленная изображениями, ведет к Сеноту жертвоприношения. Когда группа поклонников окружает священный колодец, священники с девушкой занимают свои места в небольшом храме прямо на краю. Сжигается еще больше ладана, и драгоценные подношения бросают в воду, сопровождая это молитвами и песнями в честь богов сенота. В наступившей тишине главные действующие лица поднимаются на крышу храма, откуда через несколько мгновений деву бросают в глубину. Пока рябь распространяется до краев большого бассейна, поют молитвы, умоляя богов милостиво принять подношение...

Измученный работой и горем, Пантемить не смог больше выдержать нагрузки, заболел и умер. Перед смертью он завершил строительство небольшой копии пирамиды-храма, предназначенной для захоронения праха бедной королевы, матери Такскаля, Тибил, которая просила, чтобы ее похоронили в городе ее отцов.

Смерть Пантемитла погрузила город в траур. Его великие достижения сделали его героем. Его шедевр, Пирамида-гробница, был завершен, и народ потребовал, чтобы этот прекрасный храм с усыпальницей стал гробницей его архитектора. Подношения от всех покрывали погребальный костер, на котором сжигали его тело. Его последним желанием

было, чтобы прах Такскаля смешался с его прахом... Последний обряд вот-вот начнется. Красивая алебастровая ваза, одно из самых ценных сокровищ города, подарок монарха из далекой страны, который посетил город, несутся в процессии священников на вершину пирамиды-гробницы. В ней находятся прах Пантемитля и Такскаля. С почтением ваза, окруженная подношениями из нефрита, опускается с пола храма через выложенный камнем шахт до тех пор, пока не опустится в естественную камеру под курганом.

АЛЬФРЕД М. ТОЗЗЕР

Викси из народа Шеллмаунд

НА ПЛЯЖЕ

«Вот еще один! Вот еще один! Вот еще один!»

Это возбужденный голос обнаженного, жестикулирующего малыша, которому чуть больше трех лет, который указывает на крошечную дырочку в гладкой поверхности прибрежного пляжа у его ног.

«Да, да, дитя, я иду», — отвечает мягким, ласковым тоном женщина, стоящая в нескольких шагах от него.

«Но я голоден, я голоден», — раздается настойчивый, полураздраженный голос.

«Ну, ты же знаешь, что сейчас нельзя есть моллюсков. Отметь того, которого нашел, и беги искать еще. Скоро мы пойдем домой».

На это ребенок неуверенно наклоняется и грубым заостренным обломком кости рисует круг вокруг дырки, а затем убегает по мокрому пляжу.

Вскоре появляется его мать с грубой корзиной в одной руке и короткой, толстой, заостренной палкой в другой. Она босая и без головного убора. Ее единственная одежда — это своего рода юбка из рыхлых полос коры, доходящая от талии до колен. Ее тяжелые, блестящие черные волосы закреплены двумя прядями, свисающими спереди и частично закрывающими грудь. Ее кожа, на тон темнее, чем у ребенка, имеет цвет копченого красноватого кирпича или определенный оттенок восточной бронзы. Ей едва больше двадцати лет, и у нее прекрасная, привлекательная фигура.

Дойдя до места, указанного ребенком, молодая женщина ставит корзину на землю. Затем, взяв палку обеими руками, она вонзает ее в твердый пляжный ил и одним ловким движением вытаскивает на поверхность довольно крупную моллюск. Она поднимает его, бросает в частично наполненную корзину и делает несколько шагов к месту, где ребенок снова зовет ее.

Подобные сцены разыгрываются повсюду. Женщины и дети, которых в общей сложности около ста, разбросаны по пляжу на протяжении почти полумили; примерно в ста ярдах оттуда находится еще одна, несколько меньшая группа. В обеих группах женщины и старшие дети заняты копанием палками, а младшие дети бегают по пляжу, ища моллюсков. Вдруг у края отступающей воды раздается любопытный всплеск. Всплеск повторяется еще раз или два, и вместе с ним раздается хор голосов.

«Wixi! Wixi!» (Стингер! Стингер!)

Около дюжины подростков прибегают со всех сторон, громко крича: «Он мой! Он мой! Я его первым увидел! Я его первым увидел!»

На самом деле ничего не видно, за исключением, возможно, небольшого участка у берега, где вода необычно мутная. Дети бросаются в воду, обходя вокруг мутного места, и, расположившись по кругу с морской стороны, начинают тыкать в него палками. Вскоре раздается еще один сильный всплеск, и из мелкой воды поднимается огромное, чудовищное на вид существо.

«Викси! Викси! Мы тебя поймали!» — кричит хор. «Мы тебя поймали!»

Постепенно отступающая вода вскоре показывает причину возбуждения — очень большой орляк, разновидность плоской рыбы, по очертаниям напоминающий огромную бабочку, с длинным хлыстообразным хвостом (), у основания которого находится острый костный вырост, способный нанести серьезную рану. Вики — уродливый парень, и пока он лежит в воде глубиной два-три дюйма, судорожно дергаясь и злобно хлеща хвостом из стороны в сторону, дети твердо втыкают свои палки в землю, образуя вокруг него своего рода ограду, а сами стоят в стороне, вне досягаемости. Но как только чудовище успокаивается, все начинают бить его палками, кричать и вести себя как стая сражающихся собак. Наконец, самой старшей из детей, девочке десяти или одиннадцати лет, удается воткнуть свою палку в глаз существа. Несколько сильных ударов, и скат лежит неподвижно.

Девочка продолжает опираться на палку, крепко удерживая огромную рыбу. Остальные дети падают друг на друга в попытке подобраться к ней. Все пытаются проткнуть мертвое тело своими палками и оттащить его. Но их орудия слишком слабы и тупы. Некоторые хватают слизистое существо пальцами, но безрезультатно. Девочка стоит неподвижно.

В ярости некоторые дети внезапно набрасываются на нее. Пытаясь защититься, она отпускает палку, и в тот же момент большую скат утаскивают, но не те, кто первоначально на нее претендовал. Во время суматохи мальчик тринадцати или четырнадцати лет незаметно подошел из большой группы собирателей моллюсков и два или три раза обмотал хвост скат вокруг своей руки. Теперь, когда девочка отпустила палку, он дергает скат и начинает бежать со всех ног к своим товарищам, а туша большой рыбы волочится за ним по скользкой грязи.

Возникает огромный шум. Некоторые дети пытаются последовать за ним, но вскоре отстают. Девочка, убившая скат, наконец осознавшая, что произошло, вскрикивает: «Ты забрал моего вики! Ты забрал моего вики! Ты — вики! Ты —!» Ее голос задыхается от рыданий. Но ее эпитет подхватывают хором голоса обеих групп собирателей моллюсков, Кавины и Акалана: «Ты вики! Ты вики!»

Но мальчик не обращает на это внимания. Дойдя до берега, он еще несколько раз обматывает хвост ската вокруг своей руки, перекидывает огромное тело через плечо и исчезает среди болотных водорослей в направлении своего дома.

Вики! Вики! Так мальчик получает прозвище на всю жизнь.

ЗА ЗАВТРАКОМ

В заливе Сан-Франциско еще раннее утро. Отлив, и солнце, только что поднявшись над восточными холмами, отражается в спокойных водах, как в огромном овальном зеркале. На горизонте за просторами вод залива солнечный свет сверкает на снежной вершине горы Гамильтон; слева виднеются туманные очертания горы Диабло, а справа, величественная в ярком солнечном свете, возвышается покрытая зеленью гора Тамалпаис, охраняющая вход в широкий канал, ведущий на север в залив Сан-Пабло. Поверхность канала слегка взбалмошная, потому что здесь в море впадают воды великих рек, стекающих с внутренних гор и долин. Берег залива низкий и болотистый, лежит широкими изгибами. Вдоль этих изгибов на фоне тенистых холмов () периодически поднимается слабый голубой дым. Этот дым обозначает поселения, которых вдоль всего берега залива насчитывается около двухсот, нанизанных как жемчужины на ожерелье.

В одном из изгибов залива дым поднимается из сероватого пятна на болотистой местности, примерно в трехстах ярдах от береговой линии. Это деревня Кавина. Четыре

мили дальше на восток, прямо на берегу, лежит деревня Акалан. За ней береговая линия поворачивает, и другие поселения прижимаются к берегу в каждой точке, где в залив впадает ручей с пресной водой.

Сборщики моллюсков разбредаются по пляжу в сторону дома. Несколько молодых людей из Акалана ушли к вершине бухты, расположенной в нескольких сотнях метров. Они заняты тем, что тащат дюжину или более странно сформированных связок высохших тростников по грязному склону к приливной канале, который осушает обширные болота, простирающиеся вдоль всего восточного основания поттеро. Когда собиратели моллюсков уходили из дома, канал был сухим, но прилив уже быстро возвращается, и тем, кто принес завтрак, приходится помогать перебраться через него.

Это оживленное, если не сказать шумное, событие. Старшие дети скользят по скользкой грязи в воду и барахтаются посреди смеха и криков. Только женщины с корзинами и маленькие дети переправляются на пароме, потому что эти связки тростника служат лодками, или, скорее, плотами. Некоторые из них вмещают только от четырех до шести человек, другие — до пятнадцати. Переправа проходит довольно медленно, под оживленную болтовню женщин. Дети побежали вперед, вверх по травянистому склону к деревне.

Трава внезапно заканчивается у подножия черноватого возвышения, на котором стоит деревня. Возвышение высотой около двадцати футов имеет неровный контур, склон местами пологий, местами крутой, а вершина примерно уплощена. При приближении становится видно, что все это холмообразное сооружение состоит из раковин моллюсков, мидий и устриц. Иногда встречаются ярко окрашенные раковины морского ушка. Кое-где разбросаны пары оленьих рогов и крыльев уток, гусей и других птиц, на которых еще остались перья. Повсюду лежат раздробленные или сломанные кости различных животных. Есть и рыбные кости. Вокруг роятся мухи, запах далеко не приятный. При ближайшем рассмотрении можно обнаружить пепел и уголь, а также немалое количество валунов и гальки с треснутой поверхностью. Создается впечатление, что это огромная куча пепла или мусорная свалка (). И все же на вершине всего этого стоит деревня!

Деревня представляет собой нерегулярную группу из примерно тридцати хижин в форме ульев, с отверстиями, обращенными на юг или восток. Сами хижины построены на каркасе из тонких столбов, установленных по кругу диаметром от двенадцати до шестнадцати футов, верхние концы которых согнуты и переплетены на высоте около восьми или девяти футов над землей. Над этим располагается слой веток и травы, который в свою очередь покрыт землей и дерном. Только верхняя часть остается открытой для выхода дыма. Однако сегодня утром перед дверями горят костры, у каждой семьи свой.

Несколько камней приличных размеров образуют кольцо вокруг угасающего костра. Вокруг каждого из этих кругов, на расстоянии вытянутой руки, сидят члены семьи. Даже пожилые мужчины, которые не часто снисходят до того, чтобы есть вместе с женщинами и детьми, присутствуют здесь. В основном это седые, неопрятные, вялые на вид люди, которые едва успели вытереть сон из глаз. В течение дождливых зимних месяцев они были относительно неактивны, а работу выполняли женщины; но теперь наступил апрель, и тепло весны выводит их из спячки. Скоро они уйдут на все лето и начнут вести активную жизнь среди холмов, где пищу не так легко добыть, как на берегу залива, хотя ее можно получить в большем разнообразии, если все, включая мужчин, приложат усилия.

Принесенные с пляжа моллюски распределяются, и пожилые люди кладут их такими, какие они есть, на горячие камни вокруг костра. Маленькие дети смотрят внимательно и в то же время с беспокойством, поскольку их неоднократно ругали за то, что они тыкали

пальцами в шипящих моллюсков, лежащих ближе всего к камням. Вдруг некоторые моллюски открываются, готовые к употреблению. Они были приготовлены самым замечательным образом в собственном соку. В группе вокруг костра, рядом с одной из задних хижин, сидят очень старый мужчина, женщина средних лет, двое детей и полувзрослый мальчик. Это мальчик Вики, который только что предложил своей матери сварить часть рыбы.

«Вареная рыба! Вареная рыба! Кто когда-нибудь слышал о вареной рыбе?» — выпаливает старик хриплым голосом. Он слеп или почти слеп, судя по его тусклым, глубоко впавшим глазам. Его волосы, как и его редкая борода, белые, а лицо и шея покрыты морщинами и, напоминающими загорелую кожу аллигатора. Его тело худое и хрупкое, руки дрожат.

«Ну, рыбу можно варить», — парирует Вики. «Вы варите муку из желудей, вы варите муку из каштанов, вы варите много всего. Почему нельзя варить рыбу?»

«Почему нельзя варить рыбу? Почему нельзя варить рыбу?» — кричит старик, весь дрожа. «Нельзя варить рыбу, потому что... потому что никто никогда такого не делал! Чакалли не говорил нам варить рыбу».

Подобные споры происходили почти ежедневно в течение многих лун, начиная с момента инициации мальчика, когда он начал брать на себя обязанности взрослого мужчины. Его отец, как сказал бы Вики, уехал. Будучи шаманом, он не смог вылечить отравленную рану одного вождя и был незаметно убит на тропе. С тех пор его семья была частично опозорена.

Это было несколько лет назад, и мальчик, вынужденный так рано полагаться только на свои силы, в сложных обстоятельствах научился применять ряд новых приемов. Он обнаружил, что, подвесив травяной коврик в вертикальном положении с помощью вертикальной палки, служащей опорой, он мог в одиночку быстро плыть на своем плоту из тростника по ветру. Другие молодые люди скопировали бы его прием, но у них были старшие, которые имели прямую власть и не позволяли этого. Но Вики, уже будучи чем-то вроде изгоя в деревне, мог делать почти все, что хотел, поскольку его слабый старый дед не был в состоянии его остановить.

В этот раз Вики, вместо того чтобы спорить со стариком, быстро окунул руки в корзину, стоящую в небольшой впадинке, вдали от костра, и вытащил из нее четыре или пять маленьких камней, с которых капала вода. Он отбросил их в сторону и с помощью пары палок вытащил из костра несколько камней и бросил их по одному в корзину, наполовину наполненную водой. На мгновение раздается шипение и поднимается пар, а затем вода в корзине начинает кипеть. Вики кладет несколько кусков скаты в кипящую воду и через короткое время ест вареную рыбу.

ДРЕЙК ПРОХОДИТ

Огни не раз вспыхивали от горы к горе, и на них отвечали не только Акалан, но и все двести поселений на берегу залива (). Главным событием, для которого не существовало заранее определенного сигнала, было прохождение вдоль побережья Калифорнии *корабля «Золотая лань»* в начале лета 1579 года. Великий капитан сэра Фрэнсис Дрейк не видел Золотые Ворота из-за густого тумана, но наблюдатели на горе Тамалпаис увидели его корабль и выполнили свой долг, как могли. До вечера того дня все жители побережья залива (те, кто жил на побережье, могли видеть это сами) поняли, что Васака, Орел, принесший первоначальный огонь народу муцун, когда они еще жили на далеком Севере, прошел мимо.

Через три или четыре недели, когда судно вернулось с севера и было вытаскано на берег для ремонта в укрытии Пойнт-Рейес, сигналы были пересмотрены в результате сообщений,

принесенных в Тамалпаис бегунами из Тамаланьос, также известных как «люди с остроконечными домами», которые жили прямо в месте высадки Дрейка. На этот раз муцун были проинформированы, что это был не Васака, а сам великий Чакалли. Чакалли, «Человек наверху» или «Великий наверху», часто был в их мыслях, но его визит был событием, предвещавшим беду. Почти все хотели бежать от его присутствия. Как оказалось, « » вел себя мирно и в свое время ушел, оставив муцунов в неведении.

Дрейк-Бэй, как оказалось, находился на территории народа мивок, которые говорили на другом языке, чем муцунес, и, кроме того, обычно ревностно относились к своим территориальным правам. Но несколько муцунес, в том числе и Вики, обошли его по морю. Вики был единственным из Акалана, кто отправился в путешествие, и это приключение стало поворотным моментом в его жизни. Он вернулся чем-то вроде героя, по крайней мере в глазах своих сверстников, а старшие мужчины держались в стороне. За несколько дней пребывания с бородатыми белыми людьми Вики узнал много удивительных вещей, в том числе то, что другие люди используют паруса для движения своих лодок. Если кто-то сомневался в его рассказе, ему оставалось только показать доказательства: маленькое зеркало, пару ниток из цветных стеклянных бус, квадрат красной ткани и, прежде всего, действительно удивительную вещь — металлический нож. Эти вещи были подарены Вики самим великим капитаном во время общего обмена подарками, который последовал за одной из индейских танцевальных церемоний, о которых мы читаем в дневнике Дрейка.

В СОВЕТСКОЙ ХАТИНЕ

В ранней молодости Вики достаточно хорошо осознавал свою силу и умения, а также свою способность направлять и улучшать жизнь своего народа. Однако он решил подождать своего часа. Старики постепенно уступят место или «исчезнут». Зачем спорить? К тому же спешить не было в его характере. Его терпение проявлялось еще и в том, что он еще не женился. Согласно обычаю, его родители должны были выбрать и купить ему жену, но, не имея родителей, или, по крайней мере, имея только мать, которая принимала его помощь и подчинялась его власти, этот вопрос в основном оставался за ним. Он действительно совершил действия, которые давали ему право на жену. То есть он принес подарки в виде еды и шкур для одежды к двери девушки, которую он выбрал, и она молча их приняла. Тем не менее, он не привел ее домой, потому что она не была приемлема в его собственной деревне, поскольку принадлежала к соседней деревне Кавина. Она была ни кто иная, как девушка, которой он был обязан своим именем, девушка, у которой он отнял скат.

Теперь жители Кавины не были друзьями жителей Акалана. Тем не менее, Вики снова и снова встречался с Махудой, как на пляже, так и в горной местности, и каким-то образом они уладили свою ссору и стали друзьями.

Вики ждал, но, вопреки его ожиданиям, отношение жителей его деревни к нему продолжало ухудшаться. Да, он получал все больше власти и авторитета, но суровая оппозиция старейшин делала свое дело. Несмотря на то, что молодое поколение восхищалось им, никто не осмеливался открыто поддержать его. Он постоянно встречался со старейшинами на совете, и они с уважением выслушивали его слова, но твердо выступали против него, когда он предлагал отойти от старых традиций.

Однажды ночью в совете в Акалане небольшой огонь в центре освещает Викси и около дюжины старейшин, выглядящих необычно суровыми и торжественными. Трубка передается по кругу, и вождь войны — самый молодой из присутствующих, кроме Викси — объявляет цель собрания.

«Много зим», — говорит он, отводя взгляд к потолку, — « » — много зим мы все беспокоились о будущем нашего племени. Мы не знали, что делать. Белый человек пришел в эту землю. Сначала мы думали, что он Васака, а потом, что он Чакалли. Но на самом деле он — сильный враг. Он не причинил нам вреда. Это хорошо. Он убивает наших врагов, длинноволосых за водами Муцун на юге. Это тоже хорошо. Он увёл некоторых из наших соседей, мивок. И это тоже хорошо. Но однажды, когда облака будут плыть высоко в небе, он откроет путь к водам Муцун, и тогда почему бы ему не убить и не поработить и нас?»

Все вокруг кивают головами и обмениваются украдкой взглядами, частично направленными на Викси, который сидит в одиночестве напротив основной группы старейшин.

«В этих обстоятельствах», — продолжает оратор, на этот раз резко глядя в сторону очень старого человека, сидящего в центре группы, — «в этих обстоятельствах некоторые из нас посчитали целесообразным, чтобы Какари, наш вождь мира, рассказал нам древнюю историю нашего народа, чтобы мы вместе могли судить по прошлому опыту, что лучше для будущего».

Все присутствующие, включая Викси, кивают головой, и слабый старик Какари, вождь мира, медленно и обдуманно берет слово.

«История муцунов, — начинает старик, — длинна. Чтобы рассказать ее всю, понадобится много ночей. Я расскажу только о двух-трех событиях, которые покажут нам, чего от нас ожидают «Великие Наверху».

«Да, да, что они ожидают от нас», — вторят слушатели.

«Давным-давно, — продолжает старик, — когда народ муцун впервые пришел к этим водам, они были бедны. Они пришли пешком с далекого Севера. У них не было лодок, у них не было луков и стрел. Васака принес им огонь, и у них были копательные палки. Это было все. Наш народ сначала поселился в Старом-Старом Акалане. В то время это место не было островом, оно было частью нашего длинного холма муцун, который защищает нас здесь, на западе. И пока они жили там, пришел Чакалли. Он пришел от «Великих Наверху» и принес с собой лодку, лук и стрелы, трубку и многое другое. Он отдал все это муцун и показал им, как этим пользоваться. Но позже пришел Койот и рассказал им, как делать другие вещи и использовать их по-другому. Это разозлило Чакалли, и он ударил Старого-Старого Акалана своей копательной палкой, молнией, и, промахнувшись мимо деревни, выбил большой кусок из холма рядом с ней. Это всколыхнуло землю, и когда кусок, отбитый от холма, упал в воду муцун, там, где она впадает в большое море, вода муцун поднялась высоко и протекла через отверстие, образовавшееся в нашем холме, и Старый-Старый Акалан стал островом. Кусок, выбитый из холма, также стал островом, островом Муцун, где наши молодые люди отдыхают и ждут прилива, когда они выходят в большое море за морскими ушками. Затем Чакалли ушел, но он не вернулся к «Великим Наверху», потому что время от времени земля сотрясается, и мы знаем, что кто-то еще не выполнил инструкции».

Здесь старый Какари сделал паузу. Викси стало ясно, почему была созвана эта встреча. Но ему предстояло услышать еще кое-что.

«После того как Чакалли ушел, — продолжил Какари, — народ муцун был вынужден переселиться. пляж вокруг маленького острова был недостаточно велик, чтобы дать им

необходимые моллюски. Кроме того, дрова для костра больше не приносило к деревне, как раньше. Все они уносились по новому каналу, проложенному Чакалли, и переносились туда, где теперь живут наши соседи, люди Земли, в Кавине. Часть дров попадала сюда. Поэтому вождь мира того времени — его звали Вален — посоветовал людям переселиться в Кавину, но сам остался со «старыми людьми» в Старом-Старом Акалане (то есть умер), и с ним остались все вещи, которые принес Чакалли. Завтра мы отплывем в Старый-Старый Акалан, чтобы посмотреть на них.

«Муцунес построили другие лодки, а также луки, стрелы и все остальное, скопировав то, что привез Чакалли. И у них не было никаких трудностей с переправой через воду в Кавину.

«Долгое время в Кавине все шло хорошо. Затем снова начались проблемы. Койот привез с севера корзину, которую он подарил молодым женщинам из племени мивок, живущих на другом берегу в Тамалпайсе. Он сказал им варить в ней еду. Они так и сделали, и им понравилось. Позже народ мивок рассказал об этом некоторым молодым мужчинам из Кавины, которые были там в поисках дерева для новых луков. Чакалли, должно быть, услышал об этом, потому что он нанес сильный удар по земле рядом с тем местом, куда бородатые мужчины приплыли на большом белокрылом корабле « ». Удар Чакалли проделал в земле длинную глубокую трещину, и большое море хлынуло в нее и заполнило ее. Вы можете увидеть это место и сегодня. В то время вода также поднялась и утопила многих муцунцев в Кавине, хотя они жили на высоком холме, который они сами построили, подобном тому, на котором мы живем сейчас. Над водой осталась только вершина холма.

Вскоре после этого народ муцун покинул Кавину, или Старый Акалан, как они называли это место. Многие из них ушли на восток и юг, построив новые дома вокруг воды муцун. Только наш народ пришел сюда, где и живет с тех пор. Это истории о Старом-Старом Акалане и Старом Акалане».

Силы старого Какари на исходе, и он прислоняется к стене. Но вскоре он продолжает: «После того как мы переселились сюда, долгое время все было хорошо. Каждый делал то, что ему велели старейшины, и Чакалли был доволен. Однажды земля снова задрожала, и вода ушла из Кавины, или Старого Акалана. Наш народ подумал, что Чакалли готовится к их возвращению, чтобы снова жить рядом со «Старыми Людьми». Но прежде чем они смогли переехать, Койот спустился с севера с некоторыми из Земных Людей, которые поселились в Кавине. Койот принес с собой также корзину для приготовления пищи и рыболовную сеть».

В этот момент гнев и возмущение слушателей выражаются низким рычанием и взрывными вздохами сквозь стиснутые зубы. Только Вокси, наклонившись вперед, опираясь локтями на колени и подперев подбородок руками, молчит.

Старый Какари делает последнюю попытку: «Люди Земли, Пома, принадлежат Северу. Они не принадлежат сюда. Некоторые из них говорят на нашем языке, но они не наш народ. Сначала мы воевали с ними, но Койот был слишком умен для Чакалли. Но хотя сейчас мы живем в мире, мы никогда не женимся на их женщинах, а они — на наших. Мы соседи, но не друзья. Завтра мы пойдем посмотреть доказательство того, о чем я вам рассказал. Катка (Будь полна сверчков)». И на этой заключительной формуле вождь мира закончил.

После нескольких мгновений молчания он снова прислонился к стене, как будто погрузившись в глубокий сон. Никто не говорил, но слушатели один за другим поднялись и покинули советский дом. Снаружи была черная ночь, и не было слышно ни звука, кроме вздоха ветра над болотной травой.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

На рассвете большая плоскодонка выходит из высокого остроконечного утеса, образующего южную оконечность Потреро-Сан-Пабло, и направляется прямо к острову Брукс. Через мгновение быстро гребущая плоскодонка исчезает из виду. На ней находятся все мужчины, которые были в доме совета, кроме одного. Вики там нет. Плот покинул Акалан, когда ночь еще была черной, и гребцы были вынуждены пробираться вдоль берега до остроконечной скалы и ждать там, пока остров не стал слабо виден. К счастью, это произошло до того, как их самих могли заметить из родной деревни, потому что их миссия в Старом-Старом Акалане была секретной.

Лодка скользит за большой высящейся скалой и в следующий момент скрежещет о низкий, узкий, изогнутый песчаный берег, соединяющий скалу с самим островом. Когда мужчины выходят на берег, они видят, как из тусклого севера появляется небольшой плот с одним гребцом. Одиноким гребцом причаливает на противоположной стороне песчаной косы, на несколько ярдов ближе к острову. Это Вики. Он тянет свою лодку через гребень к южному склону косы, чтобы пришвартовать ее рядом с другой лодкой. Это мера предосторожности, чтобы зоркие глаза в Акалане или Кавине не обнаружили, что на острове есть посетители.

Во главе с вождем войны мужчины продвигаются на несколько сотен метров к северо-западному углу острова, который удобно спускается к пляжу. Продолжая движение к северному берегу, они идут на восток через заметный подъем земли к нескольким каштановым деревьям. Место покрыто высокой травой и сорняками. Это курган, оставленный жителями Старого-Старого Акалана. Здесь покоятся кости древнейших предков муцунов.

Пройдя вершину, вождь войны видит линию в направлении двух самых старых каштановых деревьев и ставит Вики на эту линию. Старших мужчин он просит сесть. Сам он быстро идет к ближайшему из двух деревьев и возвращается ровными, размеренными шагами прямо к Вики. Пока он идет, он считает шаги на пальцах. На полпути по восточному склону холма он внезапно останавливается и значительным кивком головы приглашает всех подойти к нему. У одного из мужчин он берет копалку, рисует грубый круг вокруг того места, где стоит, и говорит: «Это место. Копайте!»

Мужчины опускаются на колени, отчасти чтобы остаться незамеченными в высокой траве, и никто не осмеливается снова встать, потому что уже почти рассвело. Некоторые начинают рыхлить землю копалками, а другие собирают рыхлую землю большими раковинами морского ушка. Таким образом они делают яму диаметром в несколько футов. Вскоре, на глубине около двух футов, они обнаруживают кости взрослого человека с руками и ногами, плотно прижатыми к телу. Все взволнованно шепчут. По наличию рядом со скелетом ступки и пестика, а также некоторых костяных шил и игл старики понимают, что это останки женщины. Дух предметов, которые женщина использовала в повседневной жизни, ушел, как они сказали бы, вместе с духом умершей в ее новое жилище на далеком Западе.

Глубже, примерно на пять или шесть футов, рабочие находят еще один скелет. На груди тела они обнаруживают большой обсидиановый клинок красивой формы. Рядом с плечом найдены несколько наконечников стрел, оставшихся на месте после того, как деревянные древки сгнили. Рядом с одной рукой лежат две тщательно отполированные стеатитовые табачные трубки. По обе стороны от черепа находятся дискообразные серьги из радужной раковины морского ушка, а вокруг шеи и плеч — множество бус из ракушек. Рабочие согласны, что это останки великого человека, и вождь войны решительно заявляет, что это

останки древнего вождя мира Валена. Однако все старики возражают против этого, утверждая, что, согласно традициям, Вален был похоронен не в черном мусоре, оставленном жителями Старого-Старого Акалана, а ниже, в девственной почве.

В течение всего дня раскопки продолжают, и извлекаются один за другим скелеты мужчин, женщин и детей. Каждый из них был первоначально похоронен под полом хижины, в которой он или она умерли, и со временем, когда над их костями накопились ракушки и пепел, была построена новая хижина, которая снова была разрушена после следующей смерти.

По мере того как люди копают все глубже и глубже, предметы, связанные с погребением, становятся все реже, и даже там, где что-то и присутствует, это грубые и недоделанные предметы. Больше нет трубок, красивых обсидиановых лезвий и тонких, похожих на слоновую кость шил или игл. Что это может означать? Разве предки древних времен не обладали этими вещами? Некоторые из рабочих, а уж точно вождь, наверняка думают об этом, потому что он внезапно заявляет, что, по его мнению, они копают не в том месте. Но старики только улыбаются и продолжают работу.

Наконец, незадолго до наступления темноты, появляются признаки того, что насыпь достигла дна. Начинает появляться настоящая земля, и вскоре обнаруживаются человеческие кости. Очень скоро обнажается полный скелет. Никаких орудий труда найдено не было, но всеобщее внимание привлекает ярко-красное пятно рядом с вытянутой правой рукой скелета. Это большое количество краски в порошке, подобная которой была замечена рядом с несколькими мужскими скелетами. Военный вождь, теперь явно взволнованный, берет острую раковину абалона и с нетерпением режет красную субстанцию. В следующий момент раковина выпадает из его руки. Он, как и остальные, ошеломленно смотрит на семь больших, красивых прозрачных кристаллов кварца — все сокровище Валена!

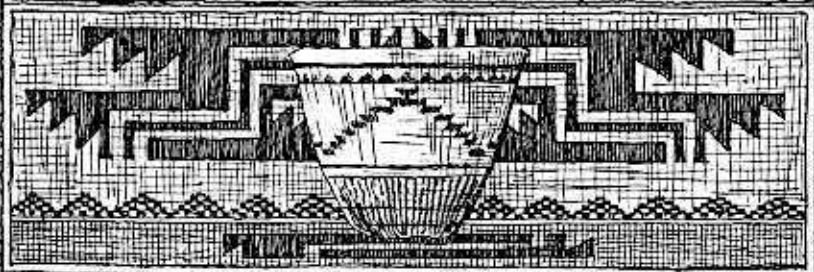
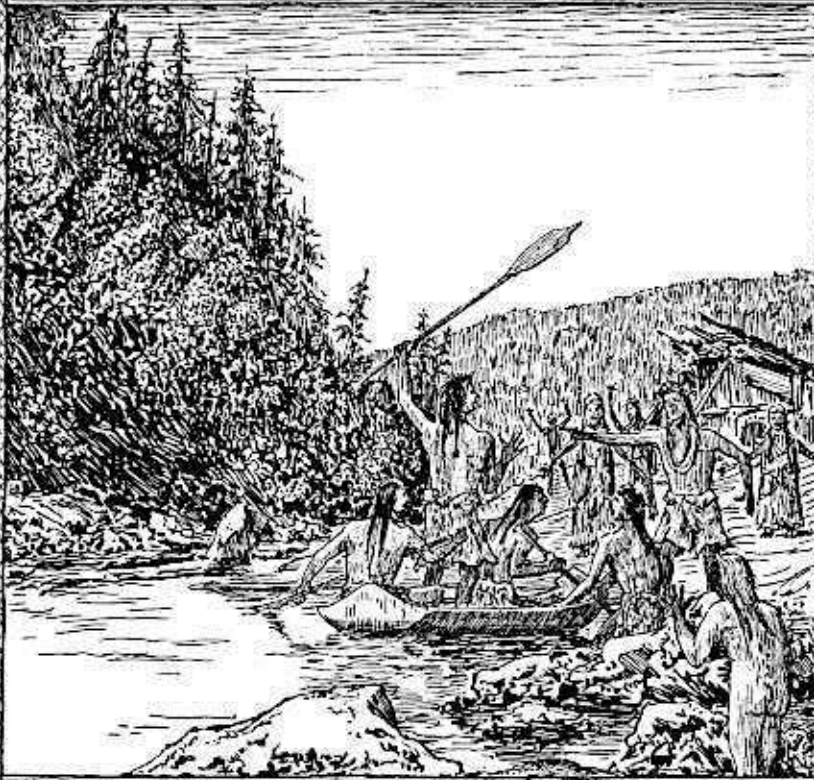
Утро. Останки умерших были возвращены на место, а все явные следы беспорядка устранены. Пусть «старики» Старого-Старого Акалана покоятся, пока море не унесет их! Вики тяжело трудился и устал физически, но духовно он стал новым человеком. Разве он не получил доказательства из могил? Разве он не знает наверняка, что жизнь муцунов не стояла на месте в прошлом, и разве он не полон решимости, что она будет развиваться и процветать в будущем?

Старики спят после тяжелой работы, продолжавшейся до поздней ночи. Только Вики беспокойно ждал рассвета, и когда утес через канал Муцун стал отчетливо виден, он отплыл на своей легкой лодке. Он мчится быстрыми, уверенными гребками и уже достаточно близок к противоположному берегу, чтобы увидеть женщину, машущую ему с вершины утеса. Это Махуда, которая с вечера вчерашнего дня ждала его возвращения. Первые лучи солнца только начинают играть вокруг нее, когда она стоит там на высоте, а Вики поднимает весло в воздух, чтобы помахать ей в знак признания. В этот момент Махуда издает громкий, пронзительный крик и поворачивается, чтобы убежать с края обрыва. Куски скал и земли падают на пляж, и поднимающееся облако пыли скрывает фигуру убегающей женщины. Через мгновение Вики поднимается на гребень огромной волны, которая несет его со скоростью пикирующего орла прямо на скалу.

Старики Акалана, пробудившиеся от первых толчков земли, становятся свидетелями всей сцены. Большинство из них просто качают головой. Но вождь войны, принимая торжественный вид, объявляет: «Чакалли нанес удар! Старый порядок остается».

Н. К. Нельсон

ALL IS TROUBLE
ALONG THE KLAMATH

Все проблемы вдоль реки Кламат

Идиллия юрок

(Говорит миссис ОРЕГОН Джим из дома Эркигер-и или «Волосы-завязки» в городе Пекван): Вы хотите знать, почему старая Луиза и я никогда не обращаем друг на друга внимания? Ну, я вам скажу почему. Я бы не заговорила с этой старой женщиной, даже если бы это спасло ей жизнь. Между нами и между ее людьми и моими людьми есть ссора.

Насколько я знаю, все началось с незаконнорожденного сына женщины из того большого старого дома в Вахсеке, который стоит поперек дороги — того, который они называют Вахсек-хетлквау. Они называют его так, конечно, потому что он находится *позади* других. Он как бы отступает от реки. Эта женщина жила с несколькими разными мужчинами; сначала с молодым парнем из соседнего дома, а потом, когда она его бросила, с бродягой из Смит-Ривер. Когда она бросила его ради хупа, все стали называть ее *kímolín*, «грязная». Ни один из этих мужчин не заплатил за нее ни цента, хотя она была из хорошей семьи. Она жила в разных местах. Двое ее детей умерли, но третий вырос в пресвитерианской миссии.

Он был еще менее разумным, чем пресвитериане. Однажды он приехал в Кепель, когда люди там строили рыбную плотину. Это был последний день работы над плотиной. В тот день плотина была почти готова. В это время никто не может злиться. Никто не может обижаться ни на что. Этот мальчик слышал, как люди обзывали друг друга. Они устраивали танцы. Время этих танцев отличается от всех других времен. Люди говорят самые ужасные вещи! Смешно слышать, как люди говорят, например, старому Киморецу: «Ну, старый одноглазый! Ты лучший танцор». Они придумывают самые ужасные вещи, чтобы сказать! Один парень даже сказал миссис Покер Боб: «Как поживает твоя бабушка?», хотя бабушка миссис Покер Боб уже умерла. От таких вещей кровь стынет в жилах, даже если ты знаешь, что это в шутку.

Этот молодой человек, о котором я вам рассказываю, которого звали Фред Уильямс, а индейское имя которого было Сэр, приехал из миссии « », чтобы посмотреть на танец «Fish-Dam» в Кепеле. Он был нарядно одет. Он ходил и выставлялся напоказ. На нем была соломенная шляпа с лентой. Он стоял и смотрел на танец. Между песнями он слышал, о чем люди говорили друг с другом. Он слышал, как они говорили всевозможные неподобающие вещи. Он думал, что это умные разговоры. Он решил, что попробует это, когда представится случай. На следующий день он пошел к реке и увидел, как Тули-Крик Джим готовит свои сети. «Пусть тебе отрежут другую руку», — сказал он. «Тогда ты сможешь ловить рыбу ногами!» Двое или трое людей, которые стояли рядом, услышали его. Тули-Крик Джим довольно злой. Его называют «Койот». Он выглядел смешно. Он стоял там. Он не знал, что сказать.

Молодой Эндрю, который был там, чья мать была из дома под названием «Дом вниз по реке» в Ковтепе, боялся за свою жизнь. Он как раз отталкивал свою лодку. Он отпустил веревку. Лодка отплыла. Он боялся тянуть ее обратно. Он пошел к дому. «Что-то случилось», — сказал он людям, которые там были. «Хотел бы я быть где-нибудь в другом месте. На реке Кламат будут проблемы».

Вскоре пошли слухи, что Койот-Джим требует деньги. Нам сказали, что он собирается заставить отца матери мальчика заплатить пятнадцать долларов. «Это моя цена», — сказал он. «Я не сделаю ничего мальчику, потому что он того не стоит. Никто не платил за его мать. Кроме того, я не буду брать с него много. Но родственники его матери состоятельные люди, и они должны будут заплатить ту сумму, которую я назову. Иначе я разозлюсь». На самом

деле он боялся что-либо делать, потому что сам боялся солдат в Хупе. Он просто болтал. Кроме того, он хотел получить повязку, украшенную целыми головами дятлов, которая принадлежала дедушке мальчика. Он думал, что сможет заставить старика отдать ее из-за того, что сказал его внук.

Мальчик ходил и кричал всем: «Я не должен платить, — говорил он. — Я слышал, как все говорили такие вещи! Откуда я знал, что они делали это только в тот день? Кроме того, посмотрите на меня! Посмотрите на мою рубашку. Посмотрите на мои штаны». Он показал им свою соломенную шляпу. «Посмотрите на мою шляпу! Я такой же, как белый человек. Я могу говорить все, что хочу. Мне не нужно заботиться о том, что я говорю».

Каждый день кто-нибудь приходил по реке и рассказывал нам новости. Шла большая ссора. В то время я разбила лагерь с дочерью над Мета, собирая желуди. В том году все желуди были плохие — маленькие, искривленные и червивые. Даже черви в том году были маленькие и как бы сморщенные. Место над Мета было единственным, где желуди были хорошие. Там разбило лагерь много людей. Некоторые платили за сбор желудей там. Моя тетя вышла замуж в дом в Мета, который называют Вуги, «Дом посередине», поэтому мне не нужно было ничего платить. Люди приходили с реки к нам, собирателям желудей, чтобы поговорить о новостях. Они рассказали нам, что родственники матери мальчика пытались заставить некоторых людей в Смит-Ривер заплатить. «Он сын одного из их мужчин, — сказал старый дед. — Они должны заплатить за его слова. Я не должен платить». Дело затянулось. Три недели спустя нам сказали, что старик пока не будет платить.

Той осенью в доме старика кто-то умер. Люди готовились к похоронам. Кладбище для того дома, называемого Хетлквау, в Вахсеке, находится прямо за дверью дома. Они пошли в тот каметл, в то место для трупов, которое вы, белые, называете кладбищем. Они выкопали яму и подготовили ее. Они пели «плачущие песни» в том доме, где умер человек.

Сводный брат Тули-Крик Джима плыл по реке на каноэ. Когда он добрался до Вахсека, он услышал «плачущие песни». «Кто-то умер там», — сказали ему. «Нам лучше остановиться! Бесполезно пытаться проплыть мимо. Нам лучше выйти на берег, пока похороны не закончатся». Сводный брат Тули-Крик Джима не хотел останавливаться. «Они должны деньги брату моей жены», — сказал он. «Один из них сказал что-то Джиму. Они не платят. Почему я должен выходить на берег?» Итак, они все поплыли к причалу. Они начали проплывать мимо, спускаясь по реке. Молодой парень на причале схватил их каноэ. «Вы должны выйти на берег», — сказал он. «У родственников моей тети похороны. Неправильно проплывать мимо на каноэ». Люди в каноэ начали злиться. Они толкнули дно веслами. Каноэ развернулось. Зять Койота-Джима встал. Он был очень зол. Они намочили его рубашку. Он размахивал веслом. Он кричал. Он был возбужден.

Один из мужчин на берегу был Билли Брукс из устья реки. «Эй! Ты, живущий с женщиной, за которую не заплатил!» — сказал он Билли Бруксу, — «заставь этих парней отпустить мою каноэ».

Билли был удивлен. Он не держал каноэ. И в любом случае, он не ожидал, что к нему обратятся таким образом. «Läs-son» — это то, что он услышал в свой адрес. Это означает «наполовину женат или неправомерно женат на женщине в доме у тропы». У Брукса не было денег, чтобы заплатить за жену, поэтому он пошел жить с ней, вместо того чтобы забрать ее к себе домой. Это мы называем полубраком. Все так называли Билли за его спиной. «Полуженая-в-доме-у-тропы» — так его называли.

Когда Билли перестал удивляться такой форме обращения, он разозлился. Он указал на парня в каноэ. Он ругался самыми ужасными словами, которые только можно было придумать. То, что он сказал, было ужасно. Он указал на него. Он был в ярости. Ему было все

равно, что он сказал. «Твои умершие родственники», — сказал он шурина Койота-Джима в каноэ. Он сказал это громко. Он указал на каноэ. Именно тогда он сказал: «Твои умершие родственники». «Все твои умершие родственники», — сказал он тем, кто был в каноэ.

Зять Койота-Джима сел в каноэ. После этого никто не пытался остановить каноэ. Каноэ поплыло вниз по реке. Билли Брукс пошел к дому. Он ждал. Через некоторое время люди похоронили того, кто умер, и похороны закончились. «Я должен заплатить деньги», — сказал им тогда Билли Брукс. «Я разозлился и сказал что-то ужасное шурина Койота-Джима. Это было из-за вас, люди. Если бы вы заплатили Койоту-Джиму то, что ему должны, шурина Койота-Джима не прошел бы мимо вашего дома, пока вы плакали, и вы не задержали бы его каноэ, и он не обратился бы ко мне так, как обратился, и я не сказал бы то, что сказал. Более того, в каноэ был Вохкел Дэйв, и когда я сказал то, что сказал, это относилось и к нему. Я чувствую себя ужасно из-за того, что сказал. У меня будут проблемы с обоими этими мужчинами. В каноэ были и другие, но они бедные люди и ничего не значат. А Дэйв — богатый человек. Теперь все эти проблемы на твоей совести, и ты должен заплатить мне два с половиной доллара».

Старик из Вахсека был в беде. «Сначала моя мышь сказала Койоту-Джиму то, что ни в коем случае не следовало говорить», — жаловался старик из племени . (Мы называем незаконнорожденных детей «мышьями», потому что они едят, остаются рядом и никто за них не платит.) «Теперь из-за того, что сказала моя мышь, произошла вся эта неприятность».

Теперь все говорили о ссоре. В это время они перестали говорить о проблемах старика и начали обсуждать то, что Билли Брукс сказал шурина Койота в каноэ и Вохкелу Дэйву. В конце концов выяснилось, что парень, который управлял каноэ и назвал Билли Брукса «Лэссоном», не был замешан в ссоре. Были упомянуты его умершие родственники, но, с другой стороны, его отец заплатил за его мать всего двадцать пять долларов, поэтому никто не обращал на него особого внимания. Он говорил, но никто не обращал на него внимания, поэтому он решил, что лучше промолчать, и, возможно, люди забудут, что его оскорбили.

Однако Вохкел Дэйв был важной персоной. Его родственники были связаны браками со всеми лучшими семьями вверх и вниз по реке. Все гадали, что он и Брукс будут делать. Билли Брукс сам был довольно злым человеком. У него была плохая репутация. Однажды он даже заставил белого человека заплатить за то, что тот сделал. Белый человек взял женщину из народа Брукса, чтобы жить с ним. Брукс разыскал его и заставил заплатить за нее. Все боялись Брукса. Некоторые говорили: «Брукс не заплатит. Он слишком злой. Он не боится. Он скорее будет драться». Другие говорили: «Это нормально, если речь идет о простых людях. Но Вохкел Дэйв не обычный человек. Его отец заплатил большую цену за его мать. У нее была одна из самых шикарных свадеб на реке. Дэйв не позволит никому взять над ним верх». Люди спорили по-разному. Одни говорили одно, другие — другое. Они почти ссорились из-за этого.

Вдруг по реке пришла весть, что Билли Брукс собирается заплатить за то, что он сказал. Кто-то пришел и сказал нам, что Билли собирается заплатить. «Он предложил двадцать пять долларов», — сказал этот человек. На следующий день мы слышали, что Дэйв не согласился. Он хотел сорок долларов. Они спорили туда-сюда. Только в феврале они пришли к соглашению. Билли должен был заплатить двадцать долларов наличными, ружье, сделанное из армейского мушкета, с просверленным стволом, и нитку ракушек, не очень хороших. Ракушки были довольно маленькие, но нитка была длинная — от грудины до кончиков пальцев.

Следующее событие касалось меня и старой Луизы. Оно произошло потому, что у Билли не было двадцати долларов наличными. Ему нужно было раздобыть эти двадцать долларов.

Примерно в то же время некоторые индейцы украли несколько лошадей. Это были не люди из нашего племени. Это были чилула из Болд-Хиллз или люди из тех краев. Эти люди были ужасно бедны. Они не могли заплатить за женщину. Они не могли заплатить ни за что. Им приходилось жениться друг на друге. Весной они становились довольно дикими. Они были способны на всякие поступки. На этот раз они украли несколько лошадей у белого человека. Этот белый человек пожаловался агенту в Хупе. Тогда несколько солдат из Хупы отправились преследовать этих индейцев. Билли Брукс был отличным охотником. Он бывал везде, охотился и ставил ловушки. Солдатам нужен был проводник. Они предложили Билли двадцать пять долларов, чтобы он служил «разведчиком» для правительства и преследовал этих индейцев. Так что Билли, поскольку ему нужны были двадцать долларов, в тот раз пошел разведчиком.

Солдаты отправились в Редвуд-Крик. Билли Брукс пошел с ними. Говорят, там был сержант и шесть человек. Двое из них пошли в индейский поселок в шести милях выше устья Редвуд-Крик, который называется Отлеп. Этот поселок принадлежит чилула. Эти два солдата пошли туда, чтобы найти людей, укравших лошадей. Через некоторое время в этом месте возникли проблемы. Солдаты поссорились с индейцами.

Проблема была связана с женщиной. Один из солдат хотел ее, но женщина не хотела идти с ним. Она не хотела этого. Я не знаю точно, что произошло, но солдат настаивал, а женщина настаивала, и в конце концов ее родственники сказали солдату, что если женщина не хочет, то она не должна. Тогда завязалась драка. Началась потасовка из-за револьвера солдата. Кто-то получил им по голове. Прицел был острый. Этот солдат заточил прицел на своем револьвере, чтобы он был точным. Прицел вонзился в лицо мужчины и разрезал его от челюсти до глаза.

Говорят, в тот раз там была большая перепалка. Все начали кричать. У той женщины был плохой характер. Она ударила солдата камнем. Она разбила ему голову. Человек, которому разорвали лицо, потянулся за своим ружьем. Он плохо видел. Он не смог правильно надеть капсюль. Он пытался выстрелить в солдата, но ружье не сработало. Капсюль упал с ниппеля. Солдат увидел, что индеец нацелился на него, и выстрелил в индейца. У солдата были затуманены глаза кровью, потому что женщина разбила ему голову камнем. Поэтому он промахнулся мимо индейца, который нацелился на него, но попал в племянника старой Луизы, Джима Уильямса. Пуля прошла через его бедро. Прошло два года, прежде чем Джим Уильямс смог снова ходить прямо.

Вот в чем заключается проблема между старой Луизой и мной. Ее племянник был ранен, и она винит в этом Билли Брукса, потому что Билли Брукс был с солдатами и помогал им, когда это произошло. Билли никогда не «заплатил» за это. Однажды было сообщено, что он собирается заплатить, но он так и не сделал этого.

Билли является моим родственником по браку. Его сестра вышла замуж за старшего сына брата моего отца. Старая женщина, чей племянник был ранен, не любит меня, потому что я родственник Билли, который помогал солдатам.

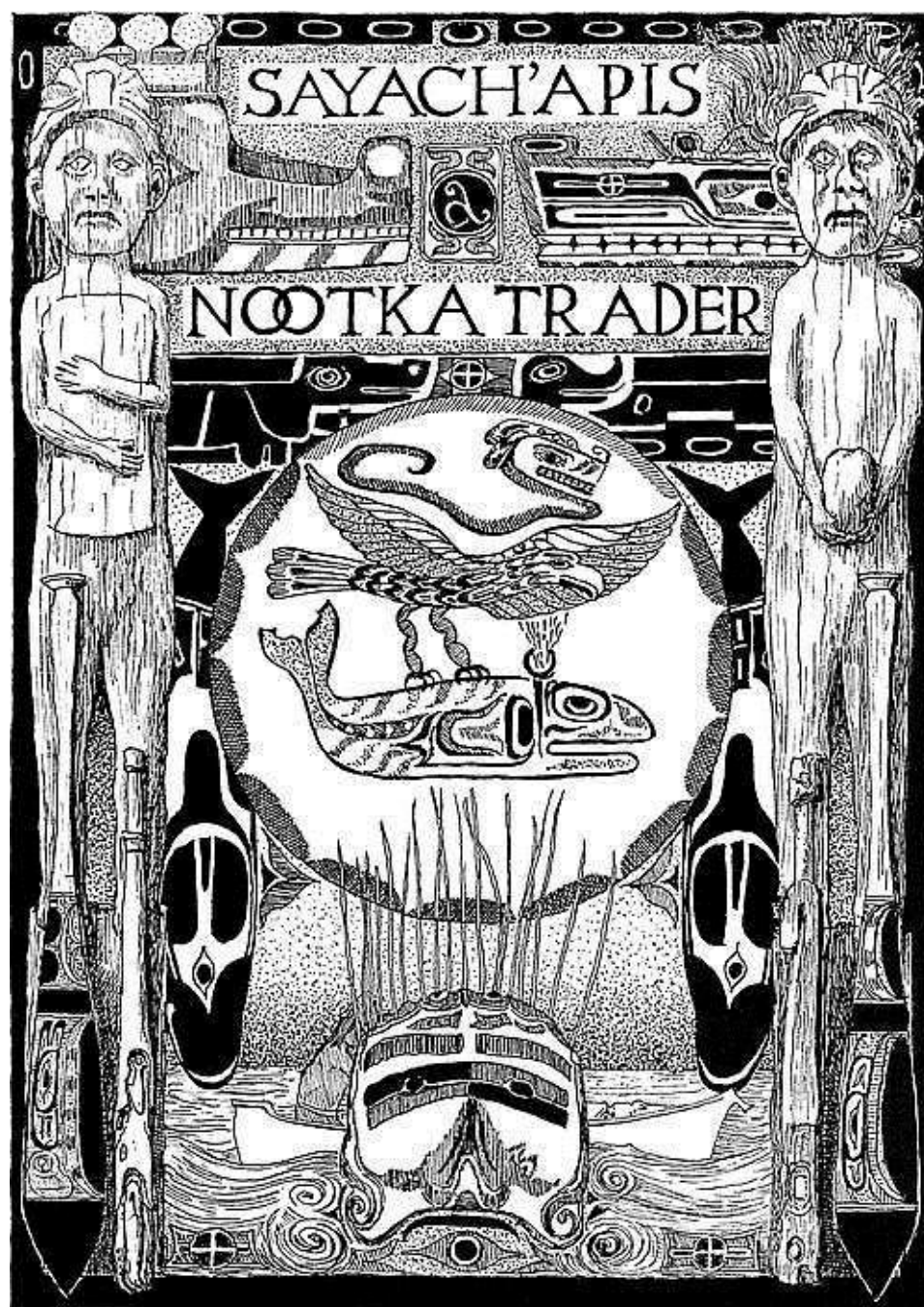
Однажды она подстроила мне грязную шутку. Мой племянник ловил рыбу с помощью сетей на реке здесь. Егерь подал жалобу и арестовал его, потому что один конец его сети был прикреплен к берегу. Та старуха, старая Луиза, пошла в Эврику и сказала судье, что один конец сети был прикреплен к берегу. Говорят, что она получила деньги за это. Кто-то сказал, что она получала два доллара в день. Мой племянник просидел в тюрьме шестьдесят дней. Я ничего не говорю этой старухе, но слежу за ней. Если кто-то с ней разговаривает, то я с ним не общаюсь.

Однажды белый человек из низовьев пришел к этой реке и спросил о корзинах. Он хотел знать названия всего. Он был немного сумасшедшим, этот парень. Его называли «Хэпоо» или «Корзиноделы». Он всегда спрашивал: «Что это значит?» или «Как это называется?». Он хотел знать все о корзинах. Он разговаривал со старой Луизой полтора дня о ее корзинах. Потом он перелез через забор к моему дому. Я не сказал ему ни слова, и он ушел. Мои друзья не разговаривают с Луизой и ее друзьями. Так будет всегда.

Все дело в том мальчике, Сэре. Если бы он не рассказал о том, что у Джима из Тули-Крик только одна рука, то шурин Джима не проплыл бы мимо дома, где лежал мертвый человек, и его каноэ не было бы конфисковано, и не было бы ссоры из-за каноэ, и Билли Брукс не ругался бы ни на кого, поэтому ему не пришлось бы платить деньги, и он не нанялся бы разведчиком на службу правительству, и парень из Редвуд-Крик не был бы застрелен, и старая Луиза не давала бы показаний против моего племянника. Заставлять людей платить — это нормально. Так всегда бывает, когда возникает ссора. Но сажать моего племянника в тюрьму — это неправильно.

Я больше никогда не буду разговаривать с этой старой дамой, и никто из моих людей тоже.

Т. Т. УОТЕРМАН

Саячапис, торговец из племени нутка

Том — слепой старик, которого каждый день можно услышать, как он стучит тростью или плещется по деревенской улице своей племенной резервации, или поднимается и спускается по склону холма, у подножия которого, у реки Сомасс, стоят хижины для копчения рыбы. Он — почетный член племени Ц'ишаат, племени нутка, которое сейчас постоянно проживает в нескольких милях от вершины канала Альберни, самого глубокого залива на западном побережье острова Ванкувер. Ц'иша'ат ловит рыбу и охотится с гарпуном вдоль реки, по всей длине «канала» и среди сотен островов, усеивающих пролив Баркли, первый из крупных заливов к северу от мыса Бил, вырезанных на бурном побережье острова.

Ранние годы своей жизни Том провел в ныне заброшенной деревне Хиквис, дома которой выходили на главную часть залива, но на протяжении десятилетий он вел безмятежную жизнь в своей речной резервации и ее окрестностях, на старых летних рыболовных угодьях, которые в первую очередь были завоеваны его народом у чужого племени. В пределах удобной досягаемости находятся медленно процветающие города белых людей Альберни и Порт-Альберни, где можно запастись печеньем и апельсинами для племенного праздника или периодически подавать жалобы индейскому агенту. Том теперь стар и беден, но память о его былом богатстве осталась у его народа. Многочисленные пиры, которые он устраивал, и многочисленные церемониальные танцы и представления, которые он проводил, имели желаемый эффект — они придали блеск его сыновьям, дочерям и внукам, «подняли его семью» среди племени Ц'ишаат и даже разнесли его имя среди других, отдаленных племен нутка и племен на восточном побережье острова, которые говорят на чуждом языке. В настоящее время он проводит большую часть времени у камина, постукивая посохом в такт старым ритуальным мелодиям, которые он никогда не устает напевать.

Нынешнее имя Тома — Саячапис, «Стоящий высоко над всеми». Это имя старика, существующее уже восемь поколений, которое происходит от Хисавистат, ныне исчезнувшего племени нутка, с которым Том связан по материнской линии () через мать своей матери, которая сама была Хисавистат по материнской линии. Племя вымерло, но его личные имена, как и его песни, легенды и характерные ритуальные церемонии, сохранились среди соседних племен благодаря тонкой сети наследия. Имя «Стоящий высоко над всеми», как и практически все ноотка, и вообще все имена западного побережья, имеет легендарную историю, свое собственное историческое обоснование. Первый вождь ноотка, носящий это имя, получил его во сне. Он проходил ритуальное обучение в лесу в поисках «силы» для обретения богатства и долго не спал. Наконец он погрузился в глубокий сон, и вот что ему приснилось: ему явился Небесный вождь и сказал: «Почему ты спишь, Стоящий-высоко-над-всеми? Ты же на самом деле не желаешь стать богатым, не так ли? Я собирался сделать тебя богатым и дать тебе имя Стоящий-высоко-над-всеми». Ирония — характерная черта этих легенд о происхождении. И так имя, сверхъестественный дар, передавалось из поколения в поколение, то по прямой мужской линии, то в качестве приданого зятю, проживавшему в какой-нибудь деревне, удаленной от места его происхождения. Это нормальный способ, фактически или теоретически, передачи всех привилегий, и хотя обладатель привилегии может быть жителем деревни, удаленной на сотни миль от ее исторического или легендарного места происхождения, он не может полностью утвердить свое право на ее использование, если не продемонстрирует, напрямую или посредством лица, знакомого с племенными преданиями, что он владеет легендой о происхождении, знает местное происхождение и генеалогическое древо или «историческую» связь, которая связывает его с человеком, который, как считается, первым пользовался этой привилегией.

Том не всегда носил имя Саячапис, и ему не нужно было сохранять его до конца своих дней. Он принял его более тридцати лет назад по случаю своего великого потлача, праздника полового созревания в честь его ныне покойной старшей дочери. В то время он носил имя молодого человека Навеик, которое теперь носит его старший сын Дуглас. Это имя принадлежит роду Нашасат или племенному подразделению Цишаат и впервые приснилось деду Тома по материнской линии. Таким образом, это имя относительно недавнего происхождения и не обладает той аурой благородства, которая присуща нынешнему имени Тома. Его точное значение неизвестно, но говорят, что это было приказание — «Иди сюда!» — духа кита, который приснился его первому обладателю из племени. Том взял это имя на потлаче, который он устроил для своего племени, когда еще не был женат. Это было как раз в то время, когда открытие россыпей золота в реке Фрейзер привело к значительному притоку белых в Британскую Колумбию.

До этого Том был известен как Куннух, имя молодого человека из племени нитинатов, означающее «Проснись!», которое также основано на сне о духе кита. Индейцы нитинаты — это группа племен нутка, населяющих юго-западное побережье острова, и право Тома на это имя и другие привилегии нитинатов было передано ему его дедом по отцовской линии, который сам был индейцем нитинатом. Имя произошло от отца отца отца его деда, который получил его во сне, когда тренировался для «силы» в китобойном промысле. Том принял его, когда ему было около десяти лет, на празднике присвоения имени, устроенном индейцами Цишаат его дедом из племени Нитинат. Оно заменило имя мальчика Ха'вилкумуктли, «Имеющий вождей позади», которое на этот раз было истинного происхождения из племени Ts'isha'ath и перешло к Тому через отца его бабушки по отцовской линии, который также получил это имя во сне от духа кита. Этот предок имел большой успех в охоте на китов и, став чрезвычайно богатым, «оставлял других вождей позади себя». Том получил это имя на обычном празднике от своего деда по отцовской линии.

Самое раннее имя, которое Том помнит, — Tl'ínitsawa, «Получающий-китовую-шкуру». Когда великий вождь Хохениквоп притащил свою добычу к берегу, маленькие мальчики приходили на пляж за кусочками китовой шкуры, поэтому он придумал для своего сына имя «Получающий-китовую-шкуру». Право использовать это имя унаследовал его старший сын, но оно также перешло к младшей сестре вождя, которая принесла его в качестве приданого отцу деда Тома по отцовской линии. Сам Том получил это имя во время траурного потлача, устроенного его дедом по отцовской линии в честь своего сына, отца Тома, который умер незадолго до этого. До этого у Тома было детское прозвище, то есть имя, данное ему не из унаследованного запаса имен, принадлежащих его родителям, а придуманное на месте по какой-то случайной причине. Такие прозвища не имеют церемониального значения, не являются привилегиями и поэтому не передаются по наследству и не передаются в качестве приданого. Том забыл, как его звали.

С самого начала, просто рассматривая то, как Том называл себя в разное время (), мы знакомимся с двумя великими социальными силами, которые создают атмосферу жизни нутка. Первая из них — это привилегия, право на что-то ценное, практическое или церемониальное. Такая привилегия называется индейцами «топати», и нельзя глубоко проникнуть в их жизнь или верования, не наткнувшись на одну топати за другой. Вторая — это сеть родственных связей и отношений, которая определяет статус индейца северо-западного побережья не только как члена племени, но и в отношении его права участвовать в любой важной деятельности. Нити генеалогического прошлого тесно переплетены в жизни жителя северо-западного побережья; он сам является традиционной совокупностью

социальных черт, присущих различным местностям, и вовлечен в разнообразные родственные отношения.

Насколько он себя помнит, Том всегда жил в атмосфере привилегий, рангов, конфликтующих претензий на то или иное желанное право. Насколько он себя помнит, он слышал такие замечания: «Старик Тутуч не имеет права устраивать такой-то танец Громовой птицы на своих потлачах. Его право на это не ясно. Во времена моего деда людей убивали за меньшее, и главный вождь племени Ахоусат, который имеет первоочередное право на этот танец, строго призвал бы его к порядку». Но он также слышал, как Тутуч энергично отстаивал свои права с помощью аргументов, генеалогических и других, о правоте или неправоте которых никто не знает наверняка. И насколько он себя помнит, Том привык считать себя не просто Ц'ишатом, хотя по месту жительства и непосредственному происхождению он в первую очередь именно это, но и участником традиций, социальной атмосферы нескольких других племен нутка. Он всегда знал, где искать своих более дальних родственников, живущих в деревнях, разбросанных по длинной береговой линии.

Первые несколько лет своей жизни Том провел в «колыбели» из плетеного материала, в которой он был плотно укутан разнообразными обертываниями и плетениями из мягкой, выбитой внутренней коры кедра. Даже сейчас он смутно помнит, как смотрел на море с высоты корзины-колыбели, привязанной за плечами его матери. Он также думает, что помнит, как однажды горько плакал, когда его оставили одного в корзине, прислоненной к стволу ивы, а его мать и четыре или пять других женщин ушли с острова Форест-Айленд (), чтобы копать съедобные корни клевера с помощью своих твердых, заостренных копательных палок.

Во время периода ношения в колыбели у Тома постепенно сглаживали голову, а точнее лоб, с помощью подушечек из кедровой коры, а верхнюю и нижнюю части ног перевязывали, чтобы икры выпирали. Индейцы считают, что им не нравятся большие лбы и худые ноги, они также не одобряют широкие брови, которые при необходимости сужают, выщипывая часть волос. Позже в жизни Том был менее придирчив к своей естественной внешности, поскольку в младенчестве его хорошо «исправила» мать. Как и другие мужчины его племени, он никогда не беспокоился о том, чтобы выщипывать редкие волосы на лице. Некоторые индейцы из знакомых Тома сделали себе татуировки, обычно на груди, с изображениями, относящимися к их охотничьим опытам или к привилегиям рода — четверть луны, морской лев или пара птиц-громовержцев, — но Том никогда не заботился об этом. Помимо уплощения головы в младенчестве, Том никогда не подвергал никакой части своего тела калечащим операциям, если только проколы в ушах и перегородке носа для крепления ушных и носовых подвесок из ярких радужных ушек морского ушка, нанизанных на сухожильные нити, не считать калечащими операциями. Эти подвески, от которых он и другие индейцы давно отказались, носили исключительно в качестве украшения; они не имели никакого значения как церемониальные знаки отличия.

Несмотря на то, что ни бритва, ни пинцет никогда не сглаживали волосатую поверхность его лица, Том не совсем пренебрегал уходом за своим телом. Чтобы предотвратить обветривание, он часто натирал себя жиром и красной краской, а в молодости он имел привычку поддерживать себя в хорошей форме, погружаясь на рассвете в холодную воду реки или моря. Энергичное растирание ветками болиголова, которое следовало за этим, пока кожа не становилась красной, помогало придать тонус его телу. Он не мог позволить себе пропустить купание и растирание более чем на два-три дня подряд, хотя бы потому, что это вызвало бы презрение и насмешки со стороны его товарищей. Ни один амбициозный молодой охотник на тюленей и морских львов не мог позволить себе быть названным женщиной. За свою долгую жизнь Том раскрашивал свое лицо самыми разными

способами, будь то для праздничных случаев или в частном поиске сверхъестественной силы в каком-нибудь уединенном месте в лесу. Некоторые из этих раскрасок лица — а среди нутка их используют сотни — представляют собой геометрические узоры, другие являются символами сверхъестественных существ и животных. Многие из них, как и песни и танцы, с которыми они связаны, считаются ценными привилегиями.

Том уже давно не носил и не видел, чтобы кто-то носил национальную одежду — той малой части, которая у них была, — но он отчетливо помнит одеяла и одежду из кедровой коры, которую носил его народ, когда он был мальчиком и, по сути, вплоть до зрелого возраста. Сильные дожди на побережье и постоянная необходимость входить и выходить из каноэ на пляже делали плотно прилегающую одежду и громоздкую обувь и одежду для ног нежелательными. Индейцы нутка не носили облегающих рубашек, гетр или мокасин. Они ходили босиком и с голыми ногами. Те мужчины, которые могли позволить себе больше, чем набедренную повязку, носили свободно накинутое на тело одеяло, либо из шкуры медведя, либо из гораздо более ценной шкуры морской выдры, либо из тканого одеяла, изготовленного из внутренней коры «желтого кедра» или из длинной шерсти местных собак. Женщины носили «юбки» из кедровой коры, которые представляли собой просто свободно сидящие пояса, отороченные длинными кисточками из кедровой коры. В дождливую погоду они также носили плетеные шляпы из нитей кедровой коры или расщепленных корневых волокон, с круглым верхом и конусообразной формой. Когда погода была пасмурной и дождливой — а зимой это случалось довольно часто — и мужчины, и женщины носили дождевики из кедровой коры или тростниковых матов. Дети бегали совершенно голые.

Еда, к которой Том привык в раннем детстве, не отличалась существенно от его нынешнего рациона. Тогда, как и сейчас, это была в основном рыба — вареная, приготовленная на пару, запеченная на вертеле или копченая. Во всех местах, где он бывал в детстве, в домах и на пляже, он был погружен в благодарные рыбные запахи. С самого раннего возраста, с которого он что-либо помнит, он ежедневно сталкивался с каким-либо аспектом жизни рыбацкого народа, будь то лов лосося мальчиками с помощью двухзубых рыболовных копий; или лов лосося копьями, троллингом или сетями пожилыми мужчинами; или лов в море сельди с помощью сельдевых граблей, палтуса с помощью особых, изящно изогнутых крючков для палтуса, которые даже сейчас каждый индеец хранит в своей коробке с разными мелочами, трески с помощью вращающихся приманок и копьев с двумя зубцами разной длины — «старшим» и «младшим»; или развешивание лосося рядами для сушки в коптильнях, чтобы эта важнейшая рыба могла по-прежнему вносить свой вклад в продовольственное снабжение (), долго после того, как последний лосось поздней осенью перестал нереститься; или разделывание лосося женщинами в качестве первого предварительного этапа приготовления пищи; или любая из сотен других сцен, которые делают рыбаков народом, занимающимся рыболовством и потребляющим рыбу.

Вторым по важности после рыбы являются различные виды съедобных моллюсков и других мягкотелых обитателей моря — мидии, моллюски, морские ежи, морские огурцы и осьминоги. Мясо осьминога или «дьявольской рыбы», хотя и не являлось важным продуктом питания, считалось деликатесом, и часто устраивались пиры, на которых оно фигурировало в качестве особого блюда, подобно крабовым яблокам или яблокам и апельсинам на современных праздниках. Гораздо более важным, чем эти мягкие продукты, хотя, вероятно, и второстепенным по сравнению с лососем и другой рыбой, было мясо морских млекопитающих — горбатого кита, калифорнийского кита, морской выдры, морского льва и, самое главное, моржа.

Том за свою жизнь наловил достаточно тюленей и, как и большинство других мужчин нутка последнего поколения, занимался коммерческим промыслом тюленей для белых компаний в Беринговом море. Он поймал несколько морских выдр, которые сейчас практически вымерли, но ни одного морского льва или кита, хотя он утверждает, что имеет наследственное право охотиться на этих животных и обладает незаменимыми магическими знаниями, без которых, по верованиям нутка, охота на них обречена на провал.

Вареное мясо китов и тюленей ценилось очень высоко, и не было более радостного события, которое могло бы разбавить монотонность жизни племени, чем буксировка на берег убитого гарпуном кита или приплывшее к берегу туше кита. В обоих случаях быстро готовили ножи для разделки туши, разделявали ее и устраивали пир в деревне. Том помнит, как взволнованно — ему тогда было всего десять с небольшим лет — он однажды сообщил о появлении плывущего туша кита в четверти мили от берега, как вся деревня бросилась в каноэ и как они с трудом дотащили его до песчаного пляжа с помощью прочных веревок из кедровой веревки, обмотанной нитей крапивы. Кит был тщательно разделан под руководством «измерителя» на традиционно определенные части, которые затем были распределены в соответствии с наследственным правом между теми, кто имел на них право. Сам Том получил мясо около пупка в качестве награды за свою находку. В тот раз было изготовлено необычно много китового масла (), и костры на праздниках пылали ярче, чем когда-либо, когда на них бросали масло, освещая яркими вспышками столбы домов, вырезанные в виде легендарных предков.

В молодости Том ел очень мало мяса наземных животных. Действительно, как и большинство жителей побережья, он с предубеждением относился к оленине, и только в зрелом возрасте, познакомившись с некоторыми племенами охотников на оленей из внутренних районов острова, он научился ценить ее, хотя и по сей день оленина не имеет для него такого же аппетитного вкуса, как кусок китового мяса. Рыба и мясо были основными, но не единственными продуктами питания. Женщины выкапывали различные съедобные корни, такие как клевер и корни папоротника, которые были приятным разнообразием, а ежевика, ягоды лосося, мыльные ягоды и другие виды ягод, которые часто сушили и прессовали для зимнего потребления, добавляли сладости к несколько однообразной пище. Единственное, что Том так и не научился любить, — это соль. Все пожилые индейцы нутка ненавидят соль в еде.

Когда Том вырос, его посвятили в основные ремесла его племени. Он стал довольно искусен в работе с деревом, как с мягким красным кедром, так и с твердым тисом и спиреей, освоив различные процессы деревообработки — сруб деревьев с помощью клиньев и каменных молотков, распиловку досок, сглаживание теслами, сверление, работу с изогнутым ножом, пропаривание и изгибание с помощью процесса «пропиловки» или надрезания. Еще в его юные годы инструменты с железными лезвиями и железными наконечниками почти полностью заменили аборигенные орудия из камня и ракушек, но сами формы изготовленных предметов до наших дней практически не изменились. За свою долгую жизнь Том изготовил сотни деревянных предметов быта — ящики с телескопическими крышками, весла, черпаки, дубинки для рыбы, рукоятки тесло, черпаки, луки, стрелы, огнива, уборные, копалки для корней, копы для рыбы и древки для тюленьих и китобойных гарпунов. Он также помогал в изготовлении каноэ и часто готовил и устанавливал тяжелые столбы и балки больших четырехугольных домов, которые еще строились в его молодости. С другой стороны, Том никогда не проявлял особых способностей в художественном украшении предметов. Такие вещи, как роспись на досках домов и веслах, или реалистичная резьба на масках, погремушках, декоративных дубинах для рыбы и столбах домов, скорее всего, были вне его сил () и при необходимости их

изготавливали для него другие, более умелые люди. Единственное, в чем Том достиг наибольшего мастерства, было изготовление досок для домов нужной длины и ширины. В молодости он путешествовал на каноэ от деревни к деревне с запасом досок, которые у него были под рукой, и обменивал их на одеяла, нитки из ракушек денталиума, сушеную рыбу, китовый жир и другие товары, которые можно было обменивать. Именно благодаря торговле, а не личным успехам в рыбной ловле или охоте, Том со временем накопил значительное состояние, и именно благодаря своему богатству и возможности щедро раздавать подарки на потлачах или праздниках, а не благородному происхождению, он занял свое нынешнее почетное положение среди соплеменников.

В то время как Том и другие мужчины, когда они не были заняты «потлачами», посещением родственников или поездками в Викторию, занимались рыбной ловлей, охотой на морских млекопитающих и деревообработкой, женщины готовили еду, копали съедобные корни, собирали моллюсков, и тратили свободное от этих и подобных занятий время на ткачество и плетение одеял, матов и корзин. Емкости, которые не были сделаны из дерева, были плетеными, а маты разных видов служили столами, занавесями и коврами. Материалы, из которых изготавливались эти корзины и маты, — вездесущая кора кедра и камыш — легко изнашивались, поэтому женщины были постоянно заняты пополнением домашних запасов. Даже сейчас трудно войти в дом нутка, не увидев одну или нескольких женщин, плетущих маты и корзины из полосок размягченной коры кедра, или сплетающих нити коры кедра в веревки и мешки, или прошивающих камышовый мат длинными иглами из полированной спиреи. В старину в доме всегда слышался громкий шум от разбивания сырой желтой коры кедра с помощью гофрированных костяных биток из кости кита и от разрыхления твердых полосок красной коры кедра в волокнистую массу с помощью полумесячных измельчителей. Женщины могли обрабатывать кору до почти любой степени тонкости; действительно, «шерсть» из кедровой коры, которая использовалась для набивки колыбелей, на ощупь почти такая же мягкая и пушистая, как пух или хлопковая вата. Когда Том был мальчиком, женщины делали только простые, без украшений корзины, плетеные или твиловые, и украшали маты строгими, но эффектными линиями, окрашенными в красный цвет ольхой и в черный цвет грязью. Однако с тех пор они стали изготавливать также корзины для безделушек и таблички с характерным обернутым плетением, красиво украшенные реалистичными и геометрическими узорами из черной и белой травы. Это искусство пришло к народу Тома от нитинатов или южных нутка, которые, в свою очередь, обязаны им мака из мыса Флэттери. Торговля с белыми является главным стимулом для изготовления этих более изысканных образцов плетения.

В настоящее время нутка живут в небольших деревянных домах, по одной семье в доме в нашем узком понимании этого слова. Когда Том был молодым, все было не так. Деревня Хиквис, в которой он вырос, состояла из ряда длинных домов из досок, каждый из которых был построен на тяжелом четырехугольном каркасе из столбов, которые представляли собой обрезанные стволы кедров, и поперечных балок круглого сечения, опирающихся на столбы. Крыша и стены были сделаны из кедровых досок, проходящих по длине дома. Пол представлял собой утрамбованную землю, а по задней и длинным сторонам дома пролегалла слегка приподнятая платформа. На внутреннем полу разжигали один или несколько костров, дым от которых уходил через отверстия в крыше, которые делали, просто сдвинув набок одну или две доски. Том рано научился не стоять в доме прямо, если это было возможно. Дым, циркулирующий в верхней части дома, особенно в дождливую погоду, когда дымовые раскосы были закрыты, раздражал глаза, и людям было удобнее сидеть или приседать на полу, насколько это было возможно. В некоторых домах, таких как тот, в котором вырос Том, были росписи или резьба, относящиеся к гербам или легендарным эмблемам вождя племени, подразделения племени или группы домов. В доме Тома

главными гербами были две громовые птицы, стоящие лицом к лицу, нарисованные на внешней стороне досок стены; ряд круглых отверстий, прорезанных в крыше, и одно спереди, служившее дверью, все они изображали луны; а также рисунки волков на досках, проходящих под платформами. Вождь рода вместе со своей ближайшей семьей занимал заднюю часть дома; другие семьи более низкого ранга, родственные вождю по младшей линии, занимали различные места по бокам. В длинном общественном жилище также проживали рабы. Они не были, как средний класс, незаметными родственниками семей вождя, а были чужаками, захваченными в войне или обмененными как любое другое имущество. Маты-кровати () отдельных семей были сделаны на платформах и были отделены друг от друга по мере необходимости.

В таком доме Том рано узнал о своих точных родственных связях со всеми своими родственниками. Вскоре он узнал также о степени своих родственных связей с соседними группами домов. Он применял термины «брат» и «сестра» не только к своим непосредственным братьям и сестрам, но и к своим двоюродным братьям и сестрам, близким и дальним, того же поколения. Среди всех этих более дальних братьев и сестер он различал «старших» и «младших» не по их фактическому возрасту по отношению к своему, а по тому, принадлежали ли они к роду, который был старше или младше его собственного. Он постепенно понял, что первородство, как собственное, так и родовое, означало превосходство в ранге и привилегиях. Поэтому термины «старший» и «младший» почти с самого начала приобрели мощный вторичный оттенок «высшего» и «низшего». Абсурдность того, что он называл свою маленькую кухню, возможно, на десять лет младше его, «старшей сестрой», была для него гораздо менее очевидна из-за его постоянного осознания ее более высокого ранга. По мере того как Том становился старше, он узнавал о существовании удивительного количества дядей и тетей, дедушек и бабушек, бесконечного числа зятеев — дальних и ближних. Он чувствовал себя в этом мире как дома. Куда бы он ни обратился, он мог сказать: «Младший брат, иди сюда!» или «Дедушка, дай мне это». Имена большинства его знакомых были для него не более чем ярлыками, которыми он мог обращаться к ним на расстоянии или на торжественных собраниях.

Наряду с чувством личной связи с отдельными людьми, в Томе выросло осознание существования племенных подразделений в деревне. Племя Цишаат, с которым он был связан по месту жительства, родству и воспитанию, на самом деле оказалось скоплением различных более мелких племенных единиц, из которых Цишаат, давшее название всему племени, было ведущей группой. Другие подразделения изначально были независимыми племенами, которые утратили свою изолированную самобытность в результате завоеваний, сокращения численности или дружественного переселения и объединения. Каждая из племенных подгрупп или «родов» имела свой собственный запас легенд, свои отличительные привилегии, свои дома в деревне, свои старые деревенские участки и отличительные рыболовные и охотничьи воды, которые до сих пор подробно помнили ее члены. Хотя роды теперь жили вместе как одно племя, основа разделения на роды была на самом деле традиционной местной. Группировка по родам, пожалуй, наиболее ярко проявлялась на церемониальных собраниях. Со временем Том узнал, что из всех почетных мест, признанных на пиру, определенное количество соседних мест в задней части дома принадлежало представителям септы Цишаат, определенное количество других мест в правом углу в задней части — представителям другой септы, и так далее. Таким образом, правильный ранг септ всегда был на виду благодаря четкому распределению мест более высокого и более низкого ранга.

Но не следует думать, что детство и юность Тома прошли исключительно в работе и приобретении социальных и церемониальных знаний. Напротив, не менее чем социология

его интересовали игры. Он крутил свои волчки — довольно неуклюжие на вид, с двумя колышками, — метал свои игровые копы в игре с копыями и травой и в игре с обручами, бил пернатые бруски плоской битой, метал кости из зубов бобра (хотя это была в основном женская игра), а когда стал старше, участвовал в любимой игре «лехал», почти всеобщей западной американской игре в угадывание, в которую играли с двумя или четырьмя костями для азартных игр под аккомпанемент волнующих песен. Более правильно относящейся к сфере спорта была несколько опасная игра в переворачивание каноэ, в которой участники переворачивали свои каноэ и быстро выправляли их по сигналу хлопка в ладоши. Это была особенно любимая игра Тома. На протяжении всей своей жизни, вплоть до потери зрения, он инстинктивно знал течение воды, наклоны и качки каноэ, а также повороты весла так же хорошо, как движения при ходьбе по суше. Действительно, в определенные сезоны его жизнь в течение многих дней подряд текла в ритме поднимающихся и опускающихся волн.

По крайней мере, в одном виде деятельности и верований Том постоянно получал четкие наставления от своего отца и дяди по материнской линии. Это был мир невидимых вещей, таинственная область магии, сверхъестественных действий и превентивных табу. Были сотни вещей, которые он должен был делать или избегать, если хотел добиться успеха в охоте и рыбалке, если хотел быть уверенным, что невидимые, но всегда присутствующие силы благоволят ему в его занятиях или, по крайней мере, не причиняют ему вреда. Он должен был быть особенно осторожен, чтобы не разгневать сверхъестественные силы, к которым относятся рыбы и млекопитающие моря, загрязнением нечистыми вещами — а самой отвратительной из всех нечистых вещей является присутствие или влияние менструирующей или беременной женщины. Например, охотник на тюленей или морских львов не должен тащить свою каноэ к берегу, а должен переносить ее, иначе она может наткнуться на отходы или место, по которому прошла менструирующая женщина, и таким образом перенести с собой запах, который отпугнет дичь. И нужно быть осторожным в своих высказываниях, когда охотишься на море. Любопытным примером этого является вымысел, согласно которому охота на морских котиков называется сбором коряг, а сам морской котик упоминается как «тот, кто сидит там под деревом». Нельзя давать ему слишком точно понять, что происходит, пока на него охотятся! Различные табу, которые Том узнал и практиковал на протяжении своей жизни, практически не поддаются подсчету, и свой практический успех и долголетие он в немалой степени приписывает своему религиозному соблюдению всех этих табу.

Табу в основном являются превентивными мерами. Но Том узнал, что в мире магии есть и более позитивные способы реализовать свою волю. Один из них — использование определенных амулетов, которые носят на себе, прячут в доме или в лесу, или используют в связи с охотничьими и рыболовными инструментами. В качестве общего амулета на удачу Том любил носить в своей шляпе позвоночник «крысорыба». Когда его отец был при смерти, он позвал Тома к себе и шепнул ему на ухо важную тайну. Дело в том, что главным оберегом семьи был огненный сверл, который был спрятан на дне старого ящика, заполненного всякой всячиной. Его эффективность в значительной степени зависела от того, что о нем почти никто не знал. В целом, секретность значительно усиливает силу всех магических предметов и заклинаний. Индейцы любят скрывать как можно больше, даже от своих ближайших родственников, пока экономическая необходимость или приближение смерти не заставляют их передать магические знания кому-то из своих близких и дорогих им людей. Некоторые из своих самых мощных амулетов Том прятал в каноэ или под обертыванием из коры вишни вокруг рукояток своих охотничьих копий. Эти амулеты были самых разных видов, но в основном представляли собой фрагменты сверхъестественных животных — слепых змей, крабов, пауков и т. п., добытых в лесу.

Некоторые люди имеют счастье обрести силу для охоты, рыбалки, богатства, любви, лечения, колдовства или чего-либо еще от сверхъестественных существ или явлений. Амулеты часто получают в связи с этими переживаниями, которые обычно происходят в таинственных или труднодоступных местах — в открытом море, на отдаленном острове, на вершине горы, в глубине леса — и из всех тайн именно тайна темного леса больше всего завораживает и наполняет страхом жителей прибрежных деревень, которые так хорошо себя чувствуют на песчаном пляже и в открытом море. Сверхъестественные дарители силы — это пестрая и гротескная компания: таинственные руки, вытянутые из земли; чешуйчатый змей с ножом вместо языка; сказочные существа; коварные лесные нимфы; хобгоблины; людоеды; и странные гибридные животные, которые, кажется, вышли из кошмаров. Все эти обитатели сверхъестественного мира обладают силой, от которой нельзя безнаказанно отказаться. Эта сила, однажды полученная, должна тщательно храниться путем соблюдения необходимых табу.

Том не имел столько сверхъестественных переживаний, как некоторые люди, но, тем не менее, ему посчастливилось два или три раза встретить удивительных существ. Однажды, когда он сидел в сумерках в компании двух других мужчин, ему явилось существо, похожее на гнома, из благодетельного, дарующего богатство класса, известного как Чимими. Хотя его товарищи смотрели на Чимими, они не могли его увидеть. Только Том, ошеломленный от удивления, видел, как он положил два копья на крышу дома, пошел к соседнему дому и, казалось, исчез в бревне. Когда Том пришел в себя, он соскоблил те части древков копий, за которые держался Чимимис. Он сохранил эти обломки как амулет и со временем стал одним из самых богатых людей своего племени.

В другой раз Том получил силу от сверхъестественного существа, известного как «Полноглазый», маленького существа, похожего на домового. Он лежал очень больной в доме, пристально глядя на огонь, когда всплывшая маленькая уголька заставила его поднять глаза. Он увидел то, что казалось ребенком, кружащим вокруг огня против часовой стрелки, что является полной противоположностью направлению танца нутка. Он сразу понял, что это был Полный Глаз. Гном нес на груди маленькую корзинку и подбирал с пола все, что попадалось ему под руку. Хотя Том не мог сидеть прямо, это сверхъестественное переживание наполнило его такой внезапной силой, что теперь он легко мог сидеть. Он также верил, что с этого момента богатство поступало в его дом быстрее, чем когда-либо. Третье сверхъестественное переживание Тома было менее впечатляющим, чем два других, но, по-видимому, столь же мощным в своих практических результатах. Том лежал на спальной платформе дома в разгар зимы, когда заметил странную вещь в одной из корзин для хранения на ящике, который обозначал изголовье его кровати. Он заметил, что большой черный шмель родил маленького пчеленка. Это казалось удивительным и, очевидно, значимым, учитывая тот факт, что молодые пчелы обычно появляются на свет только летом. Поскольку Том был единственным свидетелем столь странного явления, он более чем когда-либо был благословлен накоплением богатства.

Такие необычные события явно носят случайный характер; на них нельзя полагаться как на необходимую помощь в успешном выполнении жизненной задачи. Стандартным и в целом наиболее полезным средством обеспечения этой необходимой помощи является выполнение тайных ритуалов. Ничего не приходилось тому, кто не прошел через значительные трудности в обучении. Это Том понял в раннем возрасте. Если он хотел стать успешным рыбаком, охотником на морских млекопитающих или охотником на суше, он должен был в определенные сезоны уходить в тайные места в лесу, известные только семьям, которые их часто посещали. Здесь он в течение нескольких дней подряд купался, натирал себя ветками болиголова, пока кожа не начинала покалывать от боли, молился

Небесному Вождю о долгой жизни и успехе и, что самое важное, проводил тайные магические обряды, основанные на принципе подражания. Если он хотел обрести силу в охоте на тюленей, он строил из веток чучела, представляющие тюленя, гарпунное снаряжение и охотничью каню. Стремящиеся к успеху инсценировали будущую охоту в магической обстановке. Он сам выполнял имитационные действия и непрерывно молился об успехе. Эти периоды подготовки испытывали физическую выносливость до предела; пост, непрерывное бодрствование, половое воздержание и соблюдение всевозможных табу были частью обучения. Было мало того, чему нельзя было научиться, если только человек был достаточно выносливым, чтобы пройти необходимую магическую подготовку. Такие молодые люди, которые были охвачены необычайными амбициями, например, необычным успехом в китобойном промысле или приобретением мощной шаманской силы, тренировали волю и укрощали крики плоти в течение невероятно долгих периодов, их духовное зрение было сосредоточено исключительно на аскетизме магической процедуры.

Том никогда не посвящал себя необычным испытаниям для обретения магической силы. Он довольствовался обычной рутинной, предписываемой тем, кто планировал заниматься охотой на китов, ловить лосося копьем, троллингом, ловить палтуса на крючки, ловить треску с помощью приманок, накапливать богатство, готовиться к ритуальным представлениям и обретать достаточно шаманской силы, чтобы противостоять попыткам злонамеренных людей околдовать его. Он никогда не рисковал прибегать к более сложным и изнурительным процедурам, необходимым для того, чтобы стать успешным китобоем или охотником на морских львов. Из более необычных видов тайных ритуалов Том попробовал только один. Когда он перешел за середину жизни, его охватила амбиция научиться понимать речь воронов. В верованиях нутка вороны считаются сверхъестественными посланниками волков, самых суровых и жутких из всех существ. Если бы Том научился разгадывать тайны, скрытые в карканье этих сверхъестественных птиц, нет сомнений, что он смог бы превзойти своих соплеменников в ритуальной силе. К сожалению, он считал поиски этого сложного знания слишком изнурительными и непостижимыми. Том с вздохом признает свою неудачу.

Секретные ритуалы можно было проводить только в благоприятные периоды, когда луна росла и дни становились все длиннее. Именно по этой причине Том всегда очень внимательно следил за течением времени, за повторением лунных циклов. Если какой-нибудь сосед, менее мудрый и наблюдательный, совершал ошибку, принимая одну луну за другую и проводя магические ритуалы не в сезон, Том ничего не говорил. Он улыбался и хранил молчание, хорошо зная, что усилия его соседа, когда наступит сезон охоты, обречены на провал. Хотя Том был одним из тех, кто никогда не старался околдовать своих соседей или испортить им удачу, он, естественно, не был совсем недоволен, когда они ставили себя в невыгодное положение. Не было его делом исправлять их, усиливая руки возможных соперников.

Знахари обретали свою силу точно так же, как и все другие, кто искал магической помощи. Разница заключалась лишь в том, что они обращались за помощью к существам, которые, как было известно, даровали силу лечить болезни и противодействовать колдовству. Материальные обереги и амулеты, полученные знахарями, как правило, определенные птицы и редкие рыбы, хранились в их грудях. Когда они были нужны для обнаружения болезни, исцеления больного или победы над злым противником, их можно было призвать, чтобы они невидимо полетели к желаемой цели и вернулись по желанию. Том сам получил небольшую силу от уток-крякв, но ее было недостаточно, чтобы он мог считать себя полноценным практикующим. У него также была определенная унаследованная шаманская

сила, или, скорее, привилегия, которая досталась ему от предка Нитинат. Вот почему на публичных шаманских представлениях, которые являются частью культа Цаек, старший сын Тома имеет право посвящать шаманских новичков в определенный момент церемониальной процедуры, хотя сам он не является практикующим знахарем.

Многих нутка обвиняют в том, что они обретают силу, чтобы колдовать своих врагов или соперников, будь то с помощью их еды, обрезанных ногтей и выделений тела, или же произнесением страшных заклинаний в связи с именем и изображением ненавистного человека. Том никогда не занимался такими подлыми делами, но он уверен, что многие из его знакомых так поступали. Именно постоянный страх перед колдовством заставляет индейцев и по сей день держать много собак вокруг дома и надежно запирают двери на ночь. Лай собак полезен для привлечения внимания к злобным «болям» или мелким объектам болезней, которые бродят вокруг, особенно ночью, а запирание дверей необходимо для того, чтобы не дать этим объектам проникнуть внутрь.

Великие сверхъестественные существа из верований нутка, такие как Небесный вождь, Громовая птица и Волки, занимали очень важное место в жизни Тома, будь то в молитвах или ритуалах. Некоторые нутка более религиозны, чем другие. Они более горячо молятся и доходят до большего экстаза при выполнении ритуалов, посвященных божественным силам. В отличие от людей этого типа, Том всегда был довольно трезвым, ни в коем случае не скептиком, но и не эмоциональным энтузиастом. Его знания о религиозных обрядах обширны, но дух, который оживляет эти знания, скорее дух порядка, юридической конкретности, а не духовного экстаза. Практичный экономический мир, стремление к прибыли всегда были более близки темпераменту Тома. Это не означает, что Том является рационалистом в вопросах, касающихся невидимого мира. Только образованные или полубразованные метисы являются рационалистами, и более чем один из них разгневал Тома своими неразумными попытками потревожить его скептическими аргументами. Однако Том не изменился. Он знает так же точно, как свое имя, что когда с горы доносится раскат грома, это потому, что Громовая птица покидает свой дом на вершине, тяжело взмахивая крыльями, и улетает к морю, чтобы охотиться на китов. Он также знает, что когда те, кто не слепы, как он сам, говорят ему, что была вспышка молнии, это потому, что Громовая птица уронила пояс, обернутый вокруг его талии. Этот пояс — молниеносный змей, извивающийся зигзагом к земле или обвивающийся в виде вспышки вокруг кедра.

Помимо элементарной проблемы зарабатывания на жизнь, главная забота нутка — заслужить уважение соплеменников, щедро демонстрируя свое богатство. Ему недостаточно просто накопить его и жить в уединении. Он должен время от времени приглашать другие семьи своего племени и соседние племена на публичные церемонии, известные как потлачи, на которых он демонстрирует и прославляет одну или несколько важных привилегий, на которые он имеет право, раздавая гостям свое имущество. Демонстрация привилегий может принимать различные формы. Наиболее важные из них связаны с родовыми гербами, которые могут быть показаны в театрализованном представлении, в виде изображения на доске или, в последнее время, на холсте, либо символизированы в танце. Церемониальные игры — еще один частый вид демонстрации привилегий на некоторых потлачах. Почти все привилегии имеют свои собственные песни, которые сами по себе являются ревностно охраняемыми привилегиями и исполняются в таких случаях.

Есть два соображения, которые делают публичное исполнение более важных привилегий делом первостепенной важности. Во-первых, человек должен четко указать свое право на их исполнение, пересказывая миф о происхождении, который они драматизируют, и прослеживая свою личную связь с создателем привилегии. Во-вторых, он должен позаботиться о том, чтобы в связи с публичным представлением привилегии распределить

по крайней мере столько же имущества, сколько уже было распределено в его семье. Если это возможно, он постарается превзойти рекорд, чтобы повысить общественный престиж не только себя и своей ближайшей семьи, но и самой привилегии. Если он потерпит неудачу в любом из этих важных аспектов, он будет опозорен. Следовательно, важный потlach не следует проводить легкомысленно. Он требует тщательного обдумывания и подготовки, а также необходимости собрать достаточно богатства (), чтобы оплатить все услуги, оказанные певцами и другими помощниками, преподнести существенные подарки гостям и накормить толпу мужчин, женщин и детей, присутствующих на церемонии.

Потlach не часто устраивается просто для демонстрации богатства. Почти всегда он сочетается с какой-то определенной социальной или религиозной функцией, такой как присвоение имени, достижение дочерью брачного возраста, брак, траурная церемония, ритуал Волка или церемония исцеления. Потlach в его основном смысле, то есть раздача имущества гостям, является неотъемлемой частью практически всех церемоний, больших или маленьких, религиозных или светских. В каждом потлаче участвуют как минимум три стороны: даритель, гость или гости и человек, в честь которого проводится потlach. Последним, как правило, является какой-нибудь молодой член семьи, престиж которого таким образом повышается в раннем возрасте, но это может быть и посторонний человек, оказавший дарителю услугу. Существуют разные виды подарков. Некоторые из них являются церемониальными дарами, на которые имеют право самые высокопоставленные члены племени, но которые они должны вернуть со стопроцентным процентом на следующем потлаче. Другой вид подарков, которые являются самой важной и красочной частью потлacha, дарятся самым высокопоставленным гостям. Не существует жестких правил в отношении возврата этих подарков, но на практике они почти всегда ликвидируются на ответном потлаче с помощью подарков равной, а во многих случаях и большей стоимости. Наконец, ближе к концу потлacha происходит общее распределение меньших сумм среди собравшихся. Возврат таких подарков учитывается менее тщательно, чем первых двух типов. Отчасти дарение потлacha равносильно инвестициям ценности, хотя сомнительно, что среди нутка большая часть расходов, понесенных на потлаче, когда-либо возвращалась его владельцу.

Потlach служит не только определенной социальной и экономической цели для дарителя, но также дает возможность для небольшого распределения имущества, такого как публичные выплаты за услуги, со стороны других присутствующих лиц. Действительно, любые важные объявления, такие как передача привилегии или изменение имени, наиболее уместно делать на потлаче. Собравшиеся члены племени и гости были, по сути, свидетелями таких объявлений.

Том начал устраивать потлачи самостоятельно, когда был еще совсем молодым человеком. Первым значимым потлачем, за который он отвечал, был потlach в честь мужа его племянницы. Это был человек низкого происхождения, с которым Том поклялся не иметь ничего общего. Однако, когда его племянница родила ребенка, Том смягчился и, чтобы смыть пятно с чести своей семьи, созвал тридцать своих родственников и раздал каждому по четыре ружья и одеяло. Он также спел две из своих привилегированных песен, которые тут же передал ребенку как его законное право. Этот потlach не только ознаменовал примирение с его низкородным племянником, но и дал маленькому ребенку хороший старт в жизни в гонке за статусом. Следующим потлачем Тома был ритуал Волка, в котором он сам исполнил два церемониальных танца: танец Громовой птицы и танец Волка, кружащего на четвереньках.

Спустя некоторое время Том решил жениться на девушке из племени Ц'ишаат по имени Витса. Несмотря на то, что она была членом его собственного племени, Том ухаживал за девушкой не как член племени Ц'ишаат, а как член племени Нитинат, среди которых у него были родственники со стороны отца. Поскольку его собственный отец был мертв, он попросил десять своих дядей из племени Нитинат ухаживать за девушкой от его имени. Ухаживание всегда является важной частью предварительных этапов брака и состоит главным образом в размещении предметов, символизирующих одну или несколько привилегий жениха, снаружи дома семьи девушки. Сам жених при этом не присутствует. Иногда предметы отвергаются, и в этом случае ухаживание может продолжаться до тех пор, пока не будет получено согласие, хотя это не обязательно происходит. Привилегии жениха, оставленные представителями Тома, состояли из десяти костров и резьбы, изображающей молниеносную змею. Они были приняты и возвращены дяде Тома в знак готовности родителей невесты продолжить брачную церемонию. Вскоре после возвращения привилегий брачная церемония была отпразднована среди народа Ц'ишаат. Деньги, распределенные в то время Томом и его родственниками из племени Нитинат, составляли приданое невесты, но когда у Тома родился первый ребенок, распределенное имущество было возвращено Тому и Нитинатам с процентами.

Большая часть брачной церемонии состоит из проведения обрядовых игр, каждая из которых сопровождается особыми песнями и за которой следует раздача имущества. Эти игры символизируют трудность получения руки невесты, поскольку они относятся к легендарным испытаниям (), которые женихи были вынуждены проходить в прошлом, прежде чем их мог принять отец невесты. Одним из испытаний, например, может быть поднятие особо тяжелого камня или стояние в течение некоторого времени, не шевелясь, между двумя кострами. Согласно легендарной теории, такие испытания должен пройти сам жених, но в реальной церемониальной практике любой из участников свадебной процессии может стать победителем в соревновании и получить приз от отца невесты или от того из ее родственников, кто является гордым обладателем этой особой привилегии в свадебной игре.

Спустя некоторое время после свадьбы Том устроил два потлача за один месяц. Первый из них был потлачем полового созревания от имени его младшей сестры. Вторым был праздником рождения или, как его называют нутка, «праздником пупка» для его первого ребенка, мальчика. Примерно через год Том пригласил народ уклуэлт, одно из племен нутка, на праздник, на котором было исполнено много танцевальных привилегий и распределено много имущества. К этому времени Том стал довольно известен среди племен западного побережья острова Ванкувер благодаря своему быстро растущему богатству и потлачам. Поэтому для него не было сюрпризом, хотя и оказалось очень приятным, что вождь Ахусат, одного из самых могущественных северных племен нутка, специально пригласил его на потлач, на котором ему были посвящены четыре церемониальных песни вождя. В ответ Том устроил потлач для Ахусат и Комокс, племени с иным языком с восточного побережья острова. Он раздал четыреста одеял первым и триста вторым.

Через год или два после этого потлача произошло решающее событие в социальной карьере Тома. Это было рождение его первой дочери. Самые великолепные потлачи нутка обычно устраиваются в связи с церемонией полового созревания дочери. С момента своей женитьбы Том надеялся, что со временем он сможет установить рекорд по проведению потлачей среди своего народа и продемонстрировать свои самые ценные привилегии на

потлаче по случаю полового созревания дочери. Теперь, когда он действительно был благословлен рождением маленькой девочки, планы Тома сразу же обрели форму. Он с еще большим энтузиазмом приступил к накоплению имущества, заключая много выгодных сделок с индейцами и белыми, и часто обдумывал, какие племена он должен пригласить и какие зрелищные представления, танцы и песни он должен использовать на великой церемонии. Его первоочередной задачей было построить большой дом в традиционном стиле коренных народов (), в который гости должны были войти, когда их пригласят к народу Ts'isha'ath. Подходящие бревна для столбов и балок найти нелегко, особенно с тех пор, как в стране появилась лесопилка белых людей. Поэтому Том неустанно расспрашивал разных людей и высматривал достаточно большие и удобно расположенные кедры. Когда он находил такие деревья, он велел их срубить, перевезти в деревню Ts'isha'ath вдоль реки Сомасс и установить на место, когда представится возможность. Таким образом, фактическое строительство дома растянулось на период от десяти до пятнадцати лет.

Однажды произошла несчастная случайность. Одна из тяжелых поперечин упала на землю, к счастью, не повредив никого, но это событие было расценено как дурное предзнаменование. Тем не менее, Том сделал все, что мог, чтобы отвлечь злое влияние, устроив танец в честь духа поперечины. В это время пели специальные песни, которые он имел для этой цели.

Том надеялся, что сможет закончить строительство дома до того, как его дочь достигнет зрелого возраста. Но он был обречен на разочарование. В его доме все еще не хватало одной поперечной балки и всех легких деревянных конструкций, когда однажды утром его жена объявила ему, что их дочь достигла зрелого возраста, то есть впервые получила менструацию. Не оставалось ничего другого, как немедленно провести церемонию полового созревания, отложив главный потлач на несколько месяцев. Том покрасил лицо в красный цвет и пригласил соседнее племя Хопач'ас'ат на церемонию полового созревания, называемую «факелы, стоящие на земле».

Эта церемония знаменует начало периода уединения девушки. Ее раскрашивают и украшают по этому случаю, обычно легендарными знаками, принадлежащими семье, ставят перед двумя длинными досками, расписанными изображениями птиц-громовержцев и китов, и четыре раза брызгают водой на ее ноги. Зажигают четыре или десять шестов, так называемых «факелов», которые позже раздают вместе с подарками тем, кто имеет на них право. Поют песни разного рода, в частности сатирические песни, высмеивающие противоположный пол. Также проводятся церемониальные игры, некоторые из которых предваряют более поздние брачные игры, и раздаются призы. После общего раздачи подарков гости уходят, оставляя девушку поститься в течение четырех дней и вступать в период уединения с различными табу за расписными досками в задней части дома.

После церемонии полового созревания Том отправился в Викторию, чтобы запастись провизией для предстоящего потлача. Он купил огромное количество коробок с печеньем, и до сих пор ничто не доставляет ему большего удовольствия, чем рассказывать о том, как он заставил белого торговца предоставить ему специальную цену на необычный заказ. Как только провизия была благополучно доставлена в его деревню, Том пригласил двенадцать племен на свой потлач. К ближайшим племенам он послал послов, а более отдаленные племена восточного побережья он пригласил лично. Когда наступил назначенный день, племя Ts'isha'ath обнаружило, что к ним прибыло самое большое количество гостей, которое когда-либо посещало племя за один раз. Это был самый гордый момент в жизни Тома. Все прошло хорошо. Еды хватило на всех, раздача имущества была щедрой, а все привилегии были представлены в интересной форме. Было исполнено значительное количество этих привилегий, одна или две из которых были довольно сложными драматическими

представлениями, которые были новыми даже для самых северных племен нутка, несмотря на то, что они были великими потлачерами. Наследственное право Тома на представления, танцы и песни было тщательно объяснено церемониальным оратором. В каждом случае подробно пересказывались легенды предков. Было должным образом изложено право Тома на особые гербы кита и Громовой птицы. Объяснение резных столбов дома вернуло оратора к сотворению первого человека Ц'ишаат из бедра женщины. Как обычно в таких легендах о происхождении, было уделено должное внимание потоку. Потлач прочно укрепил положение Тома среди индейцев острова. До сих пор о нем часто вспоминают Ts'isha'ath и их соседи. Семья Тома была «поднята» как никогда раньше. Не раз внук Тома, посещая относительно незнакомых людей, например, из племен восточного побережья, был встречен с распростертыми объятиями и удостоен подарков большой ценности, и все это благодаря потлачу его деда.

Карьера Тома в области потлачей на этом не закончилась. Некоторое время спустя он пригласил кюкотов, племя нутка, соседствующее с квакиутлами. На этом потлаче он драматично изобразил ряд привилегий, в том числе двух птиц-громовержцев, брызгающего кита, сверхъестественных кварцевых существ — известных как He'na, и сверхъестественную птицу, известную как Mihtach, своего рода утку-крякву, которая обитает на вершине горы под названием «Два пузыря на вершине». Следующим на потлач был приглашен племя Хешквят из Нутки. Через год или два после этого состоялось второе по значимости церемониальное событие в карьере Тома — его второй ритуал Волка или Тлоквана. Ритуал был проведен специально для его старшего сына Дугласа и его новобрачной жены. Они были главными участниками ритуала. Любопытно, что маленький внук Тома, еще не родившийся, также был посвящен. Это крайний пример склонности индейцев нутка оказывать почести своим потомкам при первой же возможности.

Ритуал Волка — это самая впечатляющая, самая увлекательная и внушающая страх церемония, которая есть у нутка. Все, на что они способны в плане религиозного восторга или экстаза, находит выражение в этом сложной церемонии. Проведение ритуала, которое обычно длится восемь дней, предпочтительно зимой, проходит под знаком духов волков, которые, как считается, бродят по окраинам деревни. Более важные части церемонии открыты только для тех членов племени, которые были посвящены. Участники должны соблюдать множество табу и на протяжении всего ритуала сохранять высокодуховную серьезность. В старину легкомысленное поведение во время более строгих религиозных частей ритуала, помимо, конечно, церемониальных шуток, очень строго наказывалось маршалами. Наказанием за нарушение самых священных табу было пронзание копьем на месте.

Ритуал начинается с песен и других церемониальных действий обычного потлача. Распускаются слухи о появлении волков в окрестностях деревни. Эти слухи, подкрепленные рассказами о чудесных спасениях и кровавых жертвах, сильно воздействуют на воображение детей, которые вскоре впадают в панику. Внезапно гаснет свет, и четыре «волка» врываются в дом. В возникшей суматохе они уносят с собой молодых людей, которые должны пройти инициацию. С этого момента начинается собственно ритуал. Некоторые члены племени имеют наследственное право «играть в волков», то есть выступать в роли волков во время определенных частей ритуала за пределами деревни, уносить с собой новичков и держать их в лесу в качестве предполагаемых пленников. В течение нескольких дней предпринимаются безуспешные попытки вернуть похищенных новичков, но волки остаются непреклонными, пока не будут исполнены определенные песни, после чего новички выводятся на глаза людям, и серия атак наконец приводит к разгрому волков. Новички должны быть в состоянии безумия от духов различных

сверхъестественных существ, которые овладели ими. Их необходимо вернуть силой. Те, кому выпала эта честь, ловят их лассо, и под аккомпанемент священных песен сопротивляющихся послушников ведут в дом потлача, которые все это время яростно свистят. Шум, смешанный из свиста, барабанного боя и одновременного пения многих различных ритуальных песен, продолжается большую часть ночи. Шум неопишем. На следующий день совершается самый священный эпизод ритуала. Духи-свистуны, овладевшие новичками, должны быть изгнаны с помощью священных танцев и песен. Затем следует церемония очищения купанием в реке или море. Остальная часть ритуала состоит из исполнения ряда специальных танцев, каждый из которых соответствует конкретному сверхъестественному существу, которое, как предполагается, овладело одним из посвящаемых. Существует много таких танцев, которые сильно различаются по своему престижу как привилегии и по характеру религиозного экстаза. Вероятно, самым строгим из танцев является танец сверхъестественного волка, который ползает в безрассудном стремлении к разрушению и которого с большим трудом сдерживают несколько помощников. Другие танцы представляют различные виды лесных существ или людоедов. Многие из них являются пантомимическими изображениями животных, в то время как в других представлены различные виды человеческой деятельности.

С этим ритуалом Волка церемониальная деятельность Тома постепенно сократилась. Он продолжал активно интересоваться любыми потлачами, устраиваемыми его семьей, и часто помогал своими советами и активным сотрудничеством в исполнении песен и произнесении церемониальных речей, особенно официальных благодарственных речей. Теперь, когда он внес свой вклад в установление славы своей семьи, Том отошел в сторону и позволил своему старшему сыну взять на себя инициативу, по крайней мере теоретически, во всех церемониях, влияющих на их положение в племени.

Уже давно Том не в состоянии выполнять полезную работу. Он полностью зависит от семьи своего старшего сына, с которой он живет, но они не считают его присутствие обузой. Во-первых, он неизменно добродушен, очень разговорчив о своем прошлом и в оценке своих соседей, и всегда готов помочь советом в важных вопросах, будь то подготовка к потлачу или спорное требование о запечатывании. Но за болтливым, потрепанным Томом настоящего скрывается Том великих потлачей былых дней. Именно этому Тому его дети и внуки почти полностью обязаны высоким положением, которое они занимают среди своего народа.

Когда Том умрет, его положат в гроб и похоронят в земле. Это не было старым обычаем нутка. Более важные семьи имели пещеры, в которых хоронили своих умерших членов; других клали в погребальные ящики или тростниковые маты, которые затем подвешивали на деревьях « » за деревней. Рядом с местом захоронения устанавливался надгробный столб, сооруженный из стропил дома, на котором был нарисован один из гербов умершего.

Хотя старые погребальные обычаи больше не соблюдаются, некоторые верования и обряды, связанные со смертью, еще не исчезли. Так, личные вещи умершего, а также значительная часть его имущества всегда уничтожаются. В старину мог сгореть весь дом, и рассказывают истории о том, как скорбящие выжившие переселялись в другое место, чтобы построить новый дом. По всей вероятности, сразу после смерти Тома будет проведена церемония, призванная утешить семью покойного и побудить дух Тома покинуть дом и его окрестности. Душа Тома покинет его тело в виде крошечного двойника, похожего на тень, через макушку головы, чтобы в конечном итоге принять форму полноценного призрака. Можно с уверенностью предположить, что табу на имя умершего будет тщательно соблюдаться. Не только имя Тома не будет упоминаться его соплеменниками в течение определенного периода, но и все слова, содержащие основной элемент его имени, будут

тщательно избегаться. Этот элемент обозначает понятие «далекий». Люди будут вынуждены обходиться без него, как могут, либо уклоняясь от прямого упоминания, либо расширяя значение какого-либо другого элемента, чтобы он мог заменить его, либо, в случае необходимости, заимствуя соответствующий элемент, при условии, что он имеет другое звучание, из какого-либо другого диалекта. В течение некоторого времени после смерти Тома в деревне будут слышны плачущие звуки, и вполне вероятно, что на траурном потлаче ряд привилегий, принадлежащих семье, скажем, четыре песни, , будут отменены. Такие привилегии запрещены в период траура. В конце периода траура, который может длиться от года до десяти лет, один из членов семьи устраивает еще один потлач, и табу снимаются. Когда наступит это время, имя Тома войдет в историю коренных народов. Имя Саячапис, «Стоящий высоко над всеми», будет тогда свободно упоминаться с гордостью или завистью.

ЭДВАРД САПИР

WINDIGO

A CHIPEWYAN STORY

Виндиго, рассказ чипевян

I

За постом компании Гудзон-Бэй в форте Хёрн они боролись за жен. Были забыты слова католических священников о святости брака, забыты наставления епископальных миссионеров. В мгновение ока эти высокопарные, новомодные понятия были сметены глубоко укоренившимися обычаями древних времен. Индейцы мирно играли в «Кнопка, кнопка, у кого кнопка?», а половина зрителей ставили на кон рубашки и одеяла. Настоящее веселье началось, когда пьяный Рамзи МакКрей ввалился в толпу и обнял Бланш Лекуврер. Ее муж сбил его с ног, но пьяница поднялся, ткнул пальцами в лицо Лекуврера и вызвал его на старинный поединок за свою супругу.

После этого не было больше никаких угадываний, начался настоящий спорт. Рамзи был повержен, но он показал пример, и другой молодой задира вступил в схватку с Казимиром, и так продолжалось дальше. В этом деле не было ничего буйного, все было так же хорошо организовано, как и в профессиональном боксе. Никогда не было более одного поединка за раз, потому что никто не хотел пропустить часть зрелища, участвуя в собственном боковом представлении. Борец тянули друг друга за волосы и уши, по утвержденной атхабасской традиции, прежде чем пытаться применить другие захваты. Какое веселье было, когда Ангус бросил перчатку маленькому Гордону и был готов увести пышногрудую Пегги по умолчанию! Но еще больше смеха было, когда хитрый шутник лагеря, который, как предполагалось, прятался в укрытии, выскочил из своей палатки с обритым черепом, ушами и телом, блестящими от жира, и, схватив своего обездвиженного противника за длинные волосы, повалил его на землю. Возгласы поддержки и восхищения наполнили воздух. Один поставил на победу своего друга свое ружье, другой — свою сеть или палатку. Женщины сражались, невозмутимо наблюдая за ходом битвы, но когда Рамзи упал, Бланш вздохнула с облегчением, а Пегги не смогла сдержать усмешку в адрес своего потенциального похитителя. Других утащили, хныча, но все знали, что Мари плакала только для соблюдения приличий, потому что она избавилась от своего жестокого мужа, который почти забил ее до смерти после своего последнего путешествия.

Но кульминация наступила, когда большой Дуглас ударил ладонью по лицу Пьера Вильнёва. Конечно, Луиза была так же привлекательна, как и любая молодая матрона в поселении или его окрестностях, но до сих пор хулиганы воздерживались от вызова ее мужа. Все уважали ее за добродетельность и доброту, и все любили Пьера. Он был таким безобидным, спокойным, добродушным парнем, так ловко обращался с ремнями и санями, был лучшим компаньоном после двухдневного путешествия без еды, напевая свою веселую старую песенку о «*ma belle patrie*» или напевая какую-нибудь местную мелодию, когда все остальные были готовы упасть от изнеможения. Но что все это значило для сумасшедшего Дугласа, когда он был пьян и жаждал женщины? Он имел преимущество в четырех дюймах роста и как минимум в двух камнях веса — достаточное основание, чтобы попытаться заполучить приз. Тем не менее, Пьер был неплохим противником с его мускулистым, подвижным телом и широко известной силой хвата. И вскоре Дуглас обнаружил, что он наткнулся на крепкого орешка. Дважды он был близок к успеху, но Пьер вывернулся из его рук, не получив ни единой царапины. Наконец, Луиза вскрикнула от боли, когда неизбежное должно было произойти. Дуглас поднял ее мужа и собирался бросить его на землю. Но затем все произошло очень быстро, никто не понял как, и Дуглас лежал на земле, задыхаясь. Он ушел, хромая из-за вывиха лодыжки, под насмешки и ликование друзей Пьера, в то время

как даже его сторонники проявили достаточно спортивного духа, чтобы поздравить победителя.

Затем сквозь смеющуюся, кричащую и жестикулирующую толпу пробился титанический силуэт. Среди шума и возбуждения приближение странного метиса осталось незамеченным. Он прибыл только вчера с аккредитивом от Компании джентльменов и авантюристов, торгующих в Гудзоновом заливе. Его звали Джордж Макдональд; кроме этого о нем ничего не было известно. Какая у него была фигура! Рядом с ним огромный Дуглас выглядел хилым. Пьер казался просто младенцем. Макдональд не был человеком многословным. Он шагнул к Луизе, слегка коснулся ее руки и сказал: «Я хочу тебя». Она отшатнулась с криком, и Пьер в слепой ярости бросился на гиганта из « », но был крепко схвачен и мягко положен на землю. Он снова бросился на своего победителя, но был схвачен в тиски и снова повален на землю, разъяренный и бессильный. В своем безумии он вытащил нож, но Казимир и Гордон скрутили ему руки, а толпа закричала: «Мир, мир! Незнакомец победил честно!»

Макдональд стоял спокойный и надменный. «Я победил, — сказал он Луизе, — пойдем». Не оглядываясь, он пошел к своей палатке, а женщина последовала за ним, рыдая. Это был последний поединок по борьбе в тот день.

II

Макдональд остался в Форт-Херне и построил себе хижину на другом конце поста. Он уехал на несколько дней и вернулся с свитой из раблея. Затем он начал торговать против самой Компании. У него был свой способ обращения с индейцами, которого не было ни у кого другого. Он платил за их меха меньше, а не больше, и презирал баловать их подарками и одолжениями. Однако, когда охотники ловили серебристую лису или другую ценную шкуру, добыча попадала в хижину грубого великана, а не на склад Компании. С ним было невозможно конкурировать. Одного агента заменяли другим, но безрезультатно. Наконец, комиссар сам отважился на путешествие в форт, выкупил Макдональда и назначил его начальником поста.

Теперь в форте Хёрн начали кипеть дела. Никогда еще не видели такого агента, как Макдональд. Он говорил на языках догриб, чипевян, кри и французском, а также на диалекте Оркнейских островов, которым говорил его отец: на сотни миль вокруг не было ни одного охотника, с которым он не мог бы поговорить на его родном языке. Он был на ногах с утра до вечера и заставлял всех остальных работать без перерыва. Как свободный торговец, он победил компанию в ее же игре. Опираясь на авторитет компании, он не позволял ни одному свободному торговцу поднять голову. Никто не мог составить ему конкуренцию честными средствами, а кто осмелился бы применить силу или хитрость против Макдональда? В долгие зимние вечера, когда скучные часы праздности скрашивались рассказыванием историй, о большом факторе начали ходить странные слухи. Поскольку о его ранней жизни было известно мало или ничего, воображение разыгрывалось. Ангус знал, что фактор мог превращаться в волка и в таком обличье охотиться на оленей. Казимир представлял его в молодости, тянущего в одиночку груженные шлюпки, которые обычно буксировали полдюжины крепких индейцев. Жан узнал от тети, что Макдональд однажды переплыл реку в погоне за медведем, заколол его ножом и отнес тушу на двадцать миль до лагеря. Некоторые говорили, что он был неуязвим для пуль, а другие, с примесью христианского вероучения, рассказывали о его договоре с дьяволом. Он стал центральной фигурой новой мифологии.

Сам герой двигался по сцене с мрачным величием скандинавского бога. Он никогда не хвастался, никогда не колебался, никогда не терпел неудач. Он без повреждений проплыл по

порогам, которые никто не осмеливался преодолевать с тех пор, как две группы каноистов перевернулись и утонули. Он подошел к заряженному ружью опьяневшего соперника и спокойно выбил его из руки. Макдональд не знал, что такое страх.

Между торговцем и Пьером сложились странные отношения. Торговец, конечно, использовал людей как пешки и умел распознать хорошего помощника, когда видел его. Но к Пьеру он проявлял больше внимания, чем заслуживал даже лучший из помощников. Возможно, это было потому, что Луиза побуждала его к доброте по отношению к своему бывшему мужу; возможно, это была спонтанная сентиментальность по отношению к человеку, которому он причинил вред. Как бы то ни было, Пьер стал своего рода личным помощником Макдональда, его спутником в инспекционных поездках и редких развлекательных поездках.

Для Пьера его угрюмый, властный хозяин стал единственным предметом интереса. Он изучал его привычки, жесты и речь. Сначала он стремился обнаружить слабости, но его любопытный скептицизм сменился неохотным восхищением, а позже — унылым изумлением. Сначала он ненавидел похитителя своей жены, а потом стал с еще большей ненавистью относиться к этому человеку, которому не было равных. Дело было не только в силе гиганта или его бесстрашном мужестве, но и в том, как он обращался с людьми. Как он командовал Казимиром, Ангусом или Рамзи! Одного слова было достаточно, чтобы подавить бунт. Вначале Пьер снова и снова решал бросить ему вызов, но когда наступал момент, его решимость исчезала. Да, люди любили Пьера и в некотором роде уважали его, но это было совсем другое. Он не был способен отдавать приказы другим. Если бы он когда-нибудь набрался смелости сделать это, они бы посчитали, что он выпендривается, и посмеялись бы ему в лицо, так что он бы ушел, полный стыда и унижения. Почему люди рождаются такими разными? Почему он не родился выше других, как Макдональд? Зачем вообще рождаться, если над тобой будет господствовать другой? Так он часами размышлял по ночам, теряя всякую надежду и радость жизни.

Но однажды, неожиданно, его отчаяние прошло. Он был на безрезультатной охоте с фактором, и в конце дождливого дня они приближались к посту. Они шли через густой лес. Оба были промокшие до нитки, и Пьер был почти измотан. Вдруг в его голове возникли странные мысли. Странные рассказы из детства, пересказанные у зимнего костра, всплыли в памяти и не давали покоя. В темноте лес населяли таинственные существа. В это время появлялись виндиго — трупные фигуры с блестящими глазами, питающиеся человеческой плотью. Они скрывались в тени деревьев и поднимались на путников из глубин болот. Какой шанс на спасение был у человека, когда они замечали жертву? Скрежеща скелетами, они мчались за ним быстрее, чем летит ястреб, разрывали его на части, как кролика, или проглатывали целиком. В тот самый лес, по которому сейчас шел Пьер, однажды зашел охотник, которого больше никто не видел. Пьер начал чувствовать себя подавленным ощущением нечто сверхъестественного. Он осторожно взгляделся в сгущающуюся тьму, затем с нетерпением оглянулся назад. Он был рад, что Макдональд был рядом. Этот великий человек мог защитить его, если кто-то и мог. Пьер почувствовал себя увереннее, но все же лучше не рисковать, поэтому он поспешил дальше.

Вдруг раздался треск веток, и он услышал, как его имя произнесли как бы в насмешку, когда длинная фигура пронеслась по лесу, и мрачное лицо уставилось на него менее чем в десяти футах. Он с ужасом обернулся и бросился к Макдональду, крича: «Виндиго! Виндиго!», указывая на место впереди. Но Макдональд не ударил огра огромным кулаком и не попытался с ним бороться, как, по слухам, он когда-то боролся с медведем. Его лицо стало пепельным, а могучее тело дрожало, как осина. Таков был полукровка. Затем он одним прыжком пробежал через лес так быстро, как только могли нести его ноги, спустился к

берегу реки и побежал вдоль каменистого берега, пока наконец не увидел большой склад. Там он остановился, задыхаясь, с холодным потом на лбу. Пьер следовал за ним так быстро, как мог, и наконец догнал своего хозяина. Оба дрожали с головы до ног, и Макдональд продолжал бормотать: «Виндиго! Виндиго!» Так они шли к форту. И Пьер чувствовал себя счастливее, чем когда-либо с тех пор, как он проиграл Луизу в борьбе: ведь Макдональд боялся Виндиго!

III

Казимир был тяжело болен. У него пропал аппетит, а конечности казались парализованными. Пошли слухи, что известный врач из племени кри посещает чипевян из соседнего поселения, и Пьер был отправлен, чтобы заманить его в форт Хёрн с обещанием баснословного гонорара. Кри согласился. Он был болтливым стариком, и во время их совместного путешествия Пьер пытался выведать у него о его способностях, но на эту тему он молчал. «Ты увидишь», — ответил он, и Пьер был вынужден ждать.

Когда они прибыли в форт, знахарь построил небольшую хижину и заперся в ней, крепко связав себе руки и ноги. Он пел заклинания, и хижина начала трястись. Казалось, что она наполнилась странными существами, потому что слышались неземные звуки, за которыми следовала мертвая тишина. Открыв хижину, они увидели колдуна, освобожденного от связей и словно пробудившегося от транса. Он провозгласил, что к нему явились духи, и объявил, что Казимир поправится. Затем самого пациента уложили в хижину, и врач вошел в нее, полностью обнажившись. Он преклонил колени, пел и дул на сердце Казимира, сосал его грудь и разговаривал, как будто с его духами-хранителями. Затем он проглотил палку длиной три фута и снова ее выплюнул, объявив, что все в порядке. Поистине, Казимир был вынесен из палатки, требуя еды, и через неделю он уже мог ходить. Тогда его родственники осыпали великого волшебника подарками, а все остальные индейцы пытались завоевать его расположение, проявляя к нему всяческое внимание.

Пьер был менее показным, чем другие, в своем отношении к старому мудрецу, но иногда, когда остальные крепко спали, он крался в палатку чародея с выпивкой и табаком, чтобы засыпать его вопросами о магическом искусстве. И через некоторое время сдержанность его хозяина ослабла. Он даже признался, что околдовал соперника, нарисовав его изображение на земле стрелой, направленной в его сердце. Однако, когда Пьер намекнул, что у него тоже есть сильный враг на , на которого он хотел бы наложить заклятие, старый лис уклонился от ответа и сказал, что колдовство — опасное дело. Некоторые люди обладают собственной силой и могут отразить злое заклятие с удвоенной силой против колдуна. Кроме того, он сам был стар и хотел прожить свои последние годы в мире.

Когда Пьер понял, что безнадежно заставить кри заковать своего хозяина, он изменил тактику. Что было правдой о виндиго? Он слышал, как его мать рассказывала о них, но существовали ли они на самом деле? Это оказалось менее деликатной темой для знахаря. Сам он никогда не видел виндиго, но знал о них все от другого чародея. Да, виндиго были опасными духами и страшно сильными. Насколько сильны? Наверняка не сильнее, чем фактор? Да они разорвут его на части, как сухую веточку. Они набрасывались на людей, чтобы вырвать им внутренности, и играли мячом из их черепов. Был способ завоевать их расположение, но он был очень сложен. Если человек постился три или четыре дня в лесу, где они обитали, и добровольно предлагал им свою плоть, они были довольны и могли принять его как своего ребенка. Правда, они, скорее всего, проглотили бы страдальца целиком, но когда они его выплюнули, он стал одним из них, свирепым и людоедским. Другие индейцы предпочитали держаться подальше от таких, как он, или умиловать их подарками, чтобы они не вырвались на свободу и не уничтожили всех, кто попался им на

глаза. И теперь сам Пьер вспомнил худого человека, который терроризировал лагерь его детства и чей один взгляд приводил робких людей в судороги.

Пьер ушел домой и долго сидел в раздумьях. Стоит ли ему искушать духов леса? Ответят ли они на его молитву? А что, если они съедят его, прежде чем он сможет принести им жертву в виде «»? Но зачем ему жить? Он потерял Луизу, а ее похититель был хозяином форта Хёрн. Жизнь не имела значения, если только Виндиго не решит благословить его.

На следующий день он вошел в лес, который пересек с Макдональдом в тот памятный вечер. Он не ел ни кусочка весь день и продолжил пост на следующий день, молясь Виндиго. Наконец он набрался мужества, порезал себе грудь большим ножом и принес свое тело в жертву духам. Затем он упал в обморок. Когда он очнулся, в его сердце была радость, несмотря на всю боль. Виндиго действительно пришло и благословило его! Оно схватило его, как мальчик хватает мотылька (), но, увидев кровь, текущую из его груди, сжалилось над ним, проглотило и выплюнуло. Следующей весной он должен был отомстить как Виндиго. Ему оставалось только дожидаться подходящего момента.

Возвращаясь домой, он ликовал от своих новых способностей. Почему бы не попробовать их для шутки? Теперь и он покажет людям свою силу. Первого встречного он напугает до полусмерти. Вон там Ангус чинит сеть перед своим шатром. Он подойдет как нельзя лучше. Пьер быстро подошел к нему, сделал свирепую гримасу и закричал: «Я Виндиго! Я пришел, чтобы съесть тебя!»

Но Ангус разразился хохотом: «Ты Виндиго! Ты, который и мухи не обидишь! Ты сумасшедший. Ты пьян. Иди домой и выпипись!» Пьер ушел домой, как избитый пес, и бросился на кровать, подавленный и униженный. Виндиго благословил его, но он не мог быть Виндиго. Это было не в его характере. Даже Виндиго мог помочь только таким людям, как Макдональд. Так он лежал в бессильной скорби, пока изнеможение не принесло сон. Тогда Виндиго появился перед ним и прошептал: «Весной, дурак! Я сказал, весной!»

IV

Наступила весна, и в Форт-Херн пришло известие, что агент должен встретить флотилию шлюпок в Форт-Батизе. Это был пост, который он никогда не посещал, поэтому он вызвал Пьера, чтобы тот подготовился к поездке в качестве его проводника. Они запаслись большим количеством провианта, так как путь был долгим и в месте назначения могло быть длительное ожидание лодок: транспортные средства компании Гудзон-Бэй не ходят по расписанию. В один прекрасный день оба мужчины отправились в путь на каноэ, с трудом продвигаясь вверх по течению. Время от времени они выходили на берег, чтобы пострелять в куропаток, и однажды Макдональд убил лося. В остальном же в путешествии не было ничего, что могло бы разбавить его однообразие. С утра до вечера ни одна душа не пересекала их путь. Макдональд погрузился в свое привычное молчание, и часы проходили без единого звука, кроме плеска весел и причудливых, жалобных нот мелодий Пьера из Ред-Ривер. Иногда заброшенное место с торчащими палаточными кольями напоминало о прежнем присутствии людей. Каждую ночь двое мужчин разбивали лагерь у кромки воды, играли в карты () в одну-две партии в криббедж, а затем ложились отдыхать до четырех или пяти часов утра. Ночью Пьер слышал странные звуки, которые по мере приближения превращались в слова: «Весной! Весной!»

Когда они достигли форта Батис, пост был практически пуст. Торговец Компании ушел на охоту, а дюжина индейцев, находившихся под его присмотром, разбежалась по лесу. Единственный полуумный метис охранял форт и указал на необитаемый остров, уже известный Пьеру, где с незапамятных времен шлюпки разгружали грузы, предназначенные

для северных постов. Фактор и Пьер переправились на плотах и бросили свое постельное белье в длинную полуразрушенную лачугу, предназначенную для слуг компании. Было еще слишком рано ложиться спать, поэтому Макдональд предложил прогуляться, и они отправились на прогулку по густому лесу.

В тот вечер Пьер был необычно молчалив, как будто заразившись молчаливостью управляющего. Но теперь его язык вдруг развязался. Знает ли Макдональд, почему постовой форт никогда не переносился на остров, несмотря на его удобное место для высадки? Индейцы не хотели жить там, они никогда не приходили туда одни, потому что, по их словам, это место было проклято. Остров назывался остров Симона. Об этом ходила длинная история, глупая сказка, но индейцы рассказывали ее у костров, как будто она была правдой. Конечно, Саймон действительно существовал; Пьер хорошо помнил его со времен своего детства — он был бездельником, не плохим человеком, но всегда преследовал неудача. Сначала ни одна из девушек не хотела его, потом он женился, и его жена умерла при родах. Он устроился на работу буксировщиком лодки, споткнулся о неожиданную находку в своем первом рейсе и сломал ногу. Так всегда было с бедным Саймоном. Когда он бросил следопытство, он стал охотником на шкуры. В течение многих лет он бродил по стране и с трудом зарабатывал на жизнь. Наконец ему повезло, и он поймал серебряную лису. Теперь он думал, что будет жить в достатке. Но по дороге к ближайшему торговцу он встретил другого охотника. Они спали бок о бок, а утром незнакомец и серебристая лиса исчезли. Саймон искал их повсюду, но тщетно. Тогда он сошел с ума от горя и стал виндиго. Кого бы он ни встречал, мужчин или женщин, он убивал и съедал. Индейцы организовали группы, чтобы охотиться на него, как на дикого зверя (). Он смеялся над ними; он был виндиго. Они никогда не могли поймать его. Через некоторое время те, кто охотился на него, были найдены убитыми в своих палатках, и люди перестали преследовать его. Теперь они пытались откупиться от него. Как только его замечали возле лагеря, снаружи поселения складывали кучи мяса, а рядом с едой клали самую красивую одежду. Тогда он покидал лагерь в покое — до тех пор, пока в один прекрасный день его снова не охватывала страсть, и он не пробирался в лагерь, чтобы удовлетворить свою жажду. Это было давно, и Саймон умер на этом самом острове, где и был похоронен. Однако туземцы верили, что его призрак по-прежнему время от времени бродил как виндиго, хотя Компания считала все это ерундой и построила там свою хижину, бросая вызов индейским легендам. Конечно, Компания знала лучше.

Макдональд слушал с растущим вниманием, и на протяжении всего рассказа взгляд Пьера был прикован к его чертам лица. Разве по его спине не пробежала легкая дрожь, когда он впервые услышал слово «виндиго»? Не затаил ли он дыхание, когда узнал о блужданиях призрака? И почему он так внезапно развернулся в конце рассказа? Пьер насвистывал мелодию на обратном пути, и фактор грозно приказал ему замолчать. Он явно нервничал; рассказ подействовал.

Придя в хижину, Макдональд взял свое постельное белье и пробормотал: «Может, нам лучше перейти на посты, здесь мы не сможем уснуть из-за комаров». Он не ожидал, что Пьер поверит в его предлог, как и не ожидал, что его кроткий товарищ откровенно его осмеет. Но Пьер, оглядев его с ног до головы, сухо спросил: «Боишься призрака Симона?» «Ничего не боюсь!» — прогремел Макдональд, бросив одеяла на пол и гневно посмотрев на своего товарища. Он начал шагать по комнате огромными шагами. Не было сомнений, что он был обеспокоен. Он не стал играть в криббедж. Он сказал, что слишком устал. Макдональд, который никогда раньше не уставал! Так что вскоре оба мужчины растянулись на полу, укрывшись своими четырехугольными одеялами. Но ни один из них не заснул.

Через некоторое время Макдональд тихо встал и на цыпочках подошел к двери. Возможно, он сможет незаметно добраться до берега и поставить реку между собой и призраком Симона. Но Пьер был бодр и смотрел на него в сумерках северной ночи. «Я просто немного потянулся», — объяснил крупный мужчина, и Пьер даже не удостоил его ответом, что он лжет. Он сел у двери и пристально, с презрением смотрел на управляющего. Крупный мужчина был озадачен. В чем заключалась игра Пьера? Как он мог быть так спокоен в этом проклятом месте? В груди Макдональда внезапно поднялась безумная ненависть к нему. Он хотел разmozжить череп этому жалкому тупице ударом кулака и сказать, что тот утонул в порогах. Затем он сбежал бы на станцию, и никто бы не узнал о его слабости. Пьер по-прежнему сидел, глядя на него с ружьем на коленях. Макдональд не обращал внимания на ружье. Был шанс, по крайней мере, шанс () застать Пьера врасплох и вырвать оружие из его рук, а когда Макдональд боялся рисковать? Но в взгляде Пьера было что-то, что заставляло его сдаваться и подчиняться. Поэтому он просто сидел, глядя на Пьера и дверь, и ни один из них не произносил ни слова.

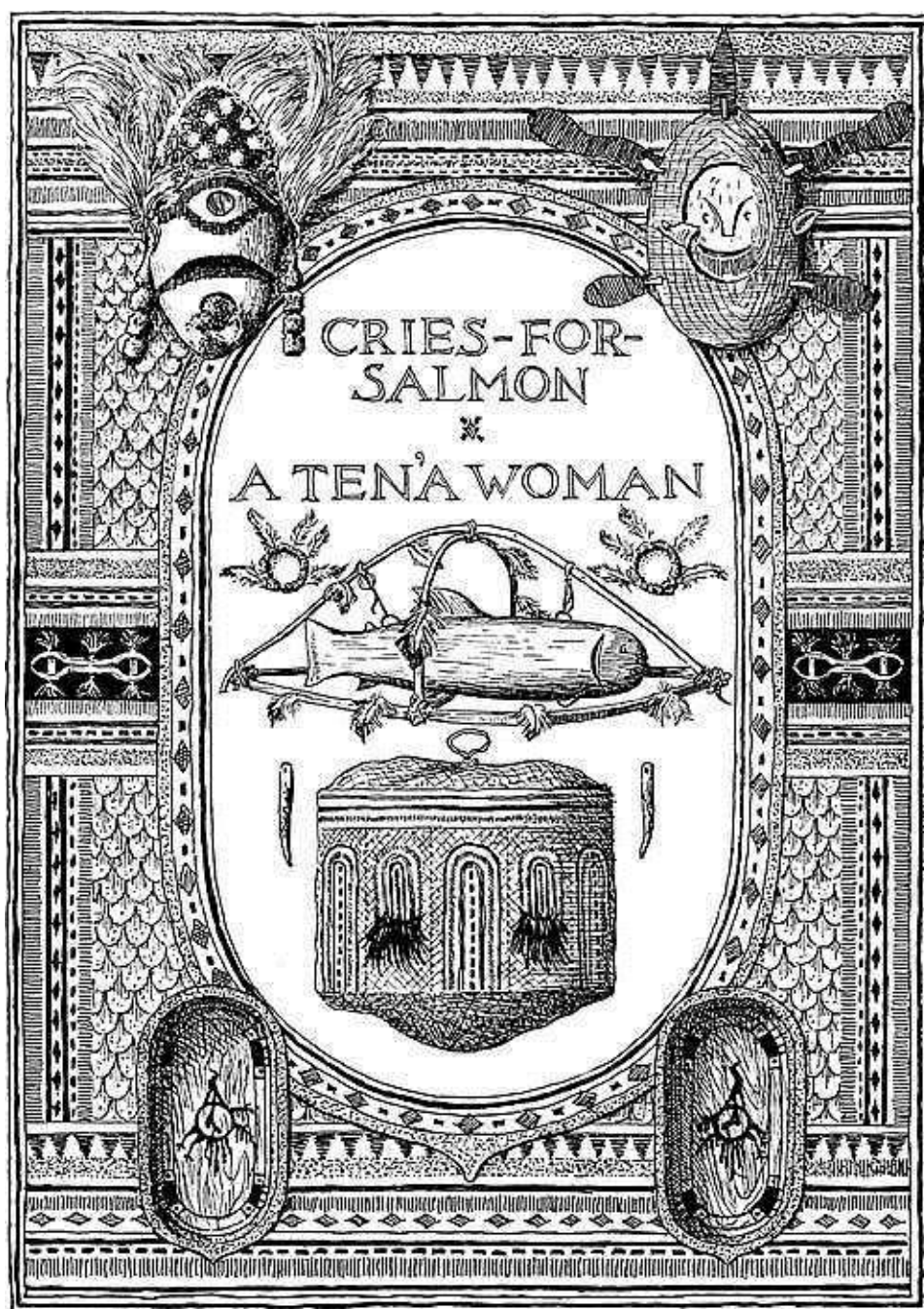
С каждой минутой становилось слышнее странные звуки. Пол скрипел, дверь начала дребезжать, а на другом берегу собаки лаяли, как никогда раньше. Что-то — может, летучая мышь? — постоянно летало по крыше, а на дверь кто-то стучал в ритмичном темпе. Управляющий нервно ерзал и оглядывался то в одну, то в другую сторону, а Пьер сидел в двух метрах от него, неподвижный и безжалостный. Затем раздался другой звук. Медленные, тяжелые шаги приближались от берега. Они приближались к хижине сзади, обошли ее и дошли до двери. Макдональд вскочил на ноги, но шаги продолжались, и он опустился на пол, облегченный, но слабый. Но что это было? Шаги снова приближались: странник обходил хижину во второй раз. Однако, похоже, он не собирался входить, потому что, не останавливаясь у двери, таинственное существо начало третий круг. Но если он и не собирался входить, то и не собирался оставлять обитателей в покое, потому что начал четвертый круг.

Теперь Пьер воскликнул: «Это Симон! Он обойдет четыре раза, потом остановится и заглянет к тебе». Макдональд вскочил — как загнанное животное, боящееся остаться, боящееся выйти, напрягая слух, чтобы услышать странные шаги, сначала удаляющиеся, потом возвращающиеся, все более и более отчетливые. И вот у двери раздался резкий стоп. Откроется ли она и впустит ужасную фигуру призрака Симона? Дверь осталась закрытой. Но теперь Пьер поднялся с мрачным смехом, бросив ружье. Он подошел к своему хозяину и ткнул ему в лицо большим пальцем. «Симон пришел посмотреть, как мы будем бороться. Я буду бороться с тобой за Луизу. Симон сделал меня виндиго. Я брошу тебя, убью и съем, а он хочет посмотреть». Без страха и с безумной яростью он бросился на горло великана. Фактор не следил за ним, он не слышал его речи, он все еще смотрел и смотрел на дверь. Где теперь были те могучие руки, которые держали Пьера как младенца в форте Хёрн? Безжизненные и бессильные, они висели на дергающейся куче, которая без сопротивления упала при первом ударе. Пьер бил его, пинал и душил. Без ножа и ружья, голыми руками он убил великого фактора. И тогда — он стал виндиго!

Он поднялся, ликуя. Виндиго сказал правду: его враг был побежден. Что дальше? Вернуться на пост и рассказать о своем поступке? Поверят ли ему? Они скажут, что он был пьян или сошел с ума, *он*, который не мог убить и мухи. Они скажут, что какой-то враг Макдональда, возможно, группа свободных торговцев, застрелила его из засады. И *он* снова станет добрым, кротким Пьером Вильнёвом. Все было напрасно. Убить Макдональда было ничто, ничто даже для того, чтобы вернуть Луизу. Он хотел быть хозяином, как мертвый великан, и этого он никогда не смог бы достичь.

Он пошатываясь подошел к двери и распахнул ее. Что это было? Бледное лицо, отшатывающееся от ужаса, крик «Виндиго!» и человек, бегущий к реке и переплывающий ее. Он забыл о человеке, которого подкупил под предлогом розыгрыша, чтобы тот перебрался через пост и бродил вокруг хижины. Человек заглянул внутрь и все увидел. Теперь Пьер был спасен, теперь он победил. Его свидетель распространит новость и предупредит людей о новом виндиго. Пьер был теперь величественнее, чем когда-либо был Макдональд. Его слава разнесется от Гудзонова залива до Скалистых гор и от Красной реки до форта Макферсон. Как они будут баловать его — кри, метисы, чипевяны и славеи — когда он будет бродить по их стране, которая теперь принадлежит ему. Он будет красть их меха, есть их дичь и похищать их жен, щелкая пальцами перед их лицами. Теперь он был хозяином, потому что теперь он был Виндиго.

РОБЕРТ Х. ЛОУИ

Крики-за-лосось, женщина из племени тена

Вы просите меня рассказать вам историю жизни кого-нибудь из Анвика, моего дома на Аляске. Я расскажу историю женщины, которая подарила мне мокасины, которые я вам показал — о девочке можно рассказать больше, чем о мальчике. Но я должен буду рассказать и о мальчике, потому что нельзя рассказывать о девочках, не рассказывая о мальчиках.

Когда должна была родиться Крики-за-лососем, они позвали Хаветсе-кедца, Их-маленькую-бабушку, старую женщину с большим опытом, чтобы она помогла. В течение трех дней после родов Их-маленькая-бабушка оставалась рядом с кроватью из шкур, и мать не могла вставать с постели без разрешения Их-маленькой-бабушки. Я не знаю много об этих днях, потому что мальчики и мужчины не остаются в доме в это время; они уходят в каджим (мужской дом). Все, что я знаю, это то, что послеродовые выделения заворачивают в ткань и кладут в развилку дерева — послеродовые выделения являются частью тела, и их не следует уничтожать, так же как когда вы порежетесь, вы вытираете кровь стружкой и кладете стружку в развилку дерева. Даже то, что осталось от старой одежды, вы не уничтожаете, вы не бросаете ее в огонь, как делают белые люди, а кладете в мешок, который со временем помещаете в ель. Все, что убрано в лес, считается все еще частью деревни, поэтому, когда нужно совершить церемониальный обход деревни, проходят около полумили по лесу, чтобы включить в обход эти вещи, оставленные на деревьях.

Пуповина ребенка обвязывается сухожилием вокруг запястья или шеи и остается на месте в течение двух-трех лет. На тело мальчика на определенное количество дней кладут топориче — я не знаю, на сколько дней, и что кладут на девочку. Если в это время в дом заходит белый человек, предмет убирают. Если ребенок умирает в возрасте до трех или четырех лет, предмет, топор или что-то другое, кладут вместе с телом. Я не знаю, почему, и когда я спрашивал стариков, они отвечали: «Кто из нас знает?», как они часто отвечают, когда знают, но не доверяют тебе настолько, чтобы рассказать. Кроме того, от молодых парней не ожидают, что они будут задавать вопросы; ты должен учиться, подслушивая, и таким образом приходить к пониманию.

В течение двадцати дней после рождения Крика-за-лососем ее отец должен был оставаться дома, в помещении, «под дымоходом», как говорили люди, когда жили в иглу или подземных домах. В настоящее время все или почти все живут в каркасных домах. В течение этих двадцати дней мужчина не должен прикасаться к предметам, изготовленным белыми людьми, особенно к предметам из стали или железа, ножам, топорам или ледорубам. Медь, полученная в результате торговли с побережьем, которая была переплавлена и выкована вручную, мужчина может использовать; и он будет есть из деревянной или костяной посуды. Он не должен прикасаться к рабочим инструментам любого рода, за исключением случаев, когда в связи с чрезвычайной ситуацией в доме ему приходится идти в лес за дровами или дичью, и тогда он сначала идет к дйину, шаману, чтобы получить песню, которую нужно петь в таких обстоятельствах. За эту песню, как и за другие песни, шаману платят лофтак — шкурами, мясом или маслом.

Даже если мужчина выходит из дома в течение двадцати дней, он должен быть осторожен и не переходить через воду ручья или озера — это будет отхланг, и рыба вызовет кожную сыпь у ребенка. Наша кожа обычно очень гладкая и чистая, и когда у кого-то появляется сыпь или высыпания, мы знаем, что это от отхланга.

Если бы Крики-за-лососем родилась весной, то следующей осенью ее отец не пошел бы ловить угрей — это тоже было бы отхлангом и привело бы к нехватке угрей. Мужчина также не пошел бы ловить угрей в течение года после смерти кого-либо из членов семьи. Если бы вы знали, насколько мы зависим от угрей в плане питания, вы бы поняли, почему мы должны быть так осторожны. Первым признаком прихода угрей является находка угря в желудке луша, рыбы, которая является нашей основной пищей зимой в . Кто-то может найти угря в луше в нескольких милях от деревни, и тогда он сразу же посылает весть, и мужчины отправляются к местам на реке, где русло узкое и есть хорошие места для кормления угрей. Здесь они собираются так густо, что вызывают подъем воды, и вам остается только выбросить их на берег палкой. Поскольку люди ловят угрей вместе, каждый будет знать, если кто-то пойдет ловить угрей после смерти или рождения в своей семье.

Как и в случае с работой после рождения ребенка в семье, так и с развлечениями — мужчина не должен принимать в них участие. Он должен сидеть тихо, опустив голову, потому что в это время он, как полагают, находится в связи со своими духами. Его духи не сильнее самых сильных песен, которые он знает, и в это время мужчина должен быть бдителен, чтобы его песни не утратили свою силу или мощь, или чтобы из-за нарушения правил ребенок не умер.

Когда Плачет-за-лососем была маленьким ребенком и плакала, ее мать, несомненно, кричала ей: «Ли! Злая! Тихо!» — чтобы напугать ее. (Чтобы оскорбить кого-либо, люди говорят: «Ли денá! Кровь Злого!»). А когда Плачет-за-лососем научилась ходить, за ней все время следили отец или мать, потому что с самого начала ее нужно было учить не наступать на вещи, связанные с благосостоянием семьи, которые могли лежать на полу. Например, если там лежала палка, из которой делали стрелу или рыболовную ловушку, девочка должна была обходить ее, а не наступать на нее. Дух мальчика сильнее духа девочки, поэтому мальчик может наступать, где ему вздумается.

А девочку, когда она становится немного старше, нужно учить быть чрезвычайно осторожной с тем, что она находит на полу: с кусочками еды, костями, перьями, волосами или кожей. Существует правило, что все такие отходы должны быть отдельно сложены женщинами в корзины и отнесены в лес или на реку, в места обитания существ, которым эти отходы принадлежат. Крики-за-лососем ходила вместе с матерью, чтобы посмотреть, как та с каноэ выбрасывала в реку перья уток, гусей или лебедей, чтобы они могли снова превратиться в птиц, которыми были раньше. Крики-за-лососем рассказывали, что, когда перья плыли по течению, хотя она их и не видела, они снова становились птицами, чтобы вернуться и питаться в своих старых местах обитания, среди грязи и гусяной травы. Точно так же она видела, как ее мать высыпала рыбные кости, чтобы они превратились в рыбу, и как она уносила в лес кости диких животных. Если бы такие кости оставались на полу и на них наступали, это было бы отлангом.

Иногда, когда мужчины сидят на полу, подтянув пятки к ягодицам, или сидят, скрестив ноги, левую ногу поверх правой, с миской еды, поставленной на ноги, кость может выскочить на пол, а не вернуться из пальцев в миску. Это дух семьи, голодный дух, который охотится за едой. Дух еды питает дух семьи, и хотя частица подбирается и уносится в лес, она теряет свою силу и не превращается снова в животное.

Когда мы, мужчины, убиваем ивового или бородатого тетерева (куропатку), мы вынимаем некоторые из хвостовых перьев и бросаем их на землю, возвращая их лесу, чтобы они снова стали птицами. Я помню, что в первый раз, когда я застрелил тетерева, я вынул несколько перьев над хвостом. Мой товарищ рассмеялся. «Это неправильно, — сказал он. — Ты должен брать хвостовые перья». Продавая тетеревов миссии, люди сначала снимают с них шкуру,

так же как сначала ощипывают гусей или уток, которые они продают, и удаляют внутренности. Точно так же они снимают шкуру и чистят кроликов, которых продают. (Перед церемонией мужчины занимаются охотой на кроликов. Они выбирают остров или мыс и распределяются так, чтобы каждый видел другого. Каждый кричит и бьет по деревьям, чтобы выпугать кроликов, а затем они образуют дугу круга и приближаются к воде. Они оставляют кроликов для праздника, но некоторых могут продать). Медвежье и рысье мясо они вообще не продают белым людям.

Мы не едим кроличье мясо летом, и, без сомнения, Кричит-за-лососем, как и другим детям, говорили, что в нем много червей. Ей также говорили, чтобы она никогда не ела в темноте, чтобы не проглотить глаз Злого, который, вернувшись к Злому, задушит ее. Также она не должна откусывать кусок мяса зубами. При наливке чая или жидкостей Кричит-за-лососем учили быть очень осторожной и наливать только чуть ниже края, почти на дюйм ниже, чтобы не рисковать пролить. Если чашка переливалась, это было отлангом для человека, которому ее подавали — он не смог бы догнать свою добычу, поймать рыбу или хорошо проявить себя в качестве лидера — и чтобы преодолеть отлангом, ему пришлось бы пойти к шаману за песней.

Во всех этих деталях девушка должна научиться, как себя вести, как держаться. Молодой человек оценивается по его умению делать снегоступы и добывать дичь, лис, оленей и, до того как белые изгнали их, карибу. Девушка оценивается по ее умению заниматься рукоделием и добывать пищу, но ее также ценят за ее поведение в быту. Если она наделена силой и добродетелью, то по мере взросления ей, скорее всего, будет доверено хранить старую деревянную чашу, которая передавалась из поколения в поколение женщинам одного и того же ранга и использовалась в церемониях в честь выдающихся охотников. Кроме того, подарки от заботливой женщины приветствуются. Люди не любят, когда молодой человек, взрослея, носит вещи, сделанные кем-либо или всеми. Если бы он носил варежки, сапоги или парки (рубашку), сделанные небрежной женщиной, его собственные способности могли бы уменьшиться, а дух ослабнуть.

Крики-за-лосось, как и других маленьких девочек и мальчиков, учили никогда не петь и не свистеть во время еды и никогда зимой не подражать летним птицам — это продлило бы зиму, возможно, превратив ее в две зимы (частое выражение рассказчика, означающее, что и без того короткое лето еще больше сокращается), что привело бы к голоду. Крики-за-лосось также никогда не делали снежки и снежные фигуры. Снеговика можно лепить только один раз — когда люди хотят, чтобы весной наступила морозная погода. Путешественники боятся, что весеннее наводнение застанет их вдали от дома. Я помню, как однажды ранней весной, когда стало тепло, в Анвике было много торговцев. Мужчины должны были вернуться домой, чтобы подготовить рыболовные лагеря и поставить сети. Некоторым из них предстояло пройти двадцать миль по тундре и лесам. Мягкий снег в лесу и слякоть утомляли их собак. Поэтому они пошли к шаману и получили разрешение слепить снеговика, обращенного лицом к северу, чтобы он притягивал холодные ветры. В качестве скульптора они выбрали неженатого мужчину, родившегося в месяц переменчивой погоды.

Дети не могут играть в снежки, но они играют в войну по-другому. Почти все может стать поводом для имитации сражения. Возможно, один ребенок назовет семью другого ребенка грязной или скажет: «У моего отца больше шкур, чем у твоего». Затем они собирают кипрей, снимают с него стебли и используют их в качестве копий и дротиков. Эти оружия сдирают кожу с лба, но чем больше крови, тем больше тебе нравится, и ты никогда не плачешь, как

бы сильно ни ударили. Двое или трое мальчиков притворяются убитыми, девочки поднимают вопль, устраивают большое пиршество и снова мирятся.

Мальчики также играют в охоту на уток и оленей. Они делают утку из травы и прикрепляют ее к длинной тонкой палке. Затем они ставят ее в грязном месте и бросают в нее короткие деревянные копья. В эту игру можно играть только весной, потому что если играть позже, это приведет к голоду. Это очень увлекательная игра, и часто, вне сезона, мы, мальчики, несли в лес канистры с водой, чтобы сделать утиный пруд, чтобы старики не видели.

Чтобы поиграть в охоту на оленей, мальчики берут пучок травы и делают из него фигурку оленя. В качестве живота они вставляют полоски лосося. Они устанавливают фигурку на палки, а затем уходят в заросли пней и травы. Один мальчик говорит другому: «Я вижу оленя». «Где?» «Вон там». Они подкрадываются к нему. Они стреляют, и мальчик, который посылает свою стрелу ближе всего к сердцу, считается убийцей. Они снимают с оленя шкуру, все время разговаривая: «Какой он толстый, какой гибкий», «Его было трудно добыть». Они достают сушеную рыбу, убийца разрезает ее и, как взрослый, следит за тем, чтобы еда была поделена между охотниками. Когда мужчина возвращается с долгой и успешной охоты, он идет к каджиму, а его жена готовит еду и приглашает всех людей прийти и поучаствовать в трапезе. Она ходит от дома к дому, говоря: «Приходите, выпейте чаю и поешьте мяса». (Под «мясом» она всегда подразумевает медвежье мясо, поскольку оно является самым питательным и называется просто мясом. Другое мясо она называет оленьим, дикобразным и т. д.) Точно так же, когда женщина наполняет ловушку рыбой, все люди приглашаются на трапезу.

Маленькие девочки и мальчики вместе играют в рыбалку и домохозяйство. Мальчики собирают ивы и связывают их в большой сноп, толщиной полтора фута и длиной пятнадцать футов. Они выбирают мелкое место в реке, где водятся мелкие рыбки, и укладывают ивовую ловушку в форме овала. После ловли девочки берут рыбу, чтобы приготовить ее, а мальчики и девочки объединяются в пары, чтобы устроить рыбные лагеря, как их старшие. Однажды, когда мне было около десяти лет, я объединилась в пару с Кричит-за-лососем. Она нашла корни, чтобы сплести корзину, и траву, чтобы сделать куклу. Она пела кукле и делала вид, что кормит ее. Я пошел в лес и собрал кору и дрова. Я застрелил белку и маленькую птичку из лука и стрел, а Кричит-за-лососем сняла с белки шкуру, ошипала птичку и приготовила их. Мы даже сделали каджим, чтобы устроить пир. Зимой мы, дети, строили снежные дома, ловили кроликов в силки и воровали из дома куски вяленого мяса или лосося. Это не воровство, если нас не поймают. Но наши зимние игры сократились.

Я бы хотел рассказать вам о том времени, когда детей, девочек и мальчиков, передают шаману, чтобы они стали частью деревни, чтобы они принадлежали деревне. Я знаю, что в это время проводится церемония, но я не знаю о ней много. В то время я был в доме миссии. Дети маленькие — около четырех или пяти лет. С этого момента, если с семьей что-то случится, деревня будет заботиться о ребенке, и деревня несет ответственность за то, чтобы ребенок как можно больше узнал о деревенских обычаях. Старики разговаривают с мальчиками, а старухи — с девочками. Они рассказывают им старые истории, чтобы научить их тому, чему они, возможно, не научились дома. Конечно, есть и другие истории, которые рассказывают люди, но их рассказывают только ночью в каджиме и в начале зимы, перед тем как приступить к подготовке к большим церемониям, изготовлению масок и репетиции песен. Многие из этих историй рассказывают о птице, которую никто никогда не убьет, о Вороне, который может превращаться в что угодно и который создал реку Юкон, прочертив борозду своими лапами, а холмы и горы — переноса землю. Многие истории рассказывают о

начале города, о том, как его основала пара, пережившая массовое убийство, и о том, что происходило до наших дней... Неприлично рассказывать историю, когда никто не слушает, поэтому через каждые пару предложений кто-то должен говорить «хен, хен», чтобы показать, что есть слушатель.

Существует также церемония присвоения имени, о которой я знаю немного. Людей могут называть в соответствии с тем, чем они занимаются, или в соответствии с их характером. Одна девушка, которую я знаю, называется «Опухшее лицо»; другая — «Указывающая» (у нее была злая привычка указывать пальцем [указательным пальцем левой руки] на людей в знак презрения); еще одна — «Не любящая никого» (то есть мужчин; она отвергала поклонников); еще одна — «Не любящая злого». Последняя девушка получила свое имя потому, что она никогда не болела и не подвергалась эпидемиям; у нее были хорошие глаза; она была великодушной; она была успешной корзищицей, сетевиком и кролиководом; у нее было веселое лицо, и она выглядела готовой помочь, в отличие от тех женщин, которые ранят людей презрительным взглядом и которых люди боятся. Я знаю человека по имени Он-ползет-на-около, потому что его походка незаметна, как будто он крадется за чем-то. Из-за того, как дается это имя, и потому что оно имеет столько значений, оно используется редко. Ты обходишь его стороной. Мужчина кричит: «Смотри сюда!», и его ребенок узнает голос отца и понимает, что это его зовут. Когда дети из миссии зовут деревенского ребенка по имени, он очень злится.

Теперь перейдем к тому моменту, когда Кричит-за-лососем стала большой девочкой. Когда у нее впервые начались месячные, ее поместили в угол дома отца, чтобы она была вне поля зрения молодых мужчин, и она должна была оставаться там в течение года, как мы считаем по лунам. Место, отведенное Кричит-за-лососем, было достаточно длинным, чтобы лечь. В этом углу Кричит-за-лососем должна была хранить все свои вещи, в частности, свою чашку и ведро с водой. Когда никого не было рядом, она шла наполнять ведро, но, как и со всеми своими вещами, она должна была быть очень осторожной и не оставлять ведро там, где молодые мужчины могли бы случайно его увидеть. Девушки вообще не должны выходить на улицу, но если девушке приходится выйти, она должна идти с опущенной головой, чтобы, проходя мимо молодого человека, ее глаза не встретились с его глазами, а его глаза не встретились с ее. Это было бы отлангом. Мужчина потерял бы свои охотничьи и рыболовные способности и то, что я могу назвать его общественной властью. (Например, он не знал бы, как говорить на собрании, где существуют правила выступления, чтобы исключить болтливых людей). Однажды я пошла в дом Крис-за-лососем, когда она была в углу. Мы не стучим в дверь, как белые люди, и я бы вошла, произнеся обычный дрожащий звук «хихихихихи» и сказав что-нибудь, возможно, о погоде, ожидая, что мне предложат сесть и подадут еду — гость никогда не может уйти без еды, — но отец Крис-за-лососем увидел, как я приближаюсь, и встретил меня у двери, сказав: «Пойдем в каджим». Я знал, что это означало: у него была дочь в углу, он защищал меня.

В углу девушка постоянно носит на лбу ободок из бисера, к которому прикреплены медвежьи когти. Ее поведение в это время определяет, станет ли она достойной женщиной на всю жизнь и насколько она будет искусной в домашнем хозяйстве. Ведь в это время она делает все, что будет использовать после замужества — то, что, как я слышала, студенты здесь (в Институте Хэмптона) называют «сундуком надежды». Она учится шить, делать бисерные изделия и изделия из иголок дикобраза, плести корзины и рыболовные сети. Первые несколько месяцев ей не разрешается готовить, но ближе к концу этого периода на нее возлагается большая часть домашней работы, в том числе и приготовление пищи. И именно тогда женихи обращают внимание на ее работу и достижения. Они замечают, выглядят ли швы на изготовленных ею сапогах и варежках прочными и долговечными,

качественна ли ее вышивка бисером, трудолюбива ли она и способна ли, как она себя ведет. Мужчина знает, насколько важен для его благополучия характер его жены. Мужчина должен заниматься охотой, но после женитьбы это все; его жена выполняет всю тяжелую работу. Она добывает дрова и воду, ловит тетеревов и кроликов, ставит рыболовные ловушки и готовит всю одежду и всю еду, не только для семьи, но и для церемоний, на которых мужчина должен участвовать.

Но есть еще что рассказать о девушке на первом этапе ее жизни, а также о отношении к женщинам до тех пор, пока они не вступают в период перемен, пока не становятся старыми. Если девушка уходит в укромное место летом, когда мы все находимся в рыбном лагере, ее семья, возвращаясь в зимние жилища, вероятно, должна будет пересечь реку или идти вдоль нее. Я помню, что так произошло в случае с Криком-за-лососем. Ее отец должен был пойти к шаману. Он пошел к Лососевому Клуберу, который жил со своими двумя женами и несколькими семьями, которые последовали за ним из-за его услуг, чтобы поселиться в двадцати милях от Анвика. Отец Кричит-за-лосось дал Лососевому Клуберу то, что тот просил — несколько связок рыбы, немного тюленьего жира и оленью шкуру. Затем Лосось-клубец впал в транс и, поскольку его ощущения были хорошими, дал семье разрешение на переезд. Кричит-за-лососем пришлось остаться в носовой части каноэ, пригнувшись, чтобы ее голова не возвышалась над бортом, а лицо было закрыто. Если бы она не соблюдала эти правила, то, скорее всего, через некоторое время на ее лице появилась бы сыпь.

Лососевый клуббер не дал бы разрешения, если бы какие-либо мужчины вышли на охоту на уток или гусей, как они обычно делают после окончания рыболовного сезона. Птицы и животные, как вы бы сказали, чувствительны к девушкам «в углу». Чтобы животные уважали их, мужчины должны уважать их песни. После того как я вернулся домой в 1917 году, я пошел на охоту на птиц — это было весной. Я добыл только одного гуся и одного журавля, а остальные пять мужчин добыли гораздо меньше, чем обычно. По возвращении один из стариков сказал мне: «Сынок, ты хорошо знаком со всеми нашими правилами? Я разговаривал с шаманом, и он видел, как ты купался там, где купаются девушки. Там три девушки в первой стадии». «Откуда ты знаешь?» «У нас есть способы узнать». И он использовал одну из фраз, которые используют старики и которые мы не понимаем. Старики разговаривают с нами только о внешней стороне вещей. Они говорят нам достаточно, чтобы мы могли понять, если мы думаем так же, как они. Он продолжил: «Именно из-за этого ты так мало добыл на охоте, и выпал снег, и дул сильный северо-западный ветер... Мы могли бы отстранить тебя, но мы слишком высоко ценим тебя, и я говорю с тобой как друг». Если бы я был упрямым или не понял, что он имел в виду в этот или другой момент, я бы прославился этим от деревни к деревне, и мне было бы трудно найти жену.

Этот старик, конечно, знал, что мальчики из миссии склонны пренебрегать старыми правилами. Возможно, он видел, как мальчики, например, спускались в подвал женского общежития, что было нарушением строгого правила, поскольку, пока женщина не состарится, она, как мы говорим, находится в неблагоприятном состоянии и никогда не должна быть выше мужчины. Весной семьи переезжают на рыболовные угодья, где они открывают сезон, делая каноэ или лодки, которые будут использовать. Для рубки дерева они используют ручную пилу. Существует правило, что если мужчина и женщина пилят вместе, мужчина всегда должен стоять на более высоком конце пилы, а женщина — ниже. Точно так же, при укладке рыбы в погреб, построенный на столбах, мужчина должен выполнять работу над головой; женщина никогда не будет работать на полке над мужчиной. В каджиме женщины сидят на полу, а мужчины над ними на скамейках, которые они также используют для сна. Не только миссионерский дом, но и другие дома,

построенные по американскому двухэтажному плану, затрудняют соблюдение этого правила о работе над головой.^[17]

Опять же, пока женщина еще молода, она не должна присутствовать при родах. Она также не может есть определенные виды уток или их яйца, а также «мясо», то есть медвежатину.^[18]

Во время менструации, в течение примерно недели, если молодой человек войдет в дом или мужчина останется дома, это причинит женщине боль при родах, поэтому в это время муж женщины покидает их постель и уходит в каджим, где спит вместе с мальчиками и молодыми мужчинами. Мальчик покидает мать, чтобы жить в каджиме, как только он наберется достаточно мужества, возможно, в четырнадцать или пятнадцать лет. Если он смелый, он может уйти раньше, но если он слабый, он не может уйти до восемнадцати лет.

Во время менструации девушка или женщина будет защищаться от мужчин, если сможет. Например, если мальчик начинает бороться с девочкой — чтобы поиздеваться над ней, как вы говорите, только это делается не так, как у вас, мальчик борется и бросает девочку на землю, и они кувыркаются, это гораздо веселее и оживленнее — девочка, если у нее менструация, будет царапать ему лицо, чтобы он оставил ее в покое. Старики видят его поцарапанным и знают, почему, и смеются над ним... Однажды, когда мать Кричит-за-лососем была в каджиме на церемонии, ее попросили станцевать на шкуре, которую она отдавала шаману для умершего родственника. Мы видели, как она колебалась. «Давай. Что с тобой?» — сказал кто-то. У нее были месячные. «Ничего страшного», — сказали ей. «Встань на один угол шкуры. Мы все уладим». Она заняла свое место рядом с Криком-за-лососем, и они исполнили свой танец, глядя в землю и делая движения руками, которые были характерны для этого танца... Таким образом, Крик-за-лососем научилась танцу, который принадлежал ее матери.

Как и все танцоры, девушка и ее мать стояли лицом к дверям каджима — там две двери, внешняя из медвежьей шкуры, означающая силу, внутренняя, примерно в четырех футах от нее, из волчьей шкуры, означающая скорость и ловкость. Пространство примерно в четыре фута между дверями позволяет закрыть первую дверь за входящим на четвереньках и не пустить Ли, Злого, до того, как откроется вторая дверь. Когда маски выкладываются под покрывалами, они тоже обращены к дверям. Дымовое отверстие каджима закрыто медвежьим кишечником. Под ним, в центре пола, находится огонь. В каджиме всегда тепло. После того, как огонь разгорается, его тушат расколотыми поленьями.

В каджиме проводится церемония для девушки после того, как она выходит из угла. Я знаю, что она носит новый парки, подаренный ей родителями или женихом, но я никогда не видел эту церемонию и не могу ничего о ней рассказать.

Как я уже говорил, у девушки может быть жених, пока она находится в углу или до этого — это молодой человек, который заметил ее и знает, что хочет ее, и начал работать на ее семью. Он рубит для них дрова, носит воду и отдает им большую часть своей добычи. Если он сделает достаточно, чтобы заинтересовать стариков, они примут его. Сама девушка не имеет права голоса. Даже если он ей нравится, но старик его не любит, считая, что он сделал недостаточно, молодой человек не может получить девушку. С другой стороны, девушке может не нравиться молодой человек, который нравится старику. Как только она вышла из угла, Крик-за-лососем вышла замуж за мужчину, который понравился ее отцу, потому что он многое сделал. Этот мужчина, Крик-за-лососем Тлегаттсокс, Рыбья-кожаная-шляпа, после того как дал лофтак, должен был также получить согласие шамана, или, возможно, вождя деревни. Кричит-за-лососем не нравился Рыбная-кожаная-шляпа; и все же, хотя его отец был скрягой, сам Рыбная-кожаная-шляпа был хорошим человеком, обладающим способностями и силой — для него были куплены песни, и его имя было таким, какое не мог

бы носить обычный человек. (Для такого имени человек должен обладать силой и соответствовать ей.)

Родители Кричит-за-лососем знали, что, поскольку Кричит-за-лососем будет способной женщиной, хорошей охотницей и рыбачкой, женщиной, которую будут высоко ценить за количество рыбы, которое она сможет разделать за день, и за ее мастерство и быстроту в шитье, ей нужен такой же способный муж, который будет хорошо охотиться, сохранять свои меха и торговать. Старики также знали, что, если Крик-за-лососем не найдет хорошего мужа, ее жизнь будет похожа на рабскую. Ей придется работать как на мужа, так и на его родственников. Первые два-три года девушка будет жить со своим мужем в доме своих родителей, но затем он построит свой собственный дом и заберет ее в этот дом. Он может находиться рядом с домом ее родителей, но принадлежит ее мужу. Она покинет его, если поссорится с ним, если он будет ругать или бить ее, и вернется в дом своих родителей, бабушки или ближайших родственников, чтобы оставаться там, пока он не придет за ней.

Шляпа из рыбьей кожи принадлежала Анвику, но Кричит-за-лососем мало видела его до того, как он начал приходить к ней ночью. Старшие мальчики и девочки не ходят вместе днем; вы никогда не увидите, чтобы они вместе гребли на каноэ. Девочка не заговорит с вами на дороге. Если она хочет поговорить, то только в темноте или под крышей — под крышей, потому что, как говорят люди, «кто-то за вами наблюдает».

После того как лед сходит и люди живут в палатках, когда мужчина хочет забрать девушку, он пробирается ночью под стенкой палатки к той стороне, где, как он знает, она спит, и ускользает, когда птицы начинают шуметь. Люди в положении следят за тем, чтобы никто не навещал их дочь таким образом, кроме мужчины, с которым она через некоторое время будет жить открыто, то есть выйдет замуж. Родители говорят девушке: «Смотри за собой». Если придет не тот молодой человек, девушка поймет это, потому что он не будет делать оговоренные знаки, возможно, будет держать ее определенным образом, и родители будут ждать, что девушка закричит и разбудит семью. Но некоторые люди небрежны, и есть молодые люди, которые бродят без дела. Иногда семья ставит молодого человека в такое неловкое положение, что он вынужден жениться на девушке; они скажут, что девушка зачала от него — «от него у нее есть мужчина внутри». Мужчина, который в таких обстоятельствах упорствовал бы в отказе жениться, был бы отвергнут другими девушками.

На церемониях молодые мужчины видят девушек в формальной обстановке. Вождь назначает девушку партнером мужчины, сохалдид. Когда я вернулся домой в 1917 году, вождь назначил трех девушек моими партнершами, и две из них, Крики-за-лосось и еще одна, согласились. В перерывах между церемониями ваша партнерша приглашает вас в свой дом и накрывает стол, чтобы вы могли поесть и попить чай и все, что дает сезон: медвежатину, оленину и т. д. То, что вы не можете съесть, вы должны унести с собой, и вы оцениваете девушку по щедрости ее гостеприимства. Накрывание стола всегда отличается большой щедростью. На медвежьих пирах, например, обслуживающая женщина подавала в десять раз больше, чем я мог съесть. (Никогда не забывая в конце дать мне миску с водой для умывания и тряпку, чтобы я не вынес по неосторожности никаких остатков еды). Лидеры танца просят подарки. Когда вы их даете, вы исполняете короткий танец. Однажды, когда настала моя очередь, две женщины, думая, что я не знаю танца, встали, не будучи попрошенными, и станцевали вместо меня. Одна женщина была одарена песнями о медведях, другая — песнями об охоте. Я подарил чай в большом количестве. Каждому из присутствующих, кроме меня, дарителя, дали по чашке, а из того, что осталось, сначала дали шаману, затем старейшинам и так далее. В другой раз я получил моток веревки, топор, пилу, стальную ловушку, двух больших белых рыб, а также мороженое из тюленьего жира, ягоды, рыбу без костей и снег. Кто-то пошутил: «Мы подарили ему вещи, как будто он женился. Ему

следует пойти и взять себе одну из этих старух, которые ищут стариков». Мне не понравилось мороженое, поэтому я отдал его Крису-за-лососем, который, как и положено партнеру, позаботился о том, чтобы мои подарки были вынуты и убраны. Женщины устраивают для мужчин праздники, где они танцуют и раздают подарки, приглашая мужчин между танцами поесть. На следующий день мужчины устраивают праздник для женщин, также заботясь о том, чтобы женщины получили все, что они могут съесть. Здесь я могу сказать, что именно интерес, который мужчина проявляет к праздникам, к церемониям, помогает ему стать вождем. Тот, кто больше всего помогает в эти моменты и в другие моменты (когда один мужчина может помочь другому, от него ожидают помощи), становится вождем.

Отношения сохалдид, или партнерские отношения, длятся долго. Всякий раз, когда вы возвращаетесь в деревню, где живет ваша партнерша, она будет заботиться о вас. В качестве партнеров назначаются как замужние, так и незамужние женщины, что иногда вызывает проблемы с мужем. Но я помню один случай, когда все проблемы были созданы миссионером. Два мужчины имели в качестве партнеров жен друг друга, и через некоторое время они договорились взять своих партнеров в жены, то есть обменялись женами. Пять лет спустя миссионер узнал об этом и, хотя к тому времени одна из женщин уже умерла, он решил заставить другую женщину вернуться к своему первому мужу.

Вместе с маршалом и мной он пошел ночью в дом Мюли. Они постучали. «Кто там?» — позвала Мюли... «Почему бы тебе не зайти с факелом, как мы делаем, когда хотим с кем-то поговорить?»... Женщина подошла к двери. Женщина всегда подходит к двери, так как пришелец может оказаться врагом, и она идет, чтобы защитить своего мужа. Миссионер хотел, чтобы маршал арестовал Мюли на месте. «Ты думаешь, я белый человек, чтобы убежать?» — спросил Мюли... Мюли получил шестьдесят дней, другой мужчина — тридцать дней, а женщина — шесть месяцев. «Я не могу этого понять», — сказал Мюли мне, — «другой мужчина был доволен, я был доволен, она была довольна, а теперь они пришли и разрушили все для нас»... Мюли посылал ей еду после того, как вышел, а после того, как она вышла, они снова стали жить вместе.

На церемониях старейшины увидели, что я обеспечен всем необходимым, и, поскольку я был в разлуке четыре года, мне дали место среди главных мужчин деревни; люди пытались привязать меня к Анвику и другими способами. Женщины собирают ягоды, поэтому они просили меня прийти и поесть ягод в их домах. В других случаях меня приглашали мужчины. Однажды один из вождей встретил меня, когда возвращался с охоты. Он пригласил меня в свой дом поесть. Однако вместо того, чтобы сказать: «Хочешь пойти сейчас?» или «Пойдем», он сказал: «Подожди немного». Из этого я понял, что он не хотел, чтобы я следовал за ним прямо в дом, потому что у него была дочь, и я тоже знал, что он хотел, чтобы я стал ее женихом. Он боялся (), что, если я пойду с ним, я могу задать вопрос о ней под открытым небом — это было бы othlang.

Не раз старик говорил мне: «Мы хотим, чтобы ты остепенился с доброй девушкой, которая будет хорошо заботиться о тебе и соблюдать обычаи. Мы не хотим, чтобы ты был с девушкой из миссии. Они не стоят ничего, они потеряли свою гордость». (Видите ли, девушки из миссии не должны шить себе одежду или думать о будущем. Из-за голода мы всегда думаем о будущем. Люди очень волнуются, когда у них остается всего несколько шкур и т. д.; они осторожны, они следят за собой — за исключением церемоний, когда они отдают все).

И старик мог бы продолжить: «Мужчина — это не более чем его жена. Ты должен использовать свою голову, чтобы заполучить деревенскую девушку. Если ты пойдешь с

подходящей девушкой отсюда, мы ничего не скажем. Нам все равно, если ты проскользнешь ночью и снова ускользнешь». Кто-то другой мог бы рассмеяться и пошутить: «Если ты войдешь, ты можешь опрокинуть чашу и тебе придется уйти!» Будучи мальчиком из миссии, они думали, что я могу быть неловким.

Люди не хотят, чтобы молодые мужчины женились за пределами своей деревни, и поэтому, как только мальчик убивает свою первую дичь, как только он может догнать и поймать добычу — возможно, ему всего лишь шестнадцать лет — они хотят, чтобы он взял себе девушку. Люди также не приветствуют иностранных женихов. Они относятся к ним с подозрением. Мужчина никогда не теряет связи со своим народом — например, на церемониях мужчины, которые уехали из деревни, могут вернуться домой и сидеть на старом месте со своими родственниками, даже если там присутствуют родственники жены. На церемонии приглашают посторонних. Двух посыльных отправляют с приглашением в другие деревни. По маскам, которые носят посыльные, люди узнают, будет ли представление маскарадным, духовным или обычным «праздником». В старые времена, когда одна деревня нападала на другую, и всех, кроме вождей и девушек, убивали, чужак мог предать род своей жены своему народу, рассказав им о слабости из-за эпидемии или из-за нехватки воинов по разным причинам, или рассказав об изобилии запасов еды. И поэтому даже сейчас люди с подозрением относятся к чужакам. Если вы не женитесь в своей деревне, они шутят над вами — шутят так много, что это становится неприятным.

Когда я вызвался служить в американской армии, люди сказали мне: «Если бы ты умер среди нас, мы позаботились бы о том, чтобы тебя похоронили по всем правилам, но если ты умрешь на поле боя, тебя могут разорвать на куски, а люди будут ходить по тебе».

«Я не боюсь», — ответил я.

«Ты не боишься, но мы хотим позаботиться о тебе... Отдай шаману шкуру ласки; он высоко ценит тебя, он не будет требовать многого, чтобы защитить тебя». Три мужчины и две женщины пришли ко мне, чтобы убедить меня. Наконец пришел сам шаман. Он сказал: «Я не буду просить тебя ничего платить. Позволь мне только набить на твоей спине татуировку в виде скрещенных ружей».

«Нет, — сказал я, — это не подойдет, когда я буду проходить осмотр у белого военного врача».

«Я дам тебе облегающую рубашку с изображением перекрещенных ружей. Ты сможешь снять рубашку перед осмотром».

«Нет, в армии можно носить только то, что дает правительство».

«Хорошо, — закончил шаман, — мы будем действовать тайно, чтобы защитить тебя». Идея с перекрещенными ружьями заключалась в том, что дух не пойдет против духа своего рода, и с изображением на спине другие ружья и пули не будут нападать на меня.

В прошлом году, когда я заболел здесь гриппом и они телеграфировали об этом домой, мой друг Кричит-за-лососем дал шаману пятнадцать долларов золотом, чтобы тот навестил меня через свою лису, которая передает его сообщения. Ласки и волкерены, волкерены — самые могущественные из всех, могут быть посланниками шаманов, но самым распространенным посланником является лиса. Лиса быстра и хитра.

Мальчик должен жениться на девушке из своего народа, но не принято жениться на ближайшей родственнице, двоюродной сестре. Иметь отношения с сестрой — это отлан. О таком мальчике люди скажут: «Есть столько девушек, а он не набрался смелости пойти с ними, он пошел со своей сестрой». Если бы он все-таки пошел с сестрой, он бы одновременно

думал о другой девушке. И по этой причине сестра, понимая, что она была заменой, почувствовала бы себя оскорбленной. По-настоящему слабохарактерный мальчик пошел бы даже со своей матерью. Это возможно, потому что все происходит в темноте, и никто не говорит; просто кто-то приходит, кто-то уходит.

У Кричит-за-лососем есть брат, который умер или, как мы говорим, «ушел». Рассказывая о его смерти, вы услышите о похоронных обрядах и о том, как люди скорбят. Я также расскажу вам о женщине, родственнице Кричит-за-лососем, которая умерла.

Но сначала я расскажу вам о другой родственнице Кричит-за-лососем, которая с рождения своего первого ребенка была настолько немощна, что не могла сидеть, и которая никогда не сможет иметь другого ребенка. Она была женщиной, у которой менструация начиналась с убывающей луной — считается, что характер таких женщин плохой. Поэтому, как это делают женщины, она пошла к шаману, чтобы он регулировал ее менструации так, чтобы они приходились на период растущей луны — женщины с самым добрым сердцем и лучшим характером менструируют в это время. Однажды эта женщина очень испугалась, потому что менструация не прекращалась. На этот раз она спросила старую шаманку — больные женщины обычно обращаются к женщинам-шаманкам и к женам или вдовам шаманов, а больные мужчины — к мужчинам-шаманам — не следует ли ей обратиться к белому врачу. «Да», — ответила старуха, — «мы не знаем, что будет сегодня». С приходом белых люди потеряли уверенность в себе. Раньше они были гораздо более уверены, что причиной болезни, скажем, эпидемии, было несоблюдение правил.

Когда родственница Кричит-за-лососем заболела после рождения первого ребенка, она снова пошла к мужчине-шаману. На этот раз шаман выразил ей свое желание, но она отказалась. Обычно женщины не отказывают шаманам. И их мужья не ожидают от них отказа. Старушки говорят, что никогда не следует идти против воли шамана. «Это одна из вещей, на которые нужно обратить внимание», — сказала мне однажды старушка. Тем не менее родственница Кричит-за-лососем отказалась, и с тех пор она болеет, а другие женщины насмеваются над ней.

Ее муж тоже оказался в бедственном положении. Они и так были бедны, он жил в одном из немногих подземных домов, оставшихся в Анвике, а теперь у него осталось только три тощих пса, которых мы называем «бал-бэк», и он не может одолжить собачью упряжку. Не так давно его обвинили в краже зеленой рыбы (свежей рыбы из ловушки) из чужого тайника. «Почему ты украл?» — спросили его старики. «Разве ты не знаешь, что если ты голоден, мы накормим тебя?» И они бы так и поступили. Еду давали любому, кто был голоден, хотя иногда в обмен на это его могли попросить помочь с рыбными ловушками или изготовлением снегоступов. У нас человек крадет только тогда, когда он попадает в тяжелое положение, когда он теряет гордость за себя, и тогда он крадет, чтобы выжить (). В данном случае мужчина отрицал кражу, поэтому старики продолжали на него давить. «Почему ты отрицаешь?» — спросили они. «Мы знаем, что ты сделал. Разве ты не знаешь, что за тобой кто-то наблюдает?» Дело в том, что, поскольку молодые люди обычно проводят большую часть времени в каджиме, за исключением тех случаев, когда они уходят на охоту или в другие поселения, по возвращении они сразу же идут в каджим, чтобы рассказать новости и поделиться шутками, которые они слышали о своих знакомых, старики довольно хорошо знают, чем занимаются молодые люди и где они находятся. Кроме того, есть шаман. Человек верит, что шаман всегда знает, что он делает. Именно благодаря этому знанию шаман является главой деревни.

Люди обращаются к шаману не только для лечения и покупки песен для охоты и ловли: шаман должен дунуть на маски, которые мы надеваем, чтобы изобразить других существ

(когда мы их надеваем, мы не являемся самими собой), и шаман должен дать силу танцорам, дунув на них во время церемоний или, как мы говорим, ежегодных представлений, каждое из которых имеет свое собственное название. До того, как шаман подует на нее, маска духа ничем не отличается от любой другой маски. Кроме того, к маске духа прикрепляются пуховые перья с ног и груди утки и гуся, а на лбу — гусиное перо с пуховым пучком, привязанным к кончику. На маски весельчаков не дуют. Весельчаки появляются через определенные промежутки времени, чтобы дать танцорам возможность отдохнуть. Весельщики обычно молодые мужчины, но иногда эту роль играет остроумный старик. Я помню одного старика — он был шаманом — и одну из его шуток. Он вел себя как женщина и сказал: «Половина меня принадлежит верхнему течению реки, а половина — нижнему. Как ты собираешься меня «раздражать»?

Мужчины могут носить женские маски. Есть определенные роли, которые женщины не могут играть, поэтому их играют мужчины. Но есть женские маски, которые носят женщины. Женщины никогда не носят мужские маски. Женщины тоже поют в каджиме под аккомпанемент больших барабанов диаметром четыре фута, сделанных из желудка морского животного на еловом каркасе — пять барабанов, которые слышны на расстоянии мили и более. В каджиме может петь до ста пятидесяти человек одновременно. Но в мощных танцах — хагердельтле — обычные женщины не поют, только жены вождей и шаманов.

После изготовления маска принадлежит каджиму в течение года, и какой-нибудь мужчина из племени эт- у присваивает ее себе, чтобы носить в течение года — или дольше, если ему нравится и если он хорошо исполняет то, что представляет маска. Шаман не изготавливает маски — он слишком занят. Он отвечает за благосостояние всей деревни, и его могут вызвать в любой чрезвычайной ситуации — например, при затмении. Говорят, что когда-то давно был великий голод, зима длилась две зимы, и Луна сказала шаману: «Когда я уйду с неба, люди не должны смотреть, они должны уйти в дом и закрыть дымовое отверстие, пока я не выполню свой долг». С тех пор во время затмения шаман посылает быстрых бегунов, которые кричат: «Луна ушла за небо! Оставайтесь в домах!» Сам шаман поднимается на вершину каджима, поет и выполняет движения, которым научила его Луна. Когда Луна появляется снова, шаман возвращается в каджим, где все сидят в тишине — если в это время танцевали, то танцы прекращаются. На следующее утро все выстраиваются в длинную очередь, во главе которой идет шаман. Они окружают деревню, образуя дугу, начинающуюся от реки и заканчивающуюся у реки, и, как я уже говорил, охватывающую полмили леса над деревней и полмили ниже. Они бьют в барабаны, поют и выполняют определенные движения, каждый с вязанкой рыбы на спине.

Есть и много других случаев, когда шаман берет на себя руководство или говорит людям, что делать. Я помню большую суматоху из-за лягушки, которая появилась в доме посреди пола. Дом был построен осенью, после того как земля замерзла, и в один теплый день в разгар зимы лягушка оттаяла из своей норы и вылезла на пол. Это было отхланг, и его нужно было немедленно исправить. Шаману нужно было заплатить, чтобы он выяснил, в чем дело. Такой случай никогда не забудется.

Ондатри выходят из своих нор на берегу пруда или озера, когда весной ломается лед. Если ондатра вышла раньше, скажем, в феврале или марте, это тоже было бы отхлангом и должно было быть исправлено.

Иногда кит заплывает вверх по реке Юкон, и когда это происходит, если кита не убить, наступает великий голод. Однажды кит поднялся вверх по реке до Тенаны, примерно на девятьсот миль. Это вызвало большую тревогу, и один из шаманов, шаман со средними способностями (есть шаманы с высокими, средними и низкими способностями; однако в

настоящее время нет очень великих шаманов, которые, как в древние времена, могут делать все; в настоящее время некоторые шаманы делают одно, а другие — другое), этот шаман из Тенаны вышел в одиночку и пронзил копьем заблудившегося кита. Было сорок-пятьдесят градусов мороза, он был обнажен по пояс, и из-за сильного переохлаждения и большого напряжения через несколько дней он умер. Люди были так благодарны шаману за спасение деревни, что вырезали из расщепленной ели скульптуру шамана, пронзающего копьем брызгающего кита, чтобы поставить ее рядом с его могилой.

Когда в Анвике начали уменьшаться популяции карибу и оленей, люди очень встревожились, они боялись, что это произошло из-за чего-то, что они сделали, и обратились за советом к шаману. Когда он вышел из транса, он сказал им нарисовать семь оленей на доске над коньком крыши могильного здания одного шамана, который был великим охотником на карибу. Каждый олень должен был символизировать годовой улов. Когда-то давно, чтобы предотвратить отхланг, шаман приказал сбросить человека с обрыва одной горы.

При каждой смерти шаман должен нанести смертельный удар, то есть, когда приходит время отправить дух умершего — на четвертый день для обычного человека, через несколько дней для человека высокого положения — шаман должен ударить труп по груди. Он отправляет его в путешествие под рекой в деревню духов — кетхагие — по пути, где через определенные промежутки времени стоят столбы огня, у которых мертвец может согреться и приготовить еду. В момент нанесения смертельного удара шаман также изгоняет всех злых духов, которые находятся вокруг деревни.

Я упомянул кузину Криков-за-лососем, которая умерла при родах. Ее ребенок родился живым, но, поскольку это была девочка, а семья была обычной — умершая женщина была сестрой инвалидки, о которой я рассказывал, — ребенка положили в гроб матери, на ее грудь. Сильные семьи с множеством песен, духовными силами и охотничьими способностями могли спасти детей в таких обстоятельствах, особенно мальчиков; какая-нибудь женщина из семьи усыновляла его. Но девочку из обычной семьи наверняка не оставили бы в живых. Я помню случай с девочкой, которую хотели спасти миссионеры. Они забрали ее и окружили лучшим уходом, но через четыре месяца она умерла.

Если ребенок умирает, пока еще ползает, его заворачивают в что-то, что животные не съедят, например, в кору, и кладут в лесу под еловым саженцем. Пока дерево живет, дух ребенка тоже живет под его защитой. Дух умирает вместе с деревом... Здесь я могу сказать, что, добывая древесину или кустарник из леса, мы не забираем все, что есть в каком-либо месте. Мы зависим от древесины и коры. Если бы мы уничтожили их, мы стали бы бродягами.

Брат Крика-за-лососем утонул. Он пил с белым торговцем, они вместе вышли на лодке, лодка перевернулась, и индеец утонул. Когда мать Крика-за-лососем услышала эту новость, она выбежала из дома, рыдая душераздирающими криками, рвя на себе волосы и обнажив грудь. «Сынок, почему ты меня покинул?» — кричала она, глядя на север, где живут мертвые. Мы слышали ее крики за милую, и по ее плачущим песням узнали семью покойного. Узнаваемые семьи имеют свои собственные песни, и они громче плачут по умершим. Мать Криса-за-лососем — женщина с силой. У нее много сильных песен. Ее отец был великим охотником на медведей (), у него были песни о волках и медведях. В деревне всегда обращаются к ней за советом, она знает о своей силе, и никто не может ее контролировать или обсуждать. Поэтому она разделась до брюк — обычная женщина побоялась бы раздеться, чтобы люди не стали обсуждать ее — и бросилась в ледяную воду. Она хотела

уйти вместе со своим сыном, он был единственным сыном, который у нее остался. Но ее вытащили. И вытащили ее мужа, который тоже бросился в воду.

Через два или три часа они нашли тело и отвезли его домой, перевоза в самой старой или самой изношенной каноэ, которая была под рукой. Поскольку считалось, что дух утонувшего человека все еще находится в воде, никому не разрешалось входить в воду. Это могло вызвать отхланг. Людям велели не пользоваться этим каналом в течение года, а женщинам — не ставить свои рыболовные сети в месте, где было много щук. Злой дух этого места мог вытащить их за борт. Я помню другое место на реке, где есть песчаные утесы, и люди не чувствуют себя в безопасности, если не воздают дань уважения.

Как обычно, скорбящие сшили новые одежды, новые варежки, новые мокасины и новую шапку для покойника. Второй ночью они танцевали и пели старые песни, а третьей ночью танцевали под новые песни. Брат Криков-за-лососа был хорошим охотником на медведей, поэтому они танцевали медвежьи танцы, которые показывали, как ведет себя медведь, и которые способствовали увеличению популяции медведей. Если бы он был хорошим охотником на тюленей () или других животных, они бы танцевали танцы тюленей или других животных. Кроме того, если бы он умер в хороший охотничий год, они могли бы вырезать дичь на его гробе. Я помню охотника с добрым сердцем, который умер в хороший олений год, и на его гробе была вырезана цепочка оленей, чтобы олени продолжали быть в изобилии.

Во время траура, когда люди работают, танцуют и устраивают пиры, тело умершего располагают так, чтобы он мог видеть, что происходит, и впитывать все это. Он находится в сидячем положении, или, даже если его укладывают, как это делается в наши дни, тело поднимают. Умерший должен доложить в деревне мертвых, как рядом с ним расположили его любимую еду и как его чествовали до самого конца. На шестой день, после ожидания прибытия родственников из другой деревни, после смертельного удара — в этом случае белому человеку не разрешалось молиться, потому что все делалось по старинке, — покойник был помещен в гроб в сидячем положении, с открытыми глазами, застывшими в открытом положении, и руками, расположенными так, чтобы показать его интерес. Считается, что он время от времени возвращается в свой гроб, особенно летом, и хочет посмотреть, что происходит. По этой же причине гроб, связанный сухожилиями, устанавливают на склоне холма с видом на реку, лицом покойника обращенным к реке, чтобы мертвый мог видеть, кто проходит и что происходит в деревне; также чтобы мертвый мог быть ближе к своему источнику пищи, т. е. к рыбе в реке. Поздней осенью, после опадения листьев, пожилые женщины берут кусочки своей самой ценной пищи, лососа и, с приходом белых, печенья, чтобы положить их рядом с гробницей, чтобы мертвые могли поесть и благословить дарителей. В то же время мужчины, если не старухи, приводят в порядок место захоронения (tudatonte, где, как мы говорим, лежит окоченевшее тело), удаляя растительность и возвращая инструменты на свои места. Занимаясь этим, все постоянно дышат в сторону севера. К весне эти заботы о мертвых повторяются, но в меньших масштабах.

При смерти еда кладется возле головы трупа в гробу, а в случае с братом Крика-за-лососем лук и стрелы покойного привязывались к поперечине, поддерживаемой вертикальными палками у гроба; но, поскольку он не был шаманом или вождем, над гробом не строили крышу и не украшали его. Вещи покойного были розданы родственникам; в частности, его ружье было отдано члену семьи, отличавшемуся своими способностями и песнями (). После того, как раздача была завершена, они подожгли дом мужчины, чтобы прогнать злого духа.

Брат Криков-за-лососем, как и большинство мужчин в Анвике в наши дни, имел только одну жену — раньше мужчина мог иметь столько жен, сколько мог содержать, обычно у него было две жены, иногда три. И она еще не достигла среднего возраста, когда женщины татуируют линии на подбородке — они татуируют в соответствии с песнями, которые есть у них или у их мужей, жена шамана будет иметь больше линий, чем жена вождя — тем не менее, она решила не выходить замуж снова и подстригла волосы. Таким образом она показала даже мужчинам из других деревень, которые не знали о ней, что она скорбит и не желает общаться с тем, кто не обладает силой ее мужа. Она хотела продлить его силы и сохранить атмосферу, которую он ей оставил, чтобы она не перешла к другому мужчине. Обладая его атмосферой и песнями, она была сильна и чувствовала себя вдохновленной заботиться о себе, достигать почти всего.

Иногда умирающий человек посылает за тем, кому он хочет передать свою силу. Затем умирающий смотрит на север, дышит на другого и плюет на него (слюна — часть тебя). Однажды Кричит-за-лососем сказал мне: «Я очень высоко ценю тебя. Я сделал бы для тебя почти все, и я хотел бы передать тебе часть своей силы, но если я это сделаю, я умру в течение года. Я должен жить для своих детей — если Добрый считает, что я должен жить». Кричит-за-лососем сказала мне это, потому что некоторое время назад она сказала мне что-то, чего я не понял, и это ее обидело. Один старик, присутствовавший при этом, сказал: «Не стоит многого от него ожидать» (как от мальчика из миссии). Тогда Кричит-за-лососем сказала мне: «Несмотря на все знания белого человека, у тебя нет ни капли ума. Если бы я выполнила свои обязанности перед детьми, я могла бы рассказать тебе больше».

Многие вдовы не стригут волосы, но даже в этом случае, если женщина не была никому нужна, она не выходила замуж в течение года, а ждала два или три года. Женщина ценится не только за то, что она ждет, но и за то, как она ухаживала за своим мужем до его смерти, когда он был беспомощен. Чувства мужчины сильно задеваются, если его пренебрегают в таких обстоятельствах.

Если мужчина и его жена умирали одновременно, скажем, от ядовитых ягод, которые люди называют «дьявольскими ягодами», то оба « » хоронились в одной могиле. Однажды мне пришлось переместить такой ящик — миссия хотела использовать это место. Из него выпала нитка бус, не таких, какие мы используем сегодня, а очень старых, я думаю, привезенных из Сибири в результате торговли. В деревне меня попросили отдать бусы, но я их оставил — пока они не исчезли. Люди очень хотели их получить.

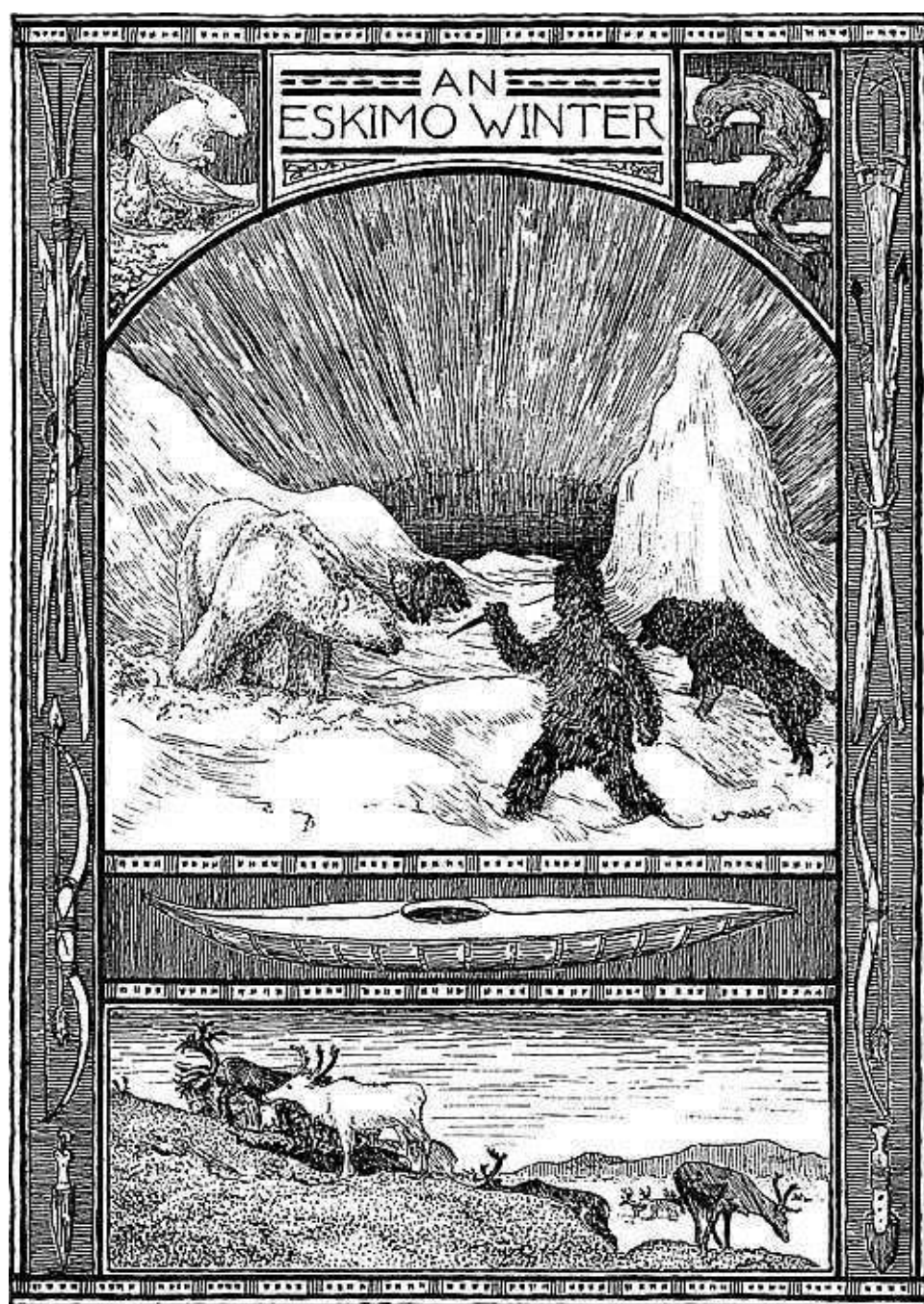
Умершего называют «тем, кто ушел от нас». Термин «мертвый» используется только в отношении животных. Однажды я назвал кого-то мертвым. Они сказали: «Что? Он же не собака. Ты говоришь о человеке». Имя умершего никогда не упоминается, но люди думают о нем, и всякий раз, когда они думают о нем, они поворачиваются на север и выдыхают. (Длительное, мягкое выдох, как показал мне Рид.) Так, возвращаясь с охоты, проходя мимо кладбища, мужчина берет ягоду, съедает половину и бросает половину в сторону кладбища, какому-нибудь вождю, умершему в хорошее время года, а затем смотрит на север и выдыхает.

Я вспоминаю посещение реки Шагрук, где живет сестра моей матери. «Моя бабушка», — сказал я ей. «Чья кровь обращается ко мне?» — спросила она. Узнав меня, она начала плакать, глядя на север — она вспоминала мою мать: «Моя сестра, моя сестра, и вот моя кровь снова пришла ко мне!» Люди думают, что если они когда-нибудь скажут что-то

неуважительное о мертвых, то будут смеяться, как мы говорим, над собственным трупом. (Думая о мертвых, люди ценят опыт, который их ждет).

В период Рождества в течение трех или четырех дней проводятся церемонии по покойным. Шаман призывает людей, которые потеряли своих родственников в прошлом году, внести основной вклад в праздничное застолье. «Кто принесет столько вязанок лосося?», — спрашивает шаман, «столько мешков тюленьего жира, столько тюленьих шкур или шкур карибу, столько веревок из сухожилий (для шитья), пищевод белого кита (используемый для отделки)?» Люди едят досыта. Иногда они едят за умерших, иногда откладывают еду — лучшее, что можно добыть в лесах и на водоемах. Миссионерам говорят, что это всего лишь общественные пиры. Не то чтобы в Анвике действительно отменили многие старые церемонии. Если церемонию нельзя провести полностью, надлежащим образом, люди не хотят, чтобы ее проводили вообще. Однако люди из племени шагрук () очень не хотят обходиться без своих церемоний. «Праздники», как я часто говорил миссионеру, — это единственное развлечение для людей, и они хотели бы продолжать их, как это делается в консервативной деревне Шагрук.

Т. Б. Рид и Элси Ключ Парсонс

Эскимосская зима

Лодка из кожи, приводимая в движение веслами женщин, приближалась к берегу. На связках оленьих шкур, сложенных в корме, осторожно пробираясь между льдинами, усеивавшими поверхность моря, сидел Паккак, владелец лодки. Лодка была тяжело гружена, а сильное течение заставляло женщин прилагать все силы, по две на каждое весло, чтобы продвигаться вперед. Сын Паккака сопровождал лодку на своем каяке. Он охотился на тюленей, чтобы обеспечить путешественников провизией. Тюлени лежали на узкой палубе его лодки, которая быстро змеилась по воде, приводимая в движение гребками единственного весла, которое он держал посередине и которое ударяло по воде то справа, то слева.

Молодой человек первым достиг берега. Он подвел свою лодку боком к пляжу и вылез из небольшого центрального люка, в котором сидел. Он снял с ремней гарпун и копье, птичье копье и поплавок. Затем он отвязал тюленей и вытащил их на берег. После того как все было выгружено, он поднял легкую лодку из воды, перевернул ее, просунул голову в отверстие и понес ее на берег.

Тем временем вся группа в большой лодке достигла берега. Был почти прилив. Путешественники выпрыгнули на берег. Дети и старики выбрались из лодки, а палаточные чехлы, шесты и домашняя утварь были вынесены на берег. Шкуры карибу, добытые летом во время охоты в глубине суши, были сложены на сухом месте. Пока женщины поднимались на бесплодные холмы, чтобы собрать хворост для разведения костра, мужчины вытащили лодку и поставили палатку. Каркас был быстро установлен, на него набросили кожаное покрытие, а нижнюю часть кожи утяжелили камнями. Когда женщины вернулись, кустарник был уложен в задней части палатки. Его накрыли тяжелыми шкурами карибу, и таким образом была подготовлена постель для семьи. Тюлени были уложены справа и слева от входа, внутри.

Через некоторое время приплыли лодки братьев Паккака. Они вышли вместе утром, но продвигались по водным путям, открывавшимся между сдвигающимися льдинами, с разной скоростью. Разгрузив лодки, братья тоже поставили свои палатки.

Некоторые женщины сложили поблизости топливо. Паккак разжег тлеющий фитиль, который он нес с собой. Как только он разжег огонь, зажглись кусты. Тем временем охотник вскрыл одного из тюленей и снял шкуру с прикрепленным к ней жиром. Он отрезал куски жира и бросил их в огонь. Прямоугольный котел, выдолбленный из куса мягкого мыльного камня, наполнили водой и поставили на огонь. В него положили мясо тюленя, и вскоре вода закипела. Когда мясо было готово, мужчины и женщины закончили свою работу, и Паккак встал рядом с котлом и крикнул: «Вареное мясо, вареное мясо!»

Мужчины сели в круг у костра. Женщины образовали другой круг. Паккак взял один кусок мяса из котла и передал его одному из мужчин; другой кусок он отдал одной из женщин. Первый человек откусил кусок мяса и отрезал кусочек у своих губ. Затем он передал мясо своему соседу, который таким же образом отрезал кусочек и передал мясо дальше. Таким образом, все присутствующие были накормлены.

Путешественники были уставшие от своих усилий и улеглись спать в задней части палатки, где вся семья лежала головами к двери. Они укрылись большим одеялом из шкур карибу, которое простиралось по всей ширине кровати от одной стороны палатки до другой.

Паккак и его братья, а также Усук, недалекий старый холостяк, который жил с ними, первыми прибыли в место зимней деревни, но через несколько дней прибыли и другие семьи, которые охотились в разных районах. Мужчины и женщины сидели вместе до поздней ночи, рассказывая о своих летних приключениях и успехах в охоте. Паккак и его братья охотились на берегах внутреннего озера, куда они обычно приезжали, где они наткнулись на большие стада карибу. Некоторые мужчины загоняли животных в воду, а другие преследовали их на своих хрупких лодках. Животных легко догоняли и убивали копьями.

Паккак был старшим из пяти братьев, которые все были искусными охотниками и хорошо обеспечивали свои семьи. Они славились своей смелостью и предприимчивостью. Поэтому их дружба ценилась, а вражда вызывала страх. Паккак вызывал особое уважение, потому что он был не только силен телом и искусен в обращении с ножом, копьем и луком, но и обладал сверхъестественными способностями. В детстве он сидел на коленях старого знахаря Шарка, который, как было известно, посещал Луну и великого божества, управляющего запасами морских животных. Благодаря контакту с ним сверхъестественная сила перешла в тело Паккака, и теперь его услуги были необходимы всякий раз, когда в деревню приходили болезни и голод. Так случилось, что Паккак и его братья были одновременно и защитниками, и изгоями, обладающими необычной силой.

Паккак не злоупотреблял своей силой, но один из его братьев, Икерапинг, был вспыльчив и высокомерен, и его боялись и ненавидели. Если бы не объединенная сила братьев, жители зимней деревни согласились бы избавиться от Икерапинга, чтобы избавиться от его агрессии.

Среди позднее прибывших был Безъязыкий, чья группа не имела успеха в летней охоте. Он охотился в узких долинах между покрытыми льдом высокогорьями и по несчастью прибыл в то время, когда карибу ушли на другие пастбища. У него было всего несколько шкур для всей его семьи, едва достаточных, чтобы обеспечить себя, свою старую мать Петрел, свою жену Аттину и своих детей необходимой зимней одеждой. Однако он не был сильно обеспокоен. Он полагался на удачу и помощь своих друзей, которые, как можно было ожидать, помогут ему, если у них будут лишние шкуры.

Постепенно прибывали одни группы за другими, и на острове, который еще недавно был пустынным и тихим, появились небольшие группы хижин, и там кипела оживленная деятельность. Женщины были заняты домашними делами, добывали топливо и чинили одежду, а мужчины выходили на охоту в своих каяках и приносили домой дичь для ужина. Женщины соскабливали шкуры тюленей, растягивали их на земле для просушки, а затем использовали для изготовления покрывал для палаток.

Ветер поменялся на морской, и плавучие льды отошли от берега. Становилось холодно, и пруды начали покрываться тонким слоем льда. До того, как море начало замерзать, нужно было вернуть собак с островов, на которых они провели лето и где питались тем, что находили на пляже или добывали на холмах. Только несколько из них были взяты с собой на летнюю охоту « », и вместе с ними были привезены несколько пометов щенков, которых тщательно выхаживали женщины.

Когда на море начал образовываться новый лед, охотники не могли больше выходить на своих лодках, потому что острые края льда могли порезать кожаные чехлы. В течение нескольких дней все были ограничены сушей. Охотники приносили куропаток и зайцев, но

все с нетерпением ждали того момента, когда лед станет достаточно крепким, чтобы охотники могли выйти на охоту. Несколько дней без новых запасов могут слишком быстро опустошить кладовую. Кроме того, становилось холодно, и работу над зимней одеждой нельзя было начинать, пока море не покрылось льдом. Богиня моря отомстила бы жестоко, если бы был совершен такой грех.

В этом году погода была благоприятной, и тревожные дни между летом и зимой не затянулись без необходимости. После трех холодных дней мужчины смогли выйти на морской лед и ждать у края открытой воды, пока тюлени поднимутся на поверхность, чтобы дышать. Поскольку ветер принес обратно дрейфующий лед, участок открытой воды был не очень широк, и тюлени подплывали достаточно близко, чтобы их можно было без труда заарканить гарпуном и вытащить на лед. Можно было даже выйти на открытую воду на каяке, так как лед не образовывался очень быстро. Таким образом, был получен достаточный запас мяса.

Тем временем женщины были заняты скреблением и чисткой шкур карибу и изготовлением зимней одежды для семьи — теплых рубашек и кальсонов из шкур молодых карибу, а также тяжелых курток и брюк из толстой кожи; чулок из легкой кожи молодых карибу и сапог из кожи карибу, с подошвами из шкур тюленей. Бедный Безъязыкий имел ровно столько, чтобы прокормить свою семью, и несколько шкур в запасе. К сожалению, несмотря на удачу Паккака, улов всего сообщества был довольно скудным.

С этого момента мужчины регулярно выходили каждое утро и возвращались вечером, как правило, с богатым уловом. Однажды они снова вышли и разбрелись по краю льда, высматривая тюленей. В течение дня небо затянуло облаками, и подул сильный морской ветер. Он усилился, и злое тресканье льда предупредило об опасности. Мужчины поспешно загрузили свои сани и помчались к берегу. Под их ногами лед начал трескаться и поддаваться давлению ветра, но им удалось добраться до берега, прежде чем льдина проломилась и уплыла в море.

Не хватало только саней Безъязыкого. Он охотился на выступающем ледяном языке, и, прежде чем он успел осознать опасность, весь язык откололся и быстро уплыл в море. Ему не оставалось ничего другого, как смириться с судьбой и ждать, не утихнет ли скоро шторм и не вернет ли его к берегу льдина, на которой он плыл. К счастью, он только что убил тюленя. Он снял с него шкуру и сделал из нее небольшое укрытие. Его копье послужило опорой для палатки. Он защитил свое укрытие от ветра, насыпав на него снег. Из куса шкуры он сделал сосуд для жира и таким образом импровизировал маленькую лампу. К счастью, он также имел при себе огниво и немного мха, который используется для фитилей, так что смог разжечь небольшой костер в своем укрытии. Шторм все еще дул, и разъяренные волны угрожали разбить льдину, на которой он дрейфовал. Когда наступил рассвет, земля была далеко. Однако вскоре ветер утих, и быстрый прилив отнес льдину все ближе и ближе к суше.

Стало очень холодно. На поверхности моря образовалась ледяная каша, и волны быстро успокаивались. Разрушение льдины, которое казалось неизбежным в течение ночи, больше не угрожало, и непосредственная опасность утонуть миновала. Тем не менее, было неясно, чем закончится дрейф. С изменением прилива течение снова изменилось, и льдина отплыла от берега. Игра приливов продолжалась несколько дней. То берег казался близким, и надежды Безъязычного поднимались до небес, то берег отступал. В эти дни тревоги Безъязычный не терял мужества, но, насмехаясь над своим несчастьем, сочинил эту песню:

Ая, я счастлив, это хорошо!

Ая, вокруг меня нет ничего, кроме льда, это хорошо!

Ая, я счастлив, это хорошо!

Моя страна — одна только слякоть, это хорошо!

Ая, я счастлив, это хорошо!

Ая, когда же это закончится? Это хорошо!

Я устал наблюдать и бодрствовать, это хорошо!

Его выносливость и терпение наконец были вознаграждены. После недели лишений он достиг берега недалеко от зимней деревни. Несколько дней тяжелого путешествия по покрытому льдом морю и каменистым холмам привели его домой, к семье и друзьям. Они уже почти считали его погибшим.

По мере того как становилось холоднее, легкая палатка перестала обеспечивать достаточную защиту. Женщины сшили новое покрытие из тюленьих шкур и собрали много хвороста. Они разместили их снаружи летней палатки и накрыли новым покрытием всю конструкцию. Дверной клапан также был преобразован в прочную стену, и осталось только небольшое отверстие, через которое люди должны были проходить, наклонившись низко. Это затемнило внутреннюю часть палатки, которая раньше была довольно светлой, потому что передняя часть покрытия палатки была сделана из прозрачной внутренней мембраны тюленьей кожи. Поэтому были установлены лампы. Длинный прямоугольный вход в палатку с крышей в форме крыши по-прежнему служил для хранения провизии, но прямо перед кроватями были установлены лампы из мыльного камня — длинные сосуды в форме полумесяца. Жена владельца палатки села на кровать перед лампой, где она сидела на коленях, опираясь на пятки. Лампа была наполнена жиром, который был пережеван, чтобы выделить масло, а прямой передний край лампы был снабжен фитилем из мха, который, при тщательной обработке костяным указателем, давал ровное желтое пламя, которое приятно освещало и обогревало хижину.

Вскоре пошел снег, и осенние ветры уплотнили его во всех углублениях земли и нагромодили у стен хижин. Кустарники, похожие на вереск, были глубоко погребены под снегом, и всю домашнюю работу приходилось выполнять внутри. Каменные кухонные сосуды ставили над лампами, и все блюда готовили в доме. Вход в хижину был защищен от холода низким проходом, построенным из снега. По мере того как становилось холоднее, снег накапливался, и большинство людей меняли свои палатки на снежные дома. Мужчины вырезали из ровного снежного сугроба блоки размером примерно тридцать дюймов на восемнадцать дюймов в высоту и шесть дюймов в ширину. Их ставили на ребро в форме круга. В одном месте верхний край ряда срезали до земли, а затем срезали вправо, чтобы он постепенно наклонялся вверх. На месте срезания клали новый блок снега, прислоняя его к концу первого ряда и слегка наклоняя внутрь. Один человек вырезал снежные блоки снаружи, а его помощник укладывал их изнутри, при этом каждый блок наклонялся немного больше внутрь, так что постепенно формировалась спиралевидная стена. Наконец, был вставлен ключевой блок, и строитель вырезал небольшую дверь, через которую он вышел. В задней половине круглой комнаты была построена платформа для кровати, которая была приподнята на пару футов над землей, а на том же уровне, справа и слева от входа, был возведен вал. Платформа для кровати была покрыта кустарником и шкурами. Покрывало

палатки использовалось для обшивки внутренней части снежного дома, прикрепляясь к стене с помощью колышков и веревок, тем самым защищая снег от тепла жилой комнаты. Лампы были установлены по обеим сторонам передней части платформы для кровати, а над ними были подвешены горшки. Спереди, прямо над дверью, было вырезано окно, которое было покрыто полупрозрачным полотном, сшитым из кишок тюленя, а перед дверью была возведена серия низких сводчатых конструкций, образующих проход, который защищал внутреннюю часть от ветра.

Когда все было готово, семья переехала в снежный дом. Две семьи занимали один дом, и каждая хозяйка имела свое место перед лампой. Запасы мяса были размещены на платформах справа и слева. Теперь началась обычная зимняя жизнь. Было очень холодно. Собаки ютились вместе в проходах снежных домов.

Рано утром мужчины выходили к саням. Накладки на полозья, изготовленные из расколотых и отполированных костей кита, были покрыты тонким слоем льда. Охотник набирал в рот немного воды и медленно выплевывал ее на накладки. Затем он полировал их рукой в варежке. После того как лед был сглажен, он переворачивал сани в правильное положение. К саням привязали гарпун, а нож подвесили на рогах, которые образуют заднюю часть саней и используются для управления ими на неровном льду. Затем охотники запрягли собак. Легкая упряжка отправилась к пляжу. В течение продолжительной холодной погоды приливы и отливы формировали на пляже разбитую массу тяжелого льда, толщина которой по мере продвижения зимы постоянно увеличивалась. Протоптанная тропа вела через разбитые глыбы к гладкой льдине. Сани помчались вниз, и охотники отправились на место охоты на тюленей. Сначала нехотящих собак приходилось уговаривать идти вперед и даже подгонять криками и короткой хлыстом, которым погонщик управлял с ловкостью и точностью, призывая ленивых собак и одновременно ударяя их кончиками хлыста. Постепенно собаки разогрелись и быстро побежали по гладкой льдине. Когда они достигли части льда, разбитой штормами, где поднятые льдины слиплись между собой, погонщик должен был поднимать сани над острыми краями и обломками, и движение было медленным и трудным.

Наконец, охотничьи угодья были достигнуты. Собаки уловили запах дыхательного отверстия тюленя и бросились вперед с такой скоростью, что погонщик едва смог их удержать. На некотором расстоянии от отверстия ему удалось остановить свою упряжку. Он привязал собак к бугорку, чтобы они не убежали, а затем осмотрел отверстие, чтобы убедиться, что тюлень все еще его посещает. Она была полностью покрыта снегом и заметна только опытному глазу. Он нагромоздил несколько кусков снега и сел на них. Осторожно положив гарпун, он стал ждать. Часами он сидел там, ожидая хриплого дыхания тюленя. Малейший шум мог спугнуть осторожное животное, и, несмотря на сильный холод, охотник не мог пошевелиться. Наконец он услышал тюленя. Осторожно подняв гарпун, он вертикально вонзил его в снег. Гарпун попал в тюленя, который тщетно пытался убежать. Охотник разбил снежное покрытие норы и вытащил животное на лед, где одним быстрым ударом по голове убил его. Прежде чем погрузить его на сани, он разрезал тушу и вынул печень, которая послужила ему обедом.

Тем временем короткий день подошел к концу! Собак запрягли в сани, и охотники вернулись домой. Когда они прибыли, они разгрузили сани, отпрягли собак и сняли тяжелую верхнюю одежду. Охотник тщательно погладил свое пальто, чтобы удалить лед, образовавшийся от замерзания его дыхания. Затем он положил пальто в кладовую и вошел в дом. Как только он вошел, он снял тапочки из тюленьей кожи, тапочки из птичьей кожи и носки, которые защищали его ноги от холода, и его жена положила их на полку над лампой,

чтобы они высохли. Затем она осмотрела их и тщательно починила, чтобы они были готовы на следующий день.

Когда все охотники вернулись, те, кто не принес добычу, собрались в доме одного из удачливых охотников, который забил своего тюленя и дал каждому по доле, чтобы съесть в доме или отнести домой семье. Они обсуждали события дня до поздней ночи.

Эта жизнь протекала спокойно для всех, без волнующих событий, пока не заболел младший ребенок Безъязычного. Мальчик отказывался от еды и питья, и домашние средства не помогали. В тревоге за жизнь своего любимого ребенка Аттина обратилась к Паккаку и попросила его выяснить, что беспокоит ребенка, и, если возможно, вылечить его. Паккак пошел в хижину Безъязычного. Как только он вошел, лампы были опущены. Он сел на кровать лицом к задней стене хижины и начал свое заклинание. Его тело сильно дрожало, когда он призывал своих защитных духов на помощь. Он издавал неразборчивые звуки и крики.

Наконец заклинание прекратилось. Он обратился к Аттине и сказал: «Ты согрешила? Ты ела запрещенную пищу? Ты делала запрещенную работу? Какие табу ты нарушила?» Она спросила себя, что она могла сделать, чтобы вызвать болезнь своего ребенка, и вспомнила, что соскребала иней с окна своего дома и что в один и тот же день ела мясо тюленя и оленя.

Она сразу же ответила: «Я признаюсь! Я соскребала иней с окна своего дома. Я ела мясо карибу и тюленя в один и тот же день. Я согрешила».

Паккак ответил: «Хорошо, дочь моя, что ты призналась. Теперь злые последствия твоих грехов прощены. Черное сияние, которое я видел вокруг твоего тела и которое повлияло на твоего ребенка, исчезло, и мальчик скоро поправится».

Лампы снова зажглись. Исповедь Аттины умилила сверхъестественные силы, и родители надеялись на выздоровление сына.

Некоторое время мальчик, казалось, поправлялся, но внезапно у него случился сильный рецидив, и, не успев позвать на помощь Паккака, он умер. Безъязычный сразу же приготовился похоронить мальчика. Он заткнул себе ноздри волосами карибу, чтобы не заразиться испарениями от трупа. Члены были связаны ремнями, и Безъязычный вынес своего мертвого ребенка из хижины на холм. Там он перерезал ремни, освободив душу ребенка. Безъязычный накрыл тело сводом из камней, стараясь, чтобы ни один камень не давил на него. Он положил игрушки ребенка и вернулся домой. В течение трех дней вся семья оставалась в доме. Безъязычный не ходил на охоту. Аттина не чистила лампы. Она не снимала с кровати оленью шкуру. Она не чинила одежду. Нарушение этих правил привело бы к новым несчастьям.

Через четыре дня все члены семьи выбросили свою одежду, которая была загрязнена дыханием умершего ребенка, и только с большим трудом им удалось раздобыть у соседей достаточно шкур, чтобы сшить новую одежду для всей семьи. Благодаря милосердию друзей они наконец были обеспечены всем необходимым.

Смерть ребенка и заботы о семье тяжело давили на душу Петрел, матери Безъязычного. Сам он был беззаботен и утешал себя мыслью, что в будущем у них могут появиться другие дети, но она была старой женщиной и чувствовала, что не сможет больше нести бремя своих лет. Она любила своего сына и внуков, и ее не покидала мысль о том, что она может умереть

в хижине, и что им придется выбросить еще один комплект зимней одежды и подвергнуться суровым испытаниям зимы без надлежащей защиты. Если бы только она могла умереть вдали от дома и таким образом избавить своих близких от последствий еще одной болезни и смерти. Эта мысль не давала ей покоя, и в конце концов она решила покончить с собой.

Наступила долгая арктическая ночь, и только в полдень солнце поднялось достаточно близко к горизонту, чтобы распростреть слабый свет рассвета над льдом и горами. Однажды ночью, когда было очень холодно и снег заносило сильным ветром, старая Петрел вышла из дома и пошла по льду к небольшому островку. Там, в углу бесплодных скал, она нагромодила стену из камней и села за ней, чтобы позволить себе замерзнуть насмерть. Ее мысли были заняты детьми, и она была довольна тем, что не умрет от болезни в своей постели, потому что тогда ее будущая жизнь была бы полна мучений и страданий в нижнем мире, где царит только нужда и голод, где круглый год преобладают холод и борьба за выживание. Выбрав собственную смерть, она надеялась на счастливую жизнь в верхнем мире. Там она собиралась играть в мяч, и ее друзья будут видеть ее радостные движения в лучах северного сияния. Она будет наслаждаться комфортом и изобилием и заботами этого мира, а также будет избавлена от мучений нижнего мира. Ее конечности онемели от холода, и она уснула, а ее ум был полон приятных видений.

Ночью Аттина проснулась, чтобы почистить лампу. Она случайно оглянулась и заметила, что Петрел нет рядом. Она позвала мужа, который сразу догадался, что произошло. Он поднял тревогу, и вскоре все сани выехали. На заснеженной дороге не было видно следов, и вся группа разбежалась в разные стороны, чтобы искать старуху. Они ехали на санях вправо и влево вдоль побережья, на север и на юг. Усук, холостяк, который выполнял черную работу для Паккака, присоединился к группе. Он, презираемый и высмеиваемый, нашел старуху вовремя, чтобы спасти ее от смерти. Несмотря на ее сопротивление, он отнес ее на свои сани и поспешил домой. Ее занесли в дом, укрыли теплым одеялом и отругали за ненужные переживания, которые она доставила своей семье и соседям. Она была недовольна своим спасением, но подчинилась дружескому влиянию своего беззаботного сына.

Казалось, что с этим событием невезение Безъязычного иссякло, и остаток зимы прошел спокойно. Погода была благоприятной, и длительные штормы не заставляли охотников сидеть дома. Снег был твердым и хрустящим, так что до охотничьих угодий можно было добраться без труда. В начале февраля первые лучи солнца осветили высокие горы, и хотя холод все еще был сильным, дневной свет облегчал охоту и работу.

Время от времени из дальних деревень приезжали гости, чтобы навестить своих родственников из племени. Все стекались в хижину, где они гостили, чтобы услышать новости. Было много чего рассказать об успехах в охоте, о браках и рождении детей, болезнях и смерти. В течение нескольких месяцев деревня была отрезана от всего внешнего мира, потому что сильные течения, омывавшие подножие мысов, не давали образоваться льду, и только после того, как холода продержались достаточно долго, море покрылось сплошным льдом, что позволило жителям деревни беспрепятственно перемещаться из одного места в другое.

Однажды было обнаружено несколько путешественников, чьи сани, собаки и походка казались незнакомыми. Новость быстро распространилась по деревне, и женщины и дети собрались на возвышенности, напрягая зрение в попытке обнаружить, кто же эти посетители. Вскоре Паккак узнал старого друга, который жил в нескольких днях пути отсюда и которого он не видел много лет. Он крикнул: «Это Эйдердак!» Когда женщины узнали, что пришельцы были друзьями Паккака, они разразились песнями и смехом. Они

махали руками и прыгали. Испуганные дети спрятались, плача, за спинами своих матерей. Большинство мужчин спустились на лед, чтобы встретить незнакомцев и помочь им разгрузить сани. Паккак привел Эйдердака и его спутников в снежный дом и гостеприимно угостил их замороженным мясом тюленя.

Пока они ели, люди толпились в доме. Они сидели на платформе-кровати и сидели на корточках на полу, пока не осталось места. Те, кто не смог попасть в дом, присели у входа, чтобы увидеть гостей и услышать, что они говорят. Все пожилые люди имели друзей в деревнях, через которые прошли путешественники, и поэтому их рассказы слушали с живым интересом, который передался и молодому поколению, которое таким образом узнало о семейных связях и истории всех людей, живших за много миль вверх и вниз по побережью.

Одна из самых печальных историй, которую рассказал Эйдердак, была о людях, которые охотились на карибу в фьорде Мадди-Уотер. Осенью, когда они готовились перенести лагерь, внезапно наступили морозы, покрыв море льдом. В безветренную погоду выпал сильный снег. Санки и собаки глубоко погружались в мягкий снег, так что люди практически не могли двигаться. Вскоре они начали голодать. Многие умерли. В одном доме жила старая женщина по имени Эйдердук () со своими тремя сыновьями и дочерью. Ее старший сын, Пулак (Powlak), решил пойти в соседнюю деревню, чтобы попросить помощи у людей. Он оставил свою единственную выжившую собаку матери, чтобы она могла использовать ее в пищу после его ухода. Затем он отправился в опасное путешествие по мягкому снегу.

Вскоре после ухода Повлака его мать заметила пропажу собаки. Она пошла на ее поиски и обнаружила, что следы собаки вели к одной из соседних хижин и больше никуда не вели. Некоторое время в этой хижине не было слышно ни звука. Она подумала, что люди там мертвы, и не решилась войти. Однако теперь, когда ей понадобилась собака, она преодолела свой страх. Она позвала из входа и обнаружила, что люди живы, хотя и едва могут пошевелиться. Она спросила: «Моя собака здесь?» Хозяйка дома отрицала, что она здесь, сказав, что не видела ее. Однако старуха поискала и, наконец, когда она подняла вереск на кровати, она нашла ее окороченное тело. Она очень рассердилась и забрала мясо. Люди были настолько слабы и измождены голодом, что не смогли сопротивляться. Она забрала собаку домой, и она с детьми питалась ее мясом. Ее соседи вскоре умерли от истощения. Голод так ожесточил мать Повлака, которая в другое время была доброй женщиной, что она думала только о своем спасении и не испытывала сострадания к страданиям других.

Когда Повлак добрался до соседней деревни, он узнал, что осенью предыдущего года люди поймали двух китов. Он рассказал им, что жители Мутной Воды голодают, что некоторые пытались добраться до других мест, но, судя по всему, погибли, поскольку о них ничего не было слышно. Друзья Повлака были к нему очень добры. Они дали ему еды и несколько дней не позволяли ему вернуться к голодающей матери. Они сказали ему: «Останься здесь. Зачем тебе погибать? Твоя мать, твои братья и сестра к этому времени наверняка уже мертвы». Однако Повлак ответил: «Я уверен, что они живы». Когда он настоял на том, чтобы вернуться, как только поправится, друзья дали ему старую собаку и сани из китового уса, которые они загрузили китовым мясом, шкурой и жиром. Он отправился в путь.

Когда он после бесчисленных трудностей добрался до дома, он подошел к окну хижины своей матери и, стоя снаружи, спросил: «Вы все умерли?» Мать ответила: «Мы еще живы». Затем он вошел, дал им китовое мясо и кожу и узнал о том, что произошло во время его отсутствия. Полученная еда придала ему сил, и ему посчастливилось найти нору тюленя, и

по мере продвижения сезона условия улучшились, и он смог обеспечить свою семью едой и одеждой. Однако большое количество жителей деревни умерло от голода...

Было уже поздно ночью, когда толпа начала расходиться, оставив Эйдердака и других посетителей спать.

С наступлением сезона и восходом солнца тюлени принесли потомство. Шкура молодых тюленей белая и шерстистая и очень ценится для изготовления теплой одежды. Поэтому вся деревня отправилась на их охоту. Собаки улавливают запах тюленьей норы, и бедное детёныш вытаскивают с помощью крюка, а охотник убивает его, наступая на него.

Однажды, когда Паккак вышел на охоту за молодыми тюленями, он внезапно столкнулся с огромным белым медведем, который также охотился за тюленями. Он всегда старался выращивать хороших охотничьих собак, и большие серые существа, похожие на волков, с нетерпением бросились на медведя, который пытался сбежать. Паккак никогда не колебался, когда появлялась возможность поймать медведя. Он перерезал поводья двух своих самых сильных собак, которые бросились в погоню. Увидев, что собаки вот-вот догонят его, медведь взобрался на айсберг и занял позицию на узкой выступке, где его спину защищала отвесная ледяная стена. Он сел на задние лапы. Собаки вскарабкались по скользкому льду, и когда Паккак увидел, что они сдерживают медведя, он перерезал поводья остальных собак, прыгнул с саней и подошел с копьем в руке. Его нож висел в ножнах у него на боку.

Медведь защищался лапами и зубами, и одна из собак уже лежала на льду, истекая кровью. Однако медведь не мог двигаться из-за быстрых атак собак. Паккак бесстрашно приблизился. Быстрым броском он попытался пронзить сердце медведя. Его положение было опасным. Медведь держался за выступ и одним движением передних лап мог сбросить охотника с крутого склона айсберга. Махом своих мощных передних лап он сломал копье. Если бы Паккак не отскочил назад, он мог бы оказаться в объятиях медведя. Теперь не оставалось ничего другого, как атаковать медведя длинным охотничьим ножом. Он снова подошел и наблюдал, пока медведь, повернувшись к беспокоящим его собакам, не обнажил свой бок. Тогда Паккак мощным ударом вонзил ему нож в бок. Однако он не был достаточно быстр, и медведь когтями нанес ему глубокую рану на плече. Затем он перевернулся и упал на ледяной кром.

Не обращая внимания на свою рану, Паккак снял с медведя шкуру, разделал его и закатил на сани. Он соединил поводья собак и вернулся домой, где его успех был встречен с радостью.

Затем Паккак привязал мочевой пузырь и желчный пузырь медведя вместе со своим сверлом к кончику копья, которое он воткнул в землю перед своим домом. Этим обрядом нужно было умиловить душу медведя, которая остается с телом в течение трех дней.

Люди спросили Паккака о его ране и сражении с медведем. Он насмехался над опасностью, в которой оказался, притворяясь, что убить свирепого медведя для него не сложнее, чем заарканить безобидного тюленя. Его жена ухаживала за его раной, которая была настолько глубокой, что заживала несколько недель.

Однажды Безязыкий вышел на охоту на тюленей с братом Паккака, Икерапингом. По счастливой случайности он был очень успешен, в то время как Икерапинг, сильный и умелый охотник, не убил ни одного тюленя. Это раздражало Икерапинга, которому было стыдно возвращаться домой без добычи. Поэтому он потребовал от Безязыкого отдать ему своих тюленей. Безязыкий отказался, но Икерапинг так разъярился и стал настолько агрессивным, что Безязыкий, который был по натуре робким, уступил и дал ему то, что тот хотел. Однако несправедливость не давала Безязыкому покоя. Это был не первый раз, когда Икерапинг господствовал над Безъязычным, и Безъязычный боялся, что когда-нибудь, в ссоре с Икерапингом, он может быть убит. Безъязычный обсудил этот вопрос с другими людьми, но все они слишком боялись Икерапинга, Паккака и их братьев, чтобы рискнуть избавиться от агрессивного Икерапинга.

Теперь Безъязычный был вынужден покинуть деревню, в которой прожил много лет. Долгое время он говорил о далеком доме, из которого он уехал с матерью, когда был еще совсем молодым человеком. В то время он хотел увидеть мир и скитался от деревни к деревне по всему побережью, пока наконец не поселился со своей женой. Воспоминания о его старом доме в Икерапинге () никогда не покидали его, и он очень хотел вернуться и увидеть своих родственников и места своего детства. Ссора с Икерапингом укрепила его решение уехать в этом году, несмотря на связи, которые удерживали его в деревне, где родились и росли его дети.

Хотя кормление многих собак было обременительным делом из-за большого количества мяса, которое они требовали, Безъязычный укрепил свою собачью упряжку, вырастив несколько щенков. Теперь у него была отличная упряжка из десяти собак. Его сани были в хорошем состоянии. Итак, прежде чем таяние снега затруднило путешествие, Безязыкий был полон решимости уехать. Его жена сопровождала его в далекую страну, которая для нее была чужой землей. Путешествие заняло несколько лет.

Отправление Безъязыкого стало началом распада зимней деревни. Семьи уже планировали летнюю охоту. Скоро затекут ручьи. Моржи подойдут к берегу. Киты будут выныривать в открытом море. Лосось поднимется вверх по рекам. Появится много молодых гусей, и вернутся карибу. Приближалось время счастья, о котором когда-то пел Безязыкий:

Айайа, прекрасен великий мир, когда наконец наступает лето!

Айайа, прекрасен великий мир, когда начинают приходить карибу!

Айайа, когда маленькие ручьи ревут в нашей стране.

Айайа, мне жаль чаек, потому что они не могут говорить,

Айайа, мне жаль воронов, потому что они не могут говорить.

Айайа, если я не могу поймать птиц, я быстро налавливаю много рыбы.

Айайа!

ФРАНЦ БОАС

DISTRIBUTION OF NORTH AMERICAN TRIBES
 NAMES OF TRIBES DESCRIBED IN THIS BOOK ARE PRINTED IN RED INK

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ПЛЕМЕН
НАЗВАНИЯ ПЛЕМЕН, ОПИСАННЫХ В ЭТОЙ КНИГЕ, НАПЕЧАТАНЫ КРАСНЫМ ШРИФТОМ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАМЕТКИ О РАЗЛИЧНЫХ ПЛЕМЕНЯХ¹⁹¹

Кроу

Численность индейцев кроу составляет около 1750 человек. В настоящее время они занимают резервацию в юго-восточной части штата Монтана между Биллингсом (Монтана) и Шериданом (Вайоминг). Это место находится недалеко от центра их исторической территории обитания, поскольку две основные группы кроу, речные кроу и горные кроу, кочевали соответственно от слияния рек Йеллоустоун и Миссури на юг и от восточно-центральной части Монтаны на юг в Вайоминг.

С точки зрения языка, кроу принадлежат к семье сиу, образуя вместе с хидатса из Северной Дакоты отдельную подгруппу. Нет сомнений, что несколько веков назад они должны были образовывать одно племя с хидатса, поскольку их языки очень близки. В культуре между двумя племенами сложилось много различий; например, хидатса в исторические времена всегда были полуседлыми земледельцами, выращивавшими кукурузу, а также охотниками, в то время как кроу до прихода белых оставались чисто кочевым народом. С другой стороны, некоторые важные черты сохранились в обеих группах после их разделения. Главными врагами кроу были дакота, в несколько меньшей степени — блэкфут и шайенны.

Наиболее важные публикации о кроу:

КЕРТИС, ЭДВАРД С. «Североамериканские индейцы», т. IV, Нью-Йорк, 1909.

ЛОУИ, РОБЕРТ Х. «Социальная жизнь индейцев кроу» (*Антропологические труды Американского музея естественной истории*, т. IX, часть 2.). Нью-Йорк, 1912.

Общества индейцев кроу, хидатса и мандан (*там же*, XI, часть 3.). Нью-Йорк, 1913.

Танец солнца индейцев кроу (*там же*, XVI, часть 1.). Нью-Йорк, 1915.

Заметки о социальной организации и обычаях индейцев мандан, хидатса и кроу (*там же*, XXI, часть 1.). Нью-Йорк, 1917.

Мифы и традиции индейцев кроу (*там же*, XXV, часть 1.). Нью-Йорк, 1918.

Табачное общество индейцев кроу (*там же*, XXI, часть 2.). Нью-Йорк, 1919.

Блэкфут

На момент открытия эти индейцы проживали к востоку от Скалистых гор, на территории современных штатов Монтана и Альберта (Канада), и были разделены на три племени: блэкфут, блад и пиган. Пиган были самым большим и доминирующим племенем, но все они имели привычку называть себя черноногими. Как возникло это название, неизвестно, хотя есть легенда, что его дали им другие индейцы, потому что их мокасины всегда были испачканы черной глиной богатых прерий Альберты.

С тесными связями с черноногими были сарси, небольшое племя, говорящее на языке атабасков, и прерийные гро-вентре, близкородственные арапахо. Таким образом, группа черноногих — конфедерация ранних писателей « » — состояла как минимум из пяти отдельных племенных единиц. Их ближайшими культурными современниками являются равнинные кри, ассинибоины, кроу и шошони.

Черноногие говорят на языке, принадлежащем к большой алгонкинской семье языков восточной части Северной Америки. Поэтому предполагается, что они мигрировали из лесных массивов востока на западные равнины, но это было очень давно.

Выжившие остатки племени сейчас насчитывают менее 5000 человек, половина из которых проживает в штате Монтана, и менее половины из них имеют чистое происхождение.

Для получения дополнительной информации о племени блэкфут и других племенах равнин читателю рекомендуется обратиться к следующим источникам:

«Североамериканские индейцы равнин» (серия справочников, № 1, Американский музей естественной истории, 1912), автор Кларк Висслер, а также следующие монографии доктора Висслера, опубликованные в *«Антропологических трудах Американского музея естественной истории»*:

«Мифология индейцев черноногих». Том II, часть 1.

Материальная культура индейцев черноногих. Том V, часть 1.

Социальная жизнь и церемониальные связки индейцев черноногих. Том VII.

Общества и танцевальные ассоциации индейцев черноногих. Том XI, часть 4.

Танец Солнца индейцев черноногих. Том XVI, часть 3.

Некоторые защитные узоры дакота. Том I, часть 2.

Общества и церемониальные ассоциации в племени оглала, входящем в народ тетон-дакота. Том XI, часть 1.

Конная экипировка североамериканских индейцев. Том XVII, часть 1.

Костюмы индейцев равнин. Том XVII, часть 2.

Структурная основа украшения костюмов индейцев равнин. Том XVII, часть 3.

Декоративное искусство индейцев сиу (Бюллетень, Американский музей, т. XVIII, часть 3.).

Меномини

Меномини — небольшое племя (1745 человек) алгонкинского происхождения, которое ранее проживало на западном берегу Грин-Бэй, штат Висконсин, а в настоящее время обитает в резервации, примерно в сорока милях от своего прежнего места проживания, на верхнем течении реки Вольф, одной из своих старых охотничьих территорий.

По культуре меномини принадлежат к центральной алгонкинской группе лесных индейцев и долгое время были тесно связаны с сиуанскими виннебаго и алгонкинскими сок, фокс, потаватоми и оджибва.

Публикации доктора Скиннера о меномини следующие:

В «Антропологических трудах Американского музея естественной истории», том XIII, который состоит из:

Социальная жизнь и церемониальные обряды индейцев меномини.

Общества и церемонии меномини.

Фольклор и мифология индейцев меномини, «^[20]» и в «*Indian Notes and Monographs*», Музей американских индейцев, Фонд Хей:

Медицинские церемонии индейцев меномини, т. IV, 1920.

Материальная культура индейцев меномини, (без номера), 1921.

Виннебаго

Сегодня численность племени виннебаго составляет около 3000 человек, из которых 1100–1500 проживают в Небраске, непосредственно к северу от резервации Омаха, а остальные — в Висконсине, в основном в округе Джексон, но также и по всей территории к северу, востоку и западу от этого округа. Когда они были впервые обнаружены, в середине XVII века, они занимали регион между Грин-Бей и рекой Висконсин на западе, а их деревни простирались до южных частей озера Виннебаго на юге. К концу XVII века и началу XVIII века мы находим их на западе до Миссисипи и на юге до Мэдисона, Белоита и даже северного Иллинойса. Хотя, несомненно, они были частично вынуждены переселиться в этот регион из-за воинственных действий индейцев Фокс, кажется, что есть достаточно доказательств, показывающих, что они всегда кочевали по большей части этой страны.

После их открытия французами большую часть времени они проводили в борьбе с индейцами племени Фокс, которым, по-видимому, в целом и проигрывали. С самого начала они были чрезвычайно верны французам. Трудно сказать, в какой степени на них повлияли французские миссионеры и торговцы, но, по всей вероятности, это влияние было больше, чем обычно предполагается. После уступки старого Северо-Запада Соединенным Штатам они оставались довольно спокойными, но были явно вовлечены в войну Черного Ястреба.

Примерно в середине XIX века они были насильно переселены в Небраску, но многие из них вернулись в Висконсин и вместе с разбросанными по территории виннебаго, которым удалось избежать принудительного переселения в Небраску, составляют большинство тех, кто сейчас живет в Висконсине. С момента их частичного переселения в Небраску между двумя группами возник ряд незначительных различий в диалекте и обычаях. Группа в Висконсине, несомненно, является более консервативной.

Ближайшими соседями виннебаго были меномини на севере и фокс на юге; с этими племенами они всегда поддерживали тесные контакты. С меномини они, по-видимому, всегда были в мирных отношениях, но с фокс часто воевали. По-видимому, они довольно хорошо знали потаватоми и довольно хорошо — оджибве. В некоторой степени они знали и восточных дакота. Однако в основном они лучше всего знали своих алгонкинских соседей (меномини, фокс, потаватоми) и находились под глубоким влиянием этих племен в своей материальной культуре. Они также переняли мифологию и некоторые религиозные представления своих соседей из центральной части алгонкинских племен, но, по-видимому, эти представления были отделены и отличались от их старой мифологии и религии виннебаго (). В своей социальной организации они не подвергались никакому влиянию и, напротив, оказали глубокое влияние на своих соседей.

Они представляют собой интересный пример народа, полностью окруженного чуждыми племенами, абсолютно отрезанного от всякой связи с группами, говорящими на родственных языках и имеющими схожие цивилизации, но тем не менее сохранившего многие архаичные культурные черты сиу. Однако то, что у них есть, они частично полностью ассимилировали, а частично сохранили в отдельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Радин, Пол. Ритуал и значение танца медицины виннебаго. (*Журнал американского фольклора*, т. XIV, стр. 149-208. 1911.)

Сказки виннебаго. (*Журнал американского фольклора*, т. XXII, стр. 288-313, 1909.)

Социальная организация индейцев виннебаго. В Геологической службе Канады. (Бюллетень музея, 10. Антропология. серия 5. 1915.)

Культ пейота у виннебаго. (*Журнал религиозной психологии*, т. VII [1914], стр. 1-22.)

Автобиография индейца виннебаго. (Публикации Калифорнийского университета по американской археологии и этнологии, XVI [1920], № 7.)

Индейцы виннебаго. (Отчет Бюро американской этнологии.) (В печати.)

Мескваки

Индейцы мескваки в настоящее время проживают в окрестностях Тамы, штат Айова, и их численность составляет около 350 человек. Официально все они числятся полнокровными индейцами, но на самом деле среди них много потомков белых (французов и англичан) — практически ни одного за последние шестьдесят лет. Многие имеют кровь сауков, потаватоми и виннебаго. В списках мескваки указаны как сауки и фоксы из Миссисипи, но это связано с тем, что федеральное правительство давно юридически объединило эти два племени, хотя даже сегодня они различаются по языку, этнологии и мифологии. Фокс — лишь одно из многих синонимов индейцев мескваки.

Их родной язык, мескваки, в современной слоговой письменности означает «красные земли».

Лингвистически мескваки тесно связаны с соками и кикапу, в меньшей степени с шауни, а также с пенобскотами, малеситами и т. д. из штата Мэн и прилегающих районов Канады. Они также сравнительно близки к кри и меномини. В культурном отношении сауки, фоксы и кикапу очень близки друг к другу и демонстрируют преимущественно черты лесных народов с некоторыми чертами народов равнин. Они также близки к соседним племенам сиу. Физический тип мескваки не был изучен; из неопубликованных данных Микельсона следует, что помимо мезоцефального племени существует также брахицефальное. Последнее, вероятно, связано с межрасовыми браками с виннебаго. Умеренная деформация затылочной кости происходит из-за использования жестких колыбельных досок; поэтому проблема не проста, поскольку умеренную деформацию не всегда легко обнаружить.

Практически полная библиография по мескваки приведена Микельсоном в «*Журнале Вашингтонской академии наук*», т. IX, стр. 485, 593-596. С тех пор (1919 г.) появилось лишь немного новых материалов. Ряд томов по мескваки, написанных Микельсоном, в конечном итоге будет опубликован Бюро американской этнологии.^[21] Наиболее важные публикации по мескваки:

Майор Марстон. Письмо преподобному Джедиаху Морсу, 1820 г.

ФОРСАЙТ, ТОМАС. Описание нравов и обычаев индейских племен сок и фокс, 1827 г. (Эта и предыдущая публикации доступны в книге Э. Блэра «Индейские племена верхнего Миссисипи и региона Великих озер», т. II, стр. 137-245).

Джонс, Уильям. «Тексты фокс», 1907 г.

«Алгонкинский Маниту» (*Журнал американского фольклора*, т. XVIII, стр. 183-190 [1905]).

Похоронные обряды и обряды усыновления алгонкинских лис Айовы (Congrès International des Americanists, XVI: 263-277 [1907]).

Алгонкин (Фокс) (пересмотрено Трумэн Микельсоном: Справочник языков американских индейцев, Бюллетень 40, Бюро американской этнологии, часть 1; стр. 735-873 [1911]).

Мичелсон, Трумэн. Предварительный отчет о лингвистической классификации алгонкинских племен (28-й годовой отчет Бюро американской этнологии, стр. 221-290b [1912]).

Монтанье

Индейцы алгонкинской языковой группы, известные в литературе как монтанье, населяют обширную территорию к северу от реки Святого Лаврентия, от побережья Лабрадора на Атлантическом океане на запад до реки Сен-Морис недалеко от Квебека и на север до водораздела, разделяющего водосборный бассейн Арктики и реки Святого Лаврентия. Их численность составляет около 3000 человек, широко рассеянных по небольшим группам, объединяющим определенные диалектные и этнические группы. В определенных пределах они ведут кочевой образ жизни, питаются исключительно охотой и рыболовством, никогда не воюют, за исключением сопротивления ирокезам, послушны и дисциплинированы. В начале XVII века их посетили иезуитские миссионеры, которые оставили нам единственную конкретную литературу, посвященную их образу жизни. Их культура отличается крайней простотой, почти бедностью в социальном, политическом и церемониальном аспектах, хотя и богата в области деятельности, связанной с охотой, рыболовством и путешествиями. Грубо говоря, группа монтанье поддается тройному делению, этнологические и диалектные особенности которого в некоторой степени соответствуют тем же границам: монтанье, проживающие на побережье, типичные так называемые монтанье; монтанье, проживающие во внутренних районах северо-западной части полуострова Лабрадор, и монтанье, проживающие в северо-восточных внутренних районах. Последние стали известны как восточные наскипи. Вся группа тесно связана с кри из Гудзонова залива, за пределами которого ближайшие родственные связи у нее с группой вабанаки из региона к югу от реки Святого Лаврентия, от Нью-Гэмпшира до Ньюфаундленда.

Ирокезы

Конфедерация ирокезов состояла из пяти, а позже шести племен, говорящих на языке ирокезов. Помимо этих племен, существовали и другие, принадлежащие к тому же языковому семейству, такие как гуруны, чероки и другие. Конфедерация или Лига ирокезов

была образована в конце XVI века и в то время включала следующие племена: могавки, онейда, онондага, каюга и сенека. В начале XVIII века к ним присоединились тускарора.

Первоначальная территория, занятая этими племенами, охватывала следующий район: почти всю долину реки Святого Лаврентия, бассейны озер Онтарио и Эри, юго-восточные берега озера Гурон и залива Джорджиан, всю территорию современного штата Нью-Йорк, за исключением нижней части долины реки Гудзон, всю центральную часть Пенсильвании и берега залива Чесапик в Мэриленде, вплоть до рек Чоптанк и Патуксент.

По некоторым подсчетам, в 1657 году насчитывалось около двадцати четырех деревень ирокезов; к 1750 году их число, возможно, выросло до пятидесяти. К концу XVII века общее число ирокезов, входивших в конфедерацию, могло достигать 16 000 человек, что примерно соответствует нынешней численности ирокезов, включая многочисленных метисов, которые проживают в ряде резерваций на северо-западе штата Нью-Йорк и юго-востоке Канады.

Племена Лиги обычно относят к так называемой культуре лесных районов. Однако они разработали цивилизацию, которая в значительной степени специализирована по сравнению с другими племенами этого района, особенно в социальной и политической организации. Ирокезы оказали сильное влияние на некоторых своих соседей, в частности на некоторые восточные алгонкинские племена, чья социально-политическая организация несет несомненные следы влияния ирокезов. Ирокезы Лиги в значительной степени развили сознание того, что сегодня можно было бы назвать исторической миссией. Их лидеры верили, что Великий мир, за который выступала Лига, был обречен распространиться на все индейские племена. В своих попытках побудить другие племена принять принципы Лиги они вели почти непрерывную войну против таких племен, как нейтралы, алгонкины и сиу, и их объединенные силы оказались непреодолимыми для их менее эффективно организованных соседей. В конце концов, их остановили на юге их собственные родственники, чероки.

БИБЛИОГРАФИЯ

Хейл, Горацио. Книга обрядов ирокезов.

МОРГАН, Льюис Х. Лига ирокезов (издание 1904 года, один том).

ПАРКЕР, А. К. Использование ирокезами кукурузы и других пищевых растений.

Доктрина Красивого Озера.

Конституция Лиги ирокезов.

Хьюитт, Дж. Н. Б. Орента и определение религии. (*Американский антрополог*, т. IV, 1902 г.).

Космология ирокезов (21-й годовой отчет Бюро американской этнологии).

Художественная литература, легенды и мифы сенека (32-й ежегодный отчет Бюро американской этнологии).

ГОЛДЕНВЕЙЗЕР, АЛЕКСАНДР А. Краткий отчет о работе ирокезов (Геологическая служба, Оттава, Канада, 1912-13, 1913-14.).

Индейцы ленапе или делавэр

Индейцы ленапе или делавэры когда-то были многочисленным народом, образовавшим конфедерацию из трех близкородственных племен: унами или делавэры собственно,

уналахтиго или уналатко и минси или мунси, впервые встреченные белыми людьми на территории современных штатов Нью-Джерси, Делавэр, восточной Пенсильвании и юго-восточного Нью-Йорка, но по последним данным сократившиеся до примерно 1900 человек, разбросанных по Оклахоме и провинции Онтарио (Канада), с небольшим количеством в Висконсине и Канзасе.

Их язык принадлежал к алгонкинской группе, а культура была типичной для северной половины Восточного лесного пояса и, как и следовало ожидать, наиболее близка к культуре нантикоков и других алгонкинских племен, соседствующих с ними на юге, а также к культуре могикан из долины Гудзона и племен Лонг-Айленда; по многим общим чертам она напоминала культуру племен Новой Англии, центральных алгонкинских народов и шауни. Культура ленапе, в частности культура минси, помимо общих черт, характерных для всего Восточного лесного пояса, имеет некоторые особенности, сходные с культурой племен ирокезов, хотя последние говорят на диалектах совершенно другого языка.

Среди работ, посвященных полностью или в основном этнологии ленапе, можно выделить следующие:

БРИНТОН, Дэниел Г. Ленапе и их легенды, Филадельфия, 1885.

ХАРРИНГТОН, М. Р. Некоторые обычаи индейцев Делавэр. (*Журнал Музея Университета Пенсильвании*, т. I, № 3).

Остатки материальной культуры среди канадских делавэров. (*Американский антрополог*, N. S. т. X, № 3, июль-сентябрь 1908 г.).

Предварительный набросок культуры ленапе. (*Американский антрополог*, N. S. т. XV, № 2, апрель-июнь, 1913 г.).

Религия и обряды ленапе (в печати).

Политическая и социальная организация ленапе (в рукописи).

Материальная культура ленапе (в рукописи).

Фольклор ленапе (в рукописи).

ХЕКЕВЕЛЬДЕР, Джон. Описание истории, нравов и обычаев индейских народов, когда-то населявших Пенсильванию и соседние штаты. (*Труды Американского философского общества*, т. I, Филадельфия, 1819 г.).

ЛОСКИЛ, Джордж Генри. История миссии Объединенных братьев среди индейцев Северной Америки, Лондон, 1794.

СКИННЕР, Алансон. Индейцы Большого Нью-Йорка, Седар-Рапидс, 1915.

Индейцы ленапе со Статен-Айленда. (*Антропологические труды Американского музея естественной истории*, т. III, Нью-Йорк, 1909 г.).

Индейцы острова Манхэттен и окрестностей. (Брошюра-путеводитель № 41, Американский музей естественной истории.)

ЗЕЙСБЕРГЕР, Дэвид. История индейцев Северной Америки Дэвида Зейсбергера. Под редакцией Арчера Батлера Халберта и Уильяма Натаниэля Шварце. (*Огайо Археологический и исторический кварталник*, т. XIX, № 1 и 2, Колумбус, 1910 г.)

Крики

Конфедерация криков была основана на ряде племен, говорящих на языке мускоги, обычно называемом крик, но со временем в организацию были включены многие другие племена, большинство из которых говорили на родственных языках, но некоторые из них

принадлежали к совершенно отличным языковым группам. Судя по оценкам ранних авторов, численность населения криков увеличилась с примерно 7000 человек в 1700 году до 20 000 человек на момент переселения (1832 год). После этой даты оно снова сократилось, так что в отчете Индейского управления за 1919 год указано 11 952 «крика по крови », к которым следует добавить 2141 «семинола по крови», 585 «флоридских семинолов» и 192 алабамцев в Техасе. Семинолы и алабамы ранее принадлежали к Конфедерации. Вероятно, это число включает в себя очень много людей с очень небольшой долей индейской крови, поскольку перепись 1910 года показала, что их всего около 9000.

Когда европейцы впервые узнали об этих племенах, они занимали две трети восточной части Алабамы и всю территорию современной Джорджии, за исключением самых северных и восточных частей. Некоторые индейцы, которые тогда проживали на побережье Джорджии, по-видимому, впоследствии переселились вглубь материка, чтобы присоединиться к конфедерации.

Конфедерация постепенно расширялась, принимая в свои ряды более мелкие народы, изгнанные из своих земель или страдающие от более сильных соседей, среди которых были ючи и часть шауни. Даже чикасо, хотя и находившиеся иногда с ними в состоянии войны, имели своего рода полуофициальное членство, и вполне вероятно, что больше племен на востоке и юге были бы собраны в союз, если бы не приход белых. Однако по численности они уступали, а возможно, и превосходили чероки на северо-восточной границе и чокто на юго-западе, с которыми они вели ожесточенные войны, а также с апалачи и тимукуа к юго-востоку от них. Эти разногласия, однако, значительно усугублялись соперничеством испанских, английских и французских колонистов. Следует понимать, что Конфедерация криков была растущим американским национальным организмом, сравнимым с Конфедерацией ирокезов, государствами Центральной Америки и Мексики, а также некоторыми государствами Старого Света.

БИБЛИОГРАФИЯ

АДАИР, Джеймс. История североамериканских индейцев.

БАРТРАМ, Уильям. Путешествия. (Его статья в т. III, Американское этнологическое общество. Перевод).

БОССУ, М. Новые путешествия и т. д. (Индейцы Алабамы), 1768.

ГАТЧЕТ. Легенда о миграции индейцев криков, (т. I в Библиотеке аборигенной литературы Бринтона; т. II в Переводах Академии наук Сент-Луиса).

ХОКИНС, Бенджамин. Очерк о стране криков (Коллекции Исторического общества Джорджии, т. III, 1848 г.).

СВОН. Скулкрафт, «Индейские племена», т. V.

СВОНТОН, Джон Р. Ранняя история индейцев криков и их соседей. (Бюро американской этнологии [в печати]).

Апачи

Различные племена апачей Аризоны насчитывают около 5000 человек. Они примерно поровну разделены между двумя соседними резервациями, Сан-Карлос и Уайт-Маунтин. Их место обитания находилось в верхних течениях рек Солт и Гила. В культурном отношении они родственны пима и говорящим на языке юман явапай и валапай на западе. Они также родственны в лингвистическом отношении, а в доиспанские времена и в культурном

отношении, навахо, которые живут к северу от них . В целом они участвуют в социальной и религиозной жизни, характерной для всего юго-западного региона.

Бурк, Джон Г. Шаманы апачей (9-й ежегодный отчет Бюро американской этнологии).

Годдард, П. Э. В *антропологических трудах Американского музея естественной истории*, т. XXIV:

Мифы и сказки апачей Сан-Карлос, часть 1.

Мифы и сказки апачей из Белой горы. Часть 2.

Навахо

Навахо — это кочевое или полукочевое племя атабасков, проживающее в резервации на северо-востоке Аризоны, северо-западе Нью-Мексико и юго-востоке Юты. В 1906 году их численность составляла примерно 28 500 человек. Их основными видами деятельности являются овцеводство и ткачество. Во многих отношениях их обрядовая жизнь похожа на обрядовую жизнь их соседей, индейцев пуэбло, но взаимосвязь между этими двумя народами в области обрядовой культуры, как и в других аспектах, не изучена.

БИБЛИОГРАФИЯ

Мэтьюз, Вашингтон. Легенды навахо (Мемуары Американского фольклорного общества, V. 1897. [См. библиографию]).

Ночной гимн, церемония народа навахо. (Мемуары Американского музея естественной истории, VI, 1902).

Францисканские отцы. Этнологический словарь языка навахо. 1910.

Годдард, П. Э. Индейцы юго-запада. (Серия справочников, № 2. Американский музей естественной истории, 1921).

Индейцы зуни

Зуни — один из городов индейцев пуэбло или городских индейцев юго-запада. Он расположен примерно в центре Нью-Мексико, недалеко от границы с Аризоной. Население Зуни и его прилегающих поселений составляет около 1600 человек.

Индейцы Пуэбло проживают в около тридцати городах в Нью-Мексико и Аризоне, их численность составляет около 10 000 человек. Обычно их классифицируют по языку на четыре или пять групп: хопи из Аризоны, ашиви или народ зуни, кере из Акомы и Лагуны на западе и, на востоке, из пяти городов на Рио-Гранде, а также, на востоке, таноаны, включая тева и народ Джемес.

Когда испанские конкистадоры пришли из Мексики в эту страну, они обнаружили, что люди расселены примерно так же, как и сегодня, хотя с тех пор многие старые поселения были заброшены, а на их месте построены новые. С усилением защиты жизни и собственности появилась тенденция переселяться с вершин мессы в более плодородные долины с лучшим водоснабжением.

К моменту прибытия испанцев, и, без сомнения, задолго до этого, эти народы были не только строителями, но и искусными гончарами и фермерами, практиковавшими как сухое земледелие, так и орошение. Исходя из их экономики и сложной церемониальной жизни, их можно считать самой северной окраиной области культивирования кукурузы в Центральной и Южной Америке, той обширной территории, которая включала в себя царство инков в Перу и майя и ацтеков в Мексике.

Испанцы привезли индейцам пуэбло пшеницу, персиковые деревья и арбузы, а также овец, крупный рогатый скот, лошадей и ослов. Испанцы основали францисканские миссии и светскую администрацию, что повлияло на религию и форму правления, но в какой степени — до сих пор остается открытым вопросом. Менее неоднозначным, но не менее интересным является влияние современной промышленности на культуру; как и следовало ожидать, американская торговля пришла в упадок, но пока что она не была полностью разрушена.

Церемония, которую описывает г-н Кулин, принадлежит либо обществу Тлевекве, либо обществу Большого Огненного Бревна. См. «Индейцы зуни», стр. 483-8, 502-1. После танца молодые деревца с заостренными и окрашенными в красный цвет стволами сбрасывают с каменистого склона одного из холмов мезы на севере. Образцы можно увидеть в Американском музее естественной истории и в музее Калифорнийского университета.

То, что череп, приобретенный г-ном Кушингом, был сомнительной подлинности, в настоящее время известно в Зуни, поскольку там говорят, что именно из-за этого Тенацали умер преждевременной смертью.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кулин, СТУАРТ. Игры американских индейцев. (24-й [1906] годовой отчет Бюро американской этнологии).
- Кушинг, Ф. Х. Фетычи зуни. (2-й [1880-1] годовой отчет Бюро американской этнологии.)
- Мои приключения в Зуни. (*Журнал «The Century Magazine»*, N. S. III, 1882.)
- «Очерки мифов о сотворении мира у зуни». (13-й [1891-2] годовой отчет Бюро американской этнологии.)
- Народные сказки зуни. Нью-Йорк и Лондон, 1901.
- Хлебные изделия зуни. (Переиздано в *Indian Notes and Monographs*, т. VIII. Музей американских индейцев, Фонд Хей, 1920.)
- ДЮМАРЕСТ, Н. Заметки о Кочити, Нью-Мексико. (Мемуары Американской антропологической ассоциации, т. VI, № 3. 1919)
- ФЬЮКС, ДЖ. В. (Монографии о хопи см. в его биографии и библиографии).
- КРОБЕР, А. Л. Род и клан зуни. (*Антропологические труды Американского музея естественной истории*, т. XVIII, ч. 2. 1917.)
- ПАРСОНС, Э. К. Заметки о зуни. (Мемуары Американской антропологической ассоциации, т. IV, № 3, 4. 1917.)
- Заметки о церемониальном искусстве в Лагуне. (*Антропологические труды Американского музея естественной истории*, т. XIX, ч. 4. 1920.
- Американский антрополог*, т. XVIII, XIX, XX, XXI, XXII, XXIII.
- Журнал «Американский фольклор»*, т. XXIX № 113; т. XXXI, № 120; т. XXXIII, № 127.
- Человек*, т. XVI, № 11; т. XVII, № 12; т. XIX, № 3; № 11; т. XXI, № 7).
- СТИВЕН, А. М. (Статьи о церемониях хопи см. в журнале «Американский антрополог», т. V; журнале «Американский фольклор», т. V, VI).
- СТИВЕНСОН, М. К. Индейцы зуни (23-й [1901-2] годовой отчет Бюро американской этнологии).
- Сиа. (11-й [1889-90] годовой отчет Бюро американской этнологии).
- Вос, Х. Р. (Несколько ценных монографий о церемониях хопи в Антропологической серии Филд-музея).

Хавасупаи — небольшое племя, говорящее на языке юман, постоянная деревня которого находится в Каньон Катаракта, южном притоке Большого каньона Колорадо, в северной Аризоне. Их охотничьи угодья — это часть Аризонского плато, которую видят туристы, посещающие Большой каньон. Численность племени составляет 177 человек (214 в 1881 году), поэтому оно зависит от дружеских отношений с соседними валапай, которые говорят на том же языке, на западе, и навахо и хопи, проживающими в пуэбло, на востоке. Их врагами были явапай и апачи к югу от их территории и пайюты к северу от Гранд-Каньона. Из того немногого, что было написано об этом народе, достоверными являются следующие источники:

Куз, Эллиот. По следам испанского пионера. Дневник и маршрут Франциско Гарсеса. (Любопытная запись их первооткрывателя, написанная в 1776 году), т. II, стр. 335-347, 403-409. Нью-Йорк, Фрэнсис П. Харпер, 1900.

Кушинг, Ф. Х. Нация ив. (Яркое описание страны и первое описание ее народа.) *Atlantic Monthly*, т. I, сентябрь, октябрь 1882 г., стр. 362-374, 541-559.

Шуфельдт, Р. В. Некоторые наблюдения над индейцами хавесу-пай. (Протоколы, Национальный музей США, Вашингтон, округ Колумбия, 1891, т. XIV, стр. 387 и далее).

Спир, Лесли. Хавасупаи из Каньона Катаракта. (*Журнал Американского музея*, Нью-Йорк, декабрь 1918 г., стр. 636-645.)

(Полное описание племенных обычаев будет опубликовано тем же автором в «*Антропологических трудах Американского музея естественной истории*»).

Мохаве

Мохаве принадлежат к племени юман. Они более трех веков проживают в низинах реки Колорадо, где соседствуют современные штаты Калифорния, Невада и Аризона. Ниже по течению, у устья Колорадо, проживало полдюжины родственных, но часто враждебных племен, из которых наиболее известными выжившими являются юма. Горы на востоке, в Аризоне, были заняты еще другими группами юман — явапай, валапай, хавасупаи — с привычками, довольно отличающимися от привычек речных племен. На севере и востоке пустыни Невады и Калифорнии были заняты редкими группами шошонского происхождения.

В доколониальные времена численность мохаве, возможно, достигала 3000 человек. В 1910 году правительство насчитало 1058 человек. Часть из них была переселена в резервацию ниже по течению, в Паркере.

БИБЛИОГРАФИЯ

Болтон, Х. Э. Испанские исследования на юго-западе. (Стр. 268-280 содержат перевод «Relacion» Зарате-Сальмерона или отчет об экспедиции Оньяте 1604-05 гг.) Нью-Йорк, 1916.

Куз, Эллиот. По следам испанского пионера. Дневник и маршрут Франциско Гарсеса, 1775-1776 гг. Нью-Йорк, 1900.

Уиппл, А. В., ЭВБАНК, Т. и ТЕРНЕР, В. В. Отчет об исследованиях железнодорожного маршрута вблизи 35-й параллели северной широты от реки Миссури до Тихого океана. Часть 1, Маршрут; часть 3. Отчет об индейских племенах. Вашингтон, 1855.

СТРАТТОН, Р. Б. Пленение девочек Оутман. Нью-Йорк, 1857.

Бурк, Дж. Г. Заметки о космогонии и теогонии индейцев мохаве. (*Журнал американского фольклора*, т. II, стр. 169-189, 1889.)

КЕРТИС, Э. С. Североамериканские индейцы, т. II.

КРОБЕР, А. Л. Предварительный набросок об индейцах мохаве. (*Американский антрополог*, N. S., т. IV, стр. 276-285, 1902.)

Племена юманов нижнего Колорадо. (Публикации Калифорнийского университета по американской археологии и этнологии. Том XVI, стр. 475-485, 1920.)

Главы L и LI, «Мохаве», из «Индейцы Калифорнии» (в печати как Бюллетень Бюро американской этнологии, Вашингтон, округ Колумбия).

Тепекано

Тепекано были когда-то довольно влиятельным племенем, занимавшим значительную территорию на южных склонах горного хребта Сьерра-Мадре в западной Мексике. Здесь их обнаружили первые испанские завоеватели, которые называли их племенами чичимеков. Их последующая история еще предстоит извлечь из прозаических мексиканских записей. Вероятно, они отважно сражались с белыми захватчиками, но были побеждены. По мере заселения страны и притока европейской крови консервативные члены племени постоянно отступали, пока сегодня они не заняли всего одну деревню, Азкелтан, в северной части штата Халиско, и несколько квадратных миль окружающей территории. Их число сократилось до нескольких сотен, и многие из них являются метисами.

Физически тепекано очень похожи на другие коренные племена западной Мексики. То же самое можно сказать и об их языке, хотя в этом отношении различия более значительны. Язык тепекано очень близок к языкам тепеуане, папаго и пима северо-западной Мексики и Аризоны и более отдаленно связан с языками уичоль, кора, ацтек и уте.

О тепекано написано очень мало. Следующий список включает практически всю существующую литературу:

ОРОЗКО-и-БЕРРА, МАНУЭЛЬ. География языков и этнографическая карта Мексики; Мехико, 1864. С. 49, 279, 282.

ЛУМХОЛЬЦ, КАРЛ. Неизвестная Мексика, т. II, стр. 123, Нью-Йорк, 1902.

ХРДИЛКА, АЛЕШ. Чичимеки и их древняя культура. (*Американский антрополог*, N. S., т. III, 1903.)

Физиологические и медицинские наблюдения. (Бюллетень 34, Бюро американской этнологии, Вашингтон, 1908).

ЛЕОН, НИКОЛАС. Языковые семьи Мексики, Мексика, 1902.

ТОМАС, САЙРУС и СУОНТОН, ДЖОН Р. Индейские языки Мексики и Центральной Америки. (Бюллетень 44, Бюро американской этнологии, Вашингтон, 1911.)

МЕЙСОН, ДЖ. ОЛДЕН. Индейцы тепеуаны из Азкельтана. (Материалы 18-го Международного конгресса американистов, Лондон, 1912 г.)

Праздник Пиноле в Азкельтане. (*Журнал музея*, III, Университетский музей, Филадельфия, 1912.)

Тепекано, язык пиман западной Мексики. (Анналы Нью-Йоркской академии наук, т. XXV, Нью-Йорк, 1917 г.)

Молитвы тепекано. (*Международный журнал американской лингвистики*, т. I, II, 1918 г.)

Четыре мексиканские испанские народные сказки из Азкельтана, Халиско. (*Журнал американского фольклора*, т. XXV, 1912.)

Народные сказки тепекано. (*Журнал американского фольклора*, т. XXVII, 1914 г.)

Ацтеки

Общее описание и библиография см. в Spinden, H. J. Древние цивилизации Мексики и Центральной Америки. (Американский музей естественной истории, серия справочников. № 3. 1917.)

Майя

I

Картина жизни в древней империи майя в Центральной Америке в VI веке нашей эры воссоздана почти полностью на основе археологических данных. В отличие от многих коренных культур нашей страны, которые сохранились со всем своим богатством легенд, мифов, обрядов и церемоний до наших дней, древняя империя майя исчезла за несколько веков до открытия Америки. Эпизод из жизни мальчика, который, возможно, жил в те яркие времена, должен быть обязательно основан на том, что мы можем почерпнуть из памятников, храмов и дворцов того периода, с помощью нескольких этнологических фактов о Новой империи майя, собранных тысячелетие спустя.

Термин «истинный человек», *halach vinic*, майя присваивали только своим высшим вождям, наследственным правителям, которые, по-видимому, жили в условиях, не отличающихся от феодализма, даже если не принимать во внимание несомненную феодальную предвзятость, с которой писали все ранние испанские летописцы. Власть правителей вместе с духовенством, по-видимому, была почти, если не совсем абсолютной (); преемственность высшей должности передавалась по наследству, хотя, вероятно, индивидуальная непригодность к ней могла и действительно изменяла строгое правило первородства; наконец, безусловно существовала система вассальной зависимости, когда меньшие вожди зависели от верховного правителя. Действительно, архитектурные и монументальные памятники цивилизации майя настолько велики и великолепны, что для их создания необходимо было предположить наличие высокоцентрализованной формы правления, осуществляемой небольшой, но могущественной кастой.

II

Чичен-Ица имеет долгую и разнообразную историю. Основанный майя около 500 года н. э. во время их миграции на север из своих первоначальных мест проживания в Гондурасе и Гватемале, заброшенный на четыреста лет и заново заселенный около 1000 года, Чичен теперь должен был пережить двести лет роста и процветания. Многие из сохранившихся старинных зданий относятся именно к этому периоду. Знаменитый союз Майяпана, Ушмаля и Чичен-Ицы был действенным альянсом, благодаря которому все города Юкатана достигли больших успехов во многих областях искусства. Некоторые из самых известных сооружений в Чичен были построены в эту эпоху. Наша история начинается с распада этого союза, когда Маяпан привлек мексиканские войска, чтобы грабить другие города полуострова. Мир сменился многолетней гражданской войной. Окончательное разрушение Маяпана примерно в середине XV века ознаменовало конец цивилизации майя. Испанцы обнаружили лишь остатки былого великолепия.

Ни один из разрушенных городов Юкатана не может сравниться по красоте с Чичен-Ицей, величественным и грандиозным даже сейчас, когда многие из его храмов пришли в упадок, а другие погребены в глубине леса. Острые очертания Великой пирамиды по-прежнему возвышаются над линией деревьев джунглей. Идеальные пропорции пирамиды и храм, все еще стоящий на ее вершине, делают ее, пожалуй, самым полным и совершенным

сооружением, сохранившимся во всей области майя. Массивные стены площадки для игры в мяч остаются такими же прочными, как и в момент их постройки. Одно из каменных колец все еще выступает из стены, свидетельствуя о любви древних людей к спорту. Красивый Храм Тигров, стоящий на конце одной из стен, стал жертвой разрушительных сил человека, животных и природы. Лианы и корни деревьев проникли на крышу, а многие из резных камней упали. Игуаны разбегаются во всех направлениях, когда к ним приближается случайный посетитель. Фрески внутренней камеры — лишь размытые остатки былого искусства.

А Сенот Жертвоприношения, тот самый знаменитый колодец, так ярко описанный ранними христианскими священниками, теперь является лишь заброшенным святилищем. Свисающие лианы, папоротники и пальмы почти полностью покрывают отвесные склоны. Темно-зеленые воды почти скрыты слизью гниющей растительности. Но вид тихого, зловещего водоема, окруженного нетронутым лесом, даже сейчас позволяет легко представить себе сцены жертвоприношений, свидетелем которых он был.

Страна по-прежнему населена майя, но их величие осталось в прошлом. Современный коренной житель может задумываться о том, для чего на самом деле служили разрушенные здания его страны. Он знает только то, что ему рассказали его белые хозяева. «Это храмы ваших предков, которые имели беспрецедентное в ранней истории Нового Света прошлое, прошлое, которое простирается почти до начала христианской эры» (). Он только качает головой и бормочет на своем приемном языке: «*Quien sabe*».

Цивилизация майя ранее охватывала весь полуостров Юкатан, штаты Чьяпас и Табаско в Мексике, большую часть Гватемалы, Британский Гондурас, север Гондураса и север Сальвадора. Эта страна по-прежнему в основном заселена народами, говорящими на различных диалектах языка майя.

Майя, как в лингвистическом, так и в культурном отношении, отличаются от сапотеков в Оахаке и народов науа-ацтеков в Центральной Мексике. Однако нет сомнений в том, что все культуры Мексики и Центральной Америки имеют общее происхождение. Цивилизация майя старше цивилизации тольтеков в Мексике, которая, в свою очередь, предшествовала цивилизации ацтеков. Культура тольтеков оказала большое влияние на поздних майя северного Юкатана около 1200 года н. э.

ХРОНОЛОГИЯ МАЙЯ (ЧИЧЕН-ИТЦА)

?-200 г. н. э. Период миграций. 200-600 г. Основание Чичен-Ицы. 520 г. Чичен-Ица заброшена. 640-960 г. Ица в Чаканпутуне. 700-960 г. Чичен восстановлена. Лига Майяпана. 960-1200 г. Старая империя. Расцвет великих городов Гватемалы и Гондураса. 1200-1442 Влияние тольтеков, особенно в Чичен-Ице. 1442 Падение Майяпана и конец цивилизации майя.

Исторические источники, на которых основана часть нашей истории:

МОЛИНА, Х. История открытия и завоевания Юкатана, 1896, стр. 47-51

ЭРРЕРА, *Historia General*, 1601-1605.

ПРЕСКОТТ, глава III, по Эррере, Торквемаде и др.

ЛАНДА (156), Брассер де Бурбург, изд. 1864, стр. 344-346.

Relacion de Valladolid (1579) в *Col. de Doc. Ineditos*, 1898-1900, т. XIII, стр. 25

Другие исторические и общие ссылки:

История:

Когольудо, Д. Л. История Юкатана, 1688.

Вильягутьерре, Х. История завоевания провинции Ица, 1701.

Минс, П. А. История испанского завоевания Юкатана и ица, в *Papers of the Peabody Museum*, т. VII, 1917.

Хронология:

Морли, С. Г. Соотношение хронологии майя и христианской хронологии. (*Американский журнал археологии*, 2-я серия, т. XIV, стр. 193-204.)

Историческая ценность книг Чилам Балам (*Американский журнал археологии*, 2-я серия, т. XV, стр. 195-214).

Руины:

Стивенс, Дж. Л. Приключения во время путешествия по Юкатану, 1843.

Путевые заметки по Центральной Америке, Чьяпасу и Юкатану, 1841.

Модслей, А. П. Биология Центральной Америки. Археология, 1889-1902.

Холмс, У. Х. Археологические исследования древних городов Мексики. (*Полевой колумбийский музей, Антропологическая серия*, т. I, 1895-1897.)

Джойс, Т. А. Мексиканская археология. 1914.

Спинден, Х. Дж. Исследование искусства майя. (Мемуары музея Пибоди, т. VI, 1913.)

Гордон, Г. Б., Томпсон, Э. Х. и Тоззер, А. М. в Мемуарах музея Пибоди.

Иероглифическое письмо:

Боудич, К. П. Система счисления, календарные системы и астрономические знания майя, 1910.

Морли, С. Г. Введение в изучение иероглифов майя, (Бюллетень 57, Бюро американской этнологии, 1915 г.)

Надписи в Копане (Карнеги Институт, 1920).

Нынешнее население:

Тоззер, А. М. Сравнительное исследование майя и лакандонов, 1907.

Язык майя:

Тоззер, А. М. Грамматика языка майя с библиографией и оценкой упомянутых работ (*Документы музея Пибоди*, т. IX, 1921 г.)

Отношения с окружающими культурами:

Спинден, Х. Дж. Древние цивилизации Мексики и Центральной Америки. (Серия справочников, № 3, Американский музей естественной истории, 1917 г.)

Происхождение и распространение сельского хозяйства в Америке. (Материалы 19-го Международного конгресса американистов, Нью-Йорк, 1917 г.)

Тоззер, А. М. Владения ацтеков (Юбилейный сборник Холмса, 1916 г.)

Народ Шеллмаунд

Люди Шеллмаунд, которые жили на берегах залива Сан-Франциско, возможно, в течение трех или четырех тысяч лет, вплоть до начала исторических времен, считаются принадлежащими к костанеоанской языковой семье. Эти костанеоаны населяли часть

Калифорнии, простирающуюся от Золотых Ворот на юг до Соледада и от Тихого океана на восток до реки Сан-Хоакин. Несмотря на то, что общая площадь этой территории составляла более 7000 квадратных миль, она в основном была занята горами и болотами, непригодными для постоянного проживания. В результате основные поселения были ограничены побережьем океана, побережьем залива и частью долины Сан-Хоакин, расположенной между болотами и предгорьями Прибрежного хребта. В конце XVIII века на этой территории было основано семь испанских миссий, и из старых записей этих учреждений Бэнкрофт извлек названия около двухсот деревень, некоторые из которых () однако находились за пределами территории костаноанцев. По самым скромным оценкам, население составляло около 10 000 человек.

Одно из основных диалектных разделений костаноанского племени было известно как муцунсы или муцунсы; и для целей этой истории племя ахвашти, к которому принадлежали Викси и его односельчане из Акалана, было связано с этой группой. На самом деле, есть достоверные сведения о том, что ахвашти жили на берегу залива, хотя муцунсы, вероятно, не жили там.

Практически нет доступных исторических данных о народе шеллмаундов как таковом, и очень мало археологических свидетельств в самих шеллмаундах того, что индейцы продолжали их заселять после прибытия белых людей. Основные ссылки:

БАНКРОФТ, Х. Х. Коренные народы тихоокеанских штатов Северной Америки, т. I, 1874.

МЕЙСОН, Дж. А. Диалект муцун костаноанского языка. (Публикации Калифорнийского университета по американской археологии и этнологии, т. XI, № 7. 1916.)

НЕЛЬСОН, Н. К. Ракушечные курганы региона залива Сан-Франциско. (Публикации Калифорнийского университета по американской археологии и этнологии, т. VII, № 4. 1909.)

ПАУЭРС, СТИВЕН. Племена Калифорнии. (Вклад в североамериканскую этнологию, т. III. 1877 г.)

УЛЕ, МАКС. Ракушечный курган Эмеривилля. (Публикации Калифорнийского университета по американской археологии и этнологии, т. VIII, № 1. 1907.)

Юрок

Юрок — одно из шести племен северо-западной Калифорнии, которые демонстрируют удивительно сложный образ жизни. Другие племена этой высокоразвитой группы — хупа, карок, толова, чилула и вийот. Одним из особенностей жизни племен этого региона является понятие аристократии, основанное на богатстве. Это делает их довольно алчными. За каждое оскорбление, от клеветы до изнасилования, требуется денежная компенсация. Соответственно, юрок стали мастерами в искусстве обижаться. Сварливость — это религия, а споры о цене — высокое искусство. Некоторые юрок от природы «вонючки» в денежных вопросах. Остальные приобретают эту черту под давлением племенного чувства. Они говорят на алгонкинском языке, живут в нижней части реки Кламат, питаются в основном рыбой (хотя едят много желудей) и являются хорошими людьми, когда узнаешь их обычаи (но только после этого). Основные работы, описывающие юрок:

ПАУЭРС, СТИВЕН. Племена Калифорнии (Министерство внутренних дел США, Вклад в североамериканскую этнологию, т. III).

УОТЕРМАН, Т. Т. География юрок (Публикации Калифорнийского университета по американской археологии и этнологии, т. XVI).

Заметки о культуре юрок (Музей американских индейцев, Фонд Хей, [в печати]).

Книга без названия, за исключением посвящения «Американским индейцам», написанная женщиной из племени юрок, частным образом напечатанная в Эврике, Калифорния, в 1916 году.

Годдард, П. Э. Жизнь и культура хупа, Публикации Калифорнийского университета по американской археологии и этнологии, т. I. (очень хорошая работа, описывающая не юрок, а соседних хупа, которые ведут тот же образ жизни).

Нутка

Индейцы нутка, иногда известные как ахт, представляют собой группу племен, населяющих западное побережье острова Ванкувер, от мыса Кук на юге до залива Сук, а также крайнюю северо-западную точку, мыс Флэттери, штат Вашингтон. Индейцы мыса Флэттери, обычно известные как мака, иногда считаются отличными от нутка, но их язык практически идентичен языку нитинатов, южной группы нутка острова Ванкувер. Разделительная линия между нитинатами и северными нутка (собственно нутка) проходит немного южнее мыса Бил. Она определяется лингвистическими соображениями, поскольку диалекты нитинатов и северных нутка являются взаимно непонятными группами. Диалектные различия внутри групп сравнительно незначительны. Непосредственно к северу от самых северных нутка находятся квацино, одно из племен квакиутл; к югу от самого южного острова Нитинат находятся сук, племя салишей побережья из группы лкунген-клаллам; а к югу от мака находятся киллеуте, племя чимакуан.

Общая численность нутка в 1906 году составляла около 2500 человек, из которых более 400 принадлежали к племени мака. Нутка ни в каком смысле не образуют политическую единицу. Они представляют собой лишь группу независимых племен, связанных между собой языком, межплеменными браками и тесным культурным взаимодействием.

Нутка, в самом широком смысле этого слова, являются довольно отдаленными языковыми родственниками квакиутл (включая собственно квакиутл, белла-белла и китамат), которые занимают самую северную часть острова, а также прилегающие части материковой части Британской Колумбии. Этнографы часто объединяют нутка и квакиутл в одну группу «вакашан».

Племена нутка культурно значительно отличаются как от квакиутл, так и от племен салишей побережья юго-восточной части острова Ванкувер, но подверглись значительному влиянию со стороны обоих, особенно в церемониальном отношении.

Основные работы по нуткам:

Боас Ф. Нутка (Отчет Британской ассоциации по продвижению науки, встреча в Лидсе, 1890, стр. 582-604; перепечатано, стр. 30-52, в Шестом отчете о северо-западных племенах Канады).

The Nootka ([Религиозные церемонии] стр. 632-644 в «Социальная организация и тайные общества индейцев квакиутл», в Отчете Национального музея США, 1895).

Sagen der Nutka (стр. 98-128 книги «Индийские легенды с северо-тихоокеанского побережья Америки», Берлин, 1895 г.).

ХАНТ, ДЖОРДЖ (коллекционер). Мифы нутка (стр. 888-935 книги Боас, Ф.: Мифология тсимшиан, 31-й годовой отчет Бюро американской этнологии, 1909-10 гг.

Джуитт, Джон Р. (также Джуэтт) Приключения и страдания Джона Р. Джуитта, единственного выжившего члена экипажа корабля «*Бостон*» во время почти трехлетнего плена у индейцев Нутка-Саунд (Миддлтаун, 1815; Эдинбург, 1824; часто переиздавалось, см. издание Роберта Брауна, Лондон, 1896); также опубликовано под названием «Пленник Нутки, или Приключения Джона Р. Джуэтта» (Филадельфия, 1841).

САПИР, Э. Легенда о потопе индейцев нутка с острова Ванкувер (*Журнал американского фольклора*, 1919, стр. 351-355).

Церемония полового созревания девочек у индейцев нутка (Труды Королевского общества Канады, 3-я серия, т. VII, 1913, с. 67-80).

Некоторые аспекты языка и культуры нутка (*Американский антрополог*, N. S., т. XIII, 1911, стр. 15-28).

Индейцы острова Ванкувер (в Энциклопедии религии и этики Гастингса; посвящена религии нутка).

СПРОАТ, Г. М. Сцены и исследования из жизни дикарей (Лондон, 1868).

СВОН, ДЖЕЙМС Г. Индейцы мыса Флэттери (Smithsonian Contributions to Knowledge, т. XVI, ч. 8. с. 1-106, Вашингтон, 1870).

Чипевяны

Северная группа атабасков, проживающая на обширной территории Канады от реки Черчилль до озера Атабаска и Великого Невольничьего озера. Их иногда путают с алгонкинскими чиппевами (оджибва). Их численность составляет около 1800 человек.

БИБЛИОГРАФИЯ

ХИРН, СЭМЮЭЛ. Путешествие от форта Принца Уэльского в Гудзоновом заливе до Северного океана. (Лондон, 1795).

ПТИТО, Э. Традиции индейцев северо-запада Канады. (Аленсон, 1887.)

РАССЕЛ, ФРЭНК. Исследования на Крайнем Севере. (Де-Мойн, 1898.)

ГОДДАРД, П. Э. Тексты чипеванов. (*Антропологические труды Американского музея естественной истории*, т. X, стр. 1-65.)

ЛОУИ, РОБЕРТ Х. Сказки чипеванов. (*Там же*, т. X, стр. 171-200.)

Тен'а

Анвик — деревня на реке Анвик, притоке реки Юкон, примерно в 400 милях от ее устья и в 125 милях от побережья. Деревня населена самым северным из народов атабасков, называемым русскими ингалик или ингилик, что, по словам Жетте, означает «паршивый», или тинне, или тен'а, что является коренным названием. Местное название Анвика — Гудринечакс, что означает «средний народ», как и другие местные названия речных деревень.

Единственные опубликованные отчеты о тенне — это отчеты французского миссионера Жетте, работавшего в Конкринес, и американского миссионера Чепмена, работавшего в Анвике. В американской миссии г-н Рид получил образование, и его возможности наблюдать за своим народом были в некоторых отношениях ограничены. Несмотря на свое знание английского языка и американской культуры, он, однако, необычайно прост и является внимательным и сочувствующим наблюдателем жизни в Анвике, как белых, так и индейцев. Таким образом, он является тем, кого мы часто ищем среди индейцев, получивших школьное образование, но редко находим — квалифицированным толкователем коренной

культуры. Поскольку время, доступное для работы с ним, было весьма ограниченным, ему было предложено представить свою информацию так, как будто он рассказывает историю жителя деревни Анвик от рождения до смерти.

БИБЛИОГРАФИЯ

ДЖЕТТЕ, Дж. О знахарях народа тена. (*Журнал Королевского антропологического института*, XXXVII [1907], 157-188.)

О фольклоре народа тена (*там же*, XXXVIII [1908], 298-367).

О суевериях индейцев тена (*Anthropos*, VI [1911], 95-108, 241-259, 602-615, 699-723).

Загадки индейцев тена (*там же*, VIII [1913], 181-201, 630-651).

ЧАПМАН, Джон В. Заметки о племени тинне из Анвика, Аляска. (Congrès International des Américanistes, 15-я сессия, II, 7-38. Квебек, 1907.)

Традиции атабасков из нижнего Юкона. (*Журнал американского фольклора*, XVI [1903], 180-5.)

Тексты и сказки тена. (Изд. Американское этнологическое общество, VI, Лейден, 1914.)

Эскимосы

Эскимосы занимают все побережье Арктики от Берингова пролива до Лабрадора и Гренландии. У них также есть несколько изолированных деревень на крайнем востоке Сибири. Несмотря на общую однородность культурной жизни, между эскимосами западнее реки Маккензи и восточной группой существуют заметные различия. Эскимосы Гренландии значительно изменились под влиянием контактов с европейцами. Группа, о которой идет речь в сказке, — это эскимосы Баффиновой Земли, большого острова, простирающегося от пролива Гудзона на север и образующего западное побережье пролива Дэвиса и залива Баффина, в частности восточного побережья острова. Общее число людей, проживающих в этой области, не превышает 400.

Жители этих деревень совершают дальние путешествия и вступают в контакт с коренными жителями северного побережья Гудзонова залива и материка к северо-западу от Гудзонова залива. Им известны только эскимосские племена.

Основные описания этих племен можно найти в следующих публикациях:

БОАС, Франц. Центральные эскимосы (6-й годовой отчет Бюро этнологии, Вашингтон, 1888).

Эскимосы Баффиновой Земли и Гудзонова залива (Бюллетень, т. XX, Американский музей естественной истории, Нью-Йорк, 1901, 1907).

Другие важные публикации можно найти в библиографиях, приложенных к этим томам. Наиболее важная недавняя публикация об эскимосах Гренландии:

ТАЛЬБИЦЕР, Уильям. Эскимосы Аммассалик; Meddelelser om Gronland, т. XXXIX, Копенгаген, 1914.

ПРИМЕЧАНИЯ ИЛЛЮСТРАТОРА

Такес-те-пайп, воин из племени кроу

В центре — пара поясов Crazy-Dog. Также фигуры, связанные с видениями воина — луна, буйвол, медведь. Палка, используемая Обществом молота; палка, используемая для подсчета «купов»; палка, втыкаемая в землю претендентом на звание вождя, когда он ведет в бой. Вверху — мотыльки, которые мальчик прижимал к груди; мокасины Takes-the-pipe; внизу — его захваченные лошади. По бокам — кожаный орнамент, который носят шаманы племени Crow.

Курящая звезда, шаман племени блэкфут

Вигвам шамана племени блэкфут на берегу озера у подножия холмов. По краю — типичный узор из бисера. Внизу — трубка шамана, пакет с лекарствами, жезл, используемый шаманом, и бобры.

Маленький волк присоединяется к шаманскому домику

В центре — шаманская хижина с крышей из березовой коры; стены — вертикальные палки. По бокам — шаманские сумки из выдранной кожи. Внизу — церемониальный барабан из дерева, обтянутый натянутой оленьей кожей. Шаманская трубка. Раковины, используемые в «стрельбе лекарством», с бусы из бисера. Вверху — тыквенные шаманские погремушки. Узоры взяты из типичных бисерных изделий и окрашенных матов, используемых в хижинах.

Грозовая туча, шаман виннебаго, рассказывает и молится

В центре — существа, призываемые в молитвах, появляющиеся в дыме от лекарственной трубки. Украшение, типичная бисерная вышивка.

Как следует воспитывать детей мескwaки

В центре на заднем плане — типичные бисерные украшения. В центре — воинское украшение на шею с медвежьими когтями; женское ожерелье из кости и бисера; внизу — скрещенные боевой дубинка и палка, используемая в игре с мячом. По бокам — бисерные цилиндры, через которые продевают женские волосы; длинные ремешки свисают как украшения. Типичные мокасины.

В стране монтанье

Индеец, призывающий лося с помощью рога из березовой коры. Вверху — церемониальный ремень для переноски. Снегоступы. По бокам — ножи, наконечник копья, рыболовный крючок. Внизу — корзины из березовой коры, деревянные ложки, церемониальная трубка. Узоры — типичная бисероплетение.

Висящий цветок, ирокезы

Четыре маски, используемые Обществом ложных лиц. Медицинская погремушка из черепащего панциря. Томагавки и боевые дубинки. Высокая корзина и деревянный пестик, используемый женщинами для измельчения кукурузы.

Грозовая сила Грохочущих крыльев

Грохочущие Крылья призывают Громовую Птицу. Внизу — маленькая маска, которую носит Грохочущие Крылья. Боевые дубинки.

Токулки из Талсы

Вверху по бокам — мешочки с бисером. По бокам — ткань с бисерным орнаментом. Внизу — церемониальный барабан из глины, обтянутый оленьей кожей; палки для игры в мяч; мячи; ложки; головной убор из белых оленьих волос и перьев, который носят игроки в мяч. В центре — отсылка к мифу о том, что затмение солнца вызывает гигантская жаба. По бокам от центра — лечебные погремушки из тыквы и резной каменный трубочка.

Стройная девушка из племени апачей

Вверху по центру — маска с веерообразным орнаментом, которую носят во время танца. Девичья рубашка из оленьей кожи; под ней — подвесная украшение, которое она носит на талии. Корзина апачей. По бокам рубашки — украшения из ткани и вырезанной кожи. Другие украшения — типичные бисерные изделия. Окантовка из дубовых листьев указывает на использование апачами желудей.

Когда Джон-ювелир заболел

В центре — часть одной из песчаных картин народа навахо, созданных для церемонии исцеления. Фигуры — сверхъестественные существа, центральные объекты символизируют растущий кукурузу, а изогнутая прямоугольная фигура — радугу. В четырех углах — танцевальные маски, используемые в той же церемонии, а внизу — ковер, на котором лежат различные церемониальные предметы, что является особенностью этой церемонии.

Вайяутица из Зуни, Нью-Мексико

Фигура является условным изображением того, как девушки опускают челку на лицо во время танца; нарисованный плоский головной убор, который они носят во время танца урожая, и таблички, которые они держат в каждой руке. Кувшин, из которого вырастает фигура, является типичным кувшином для воды племени Зуни. Чаша вверху — священная чаша для еды. Боковые бордюры взяты из алтарных росписей и изображают дух животных. Молитвенные палочки.

Картинки зуни

Фон и бордюры — перефразировка церемониального одеяла, сотканного хопи. Внизу — ящик с зазубренной палкой наверху, используемый в церемонии поглощения мечей. Над ним — изображение бога войны. Палки с индюшиными перьями — это «мечи», которые поглощаются. Маски зуни.

Дни Хавасупаи

Вид на каньон Катаракта. Лук и кожаные колчаны. Глиняные миски для приготовления пищи. Роговые черпаки. Корзина для переноски.

Земляной язык, мохаве

Вид на Нидлс, на реке Колорадо. Вверху: пауки, скорпион, муравей, змея. Два ворона. Внизу: лук, стрелы, боевые дубинки, глиняная посуда.

Главный певец тепекано

Пейзаж отражает веру в вездесущность священного змея в проявлениях природы: грозовые облака, дождь, родники, реки, ветер. Ястреб — священная птица. Орнамент типичен для богатого разнообразия узоров; здесь в основном использованы символы дождя или воды. Колоски кукурузы, а под щитом — традиционное изображение кресала для разжигания огня.

Дублер Тескатлипоки

Фон — реконструкция исчезнувшего храма в Мехико; данные об этом очень скудны. Вверху — большой каменный ацтекский календарь. По бокам — мотив змеи. Внизу — сохранившаяся резьба или валун, на котором запечатлено взятие Куэрнаваки.

Как Холон Чан стал истинным человеком своего народа

На основе сохранившихся остатков храмов и различных деталей того же периода здесь была восстановлена форма и цвет, которые, вероятно, характеризовали дверной проем, в котором стоял Холон Чан на закате. Его фигура была воссоздана примерно таким же образом: на основе описания автора и очень сложных и условных деталей скульптур.

Тольтекский архитектор Чичен-Ицы

В центре — каменное кольцо, через которое в игре в мяч бросали мяч. На заднем плане — деталь большого цветного фриза на внутренних стенах одного из храмов. По бокам — каменные колонны, изображающие Пернатого Змея, по обе стороны от дверного проема храма Игровой площадки. Вверху — два условных пернатых змея.

Викси из народа Шеллмаунд

Пейзаж — курган Эллис-Айленд в заливе Сан-Франциско. Внизу — подвески из ракушек, ожерелья, рыболовные крючки, бусы.

Все проблемы вдоль Кламат

Вид на Кламат. Типичные узоры.

Саячапис, торговец из племени нутка

По бокам изображены человеческие фигуры на деревянных столбах дома. Вверху — две маски: слева — маска мифической птицы, справа — маска волка. В центре — барабан нутка, расписанный символами Громовой птицы, Пернатого змея и Кита. Фигуры на заднем плане — стилизованные киты. Внизу — маска, изображающая каракатицу. За ней Саячапис гребет на каноэ. По бокам изображены расписные весла и дубинки, которые использовались для охоты на тюленей.

Крики за лососем, женщина из племени тена

Вверху — две танцевальные маски. Внизу — деревянные чаши. В центре — церемониальная фигура, изображающая лосося. Женская сумка, сделанная из рыбьей кожи, вышитая и расписанная. Костяные шила. Два маленьких украшения по бокам в центре — шпильки.

Эскимосская зима

Арктический заяц, тундряная куропатка, тюлень. Внизу — кормящийся карибу. Над ними — каяк. По краям — копыя для ловли рыбы и тюленей, луки и стрелы, ножи для снятия шкуры.

Сноски:

[1] В этой связи не следует упускать из виду недавнюю историю Гринелла о шайенах «Где бегали бизоны». Ред.

[2] Значение: «звезда, которая курила мою трубку».

[3] В 1832 году недалеко от нынешнего места расположения Форт-Бентона, штат Монтана, был основан пост, известный как Форт Маккензи. В 1833 году его посетил известный немецкий путешественник Максимилиан, принц Видский, в сопровождении художника Чарльза Бодмера. Максимилиан дает нам интересное и подробное описание своих путешествий по стране Миссури и является первым, кто дает нам хорошую информацию о культуре черноногих. См. его книгу *«Путешествия по внутренним районам Северной Америки»*, переведенную Х. Э. Ллойдом, Кливленд, 1906 г.

[4] Рукопись предоставлена г-ном Стюартом Кулином.

[5] У меня сложилось впечатление, что церемонии, которые доктор Вашингтон Мэтьюз наблюдал несколько лет назад в Форт-Дефайанс, были посвящены племени Йес из Полукрасного дома, но мотив этих церемоний и церемоний племени Йес из Полубелого дома одинаков, а обряды и песни очень похожи.

[6] Именно эта биография, первоначально опубликованная в «The Scientific Monthly» (ноябрь 1919 г.) и теперь переработанная, подсказала нам обширный биографический план этой книги. Ред.

[7] Фрэнк Гамильтон Кушинг. Тенатали, одно из лекарственных растений, было его именем на языке зуни.

[8] Бренди из агавы.

[9] Тыквенная чашка.

[10] Кукурузная мука.

[11] Трава Джеймстаун.

[12] Шали.

[13] Двенадцать центов.

[14] Приготовленная кукурузная мука, завернутая в кукурузную шелуху.

[15] Тыквенная бутылка.

[16] По просьбе автора текст не редактировался. — Е. С. Р.

[17] Какая интересная иллюстрация того, как на обычаи и верования может повлиять изменение материальной культуры, вызванное контактами с иностранцами!

[18] Священник Дж. Жетте отмечает, что среди женщин племени тена распространено особое страх перед медведями, и делает вывод, что этот страх обусловлен сказками о медведях, в которых медведь представлен как особо враждебный к женщинам. Точка зрения, что сказка является результатом страха, также вполне обоснована.

[19] За исключением нескольких случаев, примечания к этому приложению были предоставлены соответствующими авторами сказок.

[20] В сотрудничестве с Джоном В. Саттерли, представителем племени меномини.

[21] См. «Священная стая совов индейцев Фокс». Бюллетень 72, Вашингтон, 1921.

Примечания переписчика:

Пустые страницы были удалены.

Удален лишний титульный лист.

Типографские ошибки исправлены без уведомления.

Обеспечена единообразная орфография и деление слов по слогам.

Исправлен неправильно размещенный текст в хронологии мая.

В HTML-версии карта в конце книги содержит ссылку на версию с более высоким разрешением.

